ISSN (Print) 2541-8831
ISSN (Online) 2619-0540

Концепт: Concept:

философия, religion, культура

Том 4
№ 4 2020

Volume 4
No 4 2020

А.А. Абрамов
РЕЛИГИОЗНО-ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ЭКСПЕРТНЫЕ ОЦЕНКИ И ПОЗИЦИЯ ВАТИКАНА

Е.В. Кухарева
«ЗОЛОТО ЧИСЕЛ» В АРАБСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Том 4, № 4 2020

Концепт: философия, религия, культура

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ НАУЧНО-РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ
https://concept.mgimo.ru

«Концепт: философия, религия, культура» — рецензируемое научное издание, ориентированное на широкую профессиональную и читательскую аудиторию: международное сообщество исследователей культуры, профессорско-преподавательский состав, студентов и аспирантов, экспертов-практиков.

Цели и задачи журнала:

1. Публиковать результаты оригинальных исследований роли культуры в международных отношениях. Особое внимание уделяется изучению культурного разнообразия, а также современным аспектам взаимодействия культур. Приветствуются кейсы, связанные с проблемами регионального уровня, определяющего культурный потенциал стран на международной арене.
2. Формировать международную площадку обмена опытом академических и полевых исследований в области истории, теории и философии культуры. Журнал опирается на действующую в МГИМО секцию «Межкультурная коммуникация» Российской ассоциации международных исследований, которая регулярно собирает ведущих российских и зарубежных исследователей культуры, а также молодых учёных разных стран, интересующихся этой проблематикой.
3. Развивать интеллектуальные контакты исследователей культуры вне зависимости от политико-идеологического контекста, вести открытую научную дискуссию по проблемам интерпретации культур и перспективных методов их изучения. Приветствуются междисциплинарные проекты, включая лингвокультурологию и анализ прикладных вопросов межкультурной коммуникации.

Решению этих задач подчинена структура основных рубрик исследовательских статей: «Философия», «Культурология», «Религиоведение», «Межкультурная коммуникация», «Культура и искусство».

Предметные области журнала.

В журнале публикуются исследования по двум предметным областям изучения культуры согласно международному классификатору ASJC — Arts&Humanities и Social Sciences:
философия (Philosophy, Religious studies) и культурология (Cultural studies).

Согласно классификатору Высшей аттестационной комиссии России, журнал принимает к публикации статьи по двум направлениям – философия и культурология; которые распределены по следующим научным специальностям:

- 09.00.14 – Философия религии и религиоведение (философские науки)
- 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры (философские науки)
- 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология)
- 24.00.01 – Теория и история культуры (философские науки)

Географический охват.

Авторы, члены редакционной коллегии и рецензенты журнала представляют такие страны, как Россия, Великобритания, Италия, Китай, Сербия, США, Япония, Иран, Испания и др. Статьи принимаются на русском и английском языках.

Адрес редакции:
119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, к. 4114 а.
Тел./ факс. +7 495 234-83-48
Веб-сайт: https://concept.mgimo.ru
E-mail: concept@mgimo.ru

Статьи направлять по адресу:
https://concept.mgimo.ru/jour/author/submit/1

© Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, к. 4105
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-67951 от 06 декабря 2016 г.

Подписано в печать 20.12.2020
Тираж 500 экз. Объём 18,885 п.л.
Заказ 891

Префикс DOI: 10.24833

Выходит 4 раза в год.

Главный редактор: **Ю.П. Симонов (Вяземский)**

Редактор-консультант: **М.А. Мунтян**
Шеф-редактор: **А.А. Королева**
Ответственный секретарь: **И.А. Чупрова**
Редакторы: **Н.Н. Изотова, В.И Коннов, А.В. Андрийчук**
Дизайн и вёрстка: **Д.Е. Волков**
Администратор сайта: **А.В. Заборников**

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.
119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76

Журнал основан в 2017 году. В 2020 году был осуществлён переход на нумерацию по томам.

Цена свободная.

Дата выхода в свет первого номера: 20.03.2017

ISSN (Print): 2541-8831
ISSN (Online): 2619-0540

Транслитерированное название: Kontsept: filosofiya, religiya, kultura

Volume 4 No 4 2020

Concept: philosophy, religion, culture

MGIMO University

Room 4105, 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation

Published since 2017
Issued 4 times a year

ISSN (Print) 2541-8831
ISSN (Online) 2619-0540

DOI: 10.42833
https://concept.mgimo.ru

Concept: Philosophy, Religion, Culture is a peer-reviewed scientific periodical addressed to a wide professional and general audience, international community of cultural scholars, academic teachers, students, post-graduates and expert practitioners.

Aims and scope:

1. To publish the findings of original research on the role that culture plays in international relations. Particular attention is dedicated to the analysis of cultural diversity and modern aspects of the interaction of cultures. The cases relative to regional issues that shape the countries' cultural potential in the world arena are welcomed.
2. To establish an international platform aimed at exchanging academic and field research experience in history, cultural theory and the philosophy of culture. The journal is supported by the Russian International Studies Association (RISA) section *Cross-Cultural Communication* that regularly brings together the Russian and international leading cultural scholars and young international scholars interested in these topics.
3. To promote intellectual contacts among cultural scholars regardless of political and ideological context, to hold open scientific discussions on the issues concerning the interpretation of cultures and the search for promising methods of studying these phenomena. Interdisciplinary projects, including those concerning linguistic and cultural studies and applies problems of intercultural communication are welcomed.

To meet these aims, research papers of the journal are organized into sections: Philosophy, Cultural Studies, Religious Studies, Intercultural Communication, Culture and Art.

Subject Area and Subject Categories

The journal publishes articles in two subject areas of the *ASJC* international classification *Arts and Humanities (Philosophy, Religious Studies)* and *Social Sciences (Cultural Studies)*.

The papers of the *Concept: Philosophy, Religion, Culture* journal should represent such branches of science within the classification of the Russian Higher Attestation Commission: *Philosophy and Cultural Studies,* in particular

- 09.00.14 – Religious Philosophy and Religious Studies (Philosophy)
- 09.00.13 – Philosophical Anthropology and Philosophy of Culture (Philosophy)
- 24.00.01 – Theory and History of Culture (Philosophy)
- 24.00.01 – Theory and History of Culture (Cultural Studies)

Geographical Scope

The authors, editorial board members and reviewers represent such countries as Russia, the UK, Italy, China, Serbia, the USA, Japan, Iran, Spain and other states. The journal accepts papers written in Russian and English.

Contents

Editor-in-chief monologue: Presenting the Issue 6

RESEARCH ARTICLES

PHILOSOPHY

THE THEME OF THE ISSUE: SCIENCE AND EDUCATION IN THE *NEW REALITY*: VALUE FOUNDATIONS AND SEMANTIC TRANSFORMATIONS

Zuev K.B. Cultural Components of Resilience of a Scientific Community 7

Konnov V.I. Engineering Psychology in the Cultural Context of the Soviet Science of the 1960s: The Experience of Boris Lomov's Research Program 17

Ostapenko S.M. Cultural and Educational Environment in the Global Era: Heuristic Potential for Reaching Integrity 31

Maksimenko O.I., Evgrafova Yu.A. Inherent Features and the Root Process of the Screen Text as the Audio- Visual Simulation of Reality 46

RELIGIOUS STUDIES

Sidakova M.O. Interpretation of the Concept of *Religious Syncretism* in Western European and Russian Researches 57

Abramov A.A. Religious and Ethical Issues of Artificial Intelligence: Expert Assessments and the Vatican Position 68

CULTURAL STUDIES

Zimenko T.V. The Concept of Taste in South Korea: Historical, Cultural, Aesthetical and Philosophical Aspects. 83

Kukhareva E.V. The *Gold of Numbers* in Arabic Folklore 102

INTERCULTURAL COMMUNICATION

Zaburdaeva E.V. Sociocultural Analysis of Millennials in Russia. 122

Kolokoltseva E.V. Conceptualizing the strategies of representing the image of Russia: History and Evolution (communicative aspects) 135

CULTURE & ART

Grantseva E.O. *Horrors of War* in the Context of the Fine Arts Transformation of the XX Century 147

Bezzubova O.V., Dvoinikova P.A., Smirnov A.V. School in the Soviet Painting of the 1950s: Pictorial Representation of Ideological Strategie 158

BOOK REVIEWS

Anikeeva N.E. Book Review: Tamames R.G. 2018. *¿Adónde vas Cataluña? Cómo salir del laberinto independentista* [Where are you Going, Catalonia? How to Get out of the Labyrinth of Separatism]. Barcelona: Ediciones Peninsula. 434 p. 170

Ulanova A.E. Ken Wilber's *Integral Spirituality*. Book Review: Wilber K. 2006. Integral Spirituality: A Startling New Role for Religion in the Modern and Postmodern World. Ramnagar, Kanhangad, Kerala: Integral Books. 313 p. (Russ. ed.: Wilber K. 2020. Integral'naia dukhovnost'. Novaia rol' religii v sovremennom i postsovremennom mire. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber. 384 p.) 172

SCIENTIFIC LIFE

Khvan M.S. International Scientific Conference *VII Camões Readings* 174

Osetrova M.E. The Situation with South Korean Literature in Russia as a Marker of the Current State of Intercultural Communication 178

Содержание

МОНОЛОГ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: Представляю номер 6

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

ФИЛОСОФИЯ

ТЕМА НОМЕРА: НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ В «НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ»: ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ И СМЫСЛОВНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Зуев К.Б. Культурные компоненты жизнеспособности научного сообщества. 7

Коннов В.И. Инженерная психология в культурном контексте советской науки 1960-х гг.: опыт исследовательской программы Бориса Ломова 17

Остапенко С.М. Культурно-образовательная среда в глобальную эпоху: эвристический потенциал достижения целостности 31

Максименко О.И., Евграфова Ю.А. Неотъемлемые свойства и корневой процесс экранного текста как аудио-визуальной симуляции реальности 46

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Сидакова М.О. Интерпретация концепта «религиозный синкретизм» в западноевропейских и российских исследованиях 57

Абрамов А.А. Религиозно-этические проблемы искусственного интеллекта: экспертные оценки и позиция Ватикана 68

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Зименко Т.В. Концепт вкуса в современной Южной Корее: историко-культурный и эстетический аспекты 83

Кухарева Е.В. «Золото чисел» в арабском фольклоре 102

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Забурдаева Е.В. Анализ социокультурных особенностей поколения миллениалов в России 122

Колокольцева Е.В. Концептуализация стратегий презентации образа России: история и эволюция (коммуникативные аспекты) 135

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

Гранцева Е.О. «Ужасы войны» в контексте визуальной революции XX века 147

Беззубова О.В., Двойникова П.А., Смирнов А.В. Школа в советской живописи 1950-х гг.: репрезентация педагогической модели 158

РЕЦЕНЗИИ

Аникеева Н.Е. ПО КАКОМУ ПУТИ ПОЙДЕТ КАТАЛОНИЯ? Рецензия на книгу: Tamames R.G. 2018. *¿Adónde vas Cataluña? Cómo salir del laberinto independentista.* Barcelona: Ediciones Peninsula. 434 p. 170

Уланова А.Е. «Интегральная духовность» Кена Уилбера. Рецензия на книгу. 172

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хван М.С. Международная научная конференция «VII Камоэнсовские чтения». 174

Осетрова М.Е. Положение южнокорейской литературы в России как маркер современного состояния межкультурной коммуникации 178

Concept: philosophy, religion, culture
© MGIMO University
The jornal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor). Certificate of registration of mass media PI No. FS77-67951 dated December 6, 2016. Date of publication of the first issue: 03.20.2017. In 2020 a transition was made to numbering by volume.

The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications that publish the main scientific results of dissertations for the degree of candidate and doctor of sciences in three, according to the classifier of the Higher Attestation Commission of Russia, areas of scientific specialties: 09.00.13. Philosophical anthropology, philosophy of culture; 09.00.14. Philosophy of religion, religious studies; 24.00.01. Theory and history of culture.
Content is licensed under Creative Commons Attribution 4.0
Printed in the Department of operational printing and multiplying equipment MGIMO MFA of Russia. 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454. Edition of 500 copies. Volume 18,885 p.l. Order 891
Mailing Address: Room 4114a, 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, the Russian Federation/ Phone/fax: +7 495 234-83-48.
E-mail: concept@mgimo.ru
Cost: free price.

INTERNATIONAL ADVISORY COUNCIL

Anatily V. Torkunov – Doctor of Political Sciences, Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Rector of MGIMO University (Russia)
Boris Bratina – Doctor of Philosophy, Professor, University of Priština (Kosovska Mitrovica, Serbia)
Abdusalam A. Guseynov – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philosopy, Russian Academy of Science (Russia)
Philip T. Grier – PhD (Philosophy), Professor, Dickinson College (Pennsylvania, USA)
Stefano M. Capilupi – PhD (Philosophy), PhD (Philology), Professor, University of Rome «La Sapienza», St. Petersburg Polytechnic University, Russian Christian academy for the humanities (Italy)
Vladimir R. Legoyda – PhD (Political Sciences), Docent, MGIMO University. Chairman of the Holy Synod Department for Church, Society and the Mass Media Relations of the Russian Orthodox Church (Russia)
Slavenko Terzić – Doctor of History, Professor, Corresponding Member of the Serbian Academy of Sciences and Arts, Belgrade Institute of History (Serbia)
Sergey V. Chugrov – Doctor of Sociology, Professor, MGIMO University, Editor-in-chief of the scientific journal «Polis. Political Studies» (Russia)
Aleksey V. Shestopal – Doctor of Philosophy, Professor, MGIMO University (Russia)
Vladimir S. Glagolev – Doctor of Philosophy, Professor, MGIMO University (Russia)
Tatiana M. Gurevich – Doctor of Cultural Studies, Docent, MGIMO University (Russia)
Yaroslav L. Skvortsov – PhD (Sociology), MGIMO University (Russia)
Nina D. Afanasyeva – PhD (Pedagogical Sciences), Docent, MGIMO University (Russia)

EDITORIAL BOARD

Evgeny I. Arinin – Doctor of Philosophy, Professor, Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich (Russia)
Lioudmila G. Vedenina – Doctor of Philology, Professor, MGIMO University (Russia)
Thomas J. Garza – Doctor of Philosophy, Professor, University of Texas (USA)
Irina Deretić – Doctor of Philosophy, Professor, University of Belgrade (Serbia)
Konstantin M. Dolgov – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy RAS (Russia)
Sergey B. Zelenev – PhD (Economics), Professor, Special Representative of International Council on Social Welfare (ICSW) to the United Nations in New York (USA)
Alexander V. Kamenets – Doctor of Cultural Studies, Professor, Russian State Sociological University (Russia)
Irina G. Kargina – Doctor of Sociology, Professor, MGIMO University (Russia)
Janet Clare – PhD (Philology), Professor, University of Hull (UK)
Lidia I. Kirsanova – Doctor of Philosophy, Professor, Far Eastern Federal University (Russia)
Alina A. Koroleva – PhD (Cultural Studies), MGIMO University (Russia)
Sergey D. Lebedev – PhD (Sociology), Docent, Belgorod State University (Russia)
Marcos Pablo Moloeznik – PhD (Law), Professor, University of Guadalajara (Mexico)
Vladimir V. Mironov – Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of RAS, Lomonosov Moscow State University (Russia)
Nelly V. Motroshilova – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy of RAS (Russia)
Mikhail A. Muntian – Doctor of History, Professor, MGIMO University (Russia)
Elena A. Ostrovskaya – Doctor of Sociology, Professor, Saint Petersburg University (Russia)
Adrian Pabst – PhD (Political thought and philosophy of religion), Professor, University of Kent (UK)
Aleksey A. Romanchuk – Researcher at the Institute of Cultural Heritage (Republic of Moldova)
Yury P. Simonov (Viazemsky) – PhD (History), Professor, MGIMO University (Russia)
Margarita V. Silantyeva – Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Philosophy, Professor, MGIMO University (Russia)
Sanami Takahashi – PhD (Philosophy), Associate Professor at the Faculty of Human-Environment Studies, Kyushu University (Japan)

EDITORIAL OFFICE

Editor-in-Chief: **YU.P. SIMONOV (VIAZEMSKY)**
Editor-in-Charge: **A.A. KOROLEVA**
Deputy Editor-in-Chief: **N.D. AFANASYEVA, M.V. SILANTYEVA**
Executive secretary: **Irina. A. Chuprova** – PhD (Philosophy), MGIMO University (Russia)
Editors: **Vladimir I. Konnov** – PhD (Sociology), MGIMO University (Russia)
Nadezda N. Izotova – PhD (cultural studies), MGIMO University (Russia)
Alexander V. Andiichuk – RANEPA (Russia)
Designer, Coder: **Dmitriy E. Volkov** – MGIMO University (Russia)
Site Administrator: **Andrey V. Zabornikov** – MGIMO University (Russia)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Анатолий Васильевич Торкунов – д.полит.н., профессор, академик РАН, ректор МГИМО МИД России (Россия)
Борис Братина – д. философии, Приштинский университет (Косовская Митровица, Сербия)
Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов – д.филос.н., профессор, академик РАН, Институт философии РАН (Россия)
Филип Т. Гриер – PhD (философия), Дикинсон колледж (Пенсильвания, США)
Стефано М. Капилупи – к.филос. н., PhD (Филология), Римский государственный университет «Ла Сапьенца», Политехнический университет имени Петра Великого, РХГА (Италия)
Владимир Романович Легойда – к.полит.н., доцент, МГИМО МИД РОССИИ, Синодальный отдел РПЦ по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ (Россия)
Славенко Терзич – д.и.н., профессор, член-корреспондент Академии наук Сербии, Исторический институт Белграда (Сербия)
Сергей Владиславович Чугров – д.социол.н., профессор, МГИМО МИД России, редактор научного журнала «Полис. Политические исследования» (Россия)
Алексей Викторович Шестопал – д.филос.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия)
Владимир Сергеевич Глаголев – д.филос.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия)
Татьяна Михайловна Гуревич – д. культурологии, к. филол. н., доцент, МГИМО МИД России (Россия)
Ярослав Львович Скворцов – к.социол.н., МГИМО МИД России (Россия)
Нина Дмитриевна Афанасьева – к.пед.н., МГИМО МИД России (Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Евгений Игоревич Аринин – д.филос.н., профессор, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (Россия)
Людмила Георгиевна Веденина – д.филол.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия)
Томас Х. Гарза – д. философии, профессор, Университет штата Техас (США)
Ирина Деретич – д. философии, профессор, Белградский университет (Сербия)
Константин Михайлович Долгов – д.филос.н., профессор, Институт философии РАН (Россия)
Сергей Борисович Зеленев – к.э.н., профессор, Совет по общественному благосостоянию (Нью-Йорк, США)
Александр Владленович Каменец – д.культурологии, профессор, РГСУ (Россия)
Ирина Георгиевна Каргина – д.социол.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия)
Джанэт Клэр – PhD (филология), профессор, Университет г. Гулл (Великобритания)
Лидия Игнатьевна Кирсанова – д.филос.н., профессор, ДВФУ (Россия)
Алина Алексеевна Королева – к.культурологии, МГИМО МИД России (Россия)
Сергей Дмитриевич Лебедев – к.социол.н., доцент, НИУ БелГУ (Россия)
Маркус Пабло Молоежник – PhD (право), профессор, Университет Гвадалахары (Мексика)
Владимир Васильевич Миронов – д.филос.н., профессор, член-корреспондент РАН, МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия)
Неля Васильевна Мотрошилова – д.филос.н., профессор, Институт философии РАН (Россия)
Михаил Алексеевич Мунтян – д.ист.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия)
Елена Александровна Островская – д.социол.н., профессор, СПбГУ (Россия)
Адриан Пабст – PhD (политические науки и философия религии), профессор, Кентский университет (Великобритания)
Андрей Алексеевич Романчук – н.с. Института культурного наследия (Республика Молдова)
Юрий Павлович Симонов (Вяземский) – к.ист.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия)
Маргарита Вениаминовна Силантьева – д.филос.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия)
Санами Такахаши – PhD (философия), Университет Кюсю (Япония)

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: **Ю.П. СИМОНОВ (ВЯЗЕМСКИЙ)**
Шеф-редактор: **А.А. КОРОЛЕВА**
Зам. главного редактора: **Н.Д. АФАНАСЬЕВА, М.В. СИЛАНТЬЕВА**
Ответственный секретарь: **Ирина Александровна Чупрова** – к.филос.н., МГИМО МИД России (Россия)
Редакторы: **Владимир Иванович Коннов** – к.социол.н., МГИМО МИД России (Россия)
Надежда Николаевна Изотова – к.культурологии, МГИМО МИД России (Россия)
Александр Владимирович Андрийчук РАнХиГС (Россия)
Дизайн и верстка: **Волков Дмитрий Евгеньевич** – МГИМО МИД России (Россия)
Администратор сайта: **Заборников Андрей Витальевич** – МГИМО МИД России (Россия)

МОНОЛОГ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: ПРЕДСТАВЛЯЮ НОМЕР

В условиях глобальной пандемии предметом острейших дискуссий всё чаще становится такая форма трансляции культурного наследия, как образование. Эпицентр этих дискуссий — вопросы *культуры* и *общения*, обнажившие проблемность ускоренного перехода к вееру дистанционных форм обучения. «Концепт» включился в эти дискуссии, обозначив связь новейших технологий (**Ольга Максименко, Юлия Евграфова** «Неотъемлемые свойства и корневой процесс экранного текста как аудио-визуальной симуляции реальности») с процессами пересоздания культурно-образовательной среды (**Светлана Остапенко** «Культурно-образовательная среда в глобальную эпоху: эвристический потенциал достижения целостности») и путями поддержания жизнеспособности научных сообществ (**Константин Зуев** «Культурные компоненты жизнеспособности научного сообщества»). Изучение кейсов в данном контексте (**Владимир Коннов** «Инженерная психология в культурном контексте советской науки 1960-х гг.: опыт исследовательской программы Бориса Ломова») дополнил интерес авторов текущего номера к отражению принципиального вопроса о цели и ценности образования — и в целом культурной традиции — в искусстве (**Ольга Беззубова, Полина Двойникова, Алексей Смирнов** «Школа в советской живописи 1950-х гг.: репрезентация педагогической модели»), политике (**Александр Абрамов** «Религиозно-этические проблемы искусственного интеллекта: экспертные оценки и позиция Ватикана»; **Татьяна Зименко** «Концепт вкуса в современной Южной Корее: исторический и эстетический аспекты») и межкультурной коммуникации (**Елена Забурдаева** «Анализ социокультурных особенностей поколения миллениалов в России»; **Екатерина Колокольцева** «Концептуализация стратегий презентации образа России: коммуникативные аспекты»). Центральным стал вопрос о соответствии механизмов наследования культурных смыслов тем задачам, которые ставит перед обществом новое (будем оптимистами!) постковидное время. Хотел бы обратить внимание наших читателей: помимо исследовательских статей, «Концепт» публикует в отдельных рубриках («Рецензии» и «Научная жизнь») небольшие по формату, но, на мой взгляд, очень интересные заметки информационного свойства. На этот раз освещается такое событие, как выход из печати русского перевода «Интегральной духовности» Кена Уилбера, а также проведение ряда научных мероприятий и выставок, напрямую связанных с темой взаимодействия культур. Хорошее прощание с уходящим годом, полным не только тревог и горестей, но и неожиданно интенсивной международной научной жизни.

Юрий Симонов (Вяземский)

УДК 130.2 001.892 https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-7-16

КУЛЬТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА

К.Б. Зуев

Зуев Константин Борисович — начальник отдела по связям с общественностью ИП РАН. 129366, Москва, ул. Ярославская, 13, к. 1. E-mail: zuevkb@ipran.ru

Зуев К.Б. 2020. Культурные компоненты жизнеспособности научного сообщества. *Концепт: философия, религия, культура.* Том 4. № 4. С. 7–16. https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-7-16

Статья поступила в редакцию: 21.09.2020. Принята к публикации: 03.12.2020.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00928а

В статье рассматривается новое для отечественной науки понятие «жизнеспособность научного сообщества». Актуальность введения в научный оборот данного понятия обосновывается как внешними причинами (реформа науки), так и внутренними (необходимость рефлексии научно-организационных процессов). При этом именно термин «жизнеспособность» («resilience») представляется наиболее адекватным для описания внутринаучных процессов, так как позволяет описывать не только отдельного учёного, но и научное сообщество в целом. Данный тезис иллюстрируется кратким обзором исследований по жизнеспособности организаций и жизнеспособности семьи. Сравнение предлагаемого понятия с категорией «субъект» показало, что для научного психологического сообщества основные критерии группового субъекта (взаимосвязанность и взаимозависимость индивидов в группе, способность группы проявлять различные формы совместной активности, способность группы к саморефлексии) могут быть успешно применены, но являются недостаточными для проведения конкретных эмпирических исследований. Термин «жизнеспособность научного сообщества» необходимо рассматривать во временном континууме, выделяя характерные признаки в зависимости от исторической эпохи. Проводить конкретные исследования предлагается в следующих областях: отношение учёных к финансированию, научно-организационная культура, отношение учёных к будущему и формирование позитивного образа будущего, социальные представления о науке и взаимодействие со СМИ. Отношение к финансированию раскрывается через отношение к своему финансовому положению, а также через изучение дилемм стабильного/конкурсного финансирования. Научно-организационная культура изучена через культуру научных публикаций, способ образования учреждений науки и их структурных подразделений. В заключении состояние современного психологического сообщества оценивается через кризис жизнеспособности в противовес кризису идентичности.

Ключевые слова: жизнеспособность, жизнеспособность научного сообщества, научная культура, история науки, социальные представления, взаимодействие науки и СМИ.

С сожалением приходится констатировать, что к рефлексии научной деятельности профессиональное сообщество обращается преимущественно в переломные моменты[1]. К таковым можно отнести распад СССР и проводимую в последние годы реформу РАН. И хотя в историческом плане эти события вряд ли сопоставимы, они практически с одинаковой силой активизировали дискуссии о месте фундаментальной науки в обществе и о процессах, происходящих в самой науке. В силу национальной специфичности (слабой интегрированности в мировое сообщество), малопонятному и к тому же постоянно ускользающему предмету и ряду других причин, особенно остро стоит вопрос о гуманитарных науках, в частности психологии. Состояние психологии в течение как минимум последних 100 лет оценивается как кризисное, о чём не пишет только ленивый. В данной статье хотелось бы вступить в дискуссию со статьями методолога А.М. Двойнина, в которых подробно изложены различные взгляды на кризис нашей отрасли и возможные пути выхода из него [Двойнин, 2015; 2016]. В этих же статьях предлагается оригинальный взгляд на процессы, происходящие в научном сообществе: «…можно предположить, что острые дискуссии современных российских психологов о состоянии, конечных целях и путях развития психологии не случайны — за констатациями кризиса в психологии отечественными учёными стоят социокультурные причины и внутренние переживания самого российского научного сообщества» [Двойнин, 2015: 98]. Подробно рассмотрев означенные переживания, автор делает вывод о кризисе идентичности российских психологов. Во многом разделяя точку зрения автора, хотелось бы отметить, что по всей видимости кризис носит более глубокий характер. Для рассмотрения процессов, происходящих в науке, мы предлагаем ввести термин — *жизнеспособность научного сообщества,* описанию которого и будет посвящена данная статья.

Жизнеспособность научного сообщества

Жизнеспособность — относительно новое для отечественной психологической науки понятие, которое находит отражение в работах А.В. Махнача, А.И. Лактионовой, Ю.В. Постыляковой, А.А. Нестеровой [Махнач, 2017; Лактионова, 2017; Нестерова, 2015; Постылякова, 2016]. В 2016 г. в издательстве «Институт психологии РАН» вышел первый в нашей стране сборник статей, целиком посвящённый жизнеспособности [Жизнеспособность человека, 2016].

В англоязычном научном мире разрабатывается термин «resilience», который переводится на русский язык как «жизнеспособность». Основание адекватности такого перевода подробно изложено в работах А.В. Махнача [Махнач, 2012] и здесь мы не будем останавливаться на этом вопросе. Изначально жизнеспособность исследовалась у детей, которые подвергались каким-либо сильным разовым или хроническим стрессорам. В последние годы наметился переход от моделей болезни к моделям здоровья: исследуются не столько проблемные дети, сколько те, которые успешно адаптировались к трудной ситуации или же успешно избежали её. Данный переход чрезвычайно важен для нашего рассмотрения, так как выживание научного сообщества во многом связано с умением реагировать не только на уже наступившие события, но и на те, которые только могут наступить.

Необходимо отметить, что «жизнеспособность» является «зонтичным» понятием и эмпирическое наполнение конкретного исследования во многом зависит от учёного, который его проводит. Так же термин носит ярко выраженный междисциплинарный характер. Если мы обратимся к истории исследования жизнеспособности, в том числе, в нашей стране, то увидим, что его использовали философ А.А Богданов, биолог И.И. Шмальгаузен и психолог Б.Г. Ананьев. В современных западных

[1] Исключение составляют специалисты в области науковедения и истории науки.

УДК 130.2 001.892

исследованиях жизнеспособности так же ярко выражен междисциплинарный тренд, что в частности, показал выполненный нами библиометрический анализ [Зуев, 2018].

Параллельно с разработкой индивидуальной жизнеспособности, исследователи обратили внимание на возможность использования данного понятия для описания групповых феноменов.

На данный момент можно выделить два направления разработок, которые практически не пересекаются между собой. Первое — исследования жизнеспособности семьи, второе — исследования жизнеспособности организаций. Хотя и то, и другое направления имеют ярко выраженный практико-ориентированный характер, всё же цели и задачи, которые ставятся пред исследователями, принципиально разнятся. Для нашей работы оба направления представляются важными по следующим причинам:

1. Исследования жизнеспособности семьи имеют ярко выраженную *культурную* специфичность (заметим, что это относится и к жизнеспособности индивидуальной);

2. Результаты, полученные в корпорациях, ближе по предмету к научному сообществу — и в том, и в другом случае речь идёт про эффективную профессиональную деятельность.

Существует несколько общих проблем для исследования групповой жизнеспособности, которые так же остро встают при исследовании научного сообщества. Первое: необходимо доказать, что как таковые групповые феномены обладают онтологическим статусом, т.е., что существует организация, семья и научное сообщество, как отдельные сущности, не сводимые к совокупности своих частей. В случае с семьёй и организацией ответ вроде бы очевиден. Однако же и среди специалистов, изучающих науку, есть точки зрения, позволяющие рассматривать научное сообщество в целом. В первую очередь это концепция М.Г. Ярошевского. Возникновение тех или иных научных идей или концепций не обусловлены, с его точки зрения, только научным поиском того или иного учёного. Очень важным является социальный процесс, в том числе окружение, референтная группа. Более чёткое рассмотрение научного сообщества (опять-таки на примере психологии) как единого целого представлено в трудах О.А. Артемьевой [Артемьева, 2015а; 2015б]. Кроме того, для российской науки характерна разработка категории «субъект», в том числе «коллективный субъект». Если встать на позицию исследователей коллективного субъекта, представляется правомерным рассмотрение научного сообщества как единого целого. Напомним, основные критерии коллективного субъекта, выделенные А.Л. Журавлевым: взаимосвязанность и взаимозависимость индивидов в группе, способность группы проявлять различные формы совместной активности, способность группы к саморефлексии [Журавлев, 2009]. Для научного сообщества данные критерии вполне применимы. Какими бы далёкими друг от друга не казались бы физик и философ, но научные знания порождаются в том числе синергией, казалось бы, совсем не связанных друг с другом областей. И в этом смысле можно говорить о взаимосвязанности и взаимозависимости индивидов в группе. Но есть и другой аспект: в рамках культурно-обусловленного, социально-регулируемого сосуществования учёных неизбежна институализация науки. И люди, так или иначе занимающиеся научной работой, оказываются связаны друг с другом на разных уровнях: в рамках лаборатории, организации, институции (например, РАН) и т.д. В глобальном смысле вся наука является единым коллективным субъектом. Второй критерий коллективного субъекта более сложный, но и он в полной мере относится к научному сообществу. А.Л. Журавлев выделяет два смысла «активности»: первый связан с дихотомией «активность» — «пассивность», а второй — как «способ существования (или в других терминах: проявления, реализации, бытия и т.д.) группы» [Журавлев, 2009: 74]. Нам представляется очевидным, что для учёных, как коллективного субъекта, или, если угодно, сословия, сама научная деятельность и является способом существования. Третий критерий группо-

вого субъекта — способность к рефлексии. Рефлексия на научную деятельность, как мы и указали в начале статьи, чаще всего возникает в критические периоды, обусловленные социальными процессами или логикой развития самой науки. Но и в относительно спокойные времена существуют люди, которые исследуют процессы, происходящие в науке. Соответственно, мы можем констатировать, что научное сообщество может быть рассмотрено как коллективный субъект, т.е., что важно для нашего исследования, обладает онтологическим статусом.

Возникает резонный вопрос: не является ли понятие «жизнеспособность» избыточным, учитывая возможность рассматривать научное сообщество как коллективный субъект? Ответ лежит в плоскости конкретных эмпирических исследований. Т.А. Нестик пишет: «В отличие от индивидуальной жизнеспособности, жизнеспособность группы обеспечивается межличностным и межгрупповым взаимодействием, она не сводима к личностным характеристикам членов группы. Жизнеспособность группы — это совокупность групповых характеристик и процессов, обеспечивающих адаптацию группы к меняющимся, труднопредсказуемым условиям совместной жизнедеятельности» [Нестик, 2016: 32].

Пока что исследования жизнеспособности группы ведутся преимущественно через исследования отдельных людей. Например, при изучении семьи исследуются характеристики каждого члена семьи, а не жизнедеятельность семьи в целом. Не понятно, где заканчивается жизнеспособность отдельного человека и начинается жизнеспособность группы (сообщества). У данного вопроса может быть несколько гипотетических решений:

1. Жизнеспособность группы возникает не сразу и основывается на жизнеспособности отдельных членов. Опираясь на данное решение, можно утверждать, что жизнеспособную группу могут создать только жизнеспособные люди, да и то не сразу, а через какое-то время совместной жизнедеятельности. Жизнеспособность группы является суммой индивидуальных жизнеспособностей. Индивидуальная жизнеспособность первична.

2. Жизнеспособность группы не является суммой индивидуальных жизнеспособностей, а соединяет в себе по принципу комплементарности все самое сильное в отдельных членах и таким образом создается принципиально новое образование. Люди с низкой индивидуальной жизнеспособностью могут представлять из себя жизнеспособную группу.

Подводя итог разделу, позволим себе ещё одну достаточно обширную цитату из статьи Т.А. Нестика: «Можно выделить несколько компонентов групповой жизнеспособности как социально-психологического феномена: ценностно-мотивационные (позитивные и отчётливые групповые цели, просоциальные ценности, групповое доверие), когнитивные (позитивная групповая идентичность, долгосрочный и позитивный образ коллективного будущего, групповая самоэффективность, коллективная память о совместном преодолении трудностей, представления о сценариях совместной деятельности в кризисных условиях), аффективные (оптимизм, позитивные эмоциональные состояния), поведенческие (нормы, регулирующие просоциальное поведение, взаимную поддержку, изменение ролевой и коммуникативной структуры, организацию внутригруппового и межгруппового взаимодействия в кризисных ситуациях; групповая ретроспективная и проспективная рефлексивность; ориентация на нормы, поддерживающие эмоциональную саморегуляцию группы, совладание с коллективной травмой; предпочитаемые способы использования личных сетей контактов для решения общегрупповых задач)» [Нестик, 2016: 33].

Целиком и полностью соглашаясь с вышесказанным, отметим, что жизнеспособность научного сообщества не ограничивается представленными компонентами. Ключевым (критериальным) для жизнеспособности науки является продуцирование новых подходов, концепций, идей и гипотез относительно устройства мира с их последующей эмпирической верификацией. Научное сообщество, не соответствующее этому критерию, заведомо является

нежизнеспособным.

Однако же сам по себе процесс научного творчества, формирования новых идей очень сложен и вывести его формулу пока не представляется возможным. Поэтому, говоря о жизнеспособном научном сообществе, мы будем говорить о тех процессах, которые способствуют развитию науки, в первую очередь о культурно-специфических научно-организационных процессах и о научной политике.

В качестве возможных составляющих жизнеспособности научного сообщества мы выделяем: изучение истории науки, с точки зрения исторической психологии; отношение учёных к финансированию науки; научно-организационный компонент жизнеспособности научного общества; отношение к будущему и времени; социальные представления о психологах и взаимодействие со СМИ. Коротко остановимся на каждом из этих компонентов.

Жизнеспособность научного сообщества в исторической ретроспективе и перспективе

Поскольку мы рассматриваем именно научное сообщество, обладающее своей спецификой, необходимо отметить, что поставленный вопрос имеет прямое отношение к *истории науки*. Каким бы банальным и избитым не был тезис, что без знания истории у нас нет будущего, повторим его ещё раз: без изучения факторов, способствовавших жизнеспособности в прошлом, мы не сможем построить жизнеспособную науку в настоящем и будущем. Исследования коллективной жизнеспособности в целом имеют временной аспект. Сложно выделить универсальные атрибутивные признаки жизнеспособной семьи, иными словами, ответить на вопрос: какая семья жизнеспособна? Более корректным представляется ответ на вопрос о признаках жизнеспособной семьи в ту или иную историческую эпоху. Аналогично и с исследованием научного сообщества. В той или иной форме наука существует уже не первую тысячу лет, но странно было бы говорить о сравнении жизнеспособности современной науки и науки времён Античности. Поэтому учёт исторического контекста при рассмотрении жизнеспособности науки представляется оправданным, особенно при рассмотрении *будущего* науки (на чём мы остановимся в соответствующем разделе).

Отношение к финансированию

Существует старый анекдот, который рассказывают про разные исторические личности, но от этого суть его не меняется. Смысл истории в том, что к неким учёным пришла некая особа, обличенная властью и, узнав о низких зарплатах служителей науки, пообещала исправить ситуацию в течение нескольких недель. Однако учёные отказались, сославшись на то, что тогда через несколько недель на их месте будут совершенно другие люди, не имеющие никакого отношения к науке. Сложно сказать, насколько правдива история, однако же изучения отношения к финансированию науки со стороны самих учёных не проводилось и результаты могут быть не совсем очевидными. Логично предположить, что специалисты, работающие в разных областях науки, будут недовольны своими зарплатами и другими аспектами финансирования науки (покупка оборудования, реагентов, расходных материалов и пр.). Но, с другой стороны, если провести более дифференцированное исследование, в частности предложить учёным дилемму между относительно небольшим финансированием, выделяемым на постоянной основе, и значительным, но выделяемым на конкурсной основе, то результаты могут быть не столь очевидными. В любом случае хотелось бы подчеркнуть, что данное исследование носило бы специфически-психологический характер и могло бы развивать классическую для нашей науки отрасль: психологию отношений [Позняков, 2012].

Научно-организационный компонент жизнеспособности научного сообщества

Организация науки зачастую рассматривается специалистами по науковедению как что-то вторичное, не имеющее отношение непосредственно к процессу получения

нового знания. Однако же, значительная часть указанного процесса является отражением научной культуры. Так, например, нами была изучена специфика культуры научных публикаций, включая цитирования, в России и западных странах [Зуев, 2016]. Проведено сравнение различий между российской и западной культурой научных публикаций на основе анализа таких особенностей научно-публикационной сферы как качество научных журналов, основания для формирования сборников статей, цитирования и самоцитирования, монографии как отдельный вид публикаций, проблемы распространения научных публикаций. Показано, что в данный момент в России невозможно определить качество журнала по объективным показателям. В то же время, на Западе критерии отбора зачастую являются слишком жёсткими, что приводит к значительной задержке публикаций. Предлагается введение нового параметра оценки журналов (инфлюенс-фактора) в дополнение к традиционному импакт-фактору. Рассматривается существующая в России сложившаяся традиция издания монографий. Анализируются основания для формирования сборников статей: тематические, проблемно-ориентированные и др. Цитирование рассматривается как отражение научных связей и социальных процессов. Обсуждаются проблемы доступности публикаций. Показано, что в России нет сложившийся системы, которая обеспечивала бы доступ к мировым журналам. При этом большинство российских журналов работают по системе открытого доступа.

Публикации представляют из себя опосредованную форму коммуникации учёных между собой. Помимо этого, существует не менее важная форма непосредственной коммуникации, т.е. конференции, семинары, симпозиумы и пр. мероприятия, на которых учёные напрямую общаются друг с другом. Культурно-специфические основания для выбора тем мероприятий так же могли бы составить предмет науковедческого исследования.

Помимо коммуникации учёных, необходимо проанализировать принципы институализации современной науки. Часто пишут про дихотомию «академическая» — «университетская» наука, но при этом упускаются из виду принципы организации тех или иных учреждений и подразделений внутри них. В психологии, чаще всего, используется *отраслевой* принцип: т.е. кафедры и лаборатории распределяются по отраслям. Но также в некоторых, отметим, что достаточно редких случаях, в основу организации подразделения ложится *проблемный* принцип.

Будущее и отношение ко времени

В российской культуре, как указывает в своих работах Т.А. Нестик [Нестик, 2014], очень низкий горизонт планирования. Для научных исследований, к сожалению, это может сыграть негативную роль. «Если групповая рефлексия повышает способность управленческой команды адаптироваться к меняющимся условиям (стратегическую гибкость), то групповая идентификация на основе позитивного образа будущего выполняет совсем другую функцию — повышает приверженность совместным целям, несмотря на меняющиеся условия совместной деятельности. Иными словами, сформированное лидерами видение мотивирует и сплачивает коллектив, одновременно усиливая эффекты группового давления и сдвига к риску. Групповая рефлексивность, напротив, делает группу более чувствительной к информации, противоречащей коллективным базовым убеждениям. Несмотря на разнонаправленность этих процессов, они тесно связаны друг с другом: групповая рефлексия в отношении долгосрочного будущего возможна лишь при сохранении позитивной групповой идентичности» [Нестик, Журавлев, 2011].

Таким образом изучение и формирование образа будущего является важным аспектом не только изучения, но и формирования жизнеспособности научного сообщества.

Социальные представления о психологах и психологии и взаимодействие со СМИ

Проблема взаимодействия учёных и СМИ неоднократно становилась предме-

том не только общественных дискуссий, но и научного рассмотрения [Юревич, 2013]. В научно-организационной культуре психологов-исследователей (впрочем, как и многих других учёных) нет места взаимодействию со СМИ. Данное положение дел объясняется как минимум двумя факторами: практически полным отсутствием серьёзных СМИ, которые бы занимались научной тематикой. Вопросы со стороны журналистов психологам находятся на уровне: «Почему люди поют в ванной?». И тут сказывается в целом падение уровня российской журналистики. С другой стороны сами психологи не готовы выходить в публичное пространство. И речь тут идёт не только о взаимодействии со СМИ, но и о публичных лекциях, написании научно-популярных книг и пр. Некоторые подвижки в данном направлении исходят от относительно молодого поколения психологов и организаторов научно-популярных мероприятий. Так учёные из Института психологии РАН, Психологического института РАО, факультета психологии ЯрГУ и некоторых других учреждений участвовали в т.н. «Научных боях» — состязаниях, в которых исследователи в нестандартной форме, без использования проектора и презентации рассказывали про свою работу. Отрадно отметить, что психологи не единожды становились победителями «Научных боёв».

Исследования данной проблематики в рамках фундаментального научного направления «социальные представления» [Емельянова, 2016] могло бы помочь не только в получении новых научных данных, но и в решении прикладных задач, важных для жизнеспособности психологического научного сообщества: формирование представлений о психологах, приближенных к реальности, то в свою очередь может привести, например, к более осознанному выбору потенциальными студентами психологического факультета.

Заключение

В заключении хотелось бы отметить, что представленная схема жизнеспособности научного сообщества носит предварительный характер, несомненно, открыта для критики и нуждается в эмпирической проверке. Скорее всего время внесёт в неё свои коррективы, дополнения и уточнения. Но всё же подчеркнём, что понятие «жизнеспособность» обладает достаточным эвристическим потенциалом для объяснения процессов, происходящих в научном мире. Возвращаясь к началу статьи, обобщим, что, по всей видимости, современная психология переживает не кризис идентичности, а кризис жизнеспособности, преодолеть который ей поможет рефлексия по указанным выше направлениям.

CULTURAL COMPONENTS OF RESILIENCE OF A SCIENTIFIC COMMUNITY

K.B. Zuev

Konstantin B. Zuev — Head of Public Relations Department, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences. 129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13/1. E-mail: zuevkb@ipran.ru

Zuev K.B. 2020. Cultural Components of Resilience of a Scientific Community. Concept: Philosophy, Religion, Culture. Vol. 4. No 4. P. 7–16. https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-7-16

Received: 21.09.2020. Accepted: 3.12.2020.

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

The article was prepared with support from Russian Foundation for Basic Research, project № 16-06-00928a

Abstract. The article considers the concept of *resilience of the scientific community*, which is novel for the Russian science. By applying the conceptual analysis, the key message of the paper suggests that not only is the term instrumental in describing the traits of modern Russian science, but also it shows possible solutions of further development of science. The relevance of introducing this notion into scientific circulation is justified by both external and internal reasons, i.e. the science reform and the need to reflect on scientific and organizational processes, as scientific institutions face substantial challenges in adapting to new realities. The term is considered in a time continuum, as case studies focus on the following areas: scientists' perceptions on funding, dilemmas of stable and competitive financing of science, organizational culture, the future image as seen by scientists and the interaction with the media. Comparative perspective is also included. Among the categories used to describe the functions and the status of scientific communities, *collective subject* is one that can focus on active role of such communities, on the interconnectedness and interdependence of individuals in a group, the ability of a group to show various forms of joint activity, the ability of a group to self-reflection – just like *resilience*. However, using *subject* for scientific needs seems not always suitable, for the sense it has covers not all the aspects that arise in conducting empirical research. *Resilience*, in contrast, suits perfectly. Another advantage the term *resilience* provides is that it seems to be appropriate for outlining the processes generated inside the scientific region, since it allows describing not only scientists as individuals, but also a community as a whole. This thesis is illustrated by a brief overview of research on the resilience of organizations and the resilience of families. The paper concludes with applying *resilience* to practice, as the state of the psychological community is assessed through the lenses of the crisis of resilience as opposed to the crisis of identity.

Keywords: resilience, resilience of the scientific community, scientific culture, history of science, social beliefs, interaction between science and media.

References:

Artem'eva O.A. 2015. Nauchnoe soobshchestvo kak subieekt nauchnoi deiatel'nosti [Scientific Community as a Subject of Scientific Activity.]. *Psikhologicheskii zhurnal.* 36(5). Pp. 95-103 (In Russian).

Artem'eva O.A. 2015. *Sotsial'no-psikhologicheskaia determinatsiia razvitiia rossiiskoi psikhologii v pervoi polovine XX stoletiia* [Socio-psychological Determination of the Development of Russian Psychology in the First Half of the 20th Century.]. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN". 534 p. (In Russian).

Dvoinin A.M. 2015. Krizis psikhologii ili krizis identichnosti rossiiskikh psikhologov? [Crisis in Psychology or Crisis of Russian Psychologists` Identity?]. *Psikhologicheskii zhurnal.* 36(6). Pp. 94-107 (In Russian).

Dvoinin A.M. 2016. Krizis v psikhologii ili vnutri nas samih? [A Crisis in Psychology or within Ourselves?]. *Voprosy psikhologii.* 1. Pp. 45-54 (In Russian).

Emelyanova T.P. 2016. *Sotsial'nye predstavlenija: Istorija, teorija i jempiricheskie issledovanija* [Social Representations: History, Theory and Empirical Research]. Moscow: Izd-vo «Institut psikhologii RAN». 476 p. (In Russian).

Laktionova A.I. 2017. *Zhiznesposobnost' i sotsial'naja adaptacija podrostkov* [Vitality and Social Adaptation of Adolescents.]. Moscow: Izd-vo «Institut psikhologii RAN». 236 p. (In Russian).

Makhnach A.V. 2017. Zhiznesposobnost' cheloveka kak predmet izuchenija v psikhologicheskoj nauke [Human Vitality as a Subject of Study in Psychological Science]. *Psikhologicheskii zhurnal.* 38 (4). Pp. 5-16 (In Russian).

Makhnach A.V. 2012. Zhiznesposobnost' kak mezhdisciplinarnoe poniatie [Resilience as an Interdisciplinary Concept]. *Psikhologicheskii zhurnal.* 33 (6). P. 84-98 (In Russian).

Nesterova A.A. 2015. Zhiznesposobnost' roditelei, vospityvaiushchikh rebenka s autizmom [Resilience of Parents Raising a Child with Autism.]. *Sem'ia, brak i roditel'stvo v sovremennoi Rossii. Vypusk 2.* Eds. A.V. Makhnach, K.B. Zuev. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN". Pp. 265-273 (In Russian).

Nestik T.A. 2014. *Sotsial'naia psikhologiia vremeni* [Social Psychology of Time]. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN". 496 p. (In Russian).

Nestik T.A. 2016. Zhiznesposobnost' gruppy kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen [Group Resilience as a Socio-Psychological Phenomenon]. *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naia i ekonomicheskaia psikhologiia.* 1 (2). Pp. 29-61. (In Russian).

Postyliakova Iu.V. 2016. Semeinye resursy i individual'naia zhiznesposobnost' kandidatov v zameshchaiushhie roditeli [Family Resources and Individual Resilience of Foster Parent Applicants]. *Zhiznesposobnost' cheloveka: individual'nye, professional'nye i sotsial'nye aspekty.* Eds. A.V. Makhnach, L.G. Dikaia. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN". Pp. 425-440 (In Russian).

Pozniakov V.P. 2012. Psikhologicheskie otnosheniia individual'nykh i gruppovykh subieektov sovmestnoi zhiznedeiatel'nosti [Psychological Relations of Individual and Group Subjects of Joint Life]. *Psikhologicheskii zhurnal.* 33 (5). Pp. 5-15 (In Russian).

Yurevich A.V. 2013. *Sotsial'naja psikhologija nauchnoj dejatel'nosti* [Social Psychology of Scientific Activity]. Moscow: Izd-vo «Institut psikhologii RAN». 447 p. (In Russian).

Zhiznesposobnost' cheloveka: individual'nye, professional'nye i sotsial'nye aspekty [Human Resilience: Individual, Professional and Social Aspects.]. 2016. Eds. A.V. Makhnach, L.G. Dikaia. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN". 755 p. (In Russian).

Zuev K.B. 2018. Bibliometricheskij analiz sovremennyh issledovanij zhiznesposobnosti sem'i [Bibliometric Analysis of Contemporary Research on Family Resilience]. *Vestnik Jaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Serija Gumanitarnye nauki.* 1. Pp. 99-102 (In Russian).

Zuev K.B. 2016. Kul'tura nauchnykh publikacii v Rossii i zapadnykh stranakh na primere psikhologii [The Culture of Scientific Publications in Russia and Western Countries on the Example of Psychology.]. *Initsiativy XXI veka.* No. 3-4. Pp. 57-60 (In Russian).

Zhuravlev A.L. 2009. Kollektivnyj sub''ekt: osnovnye priznaki, urovni i psikhologicheskie tipy [Collective Subject: Basic Features, Levels and Psychological Types]. *Psikhologicheskii zhurnal.* 30(5). Pp. 72-80 (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Артемьева О.А. 2015. Научное сообщество как субъект научной деятельности. *Психологический журнал.* 36(5). С. 95-103.

Артемьева О.А. 2015. *Социально-психологическая детерминация развития российской психологии в первой половине XX столетия.* Москва: Изд-во «Институт психологии РАН». 534 с.

Двойнин А.М. 2016. Кризис в психологии или внутри нас самих? *Вопросы психологии.* № 1. С. 45-54.

Двойнин А.М. 2015. Кризис психологии или кризис идентичности российских психологов? *Психологический журнал.* 36 (6). С. 94-107.

Емельянова Т.П. 2016. *Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования.* Москва: Изд-во «Институт психологии РАН». 476 с.

Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты. 2016. Отв. ред. А.В. Махнач, Л.Г. Дикая. Москва: Изд-во «Институт психологии РАН». 755 с.

Журавлев А.Л. 2009. Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы. *Психологический журнал.* 30 (5). С. 72-80.

Зуев К.Б. 2018. Библиометрический анализ современных исследований жизнеспособности семьи. *Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки.* № 1. С. 99-102.

Зуев К.Б. 2016. Культура научных публикаций в России и западных странах на примере психологии. *Инициативы XXI века.* № 3-4. С. 57-60.

Лактионова А.И. 2017. *Жизнеспособность и социальная адаптация подростков.* Москва: Изд-во «Институт психологии РАН». 236 с.

Махнач А.В. 2012. Жизнеспособность как междисциплинарное понятие. *Психологический журнал.* 33 (6) С. 84-98.

Махнач А.В. 2017. Жизнеспособность человека как предмет изучения в психологической науке. *Психологический журнал.* 38 (4). С. 5-16.

Нестерова А.А. 2015. Жизнеспособность родителей, воспитывающих ребёнка с аутизмом. *Семья, брак и родительство в современной России. Выпуск 2.* Под ред. А.В. Махнача, К.Б. Зуева. Москва: Изд-во «Институт психологии РАН». С. 265-273.

Нестик Т.А. 2016. Жизнеспособность группы как социально-психологический феномен. *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология.* 1 (2). С. 29-61 URL: http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document214.pdf (дата обращения: 07.09.19).

Нестик Т.А. 2014. *Социальная психология времени.* Москва: Изд-во «Институт психологии РАН». 496 с.

Позняков В.П. 2012. Психологические отношения индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности. *Психологический журнал.* 33 (5). С. 5-15.

Постылякова Ю.В. 2016. Семейные ресурсы и индивидуальная жизнеспособность кандидатов в замещающие родители. *Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты.* Отв. ред. А.В. Махнач, Л.Г. Дикая. Москва: Изд-во «Институт психологии РАН». С. 425-440.

Юревич А.В. 2013. *Социальная психология научной деятельности.* Москва: Изд-во «Институт психологии РАН». 447 с.

УДК 130.1. 001 https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-17-30

ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ В КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ НАУКИ 1960-х гг.: ОПЫТ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЫ БОРИСА ЛОМОВА

В.И. Коннов

Коннов Владимир Иванович — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры философии им. А.Ф. Шишкина МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.
E-mail: v.konnov@inno.mgimo.ru

Коннов В.И. 2020. Инженерная психология в культурном контексте советской науки 1960-х гг.: опыт исследовательской программы Бориса Ломова. *Концепт: философия, религия, культура.* Том 4. № 4. С. 17–30. https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-17-30

Статья поступила в редакцию: 28.08.2020. Принята к публикации: 25.11.2020.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-011-00865

В статье анализируется проект инженерной психологии, изложенный в книге Б.Ф. Ломова «Человек и техника», его истоки и последующая реализация. Акцент делается на позиционировании проекта в контексте ключевых течений, развивавшихся в гуманитарной науке в 1960-е гг., а также на особенности его развития в пределах советской научной культуры. В центре внимания инженерной психологии, изначально сложившейся в США в 1940-е гг., находились «системы „человек-машина“» — понятие, сформировавшееся в проектировании высокотехнологичных военных систем, в которых управление осуществлялось посредством сочетания действий оператора и автоматических систем. Инженерная психология была сосредоточена на проблемах человека как составного компонента таких систем. Включение психологических подходов в проектирование было предопределено тем, что в новых оборонных системах, связанных с авиационными и ракетными технологиями, резко возросли скорости, и психологические факторы, изменявшие быстроту реагирования на доли секунды, стали существенными. Для превращения же инженерной психологии в гражданскую дисциплину необходимо было найти поле применения, в котором был бы востребован доступный ей масштаб изменений. В качестве образца решения этой задачи в американском контексте рассматривается опыт А. Чапаниса, стремившегося реализовать возможности инженерной психологии в максимально широком числе отраслей и действовавшего, скорее, как консультант-предприниматель, а не как академический учёный. Книга «Человек и техника» позволяет предположить, что Чапанис рассматривался Ломовым в качестве образца. Однако реализация аналогичного подхода к продвижению дисциплины в советской научной культуре нуждалась в иных организационных решениях: Ломову было недоступно положение консультанта-предпри-

нимателя; работа же над прикладными задачами в пределах ведомственной науки не могла обеспечить тех преимуществ, которые были доступны в академическом секторе. Эти обстоятельства предопределили то, что изначально прикладной по своему характеру проект инженерной психологии был реализован на базе Института психологии АН СССР.

Ключевые слова: инженерная психология, кибернетика, советская психология, человеческие факторы.

С точки зрения условий для развития науки поздний советский период 1960-80-х гг. был уникальным. Дело не только в устойчивом росте числа научных кадров, открытии новых институтов и увеличении финансирования исследований — совершенно особенным было социально-политическое положение науки. Научные профессии обладали высочайшей степенью социального престижа и воспринимались как наиболее привлекательные большинством советских граждан. Одновременно, ученые были представлены на всех уровнях государственного и партийного аппарата, обладали реальным влиянием, а руководители научного сектора, такие как Мстислав Келдыш или Джермен Гвишиани, практически открыто вели курс на усиление этого влияния. Также расширялось участие ученых в экономике: государственная поддержка обширной сети ведомственных институтов обеспечивала вовлеченность исследователей практически во все производственные отрасли и культурные сферы, хотя, следует отметить, этот ведомственный сектор чаще всего не оправдывал связанных с ним ожиданий и не мог обеспечить ожидаемого экономического эффекта.

Тем не менее, общая ситуация обеспечивала широкие возможности для развития новых научных направлений. Однако этому процессу сопутствовала острая конкуренция внутри самого быстро растущего научного сообщества. В гуманитарной науке эта конкуренция была обострена тем, что кадровый состав партийного идеологического аппарата тесно переплетался с коллективами гуманитарных дисциплин, философии, экономики и др., и фактически выступал участником внутренних научных столкновений. Влияние аппарата ассоциировалось преимущественно со старшим поколением гуманитариев, сложившихся как специалисты в сталинский период и отстаивавших традиционно «марксистско-ленинские» представления о роли и методах гуманитарной науки, однако в реальности аппарат мог играть и на стороне новаторов, как было, например, в случае с открытием в 1963 г. Центрального экономико-математического института, получившего мощную поддержку по линии партии, вопреки тому, что сама идея объективной математической экономики прямо противоречила марксистским догмам о тотальной политизированности экономических отношений в обществе [Fortescue, 1986]. Собственно, умение обеспечить своим начинаниям поддержку и внутри научного сообщества, и со стороны партийного аппарата была обязательной чертой научных лидеров советской эпохи.

Это качество было в полной мере присуще Борису Ломову, ставшему в 1970-е гг. центральной фигурой советской психологии. Его способность добиваться поддержки своих начинаний со стороны различных центров влияния — научных, партийных, военных и др. — сыграла ключевую роль в создании Института психологии АН СССР и в его последующем развитии [Белопольский, Журавлев, Костригин, 2020]. Естественно, что значительная часть рабочих контактов и деловых практик, которые позволили Ломову в течение 17 лет — с 1972 по 1989 — успешно руководить институтом, были наработаны в предшествующие этапы его профессиональной био-

графии. Несомненно, важную роль сыграл трехлетний опыт работы в Министерстве просвещения (1969-1971), но более значимым выглядит предшествующий период 1960-х гг., когда усилия Ломова были сосредоточены на продвижении новой для своего времени научной специальности — инженерной психологии.

Этот период творчества Ломова и является предметом настоящей статьи. Ранее он освещался преимущественно в контексте истории советской психологии в целом [Брушлинский, 1997] или же в биографических очерках, посвящённых Ломову и другим участникам этого процесса [Кольцова, Журавлев, 2017]. В обоих случаях в центре внимания оказывалось содержание инженерно-психологических исследований. В настоящей же статье речь пойдет преимущественно о культурном и социально-политическом контексте работ Ломова по инженерной психологии, прежде всего его книги «Человек и техника», и о том, как этот контекст использовался для расширения исследовательской работы в рамках данного направления. Практики, отработанные Ломовым в период 1960-х, в дальнейшем сыграли важную роль в обеспечении работы Института психологии и, таким образом, приобрели важное значение для организации отечественной психологии в целом.

С методологической точки зрения настоящая статья представляет собой попытку подойти к деятельности Ломова с позиций интеллектуальной истории психологии в том смысле, в котором ее понимал Дэниел Робинсон: «Все интеллектуальные устремления возникают в своих исторических и культурных контекстах, в той или иной степени неся на себе их отпечатки. И это не только по той очевидной причине, что большая часть научной тематики наследуется от прошлого, а не рождается неожиданно, но еще и потому, что построение знания в целом и решение конкретных проблем само по себе является непрерывной традицией, культурой во всех ее правах… Именно культура знания, культура мышления призваны устанавливать сами стандарты новизны и полезности…» [Робинсон 2005: 29]. Или, как пишет Р. Смит, характеризуя значение истории для психологии: «То, что психолог или какой-либо другой ученый говорит о людях, приобретает смысл в свете образа жизни, к которому принадлежит этот психолог или ученый. Значение претензий на знание — это часть разворачивающегося повествования или истории, в котором сами ученые выступают акторами» [Smith, 2010: 26].

Книга Ломова «Человек и техника» с подзаголовком «Очерки инженерной психологии» вышла в издательстве Ленинградского университета в 1963 г. и в ответ на интерес со стороны читателей была переиздана увеличенным тиражом в издательстве «Советское радио» в 1966 г. Как свидетельствует Ломов в предисловии ко второму изданию, работа была написана в период 1959-1961 гг. [Ломов, 1966:8]. Таким образом, начало работы над книгой совпадает с его назначением, в том же 1959 г., руководителем лаборатории инженерной психологии в ЛГУ — первой в своём роде в СССР. В это время Ломову было 32 года, и раннее назначение на руководящую должность говорило о доверии руководства ЛГУ к молодому психологу. Об этом же свидетельствовала и появившаяся в 1962 г. статья в «Правде»[1], в которой Ломов выступил соавтором ректора ЛГУ Александра Александрова, а затем в 1964 г. — командировка в Великобританию[2]. И достаточно быстро, в 1966 г., Ломов вошел в верхний эшелон руководителей университета, будучи назначенным деканом нового факультета психологии. Все эти факты свидетельствовали о признании не только научных заслуг Ломова, но и его «политической грамотности» — навыке ориентироваться в тенденциях актуальной политики и, главное, в ее приоритетах, провозглашаемых для науки.

Конечно же, на ленинградском периоде работы Ломова не могло не сказаться то, что он пришелся на период «оттепели». Всеобщее стремление к новаторству,

[1] Александров А.Д., Ломов Б.Ф. Человек и конвейер. Правда. 19 ноября, 1962. С. 3.
[2] Научный архив ИП РАН. Ф. 4. Оп. 3.2. Д. 415. Л. 6.

охватившее в это время и науку, и искусство, и политику, в гуманитарных дисциплинах проявилось в напряженном, иногда даже лихорадочном поиске путей реформирования сложившейся системы хозяйствования, которая все хуже справлялась с обеспечением необходимого экономического роста и обнаруживала все больше проблем, связанных, в первую очередь, со всеобъемлющей централизацией. Со стороны учёных одним из наиболее настойчиво продвигаемых решений была кибернетизация управления экономикой, означавшая, по сути дела, внедрение в этот процесс компьютеров, работающих по принципу обратной связи, т.е. способных осуществлять постоянную корректировку экономических планов в соответствии с сигналами с мест [Соболев, Китов, Ляпунов, 1955]. Быстро оправившись от идеологической атаки начала 1950-х, к 1960-м гг. кибернетика, казалось, имела все перспективы стать научной основой для экономического управления страной — в пользу этой перспективы служило, в частности, ее прямое упоминание в качестве управленческого инструмента в Программе КПСС, принятой на XXII съезде[3].

Рост популярности и влияния кибернетики был показательным с точки зрения смены подходов в научной политике — от декларации разрыва с «буржуазной наукой» и автохтонного развития к активному заимствованию западных образцов, которое обосновывалось как возврат к «ленинским принципам» — в подтверждение этого часто приводились призывы В.И. Ленина использовать все передовые производственные практики капитализма в интересах социалистического государства[4]. При этом в качестве основного источника заимствований рассматривался главный геополитический противник — США, — и та же кибернетика имела именно американское происхождение. Этим обращение к американским образцам не ограничивалось, напротив, интерес к заокеанскому опыту был настолько широким, что американский советолог Ричард Видмер обнаружил целое движение «американизаторов», сложившееся в 1960-е гг. в советской науке [Vidmer, 1980]. Большинство «американизаторов» были специалистами с гуманитарной подготовкой, и этим отличались от кибернетиков, которые, хотя и действовали главным образом на поле гуманитарной науки, часто имели математическую или инженерную подготовку. Между ними также проходит и временной раздел: расцвет кибернетического движения пришелся на хрущевский период, в то время как движение гуманитариев, ориентированных на американские образцы, вышло на первый план уже после 1964 г., когда власть перешла к группе Брежнева, Косыгина и Подгорного, разделивших между собой высшие государственные посты. Как характерную можно расценить смену интересов в семейном окружении лидеров: немаловажным для кибернетиков было то, что старший сын Хрущева — Сергей Никитич — работал инженером, специалистом по автоматическим системам управления, в то время как одну из главных ролей среди «американизаторов» играл зять Косыгина, философ по специальности Джермен Гвишиани. В начале 1960-х он возглавлял Лабораторию проблем управления МГУ, с который был связан целый ряд имен, ставших в последующие десятилетия известными среди сторонников либерализации советской системы, в частности, Григорий Попов, Борис Мильнер, Виталий Озира.

Эта группа разделяла идеи кибернетиков о том, что компьютеризация управления может существенно повысить его эффективность — в дальнейшем компьютерные системы заняли центральное место в работе Всесоюзного НИИ системных исследований (ВНИИСИ) под руководством Гвишиани, — но важным идейным расхождением было отношение к вопросам централизации и автономии. Из ориентации на американский опыт и

[3] Программа Коммунистической партии Советского Союза. Москва: Госполитиздат, 1961. С. 71.
[4] Хрущев Н.С. Развитие экономики СССР и партийное руководство народным хозяйством. Правда. 20 ноября, 1962. С. 3.

особенно на менеджмент как научно-практическую дисциплину вытекало сосредоточение внимания на отдельной организации, а не на национальной экономической системе в целом. Этот момент органично сочетался с тем реформаторским течением, которое предполагало расширение автономии предприятий и «спуск» права принимать экономические решения на уровень отдельных хозяйствующих субъектов. Именно это стало главным принципом экономических реформ, инициированных Косыгиным в 1965 г.

Другая важная черта движения «американизаторов», которую отмечает Видмер, — их склонность к «содержательному воспроизведению» (substantive emulation), которое объясняется как «попытка воссоздать поведенческий паттерн субъекта, принятого за образец» (an attempt to recreate the behavioral pattern of a referent) [Vidmer, 1980: 407]. Под этой формулировкой подразумевается, что советские исследователи были настроены не только заимствовать американские теории, но и воспроизводить образ действий американских коллег. В этом смысле советские «американизаторы» восприняли, в той мере в какой это было возможно, модель исследователя-предпринимателя — по сути, консультанта, готового работать с конкретным заказчиком, непосредственно вникая в процесс управления на уровне отдельной организации или отрасли. Понятно, что эта модель не могла быть в полной мере реализована в условиях советской экономической системы, но она определенно оказывала влияние: центры, связанные с исследованием управленческих проблем возникали и в ведомственном, и в академическом, и в вузовском секторах, часто в привязке к рассмотрению конкретных отраслевых проблем. По наблюдениям Видмера, этот процесс шел настолько быстро, что уже к 1970-м советская теория управления превратилась в конкурентные «джунгли» — со множеством противоречащих друг другу теорий, соперничающих научных центров и конкуренцией за заказы, исходящие как от высших правительственных и партийных инстанций, так и от отдельных ведомств и предприятий [Vidmer, 1981]. Главной темой, вокруг которой выросли эти «джунгли» было управление, понимаемое в смысле нового для того времени термина «менеджмент», и, в целом, движение «американизаторов» было в значительной степени именно менеджерским.

Инженерная психология связана и с кибернетическим, и с менеджерским, течениями. Связи с первым наиболее очевидны: книга Ломова «Человек и техника» с самого начала акцентирует внимание на кибернетике, объясняя ее роль в формировании инженерной психологии следующим образом: «…Ни науки о человеке, ни технические науки не располагали такими методами и теорией, которые позволили бы изучать человека и машину как звенья единой системы с некоторой общей точки зрения. Совместная работа психологов и инженеров была затруднена отсутствием единой теоретической позиции. Решающую роль в создании такой позиции сыграла кибернетика…» [Ломов, 1966: 24]. Книгу, конечно, нельзя отнести к непосредственно кибернетическим работам: основатель кибернетики Винер в ней вообще не упоминается – даже рассматривая проблемы передачи информации, разработка которых была центральной для работ Винера, Ломов отдает предпочтение теории информации Клода Шеннона, основное же внимание уделяется не математическим, а собственно психологическим исследованиям процессов коммуникации — Дж. Миллера, В. Гарнера, Е.Н. Соколова и др. Но следует учитывать, что многие из сложившихся в послевоенные годы новых психологических направлений, в том числе и вышедшая в 1960-е гг. на первый план когнитивная психология, и инженерная психология, обладали общим с кибернетикой генезисом в исследованиях военных систем. К тому же связь Ломова с кибернетикой не ограничивалась пересечением исследовательских тем, а имела личный характер: многие из ведущих кибернетиков входили в его сеть рабочих контактов. Среди них — Евгений Бойко, возглавлявший психологическую секцию Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Кибернетика». В 1965 г. Ломов

и Бойко выступили соавторами статьи «Кибернетика и проблемы психологии», опубликованной в пятом томе сборника «Кибернетику на службу коммунизму» — флагманского издания кибернетического совета [Бойко и др., 1967]. Помимо участия в публикациях, Ломов также пользовался поддержкой руководителя совета — адмирала и академика Акселя Берга, в дальнейшем активно участвовавшего в продвижении идеи создания Института психологии в структуре Академии наук [Ломов, 1991].

Если связи с кибернетикой в «Человеке и технике» обнаруживаются заявлениями самого автора, то линии, связывающие книгу с «американизаторским» течением, прослеживаются менее явно. Здесь нужно учитывать, что если советское кибернетическое движение было к моменту написания книги на пике своего развития, то волна обращений к американскому опыту только начинала набирать обороты – ключевая для нее книга Гвишиани «Социология бизнеса» увидела свет за год до книги Ломова — в 1962 г. К тому же, в отличие от кибернетиков, «американизаторы» не были организованной группой и не имели формальной структуры, способной выступать от их имени. Это изменилось с появлением системного движения, в которое влились большинство исследователей, интересовавшихся американским менеджментом, однако этот процесс начался уже во второй половине 1960-х гг. А в 1963 г. эта волна только-только поднималась, представляя собой общий интерес круга ученых к американским исследованиям и, что особенно важно, к образу работы американских ученых.

В этом смысле Ломова можно охарактеризовать как одного из пионеров американизаторского течения, с той поправкой, что его интересовали не менеджерские практики, а технические системы. Показательно в этом смысле то, что список источников в «Человеке и технике» почти на треть состоит из иностранной, преимущественно американской, литературы. Это было необычным для советской психологии, сложившейся в предшествующие десятилетия как в значительной мере автономная наука, обладавшая собственным, практически независимым от западной литературы, теоретическим фундаментом.

Конечно, в период, когда писалась «Человек и техника», идеологический контроль над психологией, по сравнению с началом 1950-х гг., отмеченных «павловскими сессиями», которые утвердили психофизиологическое учение И.П. Павлова в качестве единственно верной основы психологии [Научная сессия, 1950], заметно смягчился. За год до выхода первого издания книги Ломова состоялось Всесоюзное совещание по философским вопросам физиологии высшей нервной деятельности и психологии, которое подкрепило фактические смягчения формальной декларацией о необходимости дополнять павловское учение новыми исследованиями [Философские вопросы, 1963]. Но, несмотря на это, в психологии сохранял влияние ряд идеологем, препятствующих использованию зарубежного опыта, прежде всего, отказ признавать за психическими процессами отличную от непосредственно материальных явлений природу [Леонтьев, 1960]. Это существенно затрудняло использование советскими психологами материалов наиболее динамично развивавшейся в США когнитивной психологии, которую интересовали прежде всего ментальные феномены.

Ломов же напрямую обращается к работам лидеров этого направления Дж. Миллеру, В. Гарнеру, Ф. Бартлетту, но делает это не в контексте когнитивной психологии, которая в книге напрямую не упоминается, а в контексте направления, которое, как он пишет «пока еще не имеет общепризнанного названия». «Оно выступает под разными именами: „инженерная психология“, „психотехнология“, „прикладная экспериментальная психология“, „техническая психофизиология“. „Инженерная психология“ входит как составная часть в „эргономику“, „технику человеческих факторов“, „человеческую инженерию“ (human engineering)» [Ломов, 1966: 21].

Характерно, что среди зарубежных работ, включенных Ломовым в библиографию, само словосочетание «инженерная психология» практически не встречает-

ся. В 1960-е гг. в США это название, использовавшееся в годы Второй мировой и некоторое время после, уступило место наименованиям «human factors» и «human engineering». Автор наиболее полной истории данного направления Дэвис Мейстер рассматривает их не как взаимозаменяемые, а как образующие последовательную цепочку: «Наблюдается поступательное продвижение: от прикладной психологии к инженерной психологии, от человеческой инженерии к человеческим факторам, а затем к человеческим факторам и эргономике» [Meister, 1999: 194]. По его наблюдениям, изначально это направление возникло на базе психологии, но в дальнейшем превратилось в автономную дисциплину, хотя и продолжившую опираться преимущественно на психологические теории.

Характер этой дисциплины определяется Ломовым следующим образом: «Основным объектом исследования инженерной психологии является система „человек-машина“, которая рассматривается как частный случай управляющих систем. В системе такого рода человек и машина образуют единый контур регулирования. Изучая процессы регулирования, протекающие в системах „человек-машина“, их строение и функции, инженерная психология рассматривает человека-оператора как одно из звеньев этих систем» [Ломов, 1966: 27]. Принципиальный момент здесь в том, что речь идет не о процессах, связанных с непосредственным управлением машинами со стороны человека, а об управлении посредством машин, через системы «человек-машина», в которых оператор и техника выступают взаимодополняющими звеньями.

Понятие «система „человек-машина“», центральное для инженерной психологии, сложилось в США в годы Второй мировой войны в ходе работы над инженерными проблемами, связанными с военной техникой, в частности, над управлением огнем ПВО, стабилизацией воздушной, морской и сухопутной техники, применением радара и сонара, шифрованием и дешифровкой радиосообщений. Как отмечает, один из лидеров этого исследовательского направления Т. Шеридан, «в этих инженерных разработках и зародилось поле исследований, известное в наше время как „системная инженерия“ или „теория систем“» [Sheridan, 1985: 2]. Инженерная же психология сложилась как ответвление этого направления, прежде всего в связи с необходимостью учитывать в конструировании систем психологические характеристики операторов, которые не удавалось зафиксировать с помощью непосредственного наблюдения: если, к примеру, охват поля зрения человека можно было определить без обращения к психологическим методам, то реагирование на различные цвета и геометрические фигуры явно требовало психологического «проникновения». Как отмечает Мейстер, многие инженеры были склонны пренебрегать такого рода факторами как незначительно влияющими на эффективность работы оператора [Meister, 1999]. Эту точку зрения можно было считать отчасти оправданной на момент начала Второй мировой войны, но скачок в развитии технологий, совершенный за военные годы, резко изменил ситуацию. Прежде всего это касалось новой реактивной авиации и систем противовоздушной обороны: колоссальная скорость, которую развивали реактивные самолеты и ракеты, делала значимыми, а нередко критическими различия в быстроте реагирования в секунды или даже доли секунды, раньше казавшиеся несущественными. Новое значение приобрела также возможность ошибок — их цена неизмеримо возросла в связи с появлением атомного, а затем и термоядерного оружия. Этот новый фактор предопределял потребность исключить из работы операторов противовоздушной, а затем и противоракетной обороны все, даже самые маловероятные искажения информации.

Определяя содержание инженерной психологии в «Человеке и технике», Ломов обозначает семь основных направлений: «1. Анализ задач человека в системах управления и способов его связи с другими компонентами системы… 2. Исследование групповой деятельности людей, обслуживающих систему… 3. Анализ структуры деятельности оператора… 4. Исследование

факторов, влияющих на эффективность и надежность действий оператора… 5. Изучение процесса приема человеком осведомительной информации… 6. Анализ процессов переработки информации человеком, ее хранения и формирования решения… 7. Исследование управляющих действий человека» [Ломов, 1966: 20]. Во всех случаях речь идет о психологическом анализе, т. е. о том, как изучаемые процессы протекают за пределом непосредственно наблюдаемого. Процесс исследования становится в таком случае чрезвычайно трудоемким, требующим длительного интенсивного наблюдения за совершением даже самых простых операций, и к тому же предполагающим применение опросных или тестовых психологических методик. Выигрыш же от проведения таких исследований отнюдь не гарантирован и даже в случае успеха чаще всего ограничивается маргинальными временными величинами. Таким образом, с точки зрения соотношения «затраты — результат» инженерная психология могла быть востребована преимущественно для улучшения систем, сопряженных с большим риском, прежде всего, военных.

Сотрудничество Ломова с военными организациями продолжалось практически на протяжении всей его научной карьеры, и, даже судя по открытым источникам, он принимал участие в разработке целого ряда тем, связанных с обороной [Ломов, Офицеров, Рубахин, 1965]. Но, хотя эта линия и была для него важной, в «Человеке и технике» он предлагает проект именно гражданской научной отрасли. Ответ же на вопрос, где за пределами военно-промышленного комплекса могут быть востребованы результаты инженерной психологии, он, как представляется, нашел для себя именно в американском опыте. Причем есть основания предположить, что наибольший интерес у него вызывал опыт конкретного американского специалиста — Альфонса Чапаниса.

В «Человеке и технике» имя Чапаниса занимает первое место и по числу источников за его авторством, и по упоминаниям в тексте. Внимание Ломова к этому исследователю понятно: Чапанис — один из признанных «отцов-основателей» инженерной психологии. Однако фокус внимания именно на нем, а не на других основателях, скажем, Джордже Миллере или Россе Макфарланде, которые также упоминаются в книге, позволяет судить о том, какую именно исследовательскую практику имел в виду Ломов, намереваясь воспользоваться американским опытом. Если Миллер был сосредоточен на когнитивных процессах [Hebert, 2006], а Макфарланда больше всего интересовали психофизиологические проблемы — утомляемость, внимание и др. [Karwowski, 2006: 3451-3452], — то Чапанис отдавал приоритет адаптации техники под психологические свойства человека.

Биография Чапаниса — это заметная часть истории успеха инженерной психологии в послевоенные годы. Он начал свою карьеру в годы войны в Аэромедицинской лаборатории ВВС США, а в 1943 г. защитил диссертацию в Йельском университете — одном из ведущих психологических центров Америки. По воспоминаниям Чапаниса, работа в вооруженных силах, хотя и досаждала обилием обязательной бюрократической работы, но научила его с вниманием относиться к нуждам потребителей исследовательских результатов. Из этого опыта он сделал для себя вывод, что главная задача специалиста по инженерной психологии — формулировать рекомендации, напрямую нацеленные на улучшение конкретной техники, а не описывать общие закономерности, как это принято в фундаментальной науке [Chapanis, 1999]. В инженерной психологии, которая существовала на стыке фундаментального и прикладного полей, локализованных в США, соответственно, в университетах и в корпоративном секторе, такое кредо, с одной стороны, давало преимущества, с другой — создавало проблемы. Несмотря на то, что Чапанис 37 лет проработал в Университете Джона Хопкинса, главным направлением для него оставалась работа по договорам с корпоративными заказчиками. Расставание с университетом в 1973 г., откуда он был уволен по достижении 65-летнего возраста, было, по его собственным воспоминаниям, хо-

лодным — в университетской среде он так и не стал своим. Об университете Чапанис рассказывает мало, большая часть его мемуаров, причем та, которая написана с видимым удовольствием, касается прикладной работы. Два его наиболее известных достижения — это предложение использовать в управлении самолетами различимые на ощупь рукояти рычагов, позволившее устранить распространенные ошибки, которые приводили к авариям (это изобретение описывается в том числе и в «Человеке и технике»), и разработка четырёхрядного расположения чисел на кнопочной панели телефонов как наиболее удобного для пользователей, которое стало мировым стандартом. Значительная же часть других решений, разработанных при его участии, не могла быть опубликована, став интеллектуальной собственностью компаний, на которые Чапанис работал — это касается в том числе и его исследований в IBM, с которой он сотрудничал на протяжении 36 лет, приняв, в частности, участие в дизайне оборудования для первых телеконференций.

Репутация Чапаниса как одного из главных специалистов по инженерной психологии обеспечивала устойчивый интерес со стороны корпоративных партнеров, однако на протяжении всей своей карьеры он продолжал упорно работать над расширением своей аудитории, среди которой могли найтись новые заказчики — на его счету сотни выступлений и лекций и десятки популярных публикаций, в том числе «Проектирование систем „человек-машина“» [Chapanis, 1965], которая стала самой хорошо продаваемой из его книг.

Эта работа упоминается в «Человеке и технике», и структуры двух книг заметным образом перекликаются, хотя охват ломовской значительно шире. В какой степени Ломов был в курсе деятельности Чапаниса за пределами доступных в СССР публикаций, сейчас определить сложно, но очевидно, что развитие американской психологии в США служило для него ориентиром. Сопоставление же профессиональных приоритетов и образа действий Чапаниса и Ломова явно указывает, что в их работе было много общего, конечно, с учетом того, что действовали они в совершенно разных условиях. Если принимать путь Чапаниса в качестве образца, то в нем можно выделить три характерные черты: военные исследования, в первую очередь, для авиации, как стартовая площадка; движение от академической психологии в сторону прикладной исследовательской отрасли; и нацеленность на расширение, в первую очередь, за счёт коммерческих, а не государственных источников финансирования.

Если принять этот набор приоритетов за модель развития инженерной психологии, то можно обнаружить, что она действительно была воспринята Ломовым, но, конечно же, ситуация, в которой он следовал тем же ориентирам, что и его американский коллега, существенно изменила результат.

Первый опыт экспериментальной работы Ломова не был связан с авиацией, но в дальнейшем сотрудничество с ВВС заняло важнейшее место в его карьере и привело к участию в работе организаций, занятых подготовкой космонавтов, которые в дальнейшем оказали существенную поддержку идее создания Института психологии [Пономаренко, 2012]. Такие ключевые для космической программы организации как НПО «Энергия», Центр подготовки космонавтов, Институт авиационной и космической медицины, Институт медико-биологических проблем, активно взаимодействовали с новым институтом, обеспечивая участие его сотрудников в масштабных экспериментах, которые позволяли проводить ресурсы космической программы. Вовлеченность в работу авиационной отрасли, таким образом, открыла Ломову даже более широкие перспективы, чем Чапанису.

Как и его американский коллега, Ломов определенно отдавал предпочтение исследованиям, ведущим к практически применимым результатам, но был значительно более стеснен в маневре между фундаментальным и прикладным секторами науки. В принципе, во всех развитых странах, фундаментальный сектор научного комплекса обеспечивал ученым более комфортные и стабильные условия, чем

прикладной. Поэтому, зачастую вопреки личной заинтересованности в практической работе, они стремились закрепиться именно в первом — так действовал и Чапанис, с большой неохотой расставшийся с должностью в университете, несмотря на то что не всегда находил общий язык с университетскими коллегами. Но у Чапаниса были перспективы работы в развитом американском частном секторе, пусть и не обещавшем столь же надежного положения, как университет, но зато способном обеспечить высокие заработки и престиж, ассоциирующийся с именами ведущих технологических корпораций. В СССР же выбор между фундаментальным и прикладным секторами был гораздо менее равнозначным. Прикладные исследования относились к ведомственной науке — сектору, который уступал фундаментальному, сосредоточенному в сети академий во главе с АН СССР, практически по всему — и по уровню зарплат, и по условиям работы (ведомственные НИИ отличались более жесткой трудовой дисциплиной), и по ассоциирующемуся с работой престижу.

Что же касается ориентации на работу в пользу коммерческих структур, то по понятным причинам она не могла быть буквально реализована в Советском Союзе, где фактически не существовало частных субъектов, способных проводить исследования в собственных интересах. В США же частный сектор не только дополнял государственный, но и выступал конкурентом за контроль над наиболее быстро растущими исследовательскими направлениями. В принципе, именно с этим процессом связано быстрое движение американской инженерной психологии к созданию новой исследовательской отрасли «человеческие факторы». Для американской научной культуры в принципе характерно выделение прикладных направлений в самостоятельные дисциплины, функционирующие независимо от своей фундаментальной базы, которая располагается, как правило, в университетском секторе. Эти направления приобретают собственные институциональные атрибуты — профессиональные ассоциации, профильные издания, учебные программы и т.д. Примерами в данном случае могут служить и опросы общественного мнения, существующие как отдельная от университетской социологии отрасль, и биотехнологии, развивающиеся в другом режиме, нежели научная биология, и психотерапия, функционирующая автономно от психологии. Схожие процессы шли и в инженерной психологии, где, вслед за Обществом инженерных психологов, в дальнейшем включенном в Американскую психологическую ассоциацию, которая представляет университетскую психологию, возникло самостоятельное Общество исследований человеческих факторов. Чапанис, кстати говоря, побывал президентом и той, и другой структуры — в 1959-60 и 1963-65 гг., соответственно.

Подобная автономия возможна при наличии потока ресурсов, который удается захватить новому направлению. Сделать это можно только при условии, что исследователи располагают возможностью свободно маневрировать между такими потоками. Безусловно, там, где эти возможности есть, воспользоваться ими удается специалистам, готовым быстро переключаться между темами в ответ на запросы заказчиков. Подобная гибкость была отличительной чертой Чапаниса, который за свою долгую карьеру консультировал военно-воздушные силы по вопросам проектирования радарной техники, танковые войска — по проблемам ночного зрения, корпорацию «Bell» — по дизайну телефонов, корпорацию «GTE» — по вопросам голосового взаимодействия с компьютерами и т.д. Это принципиально отличало его от университетских ученых, предпочитающих развивать одну или несколько взаимосвязанных тем на протяжении всей карьеры.

Надо сказать, что опыт Института психологии под руководством Ломова показывает, что прикладное продвижение дисциплины за счет договоров с конкретными производителями было в известной степени возможно и в СССР, но создать целое направление, существующее за счет договорного консультирования широкого спектра заказчиков, было практически невозможно. В связке с производствен-

ными предприятиями работали ведомственные институты, но статус последних подразумевал прямое подчинение своему основному контрагенту, что существенно ограничивало возможности поиска и выполнения договоров с другими партнерами. И в целом, ведомственная наука была более стеснена в выборе тем, чем академическая.

Таким образом, инженерная психология изначально должна была быть вписана в существующую структуру фундаментально-научных дисциплин. Сам текст «Человека и техники», в принципе, позволяет предположить, что Ломов допускал развитие своего проекта за пределами сети психологических институтов, возможно, в рамках структур, связанных с кибернетикой, которая находилась тогда на пике популярности. Но с момента появления проекта академического института, сосредоточенного на инженерной психологии в 1963-1964 гг. в качестве главной опоры однозначно рассматривалась психология именно как академическая дисциплина [Ломов, 1991].

«Содержательное воспроизведение», о котором пишет Видмер, — процесс фактически противоположный буквальному копированию. Он предполагает всестороннее вписывание определенной роли в принципиально отличающийся контекст и преобразование этой роли в соответствии с новым набором условий. Так, по наблюдениям Видмера, роль бизнес-консультантов фактически превратилась в СССР в роль политических советников, предлагающих рекомендации не конкретным руководителям на уровне отдельных предприятий, а программы преобразования цепочки отношений, начиная от рядовых исполнителей и заканчивая руководителями всего народного хозяйства. Такие программы выдвигались как возможные проекты реформ, ассоциируемые с различными фракциями высшего правительственного и партийного руководства, и предполагали прямое вовлечение авторов в политический процесс, от которого американские бизнес-консультанты предпочитали дистанцироваться. Однако новая интерпретация их роли привела советских специалистов к уровню политического влияния, которую бизнес-консультанты никогда не имели: из упоминавшихся выше Григорий Попов стал первым мэром Москвы, а созданный под руководством Гвишиани и Бориса Мильнера ВНИИСИ оказался главным центром подготовки кадров для будущих «шоковых» реформ.

Ломов же, имея среди своих ориентиров Чапаниса и других психологов, сделавших своей основной профессией техническое консультирование, сумел добиться учреждения крупного института, главным профилем которого была инженерная психология. ИП АН, в котором в тесной связи работали люди, обладавшие психологической и инженерной подготовкой, и где складывалась когорта специалистов, способных объединить инженерные и психологические знания, был плодотворной почвой для появления новых технологических решений. В принципе, в аналогичном контексте сложился персональный компьютер, ставший массовым потребительским товаром благодаря сочетанию привлекательного дизайна и легко усваиваемого интерфейса. И если первые находки, превратившие компьютер в домашний аппарат, принадлежали авторству дизайнеров, то в дальнейшем индустрия ПК становилась все более зависимой от исследований собственно психологических закономерностей: в эпоху интернет-бума 1990-х такие психологические категории как «усваиваемость», «соответствие ожиданиям» и «интуитивная очевидность», примененные к программным продуктам, стали главными факторами конкуренции в электронном пространстве. Инженерная психология по Ломову подразумевала прямой выход на эти задачи – они буквально вытекают из тех вопросов, которые Ломов выделял в «Человеке и технике» в качестве основных, и без преувеличений можно сказать, что проект Ломова опережал свое время. Но если идеи, с которыми работал Ломов, относились к переднему краю научно-технической мысли, то фактическое развитие советских технологий все больше отставало от передовых тенденций, развивавшихся в США и других странах Запада. А общая социально-эко-

номическая ситуация в позднем Советском Союзе фактически исключала прорывы, аналогичные компьютерному буму 1980-х – конкурентный рынок персональных компьютеров в СССР невозможно даже представить.

И тем не менее, опыт Ломова следует признать успешным. Путь, проделанный им, от «Человека и техники» до Института психологии — это путь от опубликования проекта к его реализации. Безусловно, институт не был буквальным воплощением видения, изложенного в книге, но подошел к нему достаточно близко. Именно эта способность — сочетать воплощение идей с учетом и использованием реальных условий — характеризует Ломова как выдающегося организатора науки. Еще более интересным его опыт становится, если принять во внимание американские истоки изначального проекта и условия его реализации в пределах культуры советской науки. То, как в работе Ломова переплетались зарубежный опыт и локальная ситуация и как ему удавалось находить баланс между зачастую казавшимися несовместимыми элементами представляет безусловный исследовательский интерес и заслуживает дальнейшего исторического изучения.

ENGINEERING PSYCHOLOGY IN THE CULTURAL CONTEXT OF THE SOVIET SCIENCE OF THE 1960s: THE EXPERIENCE OF BORIS LOMOV'S RESEARCH PROGRAM

V.I. Konnov

Vladimir I. Konnov — PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Philosophy, MGIMO-University. 119454, Moscow, prospect Vernadskogo 76. E-mail: v.konnov@inno.mgimo.ru

Konnov V.I. 2020. Engineering Psychology in the Cultural Context of the Soviet Science of the 1960s: The Experience of Boris Lomov's Research Program. *Concept: Philosophy, Religion, Culture.* Vol. 4. No 4. P. 17–30. https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-17-30

Received: 28.08.2020. Accepted: 25.11.2020.

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

The article was prepared with support from the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-011-00865

Abstract. The article examines the Soviet project of engineering psychology, set out by Boris Fedorovich Lomov. Its origins, tracing back to Lomov's book *Man and Technology,* and the subsequent practical development and implementation of ideas are analyzed. The central emphasis of the paper is put on the ways this special Soviet project was positioned in the context of the key trends that marked the development in the humanities in the 1960s, as well as on its specific features within the Soviet science culture. The engineering psychology, championed in the USSR by Lomov, followed the impetus of *man-machine systems* that had pioneered in the USA in the 1940s. The conceptualization of this scientific industry emerged in the design of high-tech military systems that were controlled by both operator's actions and automatic control systems. The infusion of psychological approaches in the evolution of such systems was predetermined by the fact that the new defense technologies were operating at greatly increased speed, thus rendering significant even marginal psychological factors. But the psychologic aspect of this specter of issues lacked attention in the model existed. To transform

engineering psychology into a civil discipline, it was necessary to find a field to apply it and not to lose the far-reaching character and scale and to secure its demand. As a model for solving this problem in the American context, the experience of Alphonse Chapanis, who sought to realize the potential of engineering psychology in the widest possible number of industries, is considered. The book *Man and Technology* suggests that Lomov viewed this pattern of scientific culture as a benchmark. However, the implementation of a similar approach in the Soviet scientific culture and institutional area required different organizational solutions. These circumstances predetermined that the project of engineering psychology, originally leaning towards applied research, was implemented on the basis of the Institute of Psychology of the USSR Academy of Sciences.

Keywords: engineering psychology, cybernetics, Soviet psychology, human factors.

References:

Chapanis A. 1965. *Man-machine Engineering.* Belmont: Wadsworth Publishing Company. 134 p.

Chapanis A. 1999. *The Chapanis Chronicles.* Santa Barbara: Aegean Publishing Company. 225 p.

Fortescue S. 1986. *The Communist Party and Soviet Science.* London: Macmillan Press. 234 p.

Hebert H. 2006. The Miller's Tale: A Genealogy of the Father of the Cognitive Revolution. *APS Observer.* 19 (3). Pp. 21-24.

Karwowski W. (ed.) 2006. *International Encyclopedia of Ergonomics and Human Factors.* New York: Taylor and Francis. 3728 p.

Meister D. 1999. *The History of Human Factors and Ergonomics.* Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates, Inc. 382 p.

Sheridan T.B. 1985. *Forty-Five Years of Man-Machine Systems: History and Trends.* Varese: IFAC Man-machine Systems. 374 p.

Smith R. 2010. Why History Matters. *History and Philosophy of Psychology.* 12(1). Pp. 26-38.

Vidmer R. 1980. Management Science in the USSR: The Role of "Americanizers". *International Studies Quaterly.* 24 (3). Pp. 392-414.

Vidmer R. 1981. Soviet Studies of Organization and Management: A "Jungle" of Competing Views. *Slavic Review.* 40(3). Pp. 404-422.

Belopolsky V.I., Zhuravlev A.L., Kostrigin A.A. Istoriya organizatsii i nachalo deyatelnosti Insitituta psikhologii AN SSSR v dokumentakh i vospominaniyakh sovremennikov [The History of the Establishment of the Institute of Psychology of the AS USSR in Documents and Recollections of Contemporaries]. *Psikhologicheskii zhurnal.* 41(5). Pp. 97-107. https://doi.org/10.31857/S020595920011085-9 (In Russian).

Boiko E.I., Zhinkin N.I., Zakharov A.N., Landa L.N., Lomov B.F., Shenshev L.V. 1967. Kibernetika i problemy psikhologii. [Cybernetics and Problems of Psychology]. *Kibernetiku na sluzhbu kommunizmu.* T. 5. Ed. A.I. Berg. Moscow: Energiia. Pp. 314-351 (In Russian).

Brushlinskii A.V. (ed.) 1997. *Psihologicheskaia nauka v Rossii XX stoletiia: problemy teorii i istorii* [The Psychological Science in Russia of the 20th Century]. Moscow: Institut psikhologii RAN. 576 p. (In Russian).

Kol'tsova V.A., Zhuravlev A.L. 2017. B.F. Lomov — novator i pervoprohodets v psikhologicheskoi nauke (k 90-letiiu so dnia rozhdeniia) [Lomov, an Innovator and Pioneer in the Psychological Science (to the 90th Anniversary of the Birth)]. *Psikhologicheskii zhurnal.* 38(6). Pp. 5-16 https://doi.org/10.7868/S0205959217060010 (In Russian).

Leontiev A.N. 1960. Biologicheskoe i sotsial'noe v psikhike cheloveka [The Biological and the Social in the Human Psyche]. *Voprosy psikhologii.* 6. Pp. 23-38 (In Russian).

Lomov B.F. 1991. Vystuplenie na torzhestvennom sobranii, posvyashchennom 15-letiyu obrazovaniya Instituta psikhologii AN SSSR [Address at the Reception in Honor of the 15th Anniversary of the Establishment of the Institute of Psychology of the AS USSR]. *Psikhologicheskii zhurnal.* 12(4). Pp. 16-26 (In Russian).

Lomov B.F. 1966. *Chelovek i tekhnika* [Man and Technology]. Moscow: Sovetskoe radio. 464 p. (In Russian).

Lomov B.F., Ofitserov V.I., Rubakhin V.F. 1965. Aktual'nye problemy voenno-inzhenernoi psikhologii [Current Problems of the Military Engineering Psychology]. *Voennaia mysl'.* 10. Pp. 43-51 (In Russian).

Nauchnaia sessiia, posviashhennaia problemam fiziologicheskogo ucheniia akademika I.P. Pavlova [The Science Session Dedicated to the Problems of the Physiological Teaching of the Academician I.P. Pavlov]. 1950. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. 141 p. (In Russian).

Ponomarenko V.A. 2012. *Na ch'ikh plechakh stoim?* [On Whose Shoulders Stand We?]. Moscow: Institut psikhologii RAN. 145 p. (In Russian).

Robinson D. 1986. An Intellectual History of Psychology. Madison: University of Wisconsin Press. 484 p. (Russ. ed.: Robinson D. 2005. *Intellektual'naia istoriia psikhologii.* Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy. 568 p.).

Sobolev S.L., Kitov A.I., Liapunov A.A. 1955. Osnovnye cherty kibernetiki [Main Traits of Cybernetics]. *Voprosy filosofii.* 4. Pp. 136-148 (In Russian).

Filosofskie voprosy fiziologii vysshei nervnoi deiatel'nosti i psikhologii [Philosophical Questions of Physiology of Higher Nervous Activity and Psychology]. 1963. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. 772 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Белопольский В.И., Журавлев А.Л., Костригин А.А. 2020. История организации и начало деятельности Института психологии АН СССР в документах и воспоминаниях современников. *Психологический журнал.* 41(5). С. 97-107. https://doi.org/10.31857/S020595920011085-9

Бойко Е.И., Жинкин Н.И., Захаров А.Н., Ланда Л.Н., Ломов Б.Ф., Шеншев Л.В. 1967. Кибернетика и проблемы психологии. *Кибернетику на службу коммунизму.* Т. 5. Под ред. А.И. Берга. Москва: Энергия. С. 314-351.

Брушлинский А.В. (ред.) 1997. *Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории.* Москва: Институт психологии РАН. 576 с.

Кольцова В.А., Журавлев А.Л. 2017. Б.Ф. Ломов — новатор и первопроходец в психологической науке (к 90-летию со дня рождения). *Психологический журнал.* 38(6). С. 5-16. https://doi.org/10.7868/S0205959217060010

Леонтьев А.Н. 1960. Биологическое и социальное в психике человека. *Вопросы психологии.* № 6. С. 23-38.

Ломов Б.Ф. 1991. Выступление на торжественном собрании, посвященном 15-летию образования Института психологии АН СССР. *Психологический журнал.* 12(4). С. 16-26.

Ломов Б.Ф. 1966. *Человек и техника.* Москва: Советское радио. 464 с.

Ломов Б.Ф., Офицеров В.И., Рубахин В.Ф. 1965. Актуальные проблемы военно-инженерной психологии. *Военная мысль.* № 10. С. 43-51.

Научная сессия, посвящённая проблемам физиологического учения академика И.П. Павлова. 1950. Москва: Издательство АН СССР. 141 с.

Пономаренко В.А. 2012. *На чьих плечах стоим?* Москва: Институт психологии РАН. 145 с.

Робинсон Д. 2005. *Интеллектуальная история психологии.* Москва: Институт философии, теологии и история св. Фомы. 568 с.

Соболев С.Л., Китов А.И., Ляпунов А.А. 1955. Основные черты кибернетики. *Вопросы философии.* № 4. С. 136-148.

Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии. 1963. Москва: Издательство АН СССР. 772 с.

УДК 130.2 37.01 https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-31-45

КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА В ГЛОБАЛЬНУЮ ЭПОХУ: ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ

С.М. Остапенко

Остапенко Светлана Михайловна — аспирант кафедры ЮНЕСКО факультета международного регионоведения и регионального управления ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ. 119571, Москва, проспект Вернадского, 82, стр. 1. E-mail: OstapenkoSM@mail.ru

Остапенко С.М. 2020. Культурно-образовательная среда в глобальную эпоху: эвристический потенциал достижения целостности. *Концепт: философия, религия, культура.* Том 4. № 4. С. 31–45. https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-31-45

Статья поступила в редакцию: 08.08.2020. Принята к публикации: 11.11.2020

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Актуальность темы определяется проблемой трансформации условий жизнедеятельности человека, влияющих на становление его личности вследствие цивилизационных изменений глобализирующегося мира. Неоднородность культурного пространства, социальная нестабильность, нарушение баланса взаимодействия между человеком, обществом и природой, сопровождающие социокультурную эволюцию, приводят человечество к осознанию кризиса и поиску нестандартных решений, адекватных сложности современной ситуации.

Цель исследования — раскрыть возможности воздействия сферы образования на вектор цивилизационного развития посредством формирования многогранной культурно-образовательной среды, показать новые ракурсы её исследования, базирующиеся на методологии системного анализа, междисциплинарном подходе, позволяющих комплексно осмыслить преобразования, затрагивающие наряду с образовательно-педагогическими аспектами её социокультурную, коммуникативную, цивилизационную динамику.

Новизна данного подхода, расширяющего рамки исследовательской парадигмы, обосновывает эвристичность познавательной деятельности как широкоформатного, концептуального решения центральной проблемы — определение значимости образования в процессах глобальных изменений, способствуя выявлению деструктивных противоречий, путей сдерживания энтропийных деформаций социокультурного пространства.

Теоретическое обоснование потребности удержания динамической устойчивости культурно-образовательной среды России как части глобальной сферы, обнажает проблему целостности национального культурно-образовательного пространства, обеспечивающего воспроизводство цивилизационной парадигмы России, объясняет формируемый социальный запрос на культурно-образовательную среду, способствующую преодолению кризисных проявлений общемирового масштаба, достижению высокого качества жизни, укреплению человеческого потенциала.

Полученные результаты позволяют выделить в межгосударственном регулировании культурно-образовательного пространства ряд международных программных документов, закрепляющих в качестве приоритета управления цивилизационными процессами концепцию устойчивого развития, способствующих обновлению целеполагания и становлению иного типа мышления как нового метода освоения окружающей действительности. Ориентир России помимо обеспечения технико-технологичного уровня на приоритет духовных ценностей, гуманитарного знания, создание действенной системы воспитания и обучения обуславливает инструменты моделирования целостности культурно-образовательного пространства, основанные на параметрах культуры и ключевом принципе культуросообразности, отвечающем требованиям сбалансированности материальных потребностей, нравственных ценностей и обеспечивающем согласование целей культуры и образования.

Ключевые слова: культурно-образовательная среда, междисциплинарность, сложностность, целостность, глобализация, концепция устойчивого развития, эвристичность, синергетический подход, параметры культуры, культуросообразность, человеческий капитал, культурная политика.

Введение

В последнее время исследователи, всё чаще осознавая влияние на развитие личности культурно-образовательной среды, темами своих работ выбирают проблематику, связанную с сохранением её единства и обновлением содержательной стороны. Следует заметить, что в большинстве случаев изучение понятий «культура» и «образование» проводится, исходя из идеи взаимосвязи и взаимозависимости педагогического и образовательного компонентов среды.

Средовой контекст образования и связанная с ним проблема становления личности человека нашла выражение в формировании философских и образовательных концепций (Л.С. Выготский, Э. Гуссерль, Я.А. Коменский, Д.С. Лихачёв, А.С. Макаренко, М. Монтессори, И.Г. Песталоцци, П.А. Флоренский, М. Хайдеггер, М. Шелер), в переосмыслении, реформировании образовательной парадигмы (К.Х. Делокаров, В.М. Межуев, Н.Н. Моисеев и др.).

Новый импульс научным поискам в осмыслении культурно-образовательного пространства придало расширение в конце XX – начале XXI вв. цивилизационного направления исследовательской мысли (А.Д. Урсул, Т.А. Урсул, А.Н. Чумаков), обнаруживающее вместе с тем современные грани динамики культурно-образовательной среды (Г.А. Аванесова, О.Н. Астафьева, В.Г. Буданов, В.П. Веряскина, М.С. Каган и др.). Педагогические аспекты по её формированию через призму обращения к ресурсам культурологии обозначены в статьях Е.П. Белозерцева, О.А. Янутш.

Однако обращение к комплексному анализу культурно-образовательной среды показывает, что этот феномен значительно шире обозначенной тематики, поскольку включает массу интересных и недостаточно изученных проблемных поворотов, таких как необходимость сбережения культурных ценностей, достижения её глобальной устойчивости и др.

Исходя из этого, целью статьи, базирующейся на основе метода системного анализа, междисциплинарном и комплексном подходах к осмыслению культурно-образовательной среды как объекта нашего исследования, выступает обоснование потребности в достижении её целостности и раскрытие особенностей придания ей устойчивого развития. Автор предлагает к рассмотрению перспективную возможность создания модели, функционирующей на принципах эвристичности и культуросообразности, которые могли бы рассматриваться в качестве обязательных условий для выработки методов государ-

ственного регулирования социокультурных процессов.

Ракурсы исследования культурно-образовательной среды

Методология изучения культурно-образовательной среды, ещё несколькими десятилетиями ранее не бравшая, например, во внимание целостность, существующее социальное и педагогическое средовое взаимодействие [Белозерцев, Щербакова, 2016: 10-38], склоняется к осмыслению функционирования образования наряду с другими общественными подсистемами и в тесной взаимосвязи с ними [Белозерцев, Щербакова, 2016: 39-75], с опорой на принципы феноменологии, научности и целостности [Белозерцев, Щербакова, 2016: 76-108].

Обращение к понятию целостности как характеристике внутренней сложности и качественного своеобразия объекта[1], отражает свойства совокупности организации элементов структуры сообразно установленным принципам[2]. Признаками целостности следует считать, в том числе и предшествующее развитие, накопление научного познания, множественные связи объекта со средой, существование с ней в единстве[3].

Анализ динамики взаимоотношений таких сверхсложных систем как общество и культура тоже привлекают наше внимание к целостности, вырисовывая в рамках концепции холизма многостороннюю проблему становления антропо-социо-культурных систем. С одной стороны, междисциплинарное прочтение категории целостности определяет культуру и общество как системную целостность и устойчивое единство, состоящее из множества целостностей, последовательно создаваемых большим числом поколений людей [Астафьева, 2009: 133-156].

С другой — субъектами процесса моделирования, формирования целостности культурно-образовательной среды в стремительно изменяющихся условиях современности в равной степени являются и личность человека, и экономические, политические, социальные, институты духовной сферы, так или иначе вовлечённые в организацию стабильных форм регулирования общественной жизни. Что открывает личности не только перспективу социальной самореализации, но и посредством осознания необходимости сохранения целостности самой культуры и человеческого сообщества гармонизирует преемственность межпоколенных взаимоотношений и оказывает влияние на формирование идентичности [Астафьева, 2011: 223-241].

Очевидная взаимосвязь между обновлением цивилизационных условий существования общества и процессами формирования культурно-образовательной среды позволяет расширить ракурс исследования её целостности, направляя наше внимание на ряд важных положений.

Во-первых, ткань культурной среды как насыщенного, сложного и динамичного явления характеризуется многоплановостью и зачастую противоречивостью происходящих процессов [Астафьева, 2013: 82-91]. Следовательно, изучение любого культурного пространства требует полифоничного, многовекторного методологического решения, которым в равной степени может стать и междисциплинарный подход.

Во-вторых, объективный и всесторонний анализ становления культурно-образовательной среды, в том числе в России невозможен при одномерности, линейной направленности исследовательской мысли, базирующейся на причинно-следственных связях и принимающей во вни-

---

1 *Философский энциклопедический словарь*. 1983. Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. Москва: Советская Энциклопедия. 840 с.

2 Электронная библиотека ИФ РАН. *Новая философская энциклопедия 2000-2001*. Председатель научно-редакционного совета В.С. Степин. Москва: Мысль. URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01d3f803078f3c004a82c7d3 (дата обращения: 20.08.2020).

3 *Философский энциклопедический словарь*. 1983. Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. Москва: Советская Энциклопедия. 840 с.

мание только последовательность перехода от одного исторического периода к другому или учитывающей исключительно поступательное движение в направлении от простого к сложному. Поэтому речь может идти о потребности в коммуникативной парадигме социокультурных преобразований, о целостности и гуманистическом наполнении культурно-образовательной среды, о выявлении её роли в становлении личности [Остапенко, 2020: 144-152]. В свою очередь, это порождает непреложную необходимость рассматривать связанные с этим процессом явления целостно, системно, опираясь на антрополого-аксиологический подход и используя «горизонтальный» (синхронный) и «вертикальный» (диахронный) компаративный анализ различных культур, учитывающие их способы осмысления мира и оптимизацию взаимодействия [Силантьева, Шестопал, 2017: 11-23], а также общемировые влияния межгосударственной динамики и происходящие цивилизационные изменения.

В-третьих, в условиях переживаемого миром глобального конфликта, в основе которого заложена не идеологическая, а прежде всего цивилизационная сущность, влекущая за собой морально-нравственный и духовный кризис [Белозерцев, 2009: 142-152], понятия «культурно-образовательная среда» и «культурно-образовательное пространство», преодолевающие специфику неопределённости, невозможно рассматривать вне параметров регулирования их существования и развития.

Таким образом, осмысление изменений последних лет, очевидные по интенсивной динамике среды, как между историческими отрезками времени, так и внутри неё на протяжении определённого цивилизационного периода, требует новых оснований и концептуальных решений, охватывающих своими рамками и культурно-смысловые, и семантико-семиотические, и темпоральные аспекты.

Понятие эвристичности и его применение в современном социокультурном измерении

Одним из действенных, продуктивных инструментов, способных решать ключевые исследовательские задачи, требующие выявления новых свойств и причинно-следственных связей, обоснования закономерностей, безусловно, выступает понятие эвристичности.

Проделав эволюционный путь от восклицания Архимеда «Эврика!» (от греч. Εὕρηκα – нашёл, открыл) до эвристики как области науки и отрасли научного знания, владеющей конструктивными, продуктивными методами, эвристичность выступает уже не только в качестве принципа исследовательской деятельности, но даёт нам приемы, значительно облегчающие решение практических задач[4].

К осмыслению эвристичности познавательной деятельности, обоснованию логичности её появления и соизмеримости влияний, преобразовывающих жизнь человека, исследователи стали наиболее активно обращаться с середины XX в. Уходя от эмпирических способов действия по заданным вариантам и правилам, эвристическая деятельность опирается на интеллектуальные компоненты и методы движения от абстрактного к конкретному.

Востребованность понятия «эвристичность» справедливо хотя бы уже потому, что нас окружает живой, диалектический мир, с постоянно движущимися, изменяющимися явлениями, внутренними противоречиями и борьбой противоположностей, мир малопредсказуемый и не поддающийся заранее механистическому программированию. И чем больше происходит нарастание неопределённости, неравновесности, тем более настойчивыми становятся поиски человеческого интеллекта в стремлении к нестандартным, выходящим за пределы детерминированности, решениям [Волчек, 1997: 80-87].

[4] Ивин А.А., Никифоров А.Л. 1997. *Словарь по логике.* Москва: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС. 384 с.

УДК 130.2 37.01

Наконец, именно эвристичность своей неординарностью и своим содержанием созвучна и в должной мере соответствует неоднозначности и сложностности современного социокультурного измерения, которая, в отличие от «сложности» как многосоставности, трудности и многообразности, обнажает меру различения неопределённостей абсолютно в любых предметных областях [Гречко, 2012: 5-21].

В исследовании круга проблем, связанных с формированием культурно-образовательной среды, потенциал понятия эвристичности достаточно широк. Он заключён, прежде всего, в междисциплинарности. Так, деятельностный подход в сочетании с научным взаимодействием на стыке предметных областей даёт множественный эффект активного роста проектных решений, увеличения количества реализованных их практических воплощений [Остапенко, 2019: 431-442]. Что непосредственно обеспечивает возможности для преобразования среды и выражается в новом качестве культурно-образовательного пространства.

Напрямую с содержательной стороной образовательной среды связаны процессы генерирования новых знаний или обновления способов применения уже имеющихся социальных практик. И здесь эвристичность сообразно культурно-образовательной среде удовлетворяет социальную потребность в приращении знания, раскрывая специфическое отношение человека к окружающей действительности [Волчек, 1997: 80-87].

Междисциплинарность проявляет себя несомненным достоинством и новым качественным свойством, объединяющим понятия эвристического и синергетического подходов в решении неординарных задач на рубежах цивилизационных изменений. Когда на фоне парадигмальных сдвигов, затрагивающих идеи, ценности, мировосприятие, сложностность задаётся особым типом динамики «становления» и потребностью в обновлённом стиле мышления [Свирский, 2012: 37-47]. На первый план выдвигаются проблемы нестабильности, сопутствующие эволюции культуры, которая, не успевая усвоить происходящие изменения, проецирует усложнения на самого человека, его духовный мир [Ополев, 2019: 101-112].

Всё это влечёт деформации культуры, что прямо влияет на свойства и целостность культурно-образовательной среды, а впоследствии сказывается и на формировании национально-культурной идентичности.

И если, как отмечает О.Н. Астафьева, «синергетическая модель помогает увидеть разбалансировки в системе культуры – своего рода „ответы“ культуры на антропогенные кризисы» [Астафьева, 2013: 87], а «каждая фаза развития культуры проходит, как минимум, три стадии: нестабильность-хаос, <…> нестабильность-неустойчивость <…> и нестабильность-креативность» [Астафьева, 2013: 89], то потенциал эвристичности для восстановления баланса параметров порядка культуры, или же для оценки прорывных возможностей перехода в «новые культурные эпохи» [Астафьева, 2013: 87] несет ярко выраженную противоэнтропийную направленность и открывает новые альтернативы для преодоления неустойчивости и кризисных проявлений.

Цивилизационная устойчивость культурно-образовательной среды в глобальную эпоху

Всё более отчётливо проявляющиеся процессы глобализации приводят нас к идее существования единого мира, где концепции индивидуального цивилизационного развития на уровне различных государств и народов формируются в целостную систему.

Взгляды исследователей существенно разнятся, не утихают споры о единении или, наоборот, множественности цивилизаций. Обострилось и само восприятие понятий «культура» и «цивилизация», зачастую происходит их взаимная ассоциация, что неизменно обедняет смысловой контекст, ведётся дискуссия о том, что каждое из них, отражая действительность в одностороннем порядке, исчерпало свои эвристические возможности [Чумаков, 2019: 11-31].

С учетом того, что и сам глобальный мир существенно изменился, стал многоаспектным, обосновывается потребность использовать синтетическую категорию «культурно-цивилизационная система», что, по мнению А.Н. Чумакова, создаст «целостность восприятия социального организма и понимание динамики его развития как закономерного процесса» [Чумаков, 2019: 28].

В этой связи возникает вопрос о границах применимости понятия культурно-образовательной среды в рамках одного государства, одной культуры или же в масштабах мировой цивилизации. Возможно, через определённый промежуток времени для того, чтобы характеризовать черты «культурно-цивилизационной системы», правомерно будет употреблять выражение «культурно-цивилизационная среда».

Не ставя в данной статье задачу выявления различий в оперировании понятием «культурно-образовательная среда» при исследовании цивилизационных или социокультурных изменений глобализирующегося мира, тем не менее, отметим, что обращение к нему представляется нам обоснованным и в первом, и во втором случае, поскольку нами разделяется точка зрения об их тесной взаимосвязанности и взаимозависимости.

Интересен в качестве самостоятельного и многогранный вопрос о взаимном влиянии процессов цивилизации на культуру и жизнедеятельность каждого из государств в отдельности и о месте последних в общей, культурной картине глобального мироустройства.

Естественно, подход к изучению культурной среды в период изменений рубежа XX-XXI вв. затрагивает, в том числе возможность считать Россию значительной, особенной в ряду Западных или Индийской и Китайской цивилизаций.

Российская государственность обладает рядом только ей присущих ценностных черт. Это создание миролюбивых, стабильных, партнерских отношений между нациями на основе многоукладности бытия, попытка сбалансировать уровень природопользования и потребления ресурсов, сохранение жизненных ориентиров на нравственные ценности личности и семьи, стремление к созданию общенационального единомыслия, единогласия и солидарности [Белозерцев, Щербакова, 2016: 10-38]. Все указанные признаки раскрывают значимость целостности, прежде всего внутригосударственного культурно-образовательного пространства.

В мировых масштабах сохранение устойчивости, преодоление кризисных явлений не только в духовной и гуманитарной сферах, а и в экологии, энергетике, международных взаимоотношениях в значительной мере связано с качеством человеческого потенциала, интерес к развитию и использованию которого активно растёт в последние годы.

Исследованием, проведённым в рамках Программы развития ООН в конце 90-х гг. прошлого столетия, было установлено, что человеческий потенциал в конце XX в. составил 65 % всех государственных богатств мирового сообщества [Белозерцев, Щербакова, 2016: 5-9].

Признание приоритетной роли культурно-образовательной среды в формировании жизненного пространства человека делает актуальным диалектическое взаимодействие между свойствами среды и качеством жизни человека. Становится очевидным, что достичь качества человеческого потенциала и исполнить социальную и антропологическую миссию государства можно только в случае достижения надлежащего качества культурного и образовательного пространства.

Не подразделяя термин «культурно-образовательная среда» на культурную и образовательную составляющие, принимая во внимание толкования идей П. Флоренского или Д.С. Лихачёва, отождествлявших культуру со средой, взращивающей личность [Кипнес, 2017: 78-82], стоит тем не менее отдельно остановиться на аспекте культуры, связанном с цивилизацией.

Терри Иглтон, например, очерчивает понятие «культура» не только в качестве исторического перехода, но и совмещает с ним ключевые философские положения: «свободы и детерминизма, субъекта действия (agency) и претерпевания, изменения и идентичности, данного и сотворённого» [Иглтон, 2012: 10]. И одновременно

указывает на «диалектику искусственного и природного, того, что мы делаем с миром и что он делает с нами» [Иглтон, 2012: 10] в случае цивилизационного вмешательства в естественный рост культуры.

Рассуждая об эволюции и трансформации понятия культуры, Т. Иглтон замечает, что невозможно гармонично и всесторонне развить личность, находясь в изоляции. Осознание этого факта означает поворот общественных взаимоотношений и культуры от личного, индивидуального к социальному. К новым формам культуры, удовлетворяющим потребность в создании определённых условий. И «поскольку эти условия могут включать в себя государство, она тем самым получает политическое измерение» [Иглтон, 2012: 21].

Межгосударственное регулирование культурно-образовательного пространства

В социогуманитарном знании последних лет можно наблюдать процесс устойчивого роста интереса к регуляторной миссии политико-правового измерения антропологического аспекта культуры. Это отражается в вовлечённости стран в решение общемировых проблем, в создании программных документов, принятых и внутри государства, и влиятельными международными организациями (ООН, ЮНЕСКО и пр.).

Ряд исследователей отмечает, что существование современного человека как биологического и социального вида обусловлено тремя взаимосвязанными «мирами» – Космос, Природа и Общество, соподчинение и саморазвитие которых требует концептуально нового, целостного, холистического подхода. Именно его применение и отказ от линейного мышления предполагает концептуально новое осмысление функционирования социальной и социоприродной систем.

Такой биоцентричный мировоззренческий ракурс, признающий разумность сохранения человеком природной системы, нашёл свое воплощение в появлении учения о ноосфере [Гуськова, Неретина, Салимова, 2015: 161-171]. При всей разнице в научных трактовках понятия «ноосфера» в его основании заложено понимание гармоничности взаимодействия, коэволюции природного, общественного и культурного под воздействием человеческой деятельности.

Осознание же неразумности моделей природопользования, производства и потребления, углубляющихся негативных изменений, приближающих экологическую, антропогенную и другие глобальные катастрофы, вызвало к жизни на основе ноосферной теории потребность урегулирования на международном и межнациональном уровнях [Шугуров, 2013: 161-180].

Одним из значимых аспектов межгосударственного, политического, социокультурного измерения для преодоления взаимосвязанных кризисных явлений стало появление идеи о переходе к устойчивому развитию, а затем и создание концепции, принципы которой закреплены главами государств и правительств на состоявшейся в июне 1992 г. в Рио-де-Жанейро Конференции ООН по окружающей среде и развитию[5].

Заявленные цели достичь баланса социально-экономических и экологических процессов и глобальное намерение к созданию принципиально нового метода управления цивилизацией акцентированы в мировом сообществе со второй половины XX в. Когда были предприняты шаги в отношении проведения ООН Международного десятилетия детства (1960-е гг.), создания Римского клуба (1968), проанализировавшего в ряде докладов и создаваемых теориях динамического или органического роста, динамического равновесия ключевые проблемы и возможность их решения [Пасенов, 2017: 156-160].

В становлении концепции устойчивого развития исследователи на протяжении с середины XIX в. по настоящее время выделяют до четырёх этапов, различных по своей протяженности и содержанию. Од-

[5] *Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию. Официальный интернет-портал Организации Объединённых Наций.* URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 10.06.2020).

новременно отмечая, что концептуальные предпосылки зарождения глобального мышления такого типа уже можно наблюдать в попытках обобщить К. Марксом, О. Контом и Г. Спенсером хаотичное развитие общественных отношений и направить их в управляемое русло, в высказанных В.И. Вернадским принципах ноосферности, в концепциях индустриального общества, нацеленных на повышение жизненного уровня (А. Арон, Дж. Гэлбрейт) [Пасенов, 2017: 156-160].

Современное восприятие правильности направления развития цивилизации давно перешагнуло порог сугубо экологического или экономического мышления и уступило место уже упомянутому нами выше целостному, системному подходу, за которым кроется понимание зависимости устойчивого развития от целого ряда направлений деятельности человека [Ильин, Урсул А.Д., Урсул Т.А., 2015: 60-84]. Они разрослись и по вертикали, и по горизонтали и охватывают как области знаний, так и поля человеческой жизнедеятельности, формы и методы управления этими процессами.

И если в недавнем прошлом постановка каких бы то ни было целей для возникшего естественным образом и стихийно развивающегося человечества была чем-то неестественным [Урсул А.Д., Урсул Т.А., 2016: 65-72], то сегодня с большой долей уверенности можно говорить о становлении нового, пространственно-временного способа глобального мышления как нового метода освоения окружающей действительности.

Социоприродная ориентация на устойчивое развитие подчёркивается наличием антропоцентрической (возможность долгого, непрерывного и безопасного существования для последующих поколений) и биосфероцентрической (экологической) целей. Предполагается, что их сочетание исключит деградацию социума и обеспечит его коэволюцию с окружающей средой. Но междисциплинарный, системный подход обнажает сложившиеся противоречия между стремлением к созданию модели мироустройства и существующей ныне неустойчивой формой его существования, заставляет обязательно брать во внимание и учитывать геополитические, правовые, культурные и многие другие угрозы [Урсул, 2016: 29-56].

Россия, стремясь сформировать, прежде всего, устойчивую социокультурную среду для граждан своего государства, и обеспечивая национальную безопасность, нацелена повышать качество и стандарты жизни, развивать технологии природопользования и ресурсопотребления, достичь экономического роста через развитие инноваций, вкладывать инвестиции в человеческий капитал[6].

Особая категория целеполагания для достижения устойчивости развития заложена в направлении образования. Эта линия отчётливо прослеживается, начиная с 1996 г., когда в принятой Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, в качестве меры национального и индивидуального достояния человечества на пути к построению ноосферы названы духовные ценности и знания. А одной из целевых обозначена соответствующая задача по созданию надлежащей системы воспитания и обучения[7].

Далее Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года[8], а затем и её обновлённая редакция[9] предусматривают образование вместе со здравоохранением и культурой в ряду «це-

---

[6] *Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683). Собрание законодательства Российской Федерации от 2016 г., № 1 (часть II), ст. 212.* URL: http://base.garant.ru/71296054/#friends (дата обращения: 29.05.2020).

[7] *Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию (утв. Указом Президента РФ от 1 апреля 1996 года № 440). Собрание законодательства Российской Федерации от 1996 г., № 15 , ст. 1572.* URL: http://base.garant.ru/1548498/ (дата обращения: 30.05.2020).

[8] *Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (утв. Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537). Собрание законодательства Российской Федерации от 2009 г. № 20, ст. 2444.* URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/95521/ (дата обращения: 05.06.2020).

[9] *Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683). Собрание законодательства Российской Федерации от 2016 г., № 1 (часть II), ст. 212.* URL: http://base.garant.ru/71296054/#friends (дата обращения: 29.05.2020).

левых приоритетов» обеспечения устойчивости и соблюдения национальной безопасности России.

Десятилетие образования в интересах устойчивого развития, установленное в 2002 г. резолюцией № 57/254 Генеральной ассамблеи ООН, охватило период с 2005 по 2014 гг. также провозгласило интеграцию всех уровней образования, создание на его основе фундамента устойчивости всего общества [Ильин, Урсул А.Д., Урсул Т.А., 2015: 60-84].

Глобальные цели перехода к устойчивому развитию на период до 2030 г., утвержденные в сентябре 2015 г. решением 70-й сессии Генеральной ассамблеи ООН в рамках прошедшего Саммита по устойчивому развитию, закрепляют эту линию и содержат 17 перспективных задач. Одна из них – обеспечить всеохватное, качественное образование и возможность продолжать обучение в течение всей жизни [Ильин, Урсул А.Д., Урсул Т.А., 2015: 60-84].

Методы и инструменты моделирования культурно-образовательной среды

Как видим, в создании устойчивой среды для жизнедеятельности человека знания становятся и предпосылкой, фактором достижения цели, и предметом воздействия, и ключевым методом. Но помимо этого образование выходит за узкопрофильные рамки области знаний и как часть культурно-образовательной среды приобретает тенденцию к наполнению более масштабным смысловым содержанием.

Во-первых, это темпоральность, подразумевающая, что процесс познания будет опережать, предвосхищать процесс становления устойчивого мироустройства, и футуризация, смещающая акцент с распространения знания на его моделирование. Во-вторых, – способность транслировать от поколения к поколению ценности и универсалии развития [Урсул А.Д., Урсул Т.А., 2017: 8-20], отражающая соответствие образования общим параметрам культуры.

Именно параметры культуры определяют состояние взаимоотношений между системой культуры и системами социального порядка, регулируют направленность процессов самоорганизации [Астафьева, 2006: 18-27; Астафьева, 2012: 105-150]. Центральным среди них в контексте исследуемой проблемы можно назвать принцип культуросообразности, отвечающий в человеческом обществе за соответствие материального и нравственного, ценностей и смыслов, за баланс между культурой и образованием.

Всё чаще устойчивое развитие именуют «УР-триадой», связывая его с экономикой, экологией и социальной сферой, куда включают и образование. И если исследователи в качестве четвёртой составляющей в «УР-триаде» предлагают выделить образование как равноправный компонент, трансформируя «треугольник» в «квадрат» [Урсул А.Д., Урсул Т.А., 2017: 8-20], то в центре этого квадрата в качестве некоего комплекса мер, удерживающего всю конструкцию в более или менее равновесном состоянии, можно небезосновательно разместить принцип культуросообразности.

В философско-педагогическом контексте формирования целостности культурно-образовательной среды надо учесть необходимость совокупности трёх её уровней. Мегасреда аккумулирует исторические и цивилизационные условия, позволяющие сформировать идентичность личности и историческую память. Уровень макросреды отражает социально-культурные условия образа жизни личности. Микросреда адаптирует личность в окружающей среде, делает её субъектом образовательного пространства [Белозерцев, Щербакова, 2016: 10-38].

Философско-культурологический средовый подход [Белозерцев, Щербакова, 2016: 10-38] с опорой на параметры культуры и принципы культуросообразности даст нам возможность и новые методы моделирования этой среды.

Неординарность эвристических возможностей культуросообразности позволят в принципиально ином ключе учесть результаты исследований истории, культуры, философии. А вступление в эвристическую деятельность человека даёт ему,

по сути, неординарные преимущества для преобразования действительности [Волчек, 1997: 80-87].

Прежде всего, своё внимание на соответствие параметрам культуры мы должны обратить в отношении человеческого потенциала и управления человеческим капиталом.

Проведённые исследования в странах СНГ показывают, что одним из основополагающих вопросов для россиян остаётся постижение смысла жизни и бытия, а устойчивость мировосприятия более чем на 80% зависят от качества жизни и духовного состояния граждан [Белозерцев, Щербакова, 2016: 5-9]. И, поскольку успешность формирования человеческого капитала рассматривается сегодня как путь к стабильности и конкурентоспособности государства [Астафьева, Шлыкова, 2019: 13-23], для полноценного духовного становления личности, устойчивого функционирования общества необходима культурная среда, которой присущи многообразие социальных, материальных, духовных элементов, способная к саморегуляции и самоорганизации [Стояновская, 2015: 44-47]. Её целостность не представляется возможной без социокультурного воспроизводства, без межпоколенной преемственности, и в то же время без осознания целостности самого человека и понимания его самого «как центра и источника изменений» [Астафьева, Шлыкова, 2019: 14].

Следующим эвристическим решением, взаимосвязанным с обоснованием целостности человека и соотносящимся с принципом культуросообразности, является отношение к человеческому потенциалу как национальному достоянию. Эта идея позволяет генерировать в понятии «человеческий капитал» возможности сфер науки, образования, культуры и задействовать их достижения во всех сложных, крайне динамичных процессах социокультурной модернизации [Астафьева, Никонорова, Шлыкова, 2019: 33-47].

Картину построения целостности культурно-образовательной среды дополняют перспективы её моделирования. Эвристические резервы человеческого капитала, опирающиеся на принцип культуросообразности, несомненно, заложены в понятии «культурная политика».

Поскольку единство культурно-образовательного пространства содержится, прежде всего, на уровне территориального, регионального развития, принцип культуросообразности открывает возможности для взаимодействия сфер культуры, образования, впоследствии влияющих на интеграцию таких социальных сред и отраслевых систем, как социальное обеспечение, развитие городской инфраструктуры.

Системный подход к созданию культурно-образовательного пространства, его формированию на уровне региона, в том числе посредством культурной политики призван актуализировать человеческий потенциал территории и обозначить источники её развития [Мурзина, 2014: 3-6, 155-183].

Известный российский философ, специалист в области социокультурной динамики и культурной политики О.Н. Астафьева, исследуя многогранность человеческого капитала, раскрывает важность человеческого ресурса для его использования в реализации стратегии культурной политики России, построенной на инновационных управленческих принципах.

Ценностную основу, ядро осуществляемых модернизаций непременно должны составлять упорядоченность управленческих решений, их согласованность с ориентированными в будущее смысловыми целями социокультурного развития.

В своих многочисленных трудах на эту тему ученый подчёркивает, что избранная модель государственной культурной политики должна непременно соответствовать замыслам социокультурной модернизации, поскольку инновации в различных областях жизнедеятельности, проводимые государственными структурами, следует синхронизировать с процессами самоорганизации трансформирующегося в ходе нововведений общества [Астафьева, 2019: 112-131].

Вместе с тем О.Н. Астафьева отмечает, что существуют и проблемы готовности самой среды к восприятию изменений и самоорганизации, затрагивающие усложнение динамики культурной среды,

эффективность коммуникации между субъектами культурной политики, неравномерность изменений среды вследствие неравноценности ресурсных вложений городских и сельских местностей, коммуникативный системный разрыв и обособление науки и образования и ряд других [Астафьева, 2019: 112-131].

И всё же при всей сложности динамики культурно-образовательной среды, как указывает О.Н. Астафьева, государство внедряет принципиально новые подходы для обеспечения перспектив России в условиях глобального будущего и расширяет сферу своей ответственности «за качество человеческого капитала и темпы перехода к инновационному типу управления» [Астафьева, 2019: 128].

Заключение

Проблема формирования условий для жизни человека, становления его личности в бесконечно обновляющихся цивилизационных условиях глобального мира становится одной из центральных в философском и культурологическом дискурсах.

Безусловно, ключевую роль в этом играет целостность, смысловая наполненность и устойчивость культурно-образовательной среды. Она должна обладать преемственностью, сочетать опыт прошлого и инновации настоящего, удовлетворять социально-культурные потребности личности, стать основой для формирования её идентичной принадлежности.

Рассматривая особенности становления культурно-образовательной среды с позиций междисциплинарности, системного подхода мы можем констатировать, что динамика общемировых взаимоотношений демонстрирует устойчивый рост интереса и общества, и государственных, структур к возможности влияния и упорядочивания внутри социальных глобальных процессов, прямо или косвенно влияющих на формирование устойчивого межкультурного пространства. Это построение пространственных механизмов укрепления культуры и образования внутри страны, создание системы межгосударственного регулирования. Поиск новых, неординарных решений в этом направлении связан с осознанием соразмерности культурно-образовательной среды параметрам порядка культуры, что позволило обосновать эвристические возможности принципа культуросообразности в моделировании целостности культурно-образовательного пространства посредством формирования человеческого капитала и методов государственной культурной политики.

CULTURAL AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT IN THE GLOBAL ERA: HEURISTIC POTENTIAL FOR REACHING INTEGRITY

S.M. Ostapenko

Svetlana M. Ostapenko — PhD Student of the UNESCO Chair of the Faculty of Foreign Regional Studies and Regional Administration of the IPACS RANEPA under the President of the Russian Federation. 119571, Moscow, prospect Vernadskogo, 82. E-mail: OstapenkoSM@mail.ru

Ostapenko S.M. Cultural and Educational Environment in the Global Era: Heuristic Potential for Reaching Integrity. *Concept: Philosophy, Religion, Culture.* Vol. 4. No 4. P. 31–45. https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-31-45

Received: 08.08.2020. Accepted: 11.11.2020.

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Abstract. This paper outlines the main referent features of the culture–education sphere in the framework of globalizing world order, viewed with the help of philosophical concepts, in particular, the *heuristic*. The relevance of the topic is determined by the problem of the transforming conditions of human life, which influence the formation of his personality as a result of civilizational changes in the globalizing world. The heterogeneity of the cultural space leads humanity to an awareness of the crisis and the search for non-standard solutions. The article sets the objective of revealing the possibilities whereby the education sector can influence the vector of civilizational developments, and of showing new perspectives of such a research. In following this, the study is based on the methodology of systems analysis, and on the interdisciplinary approach which is innovative in a sense that it highlights the heuristic nature of cognitive activity as a wide-format, conceptual solution of the central problem. The theoretical substantiation of the need to maintain the dynamic stability of the cultural and educational environment of Russia exposes the problem of the integrity of the national cultural and educational space. In this respect, the idea brought about is that heuristic can be applied as an analytical tool, balancing the vision on global and national civilizational processes. This can establish a stronger coherence of political and cultural bodies on the both levels mentioned, with heuristic foundation of sustainable development, public administration and governance. The results make it possible to single out a number of program documents of global importance that consolidate the concept of sustainable development as a priority for managing civilizational processes, contributing to the renewal of goal-setting and the formation of a new vision, a new way to treat the reality. The sustainable path that Russia took determines the tools for modeling the integrity of the cultural and educational space, based on the parameters of the balance of material needs, moral values, and ensures coordination of the goals of culture and education.

Keywords: cultural and educational environment, interdisciplinarity, complexity, integrity, globalization, sustainable development, heuristic, synergistic approach, cultural parameters, cultural conformity, human capital, cultural policy.

References:

Astafyeva O.N. 2013. Dinamika sociokul'turnykh protsessov: nestabil'nost' kak proiavlenie slozhnostnosti [Dynamics of Sociocultural Processes: Instability as a Sign of Complexity]. *Vestnik Moskovskoi gosudarstvennoi akademii delovogo administrirovaniia. Seriia Filosofskie, sotsial'nye i estestvennye nauki.* 1. Pp. 82-91. (In Russian).

Astafyeva O.N. 2019. Innovatsionnoe upravlenie v sfere kul'tury i kachestvo chelovecheskogo kapitala v usloviiakh sotsiokul'turnoi modernizatsii [Innovative Management of the Sphere of Culture and Quality of the Human Capital in the Conditions of Sociocultural Modernization]. *Versatility of the Human Capital: Cultural and Social Bases.* Moscow: Soglasie. Pp. 112-131. (In Russian).

Astafyeva O.N. 2011. Kollektivnaia identichnost' v usloviiakh global'nykh izmenenii: dinamika ustoichivogo i ukorenenie stanoviashchegosia [Collective Identity in the Context of Global Changes: Dynamics of the Sustainable and the Rooting of the Emerging.]. *Voprosy social'noj teorii.* Vol. 5. Pp. 223-241. (In Russian).

Astafyeva O.N. 2012. Kul'tura kak samoorganizuiushchaiasia sistema: sinergeticheskaia kontseptsiia [Culture as a Self-organizing System: a Synergetic Concept]. *Teoriia kul'tury: raznoobrazie podhodov i vozmozhnosti ikh integratsii. Kollektivnaia monografiia,* pod red. Iu.M. Reznika. Moscow: Nauchno-politicheskaia kniga. Pp. 105-150. (In Russian).

Astafyeva O.N., Nikonorova E.V., Shlykova O.V. 2019. Social'no-gumanitarnye aspekty poniatiia "chelovecheskii capital": vzaimosviaz' "kul'turnogo kapitala" i "prirodnogo kapitala" [Social and Humanitarian Approaches to Judgment of the Integrative Concept (Human Capital): Interrelation of "Cultural Capital" and "Natural Capital"]. *Versatility of the Human Capital: Cultural and Social Bases.* Moscow: Soglasie. Pp. 33-47. (In Russian).

Astafyeva O.N., Shlykova O.V. 2019. Vvedenie. Kul'turno-obrazovatel'noe iadro chelovecheskogo kapitala: teorija, praktiki, opyt [Introduction. Cultural and Educational Core of Human Capital: Theory, Practice, Experience]. *Versatility of the Human Capital: Cultural and Social Bases.* Moscow: Soglasie. Pp. 13-23. (In Russian).

Astafyeva O.N. 2006. Teoriia samoorganizatsii kak konceptual'noe osnovanie kul'turnoi politiki: problemy teoreticheskoi kul'turologii [Theory of Self-organization as a Conceptual Basis of Cultural Policy: Problems Theoretical of Culturology]. *Voprosy kul'turologii.* 12. Pp. 18-27. (In Russian).

Astafyeva O.N. 2009. Tselostnost' kul'tury kak "edinstvo mnozhestvennosti" [Integrity of Culture as "United Plurality"]. *Sinergeticheskaia paradigma. Sotsial'naia sinergetika.* Moscow: Progress-Traditsiia. Pp.133-156. (In Russian).

Belozertsev E.P. 2009. Kul'turno-obrazovatel'naia sreda: metodologicheskaia neizbezhnost' sovremennogo otechestvennogo pedagogicheskogo znaniia [Cultural and Educational Environment: Methodological Inevitability of Domestic Modern Pedagogical Knowledge]. *Evrazijskij forum.*1. Pp. 142-152. (In Russian).

Belozertsev E.P., Shcherbakova I.B. 2016. *Kul'turno-obrazovatel'naia sreda provincii i zdorovyi obraz zhizni studenta (teoretiko-metodologicheskii aspekt)* [Cultural and educational environment of the province and healthy lifestyle of the student (theoretical and methodological aspect)]. Voronezh: Tipografija im. I.A. Bolkhovitinova. 230 p. (In Russian).

Chumakov A.N. 2019. Filosofskoe izmerenie kul'turno-civilizatsionnogo razvitiia v usloviiakh mnogoaspektnoi globalizatsii [Philosophical Dimension of Cultural and Civilizational Development in the Context of Multi-aspect Globalization]. *Mezhkul'turnoe vzaimodeistvie Rossii i Kitaia: global'noe i lokal'noe izmerenie.* Moscow: Prospekt. Pp. 11-31. (In Russian).

Eagleton T. 2000. The Idea of Culture. 2012. Oxford. Wiley-Blackwell. 168 p. (Russ. ed.: Eagleton T. 2012. Ideia kul'tury. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki. 192 p.).

Grechko P.K. 2012. Paradigmal'naia evristika complexity v sovremennom sotsial'no-gumanitarnom poznanii [Paradigmatical Heuristics of Complexity in Humanities and Social Sciences]. *RUDN Journal of Philosophy.* 1. Pp. 5-21. (In Russian).

Guskova N.D., Neretina E.A., Salimova T.A. 2015. Obrazovanie v kontekste kontseptsii ustoichivogo razvitiia [Education in interests the Context of the Sustainable Development in Russia: Problems and Calls]. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences.* 1. Pp. 161-171. https://doi.org/10.5862/jhss.215.21 (In Russian).

Ilyin I.V., Ursul A.D., Ursul T.A. 2015. Novye global'nye celi ustojchivogo razvitija [New Global Goals of Sustainable Development]. *Bulletin Moscow University. Series 27. Global Studies and Geopolitics.* 3-4. Pp. 60-84. (In Russian).

Kipnes L.V. 2017. Sozdanie edinoi kul'turno-obrazovatel'noi sredy: iz opyta raboty ANO "Universitetskie obrazovatel'nye okruga" [The Creation of a Unified Cultural and Educational Environment: Experience of ANO "University Educational District"]. *Vestnik of the Orenburg State University.* 10. Pp. 78-82. (In Russian).

Murzina I.Ia. 2014. *Regional'noe kul'turno-obrazovatel'noe prostranstvo: struktura, funktsii, sotsiokul'turnyj potentsial. Monografiia* [Regional Cultural and Educational Space: Structure, Functions, Socio-cultural Potential]. Moscow: Izdatel'stvo Pero. 197 p. (In Russian).

Opolev P.V. 2019. Slozhnost' kak antropokul'turnyi fenomen [Complexity as Anthropocultural Phenomenon]. *Concept: philosophy, religion, culture.* 3. Pp. 101-112. https://doi.org/10.24833/2541-8831-2019-3-11-101-112 (In Russian).

Ostapenko S.M. 2019. Filosofskie aspekty v issledovaniiakh kul'turno-obrazovatel'noi sredy i ikh prikladnye proektsii v Natsional'nom proekte "Obrazovanie" [Philosophical Aspects in the Research of the Cultural and Educational Environment and their Applied Projections in the National Project "Education"]. *Gosudarstvennoe upravlenie i razvitie Rossii: natsional'nye tseli i instituty.* Sbornik statei mezhdunarodnoi konferents-sessii. Tom 1. Moscow: Izdatel'skii dom Nauchnaia biblioteka. Pp. 431-442. (In Russian).

Ostapenko S.M. 2020. "Krymskie sezony iskusstv": regional'nyi opyt proektirovaniia i praktika formirovaniia kul'turno-obrazovatel'noi sredy ["Crimean Art Seasons": Regional Design Experience and Practice of Creating Cultural and Educational Environment]. *"Dialogi o kul'ture i iskusstve": materialy IX Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Perm', 17-19 okt. 2019 g.).* V 2 ch.: ch. 2, Pp. 144-152. (In Russian).

Pasenov A.N. 2017. Kontseptsiia ustoichivogo razvitiia: istoriko-pravovye aspekty [The Concept of Sustainable Development: Historical and Legal Aspects]. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy Sociology Law*. 10. Pp. 156-160. (In Russian).

Shugurov M.V. 2013. Mezhdunarodno-pravovye osnovaniia perehoda k ustoichivomu razvitiiu [International Legal Foundation for Transition to Sustainable Development]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj ûridičeskoj akademii.* 2. Pp. 161-180. (In Russian).

Silantyeva M.V., Shestopal A.V. 2017. Antropologicheskie i tsennostnye osnovaniia kommunikatsii: teoreticheskie i prikladnye aspekty [Communication Anthropological and Value Basics: Theoretical and Practical Aspects]. *Concept: philosophy, religion, culture.* 1. Pp. 11-23. (In Russian).

Stoianovskaia I.B. 2015. Kul'turno-obrazovatel'naia sreda kak istochnik razvitiia tvorcheskogo potentsiala lichnosti [Cultural and Educational Environment as a Source of Development of Personal Creative Potential]. *Novaâ nauka.* 4. Pp. 44-47. (In Russian).

Svirskiy Ya.Jo. 2012. Slozhnostnoe myshlenie v kontekste filosofskikh strategii Zh. Deleza i F. Gvattari [Thinking in Complexity: Philosophical Strategies of Gilles Deleuze and Felix Guattari]. *RUDN Journal of Philosophy.* 1. Pp. 37-47. (In Russian).

Ursul A.D. 2016. Stanovlenie ustoichivoi tsivilizatsii: novye global'nye tseli [Building a Sustainable Civilization: New Global Goals]. *Philosophy and Society.* 1. P. 29-56. (In Russian).

Ursul A.D., Ursul T.A. 2016. Tseli perekhoda k ustoichivomu razvitiiu chelovecheskoi tsivilizatsii [The Goals of Human Civilization`s Transition to Sustainable Development]. *Knowledge. Understanding. Skil 2.* Pp. 65-72. https://doi.org/10.17805/zpu.2016.2.6 (In Russian).

Ursul A.D., Ursul T.A. 2017. Fenomen futurizatsii v obrazovanii dlia ustoichivogo razvitiia [Phenomenon of Futurization in Education for Sustainable Development]. *Tsennosti i smysly*. 6. Pp. 8–20. (In Russian).

Volchek E.Z. 1997. Evristichnost' poznavatel'nogo deistviia [Heuristic of the Knowledge Action]. *Vesnìk Belaruskaga dzâržaŭnaga èkanamičnaga unìversìtèta.* 3. Pp. 80-87. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Астафьева О.Н. 2013. Динамика социокультурных процессов: нестабильность как проявление сложностности. В*естник Московской государственной академии делового администрирования. Серия «Философские, социальные и естественные науки».* № 1. С. 82-91.

Астафьева О.Н. 2019. Инновационное управление в сфере культуры и качество человеческого капитала в условиях социокультурной модернизации. *Многогранность человеческого капитала: культурные и социальные основания.* Москва: Согласие. С. 112-131.

Астафьева О.Н. 2011. Коллективная идентичность в условиях глобальных изменений: динамика устойчивого и укоренение становящегося. *Вопросы социальной теории.* Т. 5. С. 223-241.

Астафьева О.Н. 2012. Культура как самоорганизующаяся система: синергетическая концепция. *Теория культуры: разнообразие подходов и возможности их интеграции.* Москва: Научно-политическая книга. С. 105-150.

Астафьева О.Н., Никонорова Е.В., Шлыкова О.В. 2019. Социально-гуманитарные аспекты понятия «человеческий капитал»: взаимосвязь «культурного капитала» и «природного капитала». *Многогранность человеческого капитала: культурные и социальные основания.* Москва: Согласие. С. 33-47.

Астафьева О.Н. 2006. Теория самоорганизации как концептуальное основание культурной политики: проблемы теоретической культурологии. *Вопросы культурологии.* № 12. С. 18-27.

Астафьева О.Н. 2009. Целостность культуры как «единство множественности». *Синергетическая парадигма. Социальная синергетика.* Москва: Прогресс-Традиция. С. 133-156.

Астафьева О.Н., Шлыкова О.В. 2019. Введение. Культурно-образовательное ядро человеческого капитала: теория, практики, опыт. *Многогранность человеческого капитала: культурные и социальные основания.* Москва: Согласие. С. 13-23.

Белозерцев Е.П. 2009. Культурно-образовательная среда: методологическая неизбежность современного отечественного педагогического знания. *Евразийский форум.* №1. С. 142-152.

Белозерцев Е.П., Щербакова И.Б. 2016. *Культурно-образовательная среда провинции и здоровый образ жизни студента (теоретико-методологический аспект).* Воронеж: Типография им. И.А. Болховитинова. 230 с.

Волчек Е.З. 1997. Эвристичность познавательного действия. *Вестник Белорусского государственного экономического университета.* № 3. С. 80-87.

Гречко П.К. 2012. Парадигмальная эвристика complexity в современном социально-гуманитарном познании. *Вестник Российского университета дружбы народов.* Серия Философия. № 1. С. 5-21.

Гуськова Н.Д., Неретина Е.А., Салимова Т.А. 2015. Образование в контексте концепции устойчивого развития. *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки.* №1. С.161-171. https://doi.org/10.5862/jhss.215.21

Иглтон Т. 2012. *Идея культуры.* Москва: Издательский дом Высшей школы экономики. 192 с.

Ильин И.В., Урсул А.Д., Урсул Т.А. 2015. Новые глобальные цели устойчивого развития. *Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика.* № 3-4. С. 60-84.

Кипнес Л.В. 2017. Создание единой культурно-образовательной среды: из опыта работы АНО «Университетские образовательные округа». *Вестник Оренбургского государственного университета.* № 10. С. 78-82.

Мурзина И.Я. 2014. *Региональное культурно-образовательное пространство: структура, функции, социокультурный потенциал.* Монография. Москва: Издательство Перо. 197 с.

Ополев П.В. 2019. Сложность как антропокультурный феномен. *Концепт: философия, религия, культура.* № 3. С. 101-112. https://doi.org/10.24833/2541-8831-2019-3-11-101-112

Остапенко С.М. 2020. «Крымские сезоны искусств»: региональный опыт проектирования и практика формирования культурно-образовательной среды. *«Диалоги о культуре и искусстве»: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Пермь, 17-19 окт. 2019 г.).* В 2 ч.: ч. 2. С. 144-152.

Остапенко С.М. 2019. Философские аспекты в исследованиях культурно-образовательной среды и их прикладные проекции в Национальном проекте «Образование». *Государственное управление и развитие России: национальные цели и институты: сборник статей международной конференц-сессии. Том 1.* Москва: Издательский дом Научная библиотека. С. 431-442.

Пасенов А.Н. 2017. Концепция устойчивого развития: историко-правовые аспекты. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право* № 10. С. 156-160.

Свирский Я.И. 2012. «Сложностное» мышление в контексте философских стратегий Ж. Делеза и Ф. Гваттари. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Философия.* № 1. С. 37-47.

Силантьева М.В., Шестопал А.В. 2017. Антропологические и ценностные основания коммуникации: теоретические и прикладные аспекты. *Концепт: философия, религия, культура.* № 1. С. 11-23.

Стояновская И.Б. 2015. Культурно-образовательная среда как источник развития творческого потенциала личности. *Новая наука: теоретический и практический взгляд.* № 4. С. 44-47.

Урсул А.Д. 2016. Становление устойчивой цивилизации: новые глобальные цели. *Философия и общество.* № 1. С. 29-56.

Урсул А.Д., Урсул Т.А. 2017. Феномен футуризации в образовании для устойчивого развития. *Ценности и смыслы.* № 6. С. 8–20.

Урсул А.Д., Урсул Т.А. 2016. Цели перехода к устойчивому развитию человеческой цивилизации. *Знание. Понимание. Умение.* № 2. С. 65-72. https://doi.org/10.17805/zpu.2016.2.6

Чумаков А.Н. 2019. Философское измерение культурно-цивилизационного развития в условиях многоаспектной глобализации. *Межкультурное взаимодействие России и Китая: глобальное и локальное измерение.* Москва: Проспект. С. 11-31.

Шугуров М.В. 2013. Международно-правовые основания перехода к устойчивому развитию. *Вестник Саратовской государственной юридической академии.* № 2. С. 161-180.

УДК 81.37 001.892 https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-46-56

НЕОТЪЕМЛЕМЫЕ СВОЙСТВА И КОРНЕВОЙ ПРОЦЕСС ЭКРАННОГО ТЕКСТА КАК АУДИО-ВИЗУАЛЬНОЙ СИМУЛЯЦИИ РЕАЛЬНОСТИ

О.И. Максименко, Ю.А. Евграфова

Максименко Ольга Ивановна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного областного университета. 141014, Мытищи, ул. Веры Волошиной, 24. E-mail: maxbel7@mail.ru

Евграфова Юлия Александровна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры индоевропейских и восточных языков Московского государственного областного университета. 141014, Мытищи, ул. Веры Волошиной, 24. E-mail: 212.155.04@mail.ru

Максименко О.И., Евграфова Ю.А. 2020. Неотъемлемые свойства и корневой процесс экранного текста как аудио-визуальной симуляции реальности. *Концепт: философия, религия, культура.* Том 4. № 4. С. 46–56. https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-46-56

Статья поступила в редакцию: 13.08.2020. Принята к публикации: 25.11.2020.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Экранный текст — это сложная лингвосемиотическая система. Необходимость его изучения определяется тем, что в современной действительности такого рода тексты занимают всё больше информационного пространства, отражая реальность и создавая её симулякративный вариант. Среди характеристик экранных текстов выделяются неоднородность и многозначность, на основании которых строятся свойства текста как аудиовизуальной симуляции реальности. Экранный текст представляет собой неразрывное поликодовое единство видео, аудио и вербального кодов. В данной статье на материале разных видов экранных текстов (кинотексты, телетексты и видеотексты сети Интернет) описывается их корневой процесс и рассматриваются такие неотъемлемые свойства, как открытость, психологический и эстетический стимулы. К методам, используемым для достижения поставленной цели, относятся философско-общелогические методы и приёмы: абсолютизация, абстрагирование, идеализация, анализ, синтез; общенаучные эмпирические методы: наблюдение и описание; дисциплинарные методики: наблюдение, обобщение, интерпретация результатов наблюдения. В результате проделанного анализа делается вывод, что экранный текст обладает свойствами неоднородности, иерархичности и многозначности, особенности которых лежат в корневом процессе текста. Форма актуализации экранного текста (собственно экранность) накладывает на него формальные ограничения по представлению информации. Гетерогенность экранного текста напрямую влияет на его многозначность, превращая текст в открытую систему. В таком типе текста обнаруживаются, помимо всего прочего, психологический

и эстетический стимулы. К психологическому стимулу относится многозначность, опыт, правдоподобие. К эстетическому стимулу относится эмотивность, суггестивный потенциал, суггестивное внушение. Дальнейшее исследование корневого процесса и свойств экранного текста поможет более детально описать механизмы порождения вторичной, возможно истинной реальности и симулякров в континууме экрана, а также способы манипуляции сознанием зрителя.

Ключевые слова: экранный текст, поликодовый-полимодальный текст, экранность, открытость, многозначность, симуляция, симулякр, манипуляция сознания.

Введение

Одним из современных средств передачи информации являются гетерогенные тексты, состоящие из различных модальностей и кодов, не имеющих стабильного тела и актуализирующихся на экране.

В тексте экранном обнаруживаются те же категории, выделенные Ю.М. Лотманом, что и в тексте словесном: выраженность, отграниченность и структурность [Лотман, 2005]. Такой текст является материальной реализацией «языка» экранности, базисные элементы которого при актуализации на экране выражаются единицами экранной «речи» — знаками, как вербальными, так и невербальными. Экранному тексту также присуща отграниченность, которая манифистируется границами физическими — самим экраном, и структурными — архитектоникой. Ограниченность неразрывно связана со структурностью — экранный текст представляет собой иерархию элементов, внутренняя организация которых на синтагматическом уровне делает его единым структурным целым. Таким образом, экранный текст является сложной системой, состоящей из лингвосемиотических структур, имеющей три измерения — семантическое, синтаксическое и прагматическое, в которых происходит аудио-визуальная симуляция действительного мира.

Экранные тексты рассматриваются на сегодняшний день с различных точек зрения: в сравнении с печатными текстами [Кондаков, 2014; Костомаров, 2019], в аспекте их поликодовости и полимодальности [Борщевский, 2019; Горошко, 2016; Корчагин, 2017а; Лущинская, 2019; Морозов, 2016; Никулова, 2017; Ромакина, 2020], в аспекте перевода [Корчагин, 2017б] и культуры [Гольдерова, Кузьмина, 2019; Северина, 2019; Стахорский, 2019] и т.д. Без внимания, однако, остаются характеристики и свойства экранного текста, позволяющие ему выступать аудио-визуальной симуляцией реальности.

Корневой процесс и свойства экранного текста Описание материала и методов исследования

Настоящее исследование проводится на такой семиотически «предельной» форме гетерогенных экранных текстов как поликодовые-полимодальные тексты, под которыми понимается «техно-сенсорное единство, поддающееся перцептивному восприятию при помощи различных модальностей (каналов восприятия информации), сочетающее аудиальные и визуальные семиотические средства и передающееся проецированием на экран. В нём обнаруживается синкретическое единство движущегося изображения, фонетического звука (речь), шумов, музыкального сопровождения и письма (вступительные титры, субтитры и т.п.)» [Евграфова, 2019]. Целью данной статьи является описание корневого процесса и свойств экранного текста, которые позволяют ему функционировать как аудио-визуальной симуляции реальности.

Ход проводимого исследования демонстрируется на примере поликодовой-полимодальной формы экранного текста — кинотекстов, телетекстов и видеотекстов сети Интернет.

Для внутренней организации и регулирования процесса исследования и преобразования полученных результатов использовались философско-общелогические методы и приёмы: абсолютизация, абстрагирование, идеализация, анализ, синтез; общенаучные эмпирические методы: наблюдение и описание; дисциплинарные методики: наблюдение, обобщение, интерпретация результатов наблюдения.

Корневой процесс

Объективно истинная реальность является вероятностным пространством, для моделирования которого на экране используются определённые правила и ограничения. Благодаря им случайность жизни приобретает некую конфигурацию, становится системой, организованной определёнными элементами и структурами, между которыми при актуализации на экране выстраивается почти бесконечное количество связей. Таким образом, экранный текст обладает всеми тремя компонентами энтропии художественного текста, выделенными А.Н. Колмогоровым [Колмогоров, 1964: 54]. Его неоднородность, иерархичность и многозначность обуславливают разнообразие содержания и выражения, а форма актуализации (экранность) накладывает формальные ограничения.

Энтропия экранного текста имеет свои особенности, и, прежде чем их описывать, следует рассмотреть корневой процесс экранного текста. Как уже отмечалось нами ранее, «конкретный экранный текст имеет свою уникальную структуру и конфигурацию, непохожую на остальные. На глубинном уровне функционируют единицы „языка“ экранности — пространственные и временные базисные элементы, выражающиеся на поверхностном уровне в виде конкретных единиц текста — экранной «речи». Экранная «речь» текста динамична и разворачивается вместе с ходом повествования, единицы которой организуются не только в пространстве, но и во времени, порождая смысл не только на уровне одной фотограммы, но и в цепочке фотограмм» [Евграфова, 2019]. В основе системы любого экранного текста лежит механизм (корневой процесс), подчиняющийся правилам, на основании которых порождаются последовательности базисных элементов «языка» экранности. В ходе корневого процесса осуществляется фреймирование реальности, границы и движение которого заданы базисными элементами «языка» экранности, направляющими процесс взаимодействия автора текста и его реципиента. Таким образом, экранные тексты стали новым способом моделирования реальности — фреймом (в терминологии И. Гофмана), корневой процесс которых переносит фрагменты эмпирической реальности в границы пространственно-временного континуума экрана, отделяя от объективно истинной реальности выбранный отрезок, маркируя симулякративность (подобие реальности).

Экранный текст и его корневой процесс обладают свойствами марковской цепи (в пространственно-временном континууме экрана последовательность случайных событий моделируемой реальности имеет своё конечное число, зависящее от предыдущих событий). Например, тексты Stories онлайн-платформы Instagram всегда содержат актуальную информацию из жизни пользователя аккаунта, тексты TikTok с хэштегом challenge будут бросать вызов и содержать призыв повторить демонстрируемое на экране, скетчи YouTube, название которых начинается со слов «Типы девушек/парней/соседей…» будут рассказывать о характерном поведении тех или иных людей, различные фильмы одного жанра, телевизионные ток-шоу, передачи, сериалы имеют одинаковую структуру, которая помогает предугадывать дальнейшие события. Таким образом, последовательность случайных событий, имеющая конечное число исходов, обусловлена жанровой принадлежностью текста и типом экрана для актуализации. Также, корневой процесс зависим от платформы, на основании которой реализуется текст. Так, YouTube, Instagram, TikTok, Likee, Periscope, SnapChat представляют собой перформанс, семиотическую структуру, в рамках которой индивид становится исполнителем и, одновременно, объектом наблюдения со стороны людей, образующих их пользова-

тельскую «аудиторию». Все это регулирует стереотипные ожидания реципиента и готовят его к определенной «манере» моделирования реальности.

В ходе актуализации и воспроизведения текста корневой процесс обретает частные случаи при воплощении базисных элементов «языка» экранности в конкретных единицах экранной «речи», что служит для обозначения границ репрезентируемого фрагмента эмпирической реальности — локальной смысловой области внутри целого текста (креплением фрейма в терминологии И. Гофмана).

Открытость

Поликодовый и полимодальный характер единиц экранной «речи» уменьшают вероятностное распределение смысла, заложенного в аудио-визуальное сообщение, среди всех возможных выходных значений, т.е. обуславливают наполнение марковской цепи непредсказуемыми элементами — новыми значениями и смыслами, которые появляются в семиотически плотном тексте и при интерпретации текста зрителем. Кроме того, усвоенные формы восприятия, диктуемые типом экрана и жанром, могут трансформироваться, расширяя устоявшиеся значения и смыслы, приводя к новым неопределенностям. Экранный текст, таким образом, является открытой системой, корневой процесс которой реализуется в каждом конкретном случае с неограниченным числом исходов, которые даже с течением времени не станут избыточными и продолжат быть информацией, что сближает экранный текст с объективно истинной реальностью.

Примером максимально открытого экранного текста, в котором модель мира наиболее реалистична и которая отображает случайность жизни, может служить кинотекст «Господин Никто»[1], рассказывающий о многих возможных вариантах судьбы одного главного героя — Немо. Весь фильм — это его воспоминания, которые, по сути, являются выбором героя на своём жизненном пути. Сюжет имеет несколько случайных вариантов развития событий, которые либо пересекаются каким-то образом друг с другом, либо нет. Кинотекст предлагает два варианта окончания.

Психологический и эстетический стимулы

Как уже отмечалось, экранный текст является моделью объективно истинной реальности, стремящейся отобразить многообразие, неоднозначность и нестабильность жизни, что достигается неоднородностью базисных элементов «языка» экранности, используемых для репрезентации действительного мира. Сочетание пространственного и временного базисного элемента обеспечивает многозначность и незавершённость текста, что ведёт к увеличению его семиотической плотности, и возникновению желания у зрителя упорядочить получаемое сообщение, интерпретировав его и наделив смыслом.

В качестве примера семиотически плотного текста можно привести скетч «Внутри Лапенко»[2], выложенный на канале «Лапенко» онлайн-платформы YouTube. Первый сезон данного многосерийного фильма состоит из зарисовок жизни простых советских граждан периода 1980–1990-х гг.: инженера; ведущего программы о выживании «Сдохни или умри»; рокеров; журналиста, ведущего программу «Загадка дыры», преступной группировки «Железные рукава»; рабочего Игоря Натальевича Катамаранова. Все роли исполняет один и тот же актёр — Антон Лапенко. Техническое оформление скетча в стиле 1980–1990-х гг., песни, звучащие за кадром, внешний вид персонажей, их манера речи и событийное поле наполняют текст многочисленными значениями и смыслами. Его семиотическая плотность и непредсказуемость приводят к тому, что при восприятии зритель стремится не к инерт-

[1] *Господин Никто* (Mr. Nobody). 2009. Художественный фильм / режис. М. Скорсезе. Канада, Франция, Германия, Бельгия. 141 / 157 мин.

[2] Внутри Лапенко. 2020. *Лапенко* [ютуб-канал]. URL: https://www.youtube.com/playlist?list=PLiB9Q66T9RtlDt61EzpDYa2GIq4nx_rkm (дата обращения: 19.07.2020)

ному созерцанию аудио-визуального сообщения, а к «активному» толкованию заложенной многозначности.

Открытость структуры (многозначность и неопределённость текста) делает значимым эстетический опыт интерпретации, поскольку в ходе данного процесса зритель делает выбор внутри существующих неупорядоченностей, что вызывает в нём определённые психологические реакции, т.е. в экранном тексте сочетаются психологический и эстетический стимулы.

Экранный текст есть совокупность знаний, транслируемых в поликодовой-полимодальной форме и организованных в событийное поле, внутри которого может быть вычленен опыт разного рода. Например, во фрагменте Stories мега инфлюенсера в Instagram @samoylovaoxana от 25.04.2020[3] актуализируется опыт «счастливого материнства», в вайне «Когда давно не выходила в „люди“» микро инфлюенсера в Instagram @annanicole_sochi от 25.04.2020[4], наоборот, показан опыт «уставшей мамы» и «непомогающего папы». В кинотексте «Полночь в Париже» (Midnight in Paris)[5] через взаимоотношения Гилберта и его невесты Инес показывается опыт «неудавшегося замужества», «брака по расчёту», «несчастливых отношений», а в телетексте «Последние новости» на канале „Euronews“ от 25.04.2020[6], в котором описывается ужасная засуха в Европе, актуализируется опыт «трудного времени» и «экономического кризиса». Событийное поле, составляющее экранный текст, содержит узловые моменты, заложенные при его создании в нарративную карту, которые повторно обособляются зрителем при интерпретации и во многом зависят от текущего эмоционального состояния. Зритель «вживается» в экранный опыт, и, основываясь на своём собственном, определяет его логические фазы и границы, которые могут не совпадать с задумкой автора, что приводит к различному толкованию транслируемой информации.

Также, в поле событий экранного текста присутствует причинно-следственная связь, которая помогает соотносить демонстрируемое на экране одно с другим, удовлетворяя схемам устройства объективно истинной реальности, т.е. в нём реконструируется ощущение сходства с реальностью — *правдоподобие*. Как, например, в кинотексте «13 этаж»[7]. Сюжет фильма описывает мир, в котором получилось создать полноценную компьютерную модель реальности с живыми персонажами. В ходе развёртывания фабулы оказывается, что и сам «реальный» мир является симуляцией «первичной» действительности. Последние кадры намекают, что и «первичная» действительность тоже является симуляцией. Схожесть компьютерной реальности с объективно истинной реальностью (т.е. правдоподобие) создаётся в тексте при помощи сохранения детерминации, при которой при воздействии одного объекта происходит соответствующее ожидаемое изменение другого объекта — сохранение причиной взаимообусловленности событий во времени.

Многозначность, опыт и правдоподобие составляют психологический стимул, заложенный в поликодовую-полимодальную форму экранного текста.

Аудио-визуальное сообщение несёт в себе некую информацию о демонстрируемой реальности, при восприятии предметного содержания которого между комплексным означаемым и комплексным означающим устанавливается недвусмысленная связь. Для уяснения того, что демонстрируется на экране, адресат текста

---

[3] Samoylovaoxana. 2020. [Instagram-пользователь]. *Stories*. [25.04.2020]. URL: https://www.instagram.com/samoylovaoxana/ (дата обращения: 15.07.2020).

[4] Когда давно не выходила в «люди». 2020. *Annanicole_sochi* [Instagram-пользователь]. [25.04.2020]. URL: https://instagram.com/annanicole_sochi?igshid=re96r8ohzosw (дата обращения: 29.07.2020).

[5] *Полночь в Париже (Midnight in Paris):* художественный фильм / режис. В. Аллен. США, Испания, 2011. 94 мин.

[6] Последние новости. 2020. [информационно-аналитическая программа]. *Euronews* [телевизионный канал]. [25.04.2020]. URL: https://ru.euronews.com/bulletin (дата обращения: 30.07.2020)

[7] *13 этаж* (The Thirteenth Floor). 1999. Художественный фильм / режис. Й. Руснак. США. 100 мин.

соотносит единицы экранной «речи» со своим личным опытом, что добавляет в традиционную схему понимания эмотивный компонент, как, например, в комедийных зарисовках Ольги Медыныч под общим названием «Инстаграм, любовь моя»[8]. В 12 серии данной публикации она разыгрывает комментарии, которые ей оставляют пользователи, начиная свою речь словами: «Мне кажется, что когда я выставляю видео в Инстаграм, оно попадает на Одесский рынок», которые служат введением к дальнейшим кадрам «оживления» комментариев. Среди фраз, включённых в сюжет присутствуют: *Взаимные лайки; 1 на 1, 1 на 1; Распродажа обуви, сестра; Г*вно; Дайте её инсту; Ты на её инсте; Чё за трек; Тупая овца; 5 на 5; Не смешно; Гадаю на шаре; Мне одной тут не смешно; 10 на 10; Ясновидящая; Я уволился из Бургер Кинга; А; Ну дайте её инсту; Ты на её инсте; Отписка; Если Вы мамочка в декрете; Всё равно г*вно.* Для достижения комического эффекта Ольга обыгрывает каждую из фраз, «оживляя» произносимое. В завершении идёт еврейская народная песня как музыкальный маркер Одессы, на фоне которой в ускоренном формате демонстрируются все персонажи ещё раз, и в конце Ольга подносит игрушечную дрель к виску, после чего натягивает на голову футболку, выражая своё отношение к разыгрываемым фразам. Всё это увеличивает семиотическую плотность текста, и сообщение, изначально выполняющее денотативную функцию (в данном случае описание предметных ситуаций), приобретает вторичное, коннотативное значение.

Базисные элементы «языка» экранности, составляющие текст, обладают способностью ассоциироваться с теми или иными представлениями и стереотипами, либо вызывая реакцию (позитивную / негативную), либо оставаясь «нейтральными» и «незамеченными». Это запускает работу воображения, которое воздействует на эмоционально-волевую сферу личности и участвует в трактовке демонстрируемого на экране, пополняя уже имеющуюся актуальную картину мира или открывая новую. Таким образом, аудио-визуальные единицы экранного текста реализуют его суггестивный потенциал.

Примером высокосуггестивного экранного текста могут служить видеотексты сети Интернет жанра challenge онлайн-платформы TikTok. Суть данного жанра заключается в том, что какой-либо пользователь TikTok с большим количеством подписчиков бросает другим пользователям вызов «а ты так можешь?», которые повторяют действие на свой манер и лад. Весной 2020 г. был популярен #подушкачелендж, запущенный 10.04.2020 макро инфлюенсером @karinanigay[9], в котором она надевала на себя разные подушки и подвязывала ремнями. Далее пользователи реализовывали этот челендж в своих аккаунтах. Например, макро инфлюенсер @demyanzaiko[10] в посте от 16.04.20 надел на себя не только подушку, но и косынку, взял в руку веер и подписал: «Люда вышла за колбасой в магазин — такой вот карантин», мид инфлюенсер @evdokisha_di сделала подборку образов с подушками на неделю и назвала видео «Лук на неделю»[11], микро инфлюенсер @ksushastar1 к подушке надела одеяло и к видео написала вопрос: «КАК ВАМ МОЕ СУПЕР ПЛАТЬЕ?»[12], мид инфлюенсер @st_063 в огромной подушке идёт по комнате, спотыкается и падает, потому что подушка очень большая и с ней она не может пройти через двер-

[8] Инстаграм любовь моя 12. 2016. *medynich:* [Instagram-пользователь]. [10.06.2016] URL: https://www.instagram.com/p/BGdoxOTCN7A/ (дата обращения: 28.07.2020)

[9] Karinanigay. 2020. *#pillowchallenge #подушкачелендж*. [TikTok-пользователь]. [10.04.2020]. URL: https://vm.tiktok.com/wQstLS/ (дата обращения: 10.07.2020)

[10] demyanzaiko. 2020. *#pillowchallenge #подушкачелендж*. [TikTok-пользователь]. [16.04.2020] URL: https://vm.tiktok.com/JJWWh64/ (дата обращения: 15.07.2020).

[11] evdokisha_di. 2020. *#pillowchallenge #подушкачелендж*. [TikTok-пользователь]. [14.04.2020]. URL: https://vm.tiktok.com/JJWQe9q/ (дата обращения: 10.07.2020)

[12] ksushastar1. 2020. *#pillowchallenge #подушкачелендж*. [TikTok-пользователь]. [13.04.2020]. URL: https://vm.tiktok.com/JJWxXPY/ (дата обращения: 15.07.2020)

ной проём, комичность видео добавляет аудио, наложенные на изображение: «Пошла, молодец, красиво, как дикая кошка <спотыкается>... Да Таня, блин!»[13] и так далее. Первоначальное аудио-визуальное сообщение, в котором пользователям предлагалось примерить на себя подушку претерпело различные изменения и приобрело множество коннотаций. Причём, различная реферативность выражения «надень на себя подушку» изначального текста заключается не в нем самом, а в адресате, который сам впоследствии становится адресантом, воспроизводящим действие вызова. Вербальный комментарий, интегрированный в само видео или оставленный в качестве подписи к нему, способствует концентрации смысла и управлению восприятием реципиента, намекая на что-либо, оживляя некие воспоминания, включая в интерпретацию его фантазию.

Поликодовость и полимодальность экранного текста способствуют тому, что значение, артикулируемое на денотативном уровне, не только остаётся в фокусе внимания адресата, но и вызывает ряд ассоциаций в рамках транслируемого сообщения, выделяя заложенные смыслы вербально, визуально и аудиально. Так, в экранном тексте осуществляется *суггестивное внушение* определённой информации при помощи различных базисных элементов «языка» экранности. Например, в экспозиции кинотекста «Всё будет хорошо»[14] [Всё... , 1999] при рассказе о службе в армии одного из главных персонажей используются как невербальные знаки (солдатская форма, агитационные плакаты, оружие и военная техника) и кинеморфы (процесс военной подготовки, спортивные соревнования, дедовщина), которые отсылают к объектам опытного знания, относящимся к «службе в армии», актуализируя в сознании адресата представления о том, что этот процесс собой представляет, так и вербальные (письмо девушки главного героя, которое он зачитывает, и из которого становится понятно, что герой скрывал от неё тяготы жизни в армии). Визуальные намёки включают в работу фантазию, а вербальный комментарий связывает демонстрируемые образы с заложенными значениями, опираясь на ассоциации, которые вызывает служба в армии у получателя аудио-визуального сообщения. В потоке экранной «речи» адресат выделяет значимые единицы различной природы (визуальные, аудиальные, вербальные), которые группируются им в комплексное означающее, для которого далее определяется комплексное означаемое. Значения, артикулируемые на денотативном и коннотативном уровнях включаются в синтагматику и архитектонику экранного текста, а также подчиняются фабуле и сюжету, т.е. несмотря на открытость текста, эмоциональные реакции адресанта, направляются и ограничиваются эстетикой, заложенной автором в текст. Например, включённые в описанный выше фрагмент кинотекста «Всё будет хорошо» вербальные единицы в форме письма, которое зачитывает герой и которое служит комментарием того, что происходит на экране, дублируют и дополняют визуально передаваемые значения, расширяют прагматическую реакцию на демонстрируемые события.

Эмотивность, суггестивность и суггестивное внушение присутствуют в экранном тексте не как отдельные единицы, а как некое единство (эстетический стимул), не поддающееся разложению. Таким образом, адресат воспринимает аудио-визуальное сообщение не как набор денотативных значений и однозначных референций, а как сложное целое, в котором означающее и означаемое складываются в единый комплекс, на многозначность которого, помимо внутритекстовых связей, влияет используемое художественное выражение, а также сам процесс интерпретации, в котором получатель сообщения

[13] st_063. 2020. *#pillowchallenge #подушкачелендж*. [TikTok-пользователь]. [14.04.2020]. URL: https://vm.tiktok.com/JJWGQVe/ (дата обращения: 10.07.2020)

[14] *Всё будет хорошо.* 1995. Художественный фильм / режис. Д. Астрахан. Россия. 100 мин.

наделяет текст «своим» смыслом, выделяя в транслируемом аудио-визуальном сообщении ценную информацию, испытывая при этом некие эмоциональные реакции.

Психологический и эстетический стимулы участвуют в порождении и интерпретации текста, при помощи которых моделируется экранная реальность, основанная на ассимиляции и упорядочивании культурно-исторического, социального и личного опыта. Это сохраняет основной смысл, не позволяет ему раствориться в поликодовых и полимодальных средствах передачи, и, одновременно с этим, открывает возможность новых интерпретаций при повторном обращении к тексту (бесконечный семиозис). Задействованные фантазия, эмотивность, суггестивное внушение объединяют значения, передаваемые единицами экранной «речи», с психологическим стимулом — опытом, многозначностью и правдоподобием.

Заключение и выводы

Экранный текст обладает всеми тремя компонентами энтропии художественного текста: неоднородностью, иерархичностью и многозначностью. Особенности энтропии экранного текста лежат в его корневом процессе. Корневой процесс экранного текста — это регулируемая рядом правил реализация базисных элементов языка экранности в пространственно-временном континууме экрана, в результате которой происходит преобразование объективно истинной реальности в реальность возможно истинную.

Базисные элементы, лежащие в основе корневого процесса, формируют границы фреймирования реальности и влияют на интерпретацию транслируемого аудио-визуального сообщения. Корневой процесс позволяет манипулировать созданными фрагментами реальности, трансформируя один в другой, например, при помощи репостов, комментариев, мемов, гифок и пр.

Степень удалённости личностной семиосферы адресата от границ семиосферы текста, влияет на процесс сборки целостного смысла.

Поликодовость и полимодальность экранного текста способствуют его наполнению непредсказуемыми элементами, т.е. делают его открытой системой, корневой процесс которой реализуется в каждом конкретном случае с невероятным числом исходов, которые даже с течением времени не станут избыточными и продолжат быть информацией.

В экранном тексте сочетаются психологический и эстетический стимулы. К психологическому стимулу относится многозначность как отображение многообразия, неоднозначности и нестабильности жизни, опыт как совокупность знаний, транслируемых в поликодовой-полимодальной форме и организованных в событийное поле текста, правдоподобие как ощущение сходства с реальностью. К эстетического стимулу относится эмотивность, подключающая эмоциональные переживания адресата через коннотативные значения, суггестивный потенциал, включающий в интерпретацию воображение адресата, суггестивное внушение при помощи вербально, визуально и аудиально выраженных смыслов.

Дальнейшее исследование корневого процесса и проявлений свойств экранного текста как аудио-визуальной симуляции реальности позволит более подробно описать механизмы порождения симулякративности и симулякров в континууме экрана, а также способы манипуляции сознанием зрителя.

INHERENT FEATURES AND THE ROOT PROCESS OF THE SCREEN TEXT AS THE AUDIO-VISUAL SIMULATION OF REALITY

O.I. Maksimenko, Yu.A. Evgrafova

Olga I. Maksimenko — Doctor of Sciences in Philology (Linguistics), Full professor, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Moscow Region State University. 141014, Mytyshi, Very Voloshinoy str, 24. E-mail: maxbel7@mail.ru

Yulia A. Evgrafova — PhD in Philology (Linguistics), Associate Professor of the Department of Indo-European and Oriental Languages, Moscow Region State University. 141014, Mytyshi, Very Voloshinoy str, 24. E-mail: 212.155.04@mail.ru

Maksimenko O.I., Evgrafova Yu.A. 2020. Inherent Features and the Root Process of the Screen Text as the Audio-Visual Simulation of Reality. *Concept: Philosophy, Religion, Culture.* Vol. 4. No 4. P. 46–56. https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-56

Received: 13.08.2020. Accepted: 25.11.2020.

Conflict of interests. The author declares absence of conflict of interests.

Abstract. The article touches upon the issue of functions and features of screen text. Being generally a form of text, being expressed, semiotically separated and structured, screen text follows the same lines of general and linguistic semiotics as average texts. However, it is a multicomponent system. Among its characteristics it is possible to distinguish heterogeneity and polysemy that render it the audio-visual reflection, or rather simulation of reality. This article is a case study of a specific type of texts which are called polycode-polymodal. Logical and descriptive methods as well as observation, generalization, interpretation are the foundation of analyzing heterogeneous screen texts such as film texts, television texts and video texts of the Internet. On the exempl of various texts of visual arts and media the root process of text as specific mechanisms of framing the language used and, thus, the images and the meaning. Fundamental characteristics of the screen text – openness, psychological and aesthetic stimuli – are illustrated in descriptions of the root process. The paper contributes to revealing that the screen text obtains such features as heterogeneity, hierarchy, and polysemy, deriving from the root process of the screen text. Heterogeneity of the screen text directly influences its polysemy and makes screen text an open system. Polysemy, experience and likelihood, then, belong to the psychological stimulus; affectability, suggestive potential, suggestive infusion belong to the aesthetic stimulus. In turn, psychological and aesthetic stimuli are manifested in the screen text. Study of the root process and peculiarities of the screen text helps describe the schemes of constructing the secondary reality and simulacra on the screen, and also helps list the means of manipulation with the consciousness of the viewer in more detail.

Keywords: screen text, polycode-polymodal text, dvreen character, openness, polysemy, simulation, simulacra, mind manipulation.

References:

Borshhevskij I.S. 2019. Opisanie vstupitel'nyh titrov v audiodeskripcii (tiflokommentirovanii) [Setting out Opening Credit Sequences in Audio Descripion]. *Filologija i lingvistika.* 1. Pp. 37-41 (In Russian).

Golderova I.V., Kuzmina L.A. 2019. Biograficheskij portretnyj ocherk v jekrannoj kul'ture (na materiale nacional'no-veshhatel'noj kompanii «Saha») [Biographical Portrait Essay in Screen Culture: the Case of the

Sakha National Broadcasting Company]. *Bulletin of Northeast federal university of M. K. Ammosov. Series: Economy. Sociology. Cultural science.* 4. Pp. 43-52 https://doi.org/10.25587/SVFU.2020.16.4.004 (In Russian).

Goroshko E.I. 2016. Novye tendencii v razvitii internet-lingvistiki: obshhenie ot klaviatury (zvuka) k jekranu (zvuku) [New Trends in Internet-Linguistics or Keyboard (Voice) to Screen (Voice) Communication)]. *Verhnevolzhskij philological bulletin.* 4. Pp. 148-153 (In Russian).

Evgrafova Yu.A. 2019. «Jazyk» jekrannosti i jekrannaja «rech'» v statike geterogennyh tekstov: diskretnye edinicy kontinuuma dvizhenija [Screen "Language" and Screen "Speech" in the Static Scope of Heterogeneous Texts: Discrete Units of the Movement Continuum]. *Bulletin of Moscow State Regional University.* 2. Pp. 156-170 https://doi.org/10.18384/2224-0209-2019-2-954 (In Russian)

Kolmogorov A.N. 1964. Zhizn' i myshlenie kak osobye formy sushhestvovanija materii [Life and Mind as Distinct Forms of the Existence of Matter]. *O sushhnosti zhizni.* Moscow: Nauka. P. 48-57 (In Russian).

Kondakov I.V. 2014. Tekst jekrannyj i «knizhnyj»: glubina interpretacii [Screen Text and Book Text: The Depth of Interpretation]. *Nauka televidenija.* Vol. 11. Pp. 191-196 (In Russian).

Korchagin S.S. 2017. Problema izuchenija sushhnosti vizual'nogo vosprijatija ekrannogo teksta v teleseriale «Sherlok» s pozicii ajtrekinga [Eye Tracking Study of On-screen Text`s Visual Perception in "Sherlock" Television Series]. *Culture and Civilization.* 7 (6A). Pp. 397-404 (In Russian).

Korchagin S.S. 2017. Translatologicheskie osobennosti perevoda i lokalizacii jekrannyh tekstov v teleseriale «Sherlok» [Specific Localization of On-screen Texts in the original Sherlock Television Series and its Russian Translations]. *Culture and Civilization*. 7 (3A). Pp. 77-86 (In Russian).

Kostomarov V.G. 2019. O displejnyh tekstah [Display Text]. *Russian Language Abroad.* 1. Pp. 61-64 (In Russian).

Lotman Yu.M. 2005. Semiotika kino i problemy kinojestetiki [Semiotics of the Cinema and Problems of Film Aesthetics]. *Ob iskusstve.* Saint-Petersburg: «Iskusstvo – SPb». Pp. 288-372 (In Russian).

Luschinskaya O.V. 2019. Mediatekst konvergentnyh sredstv mas sovoj kommunikacii v kontekste diskursa [Media Text of Convergent Mass Media in the Context of Discourse]. *Žurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Žurnalistika, pedagogika.* 2. Pp. 32-39 (In Russian).

Morozov S.A. 2016. Vizualizacija teksta na displee [Visualization of the Text on the Display]. *Kul'tura i vremâ peremen.* 1. http://timekguki.esrae.ru/28-164 (In Russian).

Nikulova G.A. 2017. Metadizajn jekrannogo teksta kak instrument avtorskoj kommunikacii [Metadesign of Screen Text as an Instrument of the Author Communication]. *Meteor-Siti.* 1. Pp. 11-17 (In Russian).

Romakina M.A. 2020. Mul'timedijnye «prostejshie»: sinemagrafija v smi i blogah 2010-h gg ["Elementary Units" in Multimedia: Cinemagraphy in Mass Media and Blogs шт the 2010s]. *Theoretical and Practical Issues of Journalism.* 9 (2). Pp. 247-263. https://doi.org/10.17150/2308-6203.2020.9(2).247-263 (In Russian).

Severina E.M. 2019. Cifrovoj tekst v prostranstve sovremennoj kul'tury [Digital Text in the Context of Modern Culture]. *Man and Culture.* 5. Pp. 65-72. https://doi.org/10.25136/2409-8744.2019.5.30967 (In Russian)

Stakhorsky S. 2019. Narrativy teatral'noj dramaturgii i ih jekrannye otrazhenija (diegezis i jekfrasis) [Narratives of Drama and its On-screen Reflections (Diegesis and Ecphrasis)]. *Problems of Theatre.* 3-4. Pp. 412-435 (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Борщевский И.С. 2019. Описание вступительных титров в аудиодескрипции (тифлокомментировании). *Филология и лингвистика.* №1. С. 37-41.

Гольдерова И.В., Кузьмина Л.А. 2019. Биографический портретный очерк в экранной культуре (на материале национально-вещательной компании «Саха»). *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Сер.: Экономика. Социология. Культурология.* № 4. С. 43-52. https://doi.org/10.25587/SVFU.2020.16.4.004

Горошко Е.И. 2016. Новые тенденции в развитии интернет-лингвистики: общение от клавиатуры (звука) к экрану (звуку). *Верхневолжский филологический вестник*. № 4. С. 148-153.

Евграфова Ю.А. 2019. «Язык» экранности и экранная «речь» в статике гетерогенных текстов: дискретные единицы континуума движения. *Вестник Московского государственного областного университета.* № 2. С. 156-170. https://doi.org/10.18384/2224-0209-2019-2-954

Колмогоров А.Н. 1964. Жизнь и мышление как особые формы существования материи. *О сущности жизни.* Москва: Наука. С. 48-57.

Кондаков И.В. 2014. Текст экранный и «книжный»: глубина интерпретации. *Наука телевидения*. Т. 11. С. 191-196.

Корчагин С.С. 2017. Проблема изучения сущности визуального восприятия экранного текста в телесериале «Шерлок» с позиции айтрекинга. *Культура и цивилизация.* 7 (6А). С. 397-404.

Корчагин С.С. 2017. Транслатологические особенности перевода и локализации экранных текстов в телесериале «Шерлок». *Культура и цивилизация*. 7 (3А). С. 77-86.

Костомаров В.Г. 2019. О дисплейных текстах. *Русский язык за рубежом.* № 1. С. 61-64.

Лотман Ю.М. 2005. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. *Об искусстве.* СПб: «Искусство – СПб». 704 с., ил. С. 288-372

Лущинская О.В. 2019. Медиатекст конвергентных средств мас совой коммуникации в контексте дискурса. *Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. Педагогика.* № 2. С. 32-39.

Морозов С.А. 2016. Визуализация текста на дисплее. *Культура и время перемен.* № 1 (12). http://timekguki.esrae.ru/28-164

Никулова Г.А. 2017. Метадизайн экранного текста как инструмент авторской коммуникации. *Метеор-Сити.* № 1. С. 11-17.

Ромакина М.А. 2020. Мультимедийные «простейшие»: синемаграфия в сми и блогах 2010-х гг. *Вопросы теории и практики журналистики.* 9 (2). С. 247-263. https://doi.org/10.17150/2308-6203.2020.9(2).247-263

Северина Е.М. 2019. Цифровой текст в пространстве современной культуры. *Человек и культура.* № 5. С. 65-72. https://doi.org/10.25136/2409-8744.2019.5.30967

Стахорский С. 2019. Нарративы театральной драматургии и их экранные отражения (диегезис и экфрасис). *Вопросы театра.* № 3-4. С. 412-435.

УДК 130.1. 215 https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-57-67

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНЦЕПТА «РЕЛИГИОЗНЫЙ СИНКРЕТИЗМ» В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ И РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

М.О. Сидакова

Сидакова Марина Олеговна — аспирант философского факультета, кафедры философии религии и религиоведения МГУ им. М.В. Ломоносова. 119192, Москва, Ломоносовский проспект, 27, к.4.
E-mail: sidacova@gmail.com

Сидакова М.О. 2020. Интерпретация концепта «религиозный синкретизм» в западноевропейских и российских исследованиях. *Концепт: философия, религия, культура.* Том 4. № 4. С. 57–67. https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-57-67

Статья поступила в редакцию: 26.02.2020. Принята к публикации: 24.11.2020.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Религиозный синкретизм как феномен по-разному интерпретируется в западноевропейской и российской науке. Для российских исследователей он является универсальным концептом, которым описывается группа процессов; в то же время в западноевропейском научном сообществе практически пятьдесят лет антропологи и религиоведы ведут активные дискуссии относительно его применения. Неоднозначную оценку дают большинство зарубежных исследователей и непосредственно понятию «синкретизм». В отечественной науке его определение не считается проблематичным, так как сложная история термина, его многочисленные коннотации чаще всего в научных работах просто не учитываются. Указанные обстоятельства препятствуют последовательному применению теории синкретизма для анализа эмпирических данных, что определяет теоритическую значимость представленной публикации. Цели и задачи данного исследования: выявить разницу в исследовательских подходах западноевропейских и российских учёных через компаративный анализ посвящённых концепту исследований, а также установить основную её причину; изучить границы понятия «религиозный синкретизм» через определение круга контекстов, в которых он применяется. Происходящие на фоне глобализации процессы размывания границ идентичности неизбежно касаются и вопроса религиозного самоопределения, которое нередко носит синкретический характер, — данный фактор обусловливает актуальность исследования. Сравнительный метод, применяемый автором в ходе изучения публикаций, посвящённых синкретизму, показывает, как явление освещалось в научных работах западноевропейских и российских исследователей, как менялись коннотации называющего его понятия; выявляет ключевые расхождения и лакуны в исследовательских подходах, а также дифференцирует основные виды контекстов, в которых оно фигурирует.

Ключевые слова: религиозный синкретизм, «синкретическая распря», народная религия, инкультурация, синкретизм в западноевропейских и российских исследованиях.

Термин «синкретизм» активно используется в религиоведческих работах: он фигурирует в исследованиях, посвящённых как первобытной культуре, так и, наоборот, современным религиозным процессам. Такой широкий охват не случаен, определение синкретизма в отечественной науке несколько размыто, даже противоречиво по своей сути, и данному обстоятельству есть объяснение, которое лежит в сложной истории термина. В российское религиоведение «синкретизм» пришёл из работ выдающихся европейских антропологов, исследующих первобытнообщинное общество, и был воспринят сразу с нейтральными коннотациями. Однако в западноевропейском научном сообществе понятие интерпретировалось неоднозначно и носило в различные периоды то *позитивные*, то *негативные*, то *нейтральные* коннотации. Отталкиваясь от данного коннотативного аспекта, в данной статье мы рассмотрим историю понятия «синкретизм», а также то, как оно освещалось и продолжает освещаться в западноевропейской и российской науке.

Позитивные коннотации термина уходят корнями в историю его возникновения. Впервые он упоминается в «Моралиях» Плутарха, тексте «О братской любви»[1]. Древнегреческий философ использовал его для обозначения способности критян, несмотря на разногласия, объединяться перед лицом опасности. В религиозном контексте понятие обозначало «объединение протестантских партий, оставивших на время свои разногласия и выступавших совместно в борьбе против католицизма» [Левинская, 1998: 562]. Но в 1645 г., на церковной конференции в Торне, лютеранский богослов Георг Каликст из Хельмштедта использовал его в значении преодоления теологической разобщенности с целью достижения общей гармонии не только внутри конфессии, но и в христианстве в целом — последовавшие за этим события изменили отношение к термину. Выступление Каликста положило начало серии дебатов, охвативший довольно большой период, с 1640 по 1686 гг., — позднее это событие получило название «синкретическая распря» (*syncretic controversy*)[2]. И именно эта распря впервые бросила тень на интерпретацию термина. Примечательно, что хоть для католической церкви этот исторический эпизод считался благоприятным, так как католицизм в определенной степени «стал более понятным и воспринимаемым для протестантов»[3], теологами в принципе понятие использовалось крайне редко. Вероятно, это связано с тем, что любого рода доктринальные уступки, как правило, подразумевают искажение этой самой доктрины, являющейся заведомо истинной для её последователей.

Любопытно, что позитивные коннотации «синкретизм» вернул себе два века спустя, когда на фоне глобализационных процессов и связанного с ними развития гуманитарного знания, были пересмотрены не только роль, но и само значение субъекта, что естественным образом отразилось на понимании социальной роли религии, её консолидирующей функции, которая в том числе подчеркивалась в идеологиях набирающих популярность в этот период новых религиозных движений, идентифицирующих себя как синкретичные, равно универсальные, объединяющие [Hartney, 2001: 248]. Неслучайно исследователи нашли и определён-

[1] Плутарх. О братской любви. *Симпосий Συμπόσιον*. URL: http://simposium.ru/ru/node/14046 (дата обращения: 22.07.2020)

[2] Loffler K. 1979. Syncretism. *The Catholic Encyclopedia (TCE)*. Available at: https://www.catholic.com/encyclopedia/syncretism (accessed 22.07.2020).

[3] Ibid.

ные сходные точки между синкретизмом и мультикультурализмом, как светским синкретизмом [Veer, 1994: 187], и синкретизмом и инкультурацией (*inculturation*) [Goosen, 200: 137], как успешно реализованным синкретизмом извне (или сверху), — концептами второй половины XX в. Вместе с тем, несмотря на очевидные параллели, существующие между явлениями, обратив на них своё внимания, учёные лишний раз подчеркнули семантическое различие между терминами: так, для светского подхода понятие «синкретизм» оказывается слишком тесно связанным с религиозным контекстом, а для религиозного — излишне негативно-оценочным.

Следует отметить, что в определённом смысле позитивную оценку синкретизму дают и некоторые современные российские исследователи, рассматривающие его как процессуальное явление, обозначающее момент перехода и запускающее механизм «опривычивания» [Гаврилова, 2019: 75] новых религиозных элементов в социальной реальности.

«Религиозный синкретизм» в западноевропейских исследованиях

Удачное замечание, которое во многом объясняет отношение к синкретизму в западноевропейской науке, было сделано немецким исследователем Куртом Рудольфом, который писал, что проблема синкретизма — это проблема не верующих, а религиоведов [Рудольф, 2013: 212]. Фиксируя периодизацию истории изучения явления в западноевропейской науке, религиовед Росс Кейн выделил четыре этапа. В первый, самый продолжительный, но и наименее интенсивный этап, — с середины XIX по середину XX вв., — произошло признание универсальности явления и термина: стараниями исследователей «от слова, обозначающего определённые религии, «синкретизм» сдвигается к обозначению общего для всех религий явления»[4]. Второй этап — 60–80-е гг., — сопряженный с более самодостаточным существованием истории религии как дисциплины, привёл к уточнению определения синкретизма, его типологизации и категоризации. Для третьего этапа — 90-е гг. XX в. — характерно то, что в центре внимания исследователей оказался синкретизм в контексте политической власти и борьбы. В целом именно тогда была предпринята первая серьёзная попытка систематизации научного сообщества вокруг проблемы религиозного синкретизма, которая обнаружила новые её ракурсы. И, наконец, современный, четвёртый этап начинается с 2000-х, когда политический фокус в исследовании синкретизма сменился акцентом на когнитивные механизмы религиозного сознания. Между вторым и четвёртым этапами наблюдается некоторое сходство: в XXI в. религиоведы точно так же стремятся упорядочить «недисциплинированный термин», однако теперь их интересует не типология и не динамика религии, а «когнитивные операции сознания при восприятии новых религиозных данных»[5]. Рамки данной статьи не позволяют рассмотреть каждый период подробно, поэтому мы сосредоточим внимание на ключевых моментах, выявленных в процессе изучения работ, посвящённых данной теме.

В XIX в. «синкретизм», полностью утратив своё этимологическое значение, стал регулярно фигурировать в западноевропейских исследовательских публикациях в нейтральном ключе для обозначения соединения «гетерогенных элементов в культах и религиях эллинистического времени» [Левинская, 1998: 562]. Более того, сначала закреплённый за религиозными формированиями, развивающимися «вблизи великих религий»[6], постепенно, с начала XX в., термин все чаще начинает относиться историками к универсальной категории явлений [Рудольф, 2013: 208]. Во многом этому поспособствовал историко-критический

[4] Kane R. 2017. The Syncretism of Tradition: Reappraising Cultural Mixture in Christianity. P. 66 https://doi.org/10.18130/V30C9H
[5] Ibid. pp. 100-101.
[6] Ibid. p. 69.

метод представителей немецкой религиоведческой школы (*Religionsgeschichtliche Schule*). *Religionsgeschichtliche Schule,* или «маленький Гёттингенский факультет»[7], образовался в Гёттингенском университете в 1903 г. и объединил группу протестантских теологов: Бернхарда Дума, Германа Гункеля, Иоганна Вейса, Вильгельма Буссе, Эрнста Трёльча, Альфреда Ральфса, Хьюго Грёссмана и других, — заявивших о победе историко-критического метода над догматическим богословием. Одним из первых о синкретическом характере раннего христианства заговорил Герман Гункель, который при этом отмечал, что с исторической точки зрения христианство имеет много связей с религиями XX в. В своём труде 1903 г. «Религиозно-историческая интерпретация Нового Завета» он писал: «Христианство, которому было суждено проповедоваться многочисленным нациям, само по себе не являлось продуктом одной нации, а возникло из комплексной истории множества таковых» [Martin, 2000: 282].

Так, к 30-м гг. XX в. историками религии стала формулироваться концепция синкретизма как переходного этапа в процессе становления любой религии, включая христианство. Один из главных представителей феноменологического направления в религиоведении голландский исследователь Герард ван дер Леув сформулировал теорию динамики религии, в которой синкретизм выступает лишь одной из её форм. Он отмечал, что «историческая религия является организованной системой. Однако, несмотря на это, её характеристики не являются жестко фиксированными, скорее они находятся в вечном потоке: не создаются по шаблону, а растут и непрерывно расширяются» [Van der Leeuw, 2005: 98]. Синкретизм Леув объясняет как «смещение» (verschiebung): по его мнению, каждая религия является соединением различного рода заимствованных из других религий элементов, и при этом она претерпевает постоянные внутренние изменения.

Приблизительно в этот же период термин «синкретизм» вошёл и в антропологический научный словарь: примечательно, что, как раз когда историки религии начали постепенно анализировать синкретизм как общекультурное явление, типичное для динамики религиозной культуры в целом [Kraemer, 1956: 392], антропологи, обратив свое внимание на результаты христианизации колонизированных народов, стали считать его формой культурного эскапизма. Иначе говоря, негативные коннотации явления не были исчерпаны последствиями «синкретической распри», в результате которой теологи понимали под синкретизмом искажение изначально «чистой», равно аутентичной, религиозной традиции [Steward, 1994: 12], — здесь мы вновь сталкиваемся с антитезой недостаточно/слишком: если с теологической точки зрения синкретизм обладал негативной характеристикой нерелигиозного, т. е. не христианского порядка, а скорее суеверческого, то для антропологов, напротив, он оказался (опять же в негативном смысле) слишком тесно связанным с мотивами христианской насильственной религиозной политики. Неслучайно именно в антропологической среде особенно часто фигурировали упоминания о необходимости «реанимировать» [Steward, 1994: 3] понятие не только из его оценочно-религиозного контекста, но и колониалистского.

В 70-е гг. XX в. в западноевропейском сообществе вокруг синкретизма разгорелась очередная «распря», однако на сей раз в академической среде. Полемика вокруг понятия вылилась в цепочку публикаций, в которых исследователи то оспаривали друг друга, то, наоборот, солидаризировались. Главная статья 70-х гг., инициировавшая дискуссии в религиоведческих кругах, принадлежала нидерландскому исследователю Дж.Х. Камстру, который первый обратил внимание на отсутствие исследований, связанных с явлением, и отметил, что почти полвека понятием явно пренебрегали, более того, в ряде научных сообществ, в частности находящихся под

[7] Rudolph K. 1987. *Religionsgeschichtliche Schule.* Available at: https://www.encyclopedia.com/environment/encyclopedias-almanacs-transcripts-and-maps/religionsgeschichtliche-schule (accessed 22.07.2020).

влиянием христианства, оно являлось чем-то вроде табу. Поднятую Камстрой проблематику подхватил Майкл Пай [Pye, 1971], который осветил её для англоговорящей академической среды и таким образом передал эстафету широкому кругу исследователей, которые в процессе определения нейтрального значения термина, маркировали его границы различными способами: через синонимичные понятия, типологизацию видов «синкретизма» и дифференциацию подходов.

Камстра и Пай спровоцировали дальнейшее развитие и расширения теории синкретизма, при этом исследователи отталкивались от идеи динамики религии, которая позволяла «расшатать» любого рода устойчивые концепты. Так, религиоведы выделили целый набор факторов, характеризующих процесс синкретизации: наряду со «смещением» религиозных компонентов в ходе взаимодействия различных культур, приводящим к внутренним изменениям религии (синкретизм извне), была предложена концепция «отчуждения» [Pye, 1971: 86] элементов религии, которое может возникнуть в результате любого рода структурных изменений (синкретизм изнутри). Кроме того, западноевропейскими исследователями был сформулирован «синкретический структурный закон» [Рудольф, 2013: 203-204], который приблизительно двадцать лет спустя с переменным успехом пытались также выявить современные российские исследователи.

Для следующего этапа изучения синкретизма, начавшегося в 90-е гг. XX в. характерным, как уже отмечалось выше, оказался политический акцент — главной целью западноевропейских исследователей теперь, когда границы явления уже были более-менее определены, стало переопределение синкретизма. Некоторые религиоведы называют этот этап «воспевание синкретизма»[8] — антропологи, которые его развернули, заявили о необходимости снять с понятия любого рода оценочные коннотации. Они утверждали, что понятие «синкретизм» само по себе не несёт никого специального значения — есть просто синкретичное и антисинкретичное понимание культуры, которое накладывает на него определенные смысловые оттенки [Steward, 1994: 6]. Неслучайно вдохновителем этого этапа считается Фуко: сосредоточив внимание на соотношении власти и субъектности, антропологи подняли важные этические проблемы и подчеркнули, что в исследованиях участники религиозного процесса должны из объектов исторических обстоятельств «превратиться» в тех, кто выбирает и дает собственную оценку происходящему [Kraft, 2002: 149]. Стоит также отметить, что наряду с теорией в научных работах, посвященных явлению синкретизма, в том числе в публикациях религиоведов, все чаще стал фигурировать богатый этнографический материал.

Если третий этап обогатил религиоведение антропологической методологией, для исследователей, относящихся к крайнему этапу, ключевым инструментом анализа стал междисциплинарный подход: помимо постколониальной теории, учёные обращаются к когнитивистике, семиотике, психологии, теории идентичности. Ранее исследователи занимались поиском топосов, теперь же происходит обратное: практически каждый подход и каждый рассматриваемый в его рамках кейс максимально индивидуален. В центре внимания религиоведов — субъект религии, при этом религиозная доктрина окончательно десакрализируется и трактуется как набор информации, который «фильтруется» через когнитивные механизмы человеческого сознания, а теория динамики религии вытесняется концепцией динамики религиозной идентичности.

«Религиозный синкретизм» в российских исследованиях

Что касается интерпретации «синкретизма» в российском научном сообществе, то здесь всё оказалось намного проще: синкретизм начинает свою историю сразу с нейтрального значения, которое, тем не

[8] Kane R. P.61.

менее, уже долгое время остаётся не вполне определённым.

Исследователи синкретических форм религиозности дореволюционного периода в лице Вс.Ф. Миллера, В.О. Ключевского, А.Н. Веселовского и ряда других дали толчок изучению явления. Вклад последних был особенно значимым для представителей советской исследовательской школы — Н.В. Григорьева, М.С. Кагана, А.Ф. Еремеева, А.Ф. Лосева, Л.Я. Штернберга, В.Р. Кабо, Н.С. Капустина и т. д. В работах этих исследователей синкретизм в основном понимался как преемственная недифференцированная система мышления, отражаемая в материальной и духовной культуре первобытного общества. Однако подобного рода интерпретация отнюдь не была повсеместной, поскольку контекст понятия, равно как и его значение, могли время от времени меняться даже в рамках одного исследования. Так, например, в объёмном труде этнографа Л. Я. Штернберга «Первобытная религии в свете этнографии» понятие «синкретизм» используется не всегда в одном и том же значении: оно применяется и для характеристики растворения пятидесяти вавилонских богов в одном божестве Эару [Штернберг, 1936: 310], и для характеристики двойной функциональности Озириса в Египте (как солнечный культ и как божество подземного мира) [Штернберг, 1936: 386], и для случаев, когда происходит своеобразная метонимия культа, когда обитающие на священных для индусов деревьях птицы тоже стали классифицироваться как священные [Штернберг, 1936: 445].

В 1985 г. в свет вышел Атеистический словарь, в котором явление определялось как «смешение, неограниченное соединение разнородных вероучений и культовых положений в процессе взаимовлияния религий в их историческом развитии»[9]. Одним из авторов словаря выступил религиовед Н.С. Капустин, автор книги «Особенности эволюции религии» [Капустин, 1984], опубликованной годом ранее. Исследователь отмечал, что термин «религиозный синкретизм» вызывает определенные разногласия и не слишком активно используется в философско-социологических исследованиях. Его применение в значении слияния верований в поздней античности или смешения христианских и дохристианских культов в результате насильственной христианизации или исламизации Капустин посчитал слишком узким и предложил значительно более широкий эволюционистский подход, в рамках которого под религиозным синкретизмом понимается закономерное для развития религиозной системы явление, предполагающее соединение различных религиозных традиций в результате их взаимодействия и впоследствии приводящее к появлению нового образования. Исследователь отметил, что такой взгляд на феномен позволяет увидеть «внутренний механизм эволюции религии и показать, что на всех этапах развития человечества „чистых“ религий и „чистого“ религиозного сознания не существовало» [Капустин, 1984: 34]. Таким образом, максимально расширив значение понятия, исследователь пошел по тому же пути[10], что и западноевропейские исследователи в первой половине XX в.

Большинство отечественных исследователей советского периода писали о синкретизме преимущественно в контексте первобытной религиозной культуры. Несмотря на отсутствие полемики вокруг концепта, в исследованиях второй половины XIX и вплоть до конца XX в. его определение было вариативно — этой вариативностью обладает и формулировка А.П. Забияко, опубликованная в словаре «Религиоведение» 2006 г., которая сочетает в себе одновременно такие характеристики, как «невыделенность» и «противоречивость»: «состояние религиозного явления, характеризующееся невыделенностью качественно различных элементов

[9] *Атеистический словарь.* 1983. Москва: Политическая литература. С. 407.

[10] Капустин фокусирует своё внимание на ошибочности «буржуазной» теории «чистого сознания», которая к моменту издания книги в 1984 г. уже была подвергнута решительной критике в научном сообществе историками религии и антропологами.

или их смешением во внутренне противоречивую систему»[11]. Между этим определением и определением из Атеистического словаря много общего, но если все-таки попытаться провести условную их дифференциацию, можно заметить, что в словаре акцент делается именно на смешении и соединении, в то время как в формулировке 2006 г. — на различении и противоречивости.

В 1998 г. И.А. Левинская — её исследование, одно из первых в отечественной науке, было посвящено проблематике термина, — просуммировав результаты изысканий учёных, зафиксировала, что историки религии стали употреблять понятие «синкретизм» либо в неопределённом смысле, либо в самом широком («синкретизм стал общим термином для любого изменения в религиозной сфере» [Левинская, 1998: 567]). Она отметила, что оба подхода являются не слишком удачными, поскольку позиционирование синкретизма как универсальной концепции развития религии, по мнению исследовательницы, предполагает ожидание конкретного результата, в то время как основанием для классификации изменений в религиозной сфере должны служить не результаты, а «механизмы процесса» [Левинская, 1998: 567].

Логику Левинской (она была отражена и в ряде западноевропейских работ [Pye, 1994]) позднее продолжил А.Н. Даненнберг, который вместо отказа от неоднозначного термина предложил ввести вспомогательный — «религия переходного типа» или «переходная религия» [Даненнберг, 2011: 166], и таким образом окончательно снял с синкретизма рамки завершённости. Исследователь отметил, что необходимым условием религиозного синкретизма является относительно мирное сосуществование двух или более мировоззренческих концепций, а также формирование нового вероучения. Именно этот признак, как и Капустин, Даненнберг считает ключевым для определения синкретизма.

В целом с начала 2000-х в религиоведческой среде наблюдается повышение интереса к явлению религиозного синкретизма: если прежде работы явно страдали от недостаточно развитой теоретической базы, при этом содержали в себе богатый этнографический материал, то теперь стали появляться исключительно теоретические работы. А ряд исследователей, в частности уже упомянутый А.Н. Даненнбрег, сделал выбор в пользу комплексного теоретико-практического подхода.

Не обошёл внимание российских исследователей и вопрос религиозного сознания и религиозной идентичности — особо пристальное внимание на синкретизм именно в контексте религиозного сознания обратила Ю.В. Гаврилова [Гаврилова, 2015]. Исследовательница отметила, что формирование смешанных структур зависит как от внутреннего естественного фактора, то есть психики человека, так и от фактора внешнего — социального. Исследовательница не разделила мнение Даненнберга в том, что религиозный синкретизм обязательно должен иметь своим результатом новую религиозную формацию, и предположила, что он может подразумевать и трансформацию «отдельных элементов религиозного сознания, культовой деятельности, предметов религиозного искусства и т.д.» [Гаврилова, 2019: 77], результатом процесса может также оказаться и «гибель одних религий и образование на их основе других, более развитых и устойчивых» [Гаврилова, 2019: 77]. Кроме того, именно Гаврилова заметила созидательную сторону синкретизма, уточнив, что через механизмы «опривычивания» он вплетает новые религиозные элементы в социальную структуру реальности. Этот тезис, безусловно, современные европейские исследователи обвинили бы в колониалистском уклоне, с чем в целом трудно не согласиться хотя бы по той причине, что едва ли исследователь имеет возможность с точностью определить, в какой момент синкретизм отключил свою

[11] Забияко А.П. 2006. Синкретизм религиозный. Религиоведение. *Энциклопедический словарь.* Москва: Академический проект. С. 984.

«разрушительную» (по аналогии) силу для социальной реальности, чтобы включить «созидательную».

На политические аспекты религиозного синкретизма обратил внимание Д.М. Латышев. Взяв во внимание концепции Н.С. Капустина и А.Н. Данненберга, он выделил три группы факторов, влияющих на возникновение явления — социорелигиозные, вероучительные и религиозно-политические, — которые могут вызвать совершенно разные синкретические реакции [Латышев, 2016: 301]. Исследователь отметил большое значение роли политики в процессе синкретизации и добавил, что он может инициироваться как со стороны политической элиты (искусственный синкретизм), так и «через системы ценностей прозелитируемой религии» (естественный синкретизм) [Латышев, 2016: 302].

Показательно также, что представленные в различных публикациях типологии синкретизма составляются российскими исследователями чаще всего с опорой на процесс развития религии (вроде первичного, вторичного, современного синкретизма [Беляева, 2008]) или же степень сопряжённости религиозных элементов (например, генетический, искусственный или смешанный [Гаврилова, 2019]). Эти подходы имеют, в сущности, уже знакомые нам предпосылки: первая заключается в признании универсальности явления для религиозной культуры в целом; вторая — в закреплении за понятием двух противоположных значений: в контексте первобытной культуры «синкретизм» обозначает нераздельность и, наоборот, дифференцированность — во всех остальных случаях. Обе предпосылки были унаследованы современными исследователями от представителей советской школы, которые со своей стороны, очевидно, учитывали идеи Тайлора, Леви-Брюля, Фрэзера и т. д.

Стоит отметить, что, в общем и целом, в ходе изучения различных работ, посвящённых религиозному синкретизму, нами были выделены пять наиболее распространенных контекстов исследования:

1) контекст естественных религий или первобытных верований. В этом случае понятие обозначает слитность разнородного. Наибольшее внимание естественным религиям было уделено в западноевропейский публикациях (на этапе признания универсальности) и в отечественных исследованиях советского периода;

2) контекст происхождения религий откровения, из которого западноевропейские религиоведы XX столетия синкретизм исключили вовсе, предложив альтернативные термины, вроде синтеза, адсорбации и т. д.;

3) контекст национальной и/или колониальной политики (для российских исследований более типичен первый, для западноевропейских исследований — второй);

4) контекст новых религиозных движений, идентифицирующих себя как синкретичные (и удачно, на наш взгляд, классифицируемые исследователями как «метасинкретизм»[12]);

5) контекст религиозной культуры в эпоху глобализации, который, по мнению отечественных исследователей, соотносится с синкретизмом, а, по мнению западноевропейских, — скорее с гибридизацией [Werbner, 1994: 203].

Ввиду отсутствия в отечественной науке значительных идеологических предубеждений и интерпретационных противоречий, которые зачастую выполняют стимулирующую функцию в вопросе поисков аксиом, до недавних пор в российских исследованиях наблюдалось некоторое теоретическое отставание в изучении феномена. Вплоть до 2000-х богатый этнографический материал, собираемый российскими и советскими исследователями, в принципе редко сопровождался теоретическими изысканиями, и местами в нём можно было обнаружить пейоративные оттенки. В то же время сам факт разнообразия религий и культур в России позволяет сделать предположение, что важным фактором, отразившимся на

[12] Kane, p.65.

интерпретации концепта «синкретизм», а соответственно и на подходах к его исследованию, стало то, что возникший в антисинкретической религиозной западноевропейской культуре термин сначала в течение нескольких веков подвергался «реанимации» со стороны учёных, а затем, попав в научных дискурс поликультурной синкретической российской действительности, оказался, в принципе «очищенным» от любого рода негативных коннотаций.

INTERPRETATION OF THE CONCEPT OF *RELIGIOUS SYNCRETISM* IN WESTERN EUROPEAN AND RUSSIAN RESEARCHES

M.O. Sidakova

Marina O. Sidakova — PhD Student of the Faculty of Philosophy, Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, Lomonosov Moscow State University. 119192, Moscow, Lomonosovskiy prospect, 27, building 4. E-mail: sidacova@gmail.com

Sidakova M.O. 2020. Interpretation of the Concept of *Religious Syncretism* in Western European and Russian Researches. *Concept: Philosophy, Religion, Culture.* Vol. 4. No 4. P. 57–67. https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-57-67

Received: 26.02.2020. Accepted: 24.11.2020.

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Abstract. The article is devoted to religious syncretism, in particular, the history of its research in Western European and Russian science. Most foreign researchers give an ambiguous assessment of the mother concept of syncretism. However, when for Russian researchers syncretism is a universal term used to describe a group of processes and seems not to be problematic, in the Western European scientific community anthropologists and religious scholars have been actively discussing its application for almost fifty years: works devoted to religious syncretism, as a rule, are necessarily accompanied by a number of reservations, and in other cases researchers deliberately avoid it altogether, preferring to use synonymous concepts with a less complicated history. In this way the main objective this paper sets is to compare the visions of the Russian and the foreign academy on the term, map and draw the margins of the conceptual use that both Russian and European scholars share, shedding light on contexts and reasons.

Positioning the concept within the field of its use, the text also notes the wide context of the referent phenomenon. Processes of spreading the boundaries of identity and religious self-determination are now taking place against the background of globalization. In this regard, the topic of religious syncretism not only has not lost its relevance, but, on the contrary, is increasingly at the center of religious studies.

The author of the article covers the history of the emergence of the concept in religious studies. On the basis of comparative analysis, the traces of the coverage of this phenomenon in scientific publications of Western European and Russian researchers are shown. It is also revealed, how the connotations of the concept of religious syncretism have changed, with the key discrepancies and gaps in scientific approaches identified, and the main types of contexts in which it appears differentiated.

Keywords: religious syncretism, *syncretic strife,* popular religion, enculturation, syncretism in Western European and Russian research.

References:

Goosen G. 2000. Syncretism and the Development of Doctrine. *Colloquium*. 32(2). Pp. 137-150.

Hartney Chr. 2001. *Syncretism and the End of Religion(s).* The End of Religions?: Religion in an Age of Globalisation. Sydney: Dept. of Studies in Religion, University of Sydney, Pp. 233-248.

Kraft S. E. 2002 "To Mix or Not to Mix": Syncretism/Anti-Syncretism in the History of Theosophy. *Numen*. 49(2). Pp. 142-177. https://doi.org/10.1163/156852702760186754

Kraemer H. 1956. *Religion and the Christian Faith.* London: Lutterworth Press. 460 p.

Martin L.H. 2000. Syncretism, Comparative Religion and Spiritual Quest. *Method & Theory in the Study of Religion.* 12(1-4). Pp. 277-286. https://doi.org/10.1163/157006800X00184

Pye M. 1971. Syncretism and Ambiguity. *Numen*. 18(2). Pp. 83-93. https://doi.org/10.2307/3269648

Pye M. 1994. Syncretism versus synthesis. *Method & Theory in the Study of Religion.* 6 (3). Pp. 217-229. https://doi.org/10.1163/157006894X00118

Steward Ch. 1994. *Introduction: Problematizing Syncretism.* Syncretism/Anti-syncretism: The Politics of Religious Synthesis. London: Routledge. P. 1-24. https://doi.org/10.4324/9780203451090

Van der Leeuw G. 2004. *The Dynamic of Religion. Syncretism. Mission.* Syncretism in Religion: A Reader. New York: Routledge. P. 98-102. https://doi.org/10.4324/9781315538228

Veer P. 1994. Syncretism, Multiculturalism, and the Discourse of Tolerance. *Syncretism/Anti-Syncretism: The Politics of Religious Synthesis.* London: Routledge. P. 1-24. https://doi.org/10.4324/9780203451090

Werbner R. 1994. Afterword. *Syncretism/Anti-syncretism: The Politics of Religious.* London: Routledge. P. 201-204. https://doi.org/10.4324/9780203451090

Belyaeva E.V. 2008. Istoricheskie tipy religioznogo sinkretizma [Historical Types of Religious Syncretism]. *Vesnik Brestskaga universiteta. Seryia gumanitarnykh i gramadskikh navuk.* No. 4. Pp. 45-52 (In Russian).

Dannenberg A.N. 2011. Religii perehodnogo tipa: k postanovke problemy na materiale afro-kubinskogo religioznogo sinkretizma [Religions of Transitional Type (on the Basis of the Material of the Afro-Cuban Religious Syncretism)]. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide.* 29(3-4) Pp. 144-151 (In Russian).

Gavrilova Yu.V. 2015. K voprosu o sinkretizme religioznogo soznaniya [On the Question of Syncretism of Religious Consciousness]. *Problema sootnosheniia estestvennogo i sotsial'nogo v obshchestve i cheloveke: VI Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia: sbornik.* Chita: ZabGU. Pp. 67-73 (In Russian).

Gavrilova Yu.V. 2019. Osobennosti istoricheskikh form religioznogo sinkretizma [Features of Religious Syncretism Historical Forms]. *Humanitarian Vector.* 14 (2). Pp. 73-80. https://doi.org/10.21209/1996-7853-2019-14-2-73-80 (In Russian)

Kapustin N.S. 1984. *Osobennosti evoliutsii religii: (Na materialakh drev. verovanii i khristianstva)* [Features of the Evolution of Religion: (Based on the Materials of Ancient Beliefs and Christianity)]. Moscow: Mysl'. 222 p. (In Russian).

Latyshev D.M. 2016. Religioznyi sinkretizm: osnovnye usloviia i prichiny vozniknoveniia [Religious Syncretism: Basic Conditions and Causes]. *Filosofiia v XXI veke: vyzovy, tsennosti, perspektivy: Sbornik nauchnykh statei.* Ekaterinburg: Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriiatie "Maks-Info". Pp. 299-303 (In Russian).

Levinskaya I.A. 1998. Sinkretizm: termin i fenomen [Syncretism: a Term and a Phenomenon]. *Stranicy: bogoslovie, kul'tura, obrazovanie.* No. 3(4). Pp. 558-567 (In Russian).

Rudolph K. 2013. Sinkretizm — ot teologicheskogo iarlyka k religiovedcheskomu terminu [Syncretism - from a theological label to a religious term]. Researches in the Religious Studies. 7-8. Pp. 195-212. (In Russian).

Shternberg L.Ia. 1936. *Pervobytnaia religiia v svete etnografii: issledovaniia, stat'i, lektsii.* [Primitive Religion in the Light of Ethnography: Research, Articles, Lectures]. Leningrad: Izd-vo in-ta narodov Severa TsIK SSSR im. P.G. Smidovicha. 572 p. (In Russian).

Silantieva M.V. 2012. Sinkretizm v usloviyah politizatsii religii: regionalnyi aspect [Syncretism in the Context of the Politization of Religion: a Regional Aspect]. *Materialy IV Ocherednogo Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa. 23-25 oktiabria 2012 goda.* Ufa. 6 (2). Pp. 4794-4800 (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Беляева Е.В. 2008. Исторические типы религиозного синкретизма. *Веснік Брэсцкага універсітэта. Серыя гуманітарных і грамадскіх навук*. № 4. С. 45-52.

Гаврилова Ю.В. 2015. К вопросу о синкретизме религиозного сознания. *Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке: VI Международная научная конференция: сборник*. Чита: ЗабГУ. С. 67-73.

Гаврилова Ю.В. 2019. Особенности исторических форм религиозного синкретизма. *Гуманитарный вектор.* 14 (2). С. 73-80. https://doi.org/10.21209/1996-7853-2019-14-2-73-80

Данненберг А.Н. 2011. Религии переходного типа: к постановке проблемы на материале афро-кубинского религиозного синкретизма. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом.* 2011. 29(3-4). С. 144-151.

Капустин Н. С. 1984. *Особенности эволюции религии: (На материалах древ. верований и христианства).* Москва: Мысль. 222 с.

Латышев Д.М. 2016. Религиозный синкретизм: основные условия и причины возникновения. *Философия в XXI веке: вызовы, ценности, перспективы: Сборник научных статей.* Екатеринбург: Издательско-полиграфическое предприятие «Макс-Инфо». С. 299-303.

Левинская И.А. 1998. Синкретизм: термин и феномен. *Страницы: богословие, культура, образование.* 3(4). С. 558-567.

Рудольф К. 2013. Синкретизм — от теологического ярлыка к религиоведческому термину. *Религиоведческие исследования.* 7-8. С. 195-212.

Силантьева М.В. 2012. Синкретизм в условиях политизации религии: региональный аспект. *Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса. 23-25 октября 2012 года.* Уфа. 6 (2). С. 4794-4800.

Штернберг Л.Я. 1936. *Первобытная религия в свете этнографии: исследования, статьи, лекции.* Ленинград: Изд-во ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича. 572 с.

УДК 13. 282. 172 https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-68-82

РЕЛИГИОЗНО-ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ЭКСПЕРТНЫЕ ОЦЕНКИ И ПОЗИЦИЯ ВАТИКАНА[1]

А.А. Абрамов

Абрамов Александр Александрович — старший преподаватель Сретенской духовной семинарии. 107031, Москва, ул. Большая Лубянка, 19, стр. 3. E-mail: nyresidence@gmail.com

Абрамов А. А. 2020. Этические проблемы искусственного интеллекта: Ватикан и другие. *Концепт: философия, религия, культура.* Том 4. № 4. С. 68–82. https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-68-82

Статья поступила в редакцию: 12.09.2020. Принята к публикации: 04.12.2020.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Осмысление моральной стороны вхождения алгоритмов искусственного интеллекта (ИИ) в жизнь общества, как представляется, вступает в новую фазу. Романтический период завышенных ожиданий и чрезмерных тревог сменяется пониманием многогранности процесса взаимодействия человека и машин, что подразумевает пересечение собственно нравственного, правового, политического и утилитарного измерения. Более чётко осознаются междисциплинарные мембраны и болезненные точки проблемного поля: недостатки дефиниций; слабость исследовательской оптики, позволяющей интегрально оценить существующие опасности; трудности описания механизмов, позволяющих принимать в этой сфере ответственные и этически приемлемые решения. По мере накопления научного знания становятся более очевидными как плюсы внедрения технологий ИИ в повседневную жизнь, так и ранее недооцененные новые угрозы. К их числу, в частности, относятся: социальная турбулентность, рост невротизации общества, цифровые преступления, злоупотребления, связанные с ограничением свобод и утратой идентичности. Государственные и неправительственные организации на протяжении последних лет предлагают различные подходы к определению того, что входит в моральное и политическое ядро рассматриваемой проблематики. Усилия многих, если не большинства из них, оказываются скомпрометированными подозрениями в разного рода заинтересованностях. В этих условиях возрастает социокультурное значение структур, выполняющих функции морального агента, задачей которого является обеспечение широкого общественного консенсуса. Одной из ключевых структур такого рода является Римско-Католическая Церковь. Стремление Ватикана объединить философов, разработчиков ИИ и религиозных лидеров для решения этических проблем раз-

[1] Статья написана на основе докладов, представленных автором на заседании круглого стола «Роботы, искусственный интеллект, достоинство человека: проблемы и вызовы», организованного Фондом Конрада Аденауэра в России и Синодальным отделом по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ 12 ноября 2018 г., а также на XII Международной конференции Санкт-Петербургской духовной академии «Актуальные вопросы современного богословия и церковной науки» 17 ноября 2020 г.

работки и внедрения робототехники в сложившиеся культурные сценарии жизни общества становится важным моментом христианского свидетельства в мире.

Ключевые слова: искусственный интеллект, алгоритм, этика, робототехника, Ватикан, Римско-Католическая Церковь, нравственность, достоинство личности.

Стивен Хокинг в выступлении на открытии Леверхульмского центра будущего интеллекта (Кембриджский университет) сказал, что «готовиться к будущему — намного эффективней, чем изучать историю человеческой глупости»[2]. Хокинг, как известно, был настроен с исключительным скепсисом относительно судьбы человеческой цивилизации, выделяя, в первую очередь, технологические и системные риски. Это в полной мере относилось в его представлении и к возможным опасностям развития искусственного интеллекта и «прорастания» последнего в общественную структуру. Как нередко бывает в среде специалистов естественных дисциплин, моральные риски и оценки Хокинга не занимали. Тем не менее именно опасения гуманитарного свойства, исходящие как из чисто антропологических предпосылок, так и из этических, составляют значительную часть спектра мнений вокруг проблемы искусственного интеллекта (ИИ).

В самом общем виде угроза была обрисована задолго до зарождения ИИ и не прямо в связи с ним, но афористично и точно. Андрей Вознесенский в поэме «Оза», посвящённой дегуманизации в эпоху торжества машин, предложил известную формулу: «Все прогрессы реакционны, если рушится человек», обозначив тем самым в поэтической форме рубежи смыслового поля для дискуссий вокруг перспектив ИИ — от «готовиться к будущему» до «неприемлемости научно-технического успеха в его нынешнем виде».

Современные религиозно-философские интерпретации проблемы искусственного интеллекта сосредоточены вокруг трёх основных проблем, или «трёх кризисов». Первая — проблема неясности и размытости определений. Вторая — проблема возможных злоупотреблений (и, шире, необходимости ввести критерии блага/вреда в новый для человека предметный мир). Третья — проблема «чистой» (в кантовском смысле) этики, то есть вопрос о нравственных действиях, которые следует предпринимать.

Напомним: понятие «искусственный интеллект» относительно новое. Дж. Маккарти с группой коллег формулирует его в 1955 г. в «Предложениях» по организации Дартмутской конференции, которая состоялась годом позже[3]. Таким образом, определение существует полвека с небольшим. При этом значительная часть исследователей считает, что ИИ — это алгоритмы, другие полагают, что речь идёт о технологиях и механизмах [Legg, Hutter, 2007: 7-9; Пройдаков, 2018: 129-153]. Классическим является определение Оксфордского словаря, который следующим образом характеризует ИИ: «Искусственный интеллект — это теория и реализация компьютерных систем, способных выполнять задачи, обычно требующие человеческого интеллекта (визуальных восприятий, распознавания речи, принятия решений и перевода с одного языка на другой)»[4]. В других редакциях этой серии словарей понятие ИИ раскрывается значительно шире, но уже под углом зрения тех или

[2] См.: https://www.cam.ac.uk/research/news/the-best-or-worst-thing-to-happen-to-humanity-stephen-hawking-launches-centre-for-the-future-of (accessed 19.11.2020).

[3] *A Proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence.* Available at: http://raysolomonoff.com/dartmouth/boxa/dart564props.pdf (accessed 25.11.2020).

[4] *Lexico*. Available at: https://www.lexico.com/definition/artificial_intelligence (accessed 19.11.2020).

иных отдельных дисциплин. Тем самым становится очевидной целесообразность поиска максимально лаконичной и общей формулировки.

В обыденном восприятии под искусственным интеллектом чаще всего понимаются сюжеты в стиле «киберпанк», где доминирует идея «войны роботов»: здесь очень часто смешиваются картины предстоящих увольнений, притеснения людей искусственными созданиями, бунтов машин. Немало сценариев апокалиптического свойства можно встретить в современных произведениях художественной литературы и кино. Медийная «упаковка» проблематики искусственного интеллекта с самого начала открывала возможность разного рода спекуляций, создавая вокруг понятия ИИ облако тайны и затрудняя поиск его внятного определения.

В обстановке, когда эксперты часто игнорируют ключевую обязанность давать пояснения, в обществе возникают основания для тревоги. Это, вообще говоря, один из серьёзнейших вопросов современного знания: специалисты любят отгородиться от профанов, изолировавшись в «башне из слоновой кости», и не давать ясных ответов на прямо поставленные вопросы. Проиллюстрирую сказанное примером из личной практики. Сравнительно недавно мне пришлось вести телевизионную научно-популярную программу, посвященную блокчейну — технологии, напрямую связанной с возможностями ИИ. Гостями передачи были специалисты — создатели и эксплуатанты одной из финансовых систем, построенной на основе концепции распределенной базы данных. В течение часа эфира они не смогли приблизить никого из участников и зрителей программы к пониманию того, в чём состоит новизна идеи блокчейна и как можно было бы оценить риски в смысле социальных угроз и опасности злоупотреблений, помноженных на рост утонченности систем ИИ. В частности, бросился в глаза своеобразный «технократический идеализм», для которого характерно отмечать лишь достоинства отстаиваемой модели на том основании, что она «является шагом вперёд». При этом исторические параллели, этические опасения и даже практические недоумения отметаются как непродуктивные и ретроградные.

В приведённом примере блокчейна очевидным «пунктом подозрения» становится невозможность достичь полностью независимой от злой воли системы распределения информации, к тому же свободной от попыток вмешательства и коррекции. Идеологический генезис подобных технически сложных систем, по-видимому, можно проследить от идей утопических социалистов с их мыслью о разумном и полезном для всех обобществлении хозяйства. Но, развивая метафору утопии, нельзя не увидеть и маячащую совсем рядом угрозу: при практическом воплощении идеала часто реализуются самые автократичные сценарии, где власть остаётся за узурпаторами. Нежелание анализировать эту часть реальности отрывает техническую проблематику от этической и уводит в дебри узкоспециальных дискуссий. В этих обстоятельствах разговор о терминах кажется очень существенным. Он, безусловно, должен предшествовать любому включению в гонку рассуждений о том, хорош или плох ИИ.

Таким образом, на первом месте для гуманитарного сознания стоит проблема неясности содержания и истолкования объёма понятий, связанных с ИИ. Как представляется, эта сложность в известной мере нарочита, поскольку легко может быть преодолена, если специалисты начнут давать необходимые разъяснения на общепонятном языке.

Вторая проблема — это оценка современного состояния искусственного интеллекта. На современном этапе речь не идёт о формах искусственного интеллекта, напрямую связанных с сознанием или использующих сознание как модель для развития и саморазвития. Как представляется, эти возможности пока очень невелики и скорее декларативны. Впрочем, те, что имеются, свидетельствуют о колоссальном потенциале роста. Общеизвестно применение машинных алгоритмов и роботов в сфере медицины, промышленности, транспорта, управления, финансов, рутинных и неквалифицированных видов

труда. Степень интегрированности тех или иных форм ИИ в наш повседневный быт также не должна оставаться недооценённой — от роботизированной коробки передач в автомобиле до воспринимаемых как обыденные функций помощника в смартфоне, от машинных переводчиков до алгоритмов анализа результатов лабораторных исследований, от поисковых компьютерных систем до сервисов персонализированного подбора музыкальных композиций.

Впечатляют и количественные показатели. Возьмём, к примеру, острую и масштабную тему борьбы с раком. В Дании больше половины методов диагностики рака кожи осуществляется при помощи компьютерных методов без прямого участия человека. В рамках программы «Горизонт 2020» Евросоюз инвестировал более 170 млн. евро в 2014–2020 гг. только в программы цифровизации и кибербезопасности медицинских исследований[5]. Как показывают обширные исследования, методики ИИ значительно повышают точность диагностики рака, порой до 30–40%[6]. Вложения в этот рынок могут составлять, по некоторым оценкам, до 6,6 млрд. долларов на ближайшую перспективу (до 2021 г.). При этом уровень диагностической врачебной ошибки может упасть на драматические 85 %[7]. Японский фонд онкологических исследований планирует к 2021 г. получить экспертную систему ИИ, которая будет в значительной мере автономна при рекомендации стратегии лечения раковых заболеваний[8]. В России специалисты Сеченовского университета запатентовали программу «ОнкоПро», которая на основе ИИ позволяет прогностически оценивать риски развития болезни у людей, которым не проводили гистологические исследования[9]. И речь в этом случае, как видим, идёт лишь об одном из важных и прорывных направлений применения технологий и приемов ИИ.

Таким образом, вопрос о пользе и преимуществах цифровизации, переходящей в «революцию искусственного интеллекта» [Шваб, 2019: 140-197; Шваб, Дэвис, 2019: 144-180; Форд, 2020: 183-205; Бруссард, 2020: 305-316] можно считать достаточно проработанным. Тем более имеет смысл обратиться к рассмотрению обратных эффектов — отрицательных. Как уже отмечалось, понимание уровня и возможностей ИИ в обществе пока очень далеко от научно обоснованного, эта сфера чаще всего воспринимается в ракурсе публицистических алармистских примеров. Тем не менее, эмоциональность и отчасти технофобия противников ИИ не должны отвлекать внимание исследователей от масштаба реально существующих проблем. Назовём здесь лишь некоторые опасности и реально образовавшиеся проблемы, которые возникают — и это важно подчеркнуть — на ещё «доинтеллектуальном», «вне/досознательном» уровне развития ИИ (разница между этими ярусами развития алгоритма становится более рельефной при сравнении отличий intelligence от intellect в исходном определении ИИ).

Одной из предельно значимых сложностей становится рост социального напряжения и неравенства — эффект, который менее всего ожидался в результате внедрения технологий и механизмов ИИ. Тем не менее, массив фактов, подтверждающих разрастание проблемы, весом. Так, по сообщению агентства «Рейтер», компания «Amazon» была вынуждена ликвидиро-

---

[5] *EU-Ukraine Summit: moving forward together in solidarity.* Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/MEX_19_3970 (accessed 19.11.2020).

[6] Технологии на службе медицины: аналитика и искусственный интеллект против рака. *Медвестник*. URL: https://medvestnik.ru/content/interviews/Tehnologii-na-slujbe-mediciny-analitika-i-iskusstvennyi-intellekt-protiv-raka.html (дата обращения: 19.11.2020).

[7] From Coding to Cancer: How AI is Changing Medicine. *Modern Medicine.* Available at: https://www.cnbc.com/2017/05/11/from-coding-to-cancer-how-ai-is-changing-medicine.html (accessed 19.11.2020).

[8] В Японии лечением раковых заболеваний займется искусственный интеллект. *РИА*. URL: https://ria.ru/20170131/1486868433.html (дата обращения: 19.11.2020).

[9] ОнкоПро — интервью «Известиям». *Известия.* URL: https://www.sechenov.ru/univers/structure/nauchno-tekhnologicheskiy-park-biomeditsiny/instituty/institut-personalizirovannoy-meditsiny/news/146076/ (дата обращения: 19.11.2020).

вать проект самообучающейся рекрутинговой программы, поскольку та в процессе деятельности строила свои решения на предпочтении мужчин женщинам[10]. Тот же технологический гигант, используя особые типы алгоритмов, продавал один и тот же товар по разным ценам людям разных социальных категорий. Социальные страхи, вызванные боязнью увольнения и замены роботами, переместились с экранов голливудских блокбастеров в каждодневную жизнь экономически активных регионов мира. Это привело и к ощутимому росту самоубийств, прямо вызванных неуверенностью в своём успехе в «дивном новом мире»[11]. Руководитель Сбербанка России Г. Греф в 2017 г, сообщил о том, что вследствие радикального внедрения новых технологий ИИ в его банке было сокращено до 70 % людей, «выполняющих какие-то очень простые операции»[12].

Отдельного разговора заслуживают ошибки ИИ, связанные с недоработанностью или ошибочностью применяемых алгоритмов (так называемые «ошибки роста»). Амплитуда этих ошибок крайне велика — от смерти людей до гигантских финансовых потерь. Известны отчёты о гибели и травмах водителей, находившихся в управляемых автопилотами автомобилях, о ставших жертвами таких автомобилей пешеходах[13]. Повсеместны сообщения о сбоях системы распознавания лиц и задержаниях или неверной идентификации людей со значительным ущербом для них: случалось, что законопослушного гражданина принимали за разыскиваемого террориста или не позволяли вклеивать фото в паспорт, потому что программа не находила на снимке глаз[14]. Ситуация 2010 г. на мировых фондовых рынках, которая привела к грандиозному обвалу вследствие дефолта Греции, прямо связана с несовершенством алгоритмов системы торгов. Дж. Баратт, анализируя работу биржи NASDAQ, где 70 % акций торгуется с помощью электронных трейдеров, отмечает, что коллапс, вызвавший системный кризис мировой экономики, в значительной мере был связан со сбоем подобного рода систем, который происходил в пределах трех миллисекунд [Баррат, 2019: 139-141]. Упомянутый выше Г. Греф объявил о многомиллиардных потерях Сбербанка из-за неверных расчётов программ ИИ при управлении значительными активами[15]. В ряде интересных работ [Нестик, 2018; Нестик, 2019а; Нестик, 2019б; Нестик, 2019в] отечественный психолог Т.А. Нестик показывает, что наибольшие опасения по поводу внедрения систем ИИ испытывают те люди, которые с ними более или менее знакомы, так или иначе эксплуатируют эти системы в своей частной жизни (например, пользуются в смартфонами); причём «принятие искусственного интеллекта не как вещи, а как активного субъекта требует сочетания технооптимизма с социальным оптимизмом, с доверием к социальным институтам и другим людям» [Нестик, Журавлев, 2018: 224]. В свою очередь, бесконтроль-

[10] Amazon scraps secret AI recruiting tool that showed bias against women. *Reuters*. Available at: https://www.reuters.com/article/us-amazon-com-jobs-automation-insight/amazon-scraps-secret-ai-recruiting-tool-that-showed-bias-against-women-idUSKCN1MK08G (accessed 19.11.2020).

[11] Suicide Is Becoming America's Latest Epidemic. *The Nation*. Available at: https://www.thenation.com/article/suicide-rate-americas-latest-epidemic/ (accessed 19.11.2020).

[12] Греф рассказал о сокращениях в Сбербанке из-за искусственного интеллекта. *РБК*. URL: https://www.rbc.ru/business/10/11/2018/5be6b5929a79471263626f32 (дата обращения: 19.11.2020).

[13] Tesla Autopilot Was Involved in Another Deadly Car Crash. Wired. Available at: https://www.wired.com/story/tesla-autopilot-self-driving-crash-california/ (accessed 19.11.2020), также: Self-Driving Uber Car Kills pedestrian in Arizona Where Robots Roam. *New York Times*. Available at: https://www.nytimes.com/2018/03/19/technology/uber-driverless-fatality.html (accessed 19.11.2020) и "Inadequate Safety Culture" Contributed to Uber Automated Test Vehicle Crash. *National Transportation Safety Board*. Available at: https://www.ntsb.gov/news/press-releases/Pages/NR20191119c.aspx (accessed 19.11.2020).

[14] Robot passport checker rejects asian man's photo for having his eyes closed. *The Telegraph*. Available at: https://www.telegraph.co.uk/technology/2016/12/07/robot-passport-checker-rejects-asian-mans-photo-having-eyes/ (accessed 19.11.2020).

[15] Герман Греф на «Уроке цифры». *СберТВ*. URL: https://sberbanktv.ru/?video=3058 (дата обращения 19.11.2020), также: Греф признал потерю миллиардов рублей из-за искусственного интеллекта. *РБК*. URL: https://www.rbc.ru/finances/26/02/2019/5c74f4839a7947501397823f (дата обращения: 19.11.2020).

ное внедрение ИИ со стороны государства, которому люди не доверяют, ведёт к росту социальной инфантильности. В системе цифрового патернализма, именуемого иначе «архитектурой выбора», использование алгоритмов, «корректирующих несовершенство человеческой природы ради благих целей, может способствовать снижению осознанности и рефлексивности общества» [Нестик, 2019б: 17]. Таким образом, просматриваются предпосылки складывания новой социальной действительности, некой реальности, которая выводит нас на тоталитаризм современного извода, где организующая роль отводится машинам.

Наконец, ещё одна «территория вопросов» — это тема прямого злоупотребления ИИ (цифровые двойники, распространение фальшивой информации, адаптированной под профиль личности, цифровые преступления, резкое сужение сферы частной жизни и социальное рейтингование[16]) [Caldwell, Andrews, Tanay, 2020; Kamps, Kleinberg, 2018; Van Der Wagen, Pieters, 2015; Wilner, 2018].

Особняком, но примыкая к этой сфере, стоит вопрос военного применения ИИ. Речь идёт, в первую очередь, о беспилотных летательных аппаратах (БЛА), усовершенствованных систем управления боем и смертоносных автономных систем вооружения (САС). Последние составляют на данном этапе гонки вооружений одну из серьёзнейших опасностей. В том числе потому, что такие разработки впитывают наибольшее количество технических достижений. Обеспокоенность лавинообразным ростом их количества с риском скорого массового вывода на театры военных действий побудили создать группу правительственных экспертов по проблематике САС в рамках Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие (Конвенция о «негуманном» оружии)[17].

Оставив в стороне вопрос, может ли вообще оружие являться «гуманным» [Шибаева, Холова, 2018: 28-41], обратим внимание на позицию экспертов. В 2015 и 2017 гг. около ста специалистов из мира бизнеса, разработчиков роботов и философов направили обращения в ООН, назвав развитие САС «третьей революцией в военном деле». Они предупредили об опасности — в случае неограниченного применения возможностей робототехники, — разворачивания боевых действий «в гораздо более широких масштабах, чем когда-либо, и гораздо быстрее, чем люди смогут осознать»[18] [Дерешко, 2018: 86; Скуратова, Королькова, 2019: 22-30].

Вместе с тем, международно-правовые усилия поставить под контроль разработку смертоносных автономных систем ожидаемо пробуксовывают. Попытки объединить юридическую практику и гуманитарное осмысление проблемы не встречает понимания не только в среде международников, но даже у специалистов по этике. Более того. Сложившаяся практика применения имеющихся юридических механизмов — например, так называемая оговорка Мартенса[19], — по умолчанию предполагает, что применение САС порочно как в этическом смысле, так и в контексте законов ведения войны, поскольку противоречат началам «установившихся обычаев, принципов

[16] Artificial intelligence examines best ways to keep parolees from recommitting crimes. *Purdue University.* Available at: https://www.purdue.edu/newsroom/releases/2020/Q3/artificial-intelligence-examines-best-ways-to-keep-parolees-from-recommitting-crimes.html (accessed 19.11.2020).

[17] *Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие.* URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/conweapons.pdf (дата обращения: 08.12.2020).

[18] Открытое письмо к Конвенции Организации объединенных наций об употреблении определенного вида оружия. *Институт будущего жизни.* URL: https://futureoflife.org/open-letter-united-nations-convention-certain-conventional-weapons-russian/ (дата обращения: 19.11.2020).

[19] Оговорка предусматривает защиту прав гражданского населения во время ведения боевых действий даже в условиях отсутствия действующих норм договорного права, исходя из сложившихся обычаев, принципов гуманности и велений общественной совести.

гуманности и требований общественного сознания»[20].

Т.В. Черниговская, характеризуя отрицательные стороны бесконтрольного и находящегося вне нравственного осмысления развития ИИ, сочла возможным говорить об «игре в уничтожение самых главных человеческих черт», в которой содержится «что-то глубоко порочное и опасное» [Кто стучится в дверь моя…, 2016: 32-33]. Проблема распознания добра и зла, определения действий, которые надлежит предпринять для достижения блага, моральная оценка явлений есть проблема этики, в том числе и религиозной. Нравственную роль, силу и значение авторитетного свидетельства в таких обстоятельствах трудно переоценить. Это становится особенно ясным, если провести самый кратчайший обзор существующих усилий осмыслить этическую сторону развития высоких технологий. Такие попытки предпринимаются на нескольких уровнях. Первый из них — это межгосударственные организации и страны (ООН и её система, Евросоюз, отдельные государства); второй — общественные и научные структуры (разработчики ИИ, их сообщества и активисты, исследовательские центры, философы). Далее следуют компании, заинтересованные во внедрении результатов исследований ИИ. Наконец, собственное видение представляют религиозные организации, точка зрения которых отсылает к самим основам современной цивилизации Европы и Северной Америки, возникавшей на христианских идеалах, нравственных нормах и ценностях.

Профильной организацией из учреждений ООН по исследованию этики ИИ предсказуемо стала ЮНЕСКО. В сентябре 2020 г. государствам-членам был представлен итог полуторагодичной деятельности специальной группы экспертов (СГЭ) по подготовке проекта рекомендации об этических аспектах ИИ — проект «Итогового документа» (SHS/BIO/AHEG-AI/2020/4 REV.2)[21]. Даже с учётом свойственной системе ООН тяжеловесности документов, их насыщенности бюрократическими формулировками и пронизанности следами политических баталий, вряд ли избранная в ЮНЕСКО траектория сможет снискать много сторонников[22]. Достаточно отметить, что в числе приоритетных направлений деятельности, выделенных экспертами международной организации, область культуры занимает седьмое место из десяти. Сказанное в известной мере относится и к целому ряду сходных инициатив, — например, к саммитам «Искусственный интеллект во благо»[23], организуемым для поддержки Целей устойчивого развития — ещё одной амбициозной программы ООН. Этика ИИ исследуется и в рамках других межгосударственных объединений — G20, Евросоюза, а также в общих выражениях излагается в большинстве национальных стратегий развития высоких технологий, в том числе и России. Тем не менее, тема моральных оценок разработки и применения алгоритмов ИИ занимает в таких документах второстепенное место (исключение составляют структуры ЕС).

То, что плохо удаётся государствам, пытаются восполнить ответственные создатели ИИ, инженеры, учёные и общественные деятели. К числу главных инициатив, исходящих из этого сектора, относится Асиломарская декларация 2017 г. по ИИ, ставшая итогом работы конференции по

[20] Sparrow R. 2017. Ethics as a source of law: The Martens clause and autonomous weapons. *Humanitarian Law and Policy,* 14 December. Available at: https://blogs.icrc.org/law-and-policy/2017/11/14/ethics-source-law-martens-clause-autonomous-weapons/ (accessed 19.11.2020).

[21] Итоговый документ: первый проект рекомендации об этических аспектах искусственного интеллекта. *UNESCO Digital Library.* URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000373434_rus (дата обращения: 24.11.2020).

[22] Критическая оценка экспертов РСМД приведена, например, в: Фёдоров М., Цветков Ю. Этика искусственного интеллекта в деятельности ЮНЕСКО: вопросы политики, права и перспективы равноправного международного цифрового сотрудничества. *Российский совет по международным делам.* URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/etika-iskusstvennogo-intellekta-v-deyatelnosti-yunesko-voprosy-politiki-prava-i-perspektivy-ravnopra/ (дата обращения: 24.11.2020).

[23] Официальный сайт мероприятия: https://aiforgood.itu.int (accessed 24.11.2020).

этике искусственного интеллекта. Асиломар — символическое место для тех, кто занимается моральными аспектами развития науки и техники. Именно здесь в 1975 г. прошла ещё одна вошедшая в историю гуманистической мысли конференция по рекомбинантной ДНК, где обсуждалось запрещение отдельных видов исследований, связанных с модификацией генома человека. Некоторые из постулатов Асиломарской декларации 2017 г. таковы: «Системы ИИ должны быть безопасны и защищены на протяжении всего срока эксплуатации, устройство и функционирование систем ИИ должно быть согласовано с идеалами человеческого достоинства»[24]. Существует немало других предложений по этическому регулированию систем ИИ, берущих своё начало в негосударственных структурах. Так, например, созданная Илоном Маском ассоциация «Открытый ИИ» предлагала установить жёсткий контроль над автоматизированными системами вплоть до введения отдельных правоохранительных структур в этой области. Крупные компании и бизнес-структуры, вовлечённые в многомиллиардный оборот рынка ИИ, также декларируют стремление придерживаться прозрачных моральных практик путём вхождения в разного рода партнёрства для исследования опасностей безнадзорного развития алгоритмов ИИ, а также создания «этических комитетов» по образцу известных комитетов по биоэтике в США второй половины XX в. Примером подобной корпоративной политики может служить междисциплинарная исследовательская программа «beyond», которую развивает автогигант «Ауди» в области разработки автопилотов и изучения воздействия робототехники на рынок труда[25].

Как видим, число государственных и неправительственных действующих лиц, которые желали бы предложить своё видение этической перспективы вхождения ИИ в жизнь людей, велико. Часть этих людей и организаций обладает значительным моральным авторитетом, репутация иных сомнительна или вызывает подозрения в политической или деловой ангажированности. Особый вес приобретают суждения тех, для кого сфера ИИ — не очередная возможность высказаться по модному поводу, а часть тщательно разработанной нравственной доктрины, учения, которое целостным образом охватывает различные сферы бытия человека и его взаимодействия с окружающим миром. Речь идёт, в первую очередь, о христианах и Церкви. Исторически сложилось так, что на рубеже XX–XXI вв. наибольшую чувствительность и интерес к робоэтике и нравственным сюжетам развития ИИ проявил Ватикан.

Разговор о позиции Св. Престола по тематике ИИ, несомненно, заслуживает отдельного исследования монографического жанра. В рамках этой статьи хотел бы обратить внимание на несколько принципиальных аспектов позиции Ватикана. Во-первых, исследование взаимодействия человека и алгоритмов не является для Римско-Католической Церкви каким-то новым начинанием, куда она входит не по духовным и пастырским соображениям, а лишь по политической либо социальной необходимости. Ошибочно мнение, будто «архаичные клерикалы» при этом не вооружены должной методологией и представлением о конечной цели предприятия. Для так называемого Магистериума католиков (учительной миссии Церкви, выраженной в первую очередь через деятельность Понтифика) новейшие проблемы НБИКС-технологий и ИИ — частный случай засвидетельствовать неизменные истины, лежащие в фундаменте христианского исповедания. К числу этих истин относится идея Откровения, выраженного через любовь Бога к людям; жизнь и достоинство человека как величайшие ценности; стремление к благу для всего человечества и для самого себя; желание познания как базовая потребность личности; духовная свобода и творчество как

[24] Принципы работы с ИИ, разработанные на Асиломарской конференции. *Институт будущего жизни*. URL: https://futureoflife.org/ai-principles-russian/ (дата обращения: 24.11.2020).

[25] См., например, выступление главы «Ауди» Р. Штадлера на конгрессе ООН по искусственному интеллекту 2017 г.: https://www.audi.ru/ru/web/ru/news/2017/06/un-congress.html (accessed 24.11.2020).

проявление сотворённости человека по образу и подобию Божию [Разин, 2018: 115-116; Уланова, 2020: 117-118]. Искусственный интеллект, рассматриваемый сквозь призму самоценности интеллекта естественного, перестаёт восприниматься как тревожащая «проблема». ИИ становится в концепции Ватикана частью так называемой «глобальной биоэтики», где сходится пристальное изучение классических вопросов биомедицинской науки и исследование новых вызовов, с которыми сталкивается общество в наши дни. Одной из отличительных черт подобного исследования становится для Св. Престола признание духовного значения естественного нравственного закона, исключающего возможность причинять зло и направляющего действия верующих к добру[26] [Папа Римский Франциск, 2015: 70-79].

Вторая существенная сторона масштабной деятельности Римско-Католической Церкви в области этики ИИ — это её основательность, междисциплинарность, институциональная оснащённость и продолжительность. К числу факторов, которые не могут не влиять на качество ситуации, относится и использование преимуществ положения Св. Престола как одновременно Церкви и государства. Надо сказать, что Ватикан — не новичок в дискуссии о плюсах и минусах научно-технического прогресса в его существующих формах. Об опасностях, как и о содержащихся в новых технологиях возможностях помощи людям в преодолении болезней, улучшении условий повседневной жизни и труда говорил ещё в середине XX в. Папа Пий XII. Эту линию продолжил Иоанн Павел II, выпустивший специальную энциклику о философских сторонах соотношения науки и веры [Иоанн Павел II, 2003: 207-310]. С тех пор содержание Магистериума естественным образом развивалось, вбирая в себя реакцию на новые вызовы. Проблемами ИИ в том или ином виде при понтификате Папы Франциска занимаются, в первую очередь, центральные учреждения курии: Папская академия в защиту жизни (ПАЖ), Папская академия наук (ПАН), Папская академия социальных наук (ПАСН), Папский совет по культуре (ПСК) и Дикастерия в защиту целостного развития человека (ДРЧ). ПАЖ, головная организация Ватикана по вопросам биоэтики и высоких технологий, целиком посвятила интересующей нас тематике два последних года исследований. Генеральные ассамблеи Академии были сосредоточены на следующих вопросах: 2019 — «Робо-этика. Люди, машины и здоровье» [Robo-ethics, 2020: 17–29], 2020 — «Хороший алгоритм? ИИ: этика, право, здравоохранение» [I Papi e la Pontificia Accademia per la Vita, 2020: 229-233]. Итогом второй конференции стало подписание так называемого «Римского призыва по этике ИИ» — документа, впервые официально обозначающего на высшем уровне позицию Св. Престола по ИИ; о нём пойдет речь позже. ПАН, в свою очередь, организовала в 2016 г. симпозиум «Сила и ограничения ИИ»[27], а совместно с ПАСН в 2019 г. конференцию «Робототехника, ИИ и человечество. Наука, этика и политика»[28]. Наконец, ПСК совместно с ДРЧ провели в 2019 г. обширную по тематике и охвату приглашённых участников конференцию «Общее благо в цифровую эпоху»[29].

Здесь оставлены в стороне десятки более мелких мероприятий, встреч рабочих групп, симпозиумов, научных заседаний, презентаций. Масштаб охвата, интенсивность проработки этических аспектов ИИ, изучение вопросов применимости существующих нравственных норм к новым жизненным обстоятельствам свидетельствуют о том, что нынешний понтификат

[26] *Компендиум социального учения Церкви.* Пер. 2006. Москва: Издательство «Паолине». 640 с. С. 114-137.

[27] Final Statement of the Workshop: Power and Limits of Artificial Intelligence. *The Pontifical Academy of Sciences.* Available at: http://www.accademiascienze.va/content/accademia/en/events/2016/intelligence/statement.html (accessed 25.11.2020).

[28] A concluding Statement from the Conference on Robotics, AI and Humanity. *The Pontifical Academy of Sciences.* http://www.accademiascienze.va/content/accademia/en/events/2019/robotics/statementrobotics.html (accessed 25.11.2020).

[29] *The Common Good in the Digital Age. Dicastery for Promoting Integral Human Development.* Available at: http://www.humandevelopment.va/en/news/2019/the-common-good-in-the-digital-age-26-28-settembre-2019.html (accessed 25.11.2020).

отмечен жгучим интересом к моральной стороне развития техники и желанием актуализировать католическую антропологию и нравственное богословие в свете существующих вызовов, не жертвуя ни в малейшей степени неизменными религиозными принципами.

Активность Католической Церкви в области изучения ИИ свойственна не только Риму. Примером очень плотной вовлечённости в формирование политико-правовой и идеологической позиции ЕС по робототехнике, смертоносным автономным системам, субъектности ИИ стала деятельность Комиссии епископских конференций ЕС (COMECE). Комиссия, взаимодействуя с евробюрократией и участвуя в многочисленных публичных консультациях, отстаивает мысль о человекоцентричности ИИ (алгоритм для человека, а не наоборот); достоинстве личности как философской основе любой дискуссии о взаимоотношениях человека и машины. Акцентированы невозможность применять к ИИ человеческие моральные критерии; потребность дать более чёткое определение технологиям ИИ; важность запрещения САС (это официальная позиция Св. Престола)[30], отказ от наделения роботов юридически значимой субъектностью. Многие из этих предложений принимаются во внимание[31] и инкорпорируются в документы Евросоюза, что позволяет некоторым наблюдателям характеризовать европейские «правила игры» для ИИ как христианские и основанные на традиционных нравственных ценностях[32].

В последние десятилетия Ватикан проявил себя в роли «религиозного первопроходца», вступившего в область вполне секулярной дискуссии об алгоритмах ИИ и робототехнике. Св. Престол выступил при этом как консолидирующая сила, побуждающая вновь и вновь вносить нравственное измерение в, казалось бы, совершенно рутинную дискуссию специалистов-«технарей». Здесь следует возвратиться к уже упомянутому Римскому призыву по этике ИИ[33], который в 2020 г. наряду с высокопоставленными чиновниками курии подписали президент Microsoft Б. Смит, вице-президент IBM Д. Келли, председатель Европарламента Д. Сассоли, генеральный директор ФАО Цюй Дунъюй. Подписание этого рамочного документа стало безусловным прорывом и успехом католиков, потому что впервые вокруг христианской Церкви объединились, пусть и на базе минимального консенсуса, крупнейшие мировые игроки — учреждения ООН, Евросоюза, мегакорпорации, признавшие эксплицитно необходимость движения по пути морального регулирования одного из сложнейших продуктов человеческой мысли. Документ был переведён на русский язык и подвергнут определённой критике — за размытость языка и отсутствие богословского среза при анализе ситуации. Дальше этой критики, увы, обсуждение текста пока не пошло[34]. Однако критика предполагает не только установление несоответствий, но прежде всего определение возможностей и границ. Что, в свою очередь, тре-

[30] Роботы не волк — в лес не убегут. *Коммерсант*. URL: https://www.kommersant.ru/daily/110972 (дата обращения: 25.11.2020).

[31] Новейший официальный документ COMECE по вопросу приведен здесь: Annex to the public consultation on the White Paper on Artificial Intelligence — A European Approach. *Commission of the Bishop's Conferences of the European Union.* Available at: http://www.comece.eu/dl/LpmoJKJKkKoNJqx4KJK/COMECE-contribution-and-annex_paper_for_the_public_consultation_on_the_White_Paper_on_AI-final.pdf (accessed 25.11.2020). См. также: Contribution de la COMECE sur le statut juridique des robots. *Commission of the Bishop's Conferences of the European Union.* Available at: http://www.comece.eu/contribution-de-la-comece-sur-le-statut-juridique-des-robots (accessed 25.11.2020); Will the EU face AI's ethical, legal and political challenges? Commission of the Bishop's Conferences of the European Union. Available at: http://www.comece.eu/will-the-eu-face-ais-ethical-legal-and-political-challenges (accessed 25.11.2020).

[32] Анненков А. Европейский подход к искусственному интеллекту: этика во-первых, закон во-вторых. 31.08.2018. *Digital Russia.* URL: https://d-russia.ru/evropejskij-podhod-k-iskusstvennomu-intellektu-etika-vo-pervyh-zakon-vo-vtoryh.html (дата обращения 25.11.2020).

[33] Официальный текст «Призыва»: Rome Call for AI Ethics. *Pontifical Academy for Life.* Available at: http://www.academyforlife.va/content/dam/pav/documenti%20pdf/2020/CALL%2028%20febbraio/AI%20Rome%20Call%20x%20firma_DEF_DEF_con%20firme_.pdf (accessed 25.11.2020).

[34] Тренин-Страусов П.Д. О чем не сказал Папа Римский, искусственный интеллект и «христианская реальность» (XR). 24.03.2020. *bogoslov.ru.* URL: https://bogoslov.ru/article/6026331 (дата обращения: 25.11.2020).

бует более развёрнутого анализа данного текста. Наряду с введением, он содержит комментарии и предложения в трёх областях — этики, образования и прав. Каждый из разделов так или иначе апробирован католиками в других нормативных документах и на иных площадках. При этом в документе действительно практически отсутствуют лобовые прямые декларации специфически христианского содержания. «Призыв» предлагает обратиться к таким принципам взаимодействия с ИИ, как прозрачность, инклюзивность, ответственность, беспристрастность, надёжность, безопасность и конфиденциальность. Тем не менее, есть серьёзные основания полагать, что в данном случае мы имеем дело скорее с особенностями техники ватиканской дипломатии [Joubert, 2017: 47-61; Troy. 2018: 521-539; Shelledy, 2004: 149-162; Vukicevic, 2015: 65-79], чем с сознательной переменой мировоззренческих установок. Мир уже не раз был свидетелем ситуации, когда общественности представляется очень общий документ, становящийся центром кристаллизации, позволяющим определить круг своих потенциальных сторонников. Несколько позже появляется и обширный вероучительный документ, носящий нормативный характер для практикующих верующих. Именно по такому сценарию развивалось введение в публичное пространство новых документов Рима по проблемам эвтаназии и конца жизни. В случае ИИ, видимо, было принципиально важно обозначить желание Ватикана участвовать в дискуссии (причём не на правах статиста), а также его готовность стать объединяющей силой как для религиозного сообщества, так и для сочувствующих секулярных гуманистов.

В ходе этой дискуссии религиозно-этическое содержание проблемы ИИ приобретает всё более ясное понимание. Более отчётливо обозначилось предметное поле исследования ИИ. Сложилась система представлений об уязвимостях и опасностях, связанных с имеющейся и находящейся пока в становлении системой алгоритмов и их взаимодействия с человеком. Роль Ватикана как арбитра, чьё мнение окажется существенным в общественной дискуссии о пользе и вреде ИИ показывает: её вряд ли удастся вернуть в прежнее сугубо академическое русло. Вышедшая за пределы лабораторий не без помощи Римско-Католической Церкви полемика о цели происходящих технологических перемен касается религиозно-этических проблем не только ИИ, но прежде всего человека, ставит в условиях «новой реальности» вопрос о его достоинстве, вопрос его предназначения и места в жизни. Этот разговор, продолжающийся веками, приобретает сейчас новое качество. И христианам здесь есть что сказать.

RELIGIOUS AND ETHICAL ISSUES OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: EXPERT JUDGEMENTS AND THE POSITION OF THE VATICAN[35]

A.A. Abramov

Alexander A. Abramov — Senior Lecturer, Sretenskaya Theological Seminary. 107031, Moscow, Bolshaya Lubyanka Str., 19, Bldg. 3. E-mail: nyresidence@gmail.com

[35] The article is based on the reports that were presented by the author: during the panel Robots, *artificial intelligence and human dignity: problems and challenges* that was held November 12, 2018, by the Konrad Adenauer Foundation in Russia and the Synodal department for Church's relations with society and mass media, and at the XII International conference *Topical Issues of Modern Theology and Church Science* of the Saint Petersburg Theological Academy on November 17, 2020.

УДК 13. 282. 172

Abramov A.A. 2020. Religious and Ethical Issues of Artificial Intelligence: Expert Assessments and the Vatican Position. *Concept: Philosophy, Religion, Culture*. Vol. 4. No 4. P. 68–82. https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-68-82

Received: 12.09.2020. Accepted: 04.12.2020.

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Abstract. The paper is dedicated to the emergence of progressive artificial intelligence technologies and its relations to the human nature and soul, as viewed by experts and in such specific community as the church. We seem now to be entering a new phase of the comprehension of the moral aspects of the introduction of artificial intelligence (AI) into the life of different societies. The romantic period of high expectations and excessive anxiety is replaced by the growing understanding of the complexity of the man–machine interaction, which implies the intersection moral, legal, political and utilitarian dimensions of both a person and an artifact. The problematic issues are now more obvious, clear and difficult, as the disciplinary boundaries are revealed and highlighted. Among the crucial issues one should mention deficiencies in definitions; weakness of research optics and the vision that would be friendly to other areas of study or practice. This also includes the issues of integral assessment of the existing dangers, difficulties in describing the mechanisms of fulfilling both ethical and technically viable requirements. As scientific knowledge accumulates, both the benefits of introducing AI technologies into everyday life and previously underestimated new threats become more obvious. These societal and humanitarian ones include, in particular, social turbulence, neuroticism, digital crimes and crimes associated freedom abuses and losses of identity. Over the past few years, state and non-governmental institutions have proposed different approaches to determining what is included in the moral core of the problem under consideration. The efforts of many, if not most, of them turn out to be compromised by suspicions in willful intents. In this context, the broad consensus with the key agent facilitators is required, and the role such actors play in providing social stability is indisputable. One of the key roles in offering society the broadest vision on the anthropocentric development and AI progress belongs to the Roman Catholic Church. The Vatican's quest to unite philosophers, AI developers, and religious leaders to address the ethical challenges of designing and implementing robotics is becoming an important element of the Christian witness in a world that is consider ed irrevocably secularized by many.

Keywords: artificial intelligence, algorithms, ethics, robot technology, Vatican, Roman Catholic Church, morals, human dignity.

References:

Caldwell M., Andrews J.T.A., Tanay T. 2020. AI-enabled Future Crime. *Crime Science*. 9 (1). 14 p. https://doi.org/10.1186/s40163-020-00123-8

I Papi e la Pontificia Accademia per la Vita. The Popes and the Pontifical Academy for Life. 2020. Citta del Vaticano: Libreria Editrice Vaticana. 240 p.

Kamps J., Kleinberg B. 2018. To the Moon: Defining and Detecting Cryptocurrency Pump-and-dumps. *Crime Science*. 7(1). 18 p. https://doi.org/10.1186/s40163-018-0093-5

Legg S., Hutter M. 2007. A Collection of Definitions of Intelligence. *Frontiers in Artificial Intelligence and Applications*. Vol. 157. Pp. 17-24.

Robo-Ethics. Humans, Machines and Health. Proceedings of the XXV General Assembly of Members. 2020. Rome: Pontifical Academy for Life. 301 p.

Shelledy R.B. 2004. The Vatican's Role in Global Politics. *SAIS Review*. 24(2). Pp.149-162. https://doi.org/10.1353/sais.2004.0044

Troy J. 2018. "The Pope's Own Hand Outstretched": Holy See Diplomacy as a Hybrid Mode of Diplomatic Agency. *The British Journal of Politics and International Relations*. Vol. 20 (3), Pp. 521-539. https://doi.org/10.1177%2F1369148118772247

Vukićević B. 2015. Pope Francis and the Challenges of Inter-civilization Diplomacy. *Revista Brasileira de Política Internacional*. 58(2). Pp. 65-79.

Wagen W., Pieters W. 2015. From Cybercrime to Cyborg Crime: Botnets as Hybrid Criminal Actor-Networks. *British Journal of Criminology.* 55(3). Pp. 578-595. https://doi.org/10.1093/bjc/azv009

Wilner A.S. 2018. Cybersecurity and its discontents: Artificial intelligence, the Internet of Things, and digital misinformation. *International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis.* 73(2). Pp. 308-316. https://doi.org/10.1177/0020702018782496

Joubert B. 2017. La diplomatie du Saint-Siège. *Pouvoirs*. 162(3). Pp. 47-61. https://doi.org/10.3917/pouv.162.0047 (In French).

Barrat J. 2013. *Our Final Invention. Artificial Intelligence and the End of the Human Era.* New York: Thomas Dunne Books. 322 p. (Russ. ed.: Barrat J. 2019. *Poslednee izobretenie chelovechestva. Iskusstvennyi intellekt i konets ery Homo Sapiens.* Moscow: Al'pina non-fikshn. 396 p.).

Broussard M. 2018. *Artificial Unintelligence. How Computers Misunderstand the World.* Cambridge, London: MIT Press. 248 p. (Russ. ed.: Broussard M. 2020. *Iskusstvennyi intellekt. Predely vozmozhnogo.* Moscow: Al'pina non-fikshn. 362 p.).

Dereshko B.Iu. 2018. Ogranichenie smertonosnykh avtonomnykh sistem vooruzhenii: initsiativa dopolnit' Konventsiiu OON o «negumannom» oruzhii. [Limiting Lethal Autonomous Weapons Systems: An Initiative to Supplement the UN Convention on Non-Human Weapons]. *Vestnik voennogo prava.* 1. Pp. 86-87. (In Russian).

Ford M. 2018. *Architects of Intelligence: The Truth about AI from the People Building It.* Birmingham: Packt Publishing. 554 p. (Russ ed.: Ford M. 2020. *Arkhitektory intellekta: vsia pravda ob iskusstvennom intellekte ot ego sozdatelei.* Saint-Petersburg: Piter. 416 p.).

Ioann Pavel II. 2003. *Sochineniia*. Tom 2. Per. Moscow: Izdatel'stvo frantsiskantsev. 480 p. (In Russian).

«Kto stuchitsia v dver' moia! Vidish', doma net nikto». Iskusstvennyi intellekt na sluzhbe u intellekta estestvennogo. 2016. [Who is Knocking my Door? There's Nobody 'Ere. Artificial Intelligence Serving the Human Intellect]. *Nikitskii klub. Tsikl publichnykh diskussii «Rossiia v global'nom kontekste».* Moscow: Izdatel'stvo Nikitskogo kluba. Vypusk 81. Pp. 30-33 (In Russian).

Nestik T.A. 2018. Sotsial'no-psikhologicheskie prediktory otnosheniia lichnosti k iskusstvennomu intellektu i robotizatsii [Socio-psychological Predictors of Person's Attitude towards Artificial Intelligence and Robotisation]. *Sotsial'naia i ekonomicheskaia psikhologiia. Sbornik nauchnykh trudov. Seriia «Trudy instituta psikhologii RAN».* Eds. Iu.V.Kovaleva, T.A.Nestik. Moscow: Izdatel'stvo Instituta psikhologii RAN. Pp. 406-428 (In Russian).

Nestik T.A. 2019a. Iskusstvennyi intellekt kak kognitivnyi protez. Transformatsiia obrazov budushchego. [Artificial Intelligence as Cognitive Prosthesis or Mediator: Transormation of Imaginated Futures]. *Educational policy.* 4. Pp. 104-117 (In Russian).

Nestik T.A. 2019b. Perspektivy psikhologicheskikh issledovanii vnedreniia tekhnologii iskusstvennogo intellekta [Perspectives of Psychological Studies of AI Technologies Use]. *Tsifrovoe obshchestvo v kul'turno-istoricheskoi paradigme. Kollektivnaia monografiia.* Eds. T.D. Martsinkovskoi, V.R. Orestovoi, O.V. Gavrichenko. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo pedagogicheskogo gosudarstvennogo universiteta. Pp.13-22 (In Russian).

Nestik T.A. 2019c. Posledstviia vnedreniia iskusstvennogo intellekta i robototekhnicheskikh sistem v povsednevnuiu zhizn': perspektivy psikhologicheskikh issledovanii [AI and Robotic Systems Use and Their Impact on Day-To-Day Life: Perspective for Psychological Studies]. *Sub"ekt truda i organizatsionnaia sreda: problemy vzaimodeistviia v usloviiakh globalizatsii: Kollektivnaia monografiia.* A.L. Zhuravlev, T.A. Zhalagina i dr. Tver': Izdatel'stvo Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Pp. 218-228 (In Russian).

Nestik T.A., Zhuravlev A.L. 2018. *Psikhologiia global'nykh riskov* [Psychology of Global Risks]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta psikhologii RAN. 402 p. (In Russian).

Papa Rimskij Francisk. 2015. *Jenciklika o zabote ob obshhem dome. Laudato si'* [Encyclical Letter Laudato Si' of the Pope Francis on Care for Our Common Home]. Per. Moscow: NO Izdatel'stvo franciskancev. Pp. 70-79 (In Russian).

Proydakov E.M. 2018. Sovremennoe sostojanie iskusstvennogo intellekta. [Current state of artificial intelligence]. *Studies in Science.* Pp. 129-153. https://doi.org/10.31249/scis/2018.00.09 (In Russian).

Razin A.V. 2018. Iskusstvennyj intellekt i svoboda voli [Artificial Intelligence and Free Agency]. *Iskusstvennyj intellekt: jeticheskie problemy «cifrovogo obshhestva». Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii.* Ed. V.O. Sheleketa. Belgorod: Izdatel'stvo Belgorodskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta im. V.G. Shuhova. P. 110-119 (In Russian).

Schwab K. 2016. *The Fourth Industrial Revolution*. World Economic Forum, Cologny. 192 p. (Russ. ed.: Schwab K. 2019. *Chetvertaia promyshlennaia revoliutsiia*. Moscow: Eksmo. 209 p).

Schwab K., Davis N. 2018. *Shaping the Fourth Industrial Revolution*. World Economic Forum, Cologny. 287 p. (Russ. ed.: Schwab K., Davis N. 2019. *Tekhnologii Chetvertoi promyshlennoi revoliutsii*. Moscow: Eksmo. 320 p.).

Shibaeva K.N., Kholova L.N. 2018. Tri zakona robototekhniki Aizeka Azimova: k voprosu gumannosti primeneniia smertonosnykh avtonomnykh sistem vooruzheniia na voine [Three Laws of Isaac Asimov's Robotics: on the Question of Humanities of the Application of Lethal Autonomous Weapons (Laws) in War]. *Theology. Philosophy. Law*. 4. Pp. 28-41. http://theophil.ru/index.php/journal/article/view/92 (In Russian).

Skuratova A.Yu, Korolkova E.E. 2019. Smertonosnye avtonomnye sistemy vooruzhenii: problemy mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniia [Lethal Autonomous Weapons and the Problems of International Legal Regulation]. *Russian Juridical Journal*. 1. Pp. 22-30 (In Russian).

Ulanova A.E. 2020. Problema avtorstva i osobennosti chelovecheskogo vosprijatija (o tvorchestve iskusstvennyh nejronnyh setej) [The Problem of Authorship and Features of Human Perception (about the Creativity of Artificial Neural Networks]. *Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*. 9 (1-1). Pp. 115-121. https://doi.org/10.34670/AR.2020.47.1.036 (In Russian).

Zhuravlev A.L., Nestik T.A. 2020. Vozdeistvie novykh tekhnologii na lichnost' i obshchestvo: perspektivy psikhologicheskikh issledovanii [New Technologies, Person and Society: Perspectives for Psychological Syudies]. *Mifologiia veka NTR: utopii, mify, nadezhdy i real'nost' noveishikh napravlenii nauki. Ot Frankenshteina i eliksira bessmertiia do «biokiborgov» i «postcheloveka»*. Moscow: Izdatel'stvo «Lenand». P. 113-132 (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Баррат Дж. 2019. *Последнее изобретение человечества. Искусственный интеллект и конец эры Homo Sapiens*. Москва: Альпина нон-фикшн. 396 с.

Бруссард М. 2020. *Искусственный интеллект. Пределы возможного*. Москва: Альпина нон-фикшн. 362 с.

Дерешко Б.Ю. 2018. Ограничение смертоносных автономных систем вооружений: инициатива дополнить Конвенцию ООН о «негуманном» оружии. *Вестник военного права*. №1. С. 86-87.

Журавлев А.Л., Нестик Т.А. 2020. Воздействие новых технологий на личность и общество: перспективы психологических исследований. *Мифология века НТР: утопии, мифы, надежды и реальность новейших направлений науки. От Франкенштейна и эликсира бессмертия до «биокиборгов» и «постчеловека»*. Москва: Ленанд. С. 113-132.

Иоанн Павел II. 2003. *Сочинения*. Том 2. Пер. Москва: Изд-во францисканцев. 480 с.

Нестик Т.А. 2019а. Искусственный интеллект как когнитивный протез. Трансформация образов будущего. *Образовательная политика*. № 4. С. 104-117.

Нестик Т.А. 2019б. Перспективы психологических исследований внедрения технологий искусственного интеллекта. *Цифровое общество в культурно-исторической парадигме. Коллективная монография*. Под редакцией Т.Д. Марцинковской, В.Р. Орестовой, О.В. Гавриченко. Москва: Изд-во Московского педагогического государственного университета. С. 13-22.

Нестик Т.А. 2019в. Последствия внедрения искусственного интеллекта и робототехнических систем в повседневную жизнь: перспективы психологических исследований. *Субъект труда и организационная среда: проблемы взаимодействия в условиях глобализации. Коллективная монография*. А.Л. Журавлев, Т.А. Жалагина и др. Тверь: Изд-во Тверского государственного университета. С. 218-228.

Нестик Т.А., Журавлев А.Л. 2018. *Психология глобальных рисков*. Москва: Изд-во Института психологии РАН. 402 с.

Нестик Т.А. 2018. Социально-психологические предикторы отношения личности к искусственному интеллекту и роботизации. *Социальная и экономическая психология: сборник научных трудов. Серия «Труды Института психологии РАН»*. Отв. ред.: Ю.В. Ковалева, Т.А. Нестик. С. 406-428.

«Кто стучится в дверь моя! Видишь, дома нет никто». Искусственный интеллект на службе у интеллекта естественного. 2016. *Никитский клуб. Цикл публичных дискуссий «Россия в глобальном контексте»*. Москва: Издательство Никитского клуба. Вып. 81. С. 30-33.

Папа Римский Франциск. 2015. *Энциклика о заботе об общем доме. Laudato si'.* Москва: НО Издательство францисканцев. С. 70-79.

Пройдаков Э.М. 2018. Современное состояние искусственного интеллекта. *Науковедческие исследования.* С. 129-153. https://doi.org/10.31249/scis/2018.00.09

Разин А.В. 2018. Искусственный интеллект и свобода воли. *Искусственный интеллект: этические проблемы «цифрового общества». Материалы международной научно-практической конференции.* Сост. В.О. Шелекета. Белгород: Издательство Белгородского государственного технологического университета им. В.Г.Шухова. С. 110-119.

Скуратова А.Ю., Королькова Е.Е. 2019. Смертоносные автономные системы вооружений: проблемы международно-правового регулирования. *Российский юридический журнал.* №1. С. 22-30.

Уланова А.Е. 2020. Проблема авторства и особенности человеческого восприятия (о творчестве искусственных нейронных сетей). *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке.* 9(1-1). С. 115-121. https://doi.org/10.34670/AR.2020.47.1.036

Форд М. 2020. *Архитекторы интеллекта: вся правда об искусственном интеллекте от его создателей.* Санкт-Петербург: Питер. 416 с.

Шваб К. 2019. *Четвёртая промышленная революция.* Москва: Эксмо. 209 с.

Шваб К., Дэвис Н. 2019. *Технологии Четвёртой промышленной революции.* Москва: Эксмо. 320 с.

Шибаева К.Н., Холова Л.Н. 2018. Три закона робототехники Айзека Азимова: к вопросу гуманности применения смертоносных автономных систем вооружения на войне. Теология. Философия. Право. № 4. С. 28-41. http://theophil.ru/index.php/journal/article/view/92

УДК 008; 7.01. https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-83-101

КОНЦЕПТ ВКУСА В ЮЖНОЙ КОРЕЕ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ И ЭСТЕТИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТЫ

Т.В. Зименко

Зименко Татьяна Владимировна — магистр массовых коммуникаций, преподаватель кафедры корейского, индонезийского и монгольского языков, МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: tatianazimenko@gmail.com

Зименко Т.В. 2020. Концепт вкуса в Южной Корее: историко-культурный и эстетико-философский аспекты. *Концепт: философия, религия, культура.* Том 4. № 4. С. 83–101. https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-83-101

Статья поступила в редакцию: 04.08.2020. Принята к публикации: 29.11.2020.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Изучение историко-культурной и эстетико-философской модели вкуса является важным аспектом понимания широкого социокультурного комплекса жизни народа. Актуальность данного исследования продиктована недостаточной изученностью проблемы феноменологического выражения эстетического опыта у корейцев. Предметом исследования выступает концепт вкуса в Южной Корее, а целями — 1) анализ развития корейской эстетики вкуса и её настоящее воплощение в современной Южной Корее; 2) анализ эстетического аспекта корейской кухни в рамках системы её ценностных смыслов. Новизна данного исследования состоит в рассмотрении эстетического концепта вкуса в его привязке, во-первых, к гастрономическому вкусу, и, во-вторых, семиотическому аспекту культуры, представленному основной единицей языка — словом. Система символов национальной пищи выступает в данной работе как концептосфера, интегрирующая значения и смыслы разных областей человеческого бытия, включая эстетический опыт. На основании проведённого исследования делается вывод о том, что эстетика как наука зародилась в Корее в 1930-х гг. XX в. во время колониального правления и под выраженным культурным влиянием японцев; сформированные в то время понятия («мукигё-ый кигё», «чаённи» и др.) по-прежнему остаются важными концепциями корейской эстетики. Предлагается считать, что наиболее активное выражение в повседневном эстетическом опыте корейцев имеет понятие «мот», передающее активное состояние души, красоту человеческой личности. Культурно-исторический анализ корейской гастрономической культуры позволяет говорить о наборе особых культурных и космогонических смыслов, которые были присущи блюдам королевской кухни эпохи Чосон, а также позволяет сделать вывод о характерном наделении корейских блюд богатыми эстетическими и экзистенциальными значениями сегодня.

Ключевые слова: эстетика вкуса, концепт вкуса, Корея, еда, эстетика повседневности.

«О нём [вкусе]... говорить много можно, а определить его с ясностью, для всех понятною, едва ли кто возьмётся.»
Г.Р. Державин

Вкус как эстетическая категория заключает в себе субъективную оценку объективного мира, а еда, являясь важнейшим социокультурным конструктом, выступает как знак, обозначающий символические аспекты культурно-религиозных и социальных практик. На протяжении всей интеллектуальной и духовной истории человечества наиболее явной точкой соприкосновения Востока[1] и Запада являлась именно эстетическая сфера [Панова, 2014: 193].

Компоненты корейской эстетики, рассматриваемые в данной работе, тесно связаны с чувственным восприятием и человеческой психологией и находят прямое продолжение в социокультурной и лингвокультурной парадигме. Наряду с эстетическим, гастрономический вкус является важным культурным концептом — вместе они формируют повседневный жизненный и эстетический опыт, поведение в социуме и восприятие действительности субъектов.

В этой работе я попробую определить, из чего складывается эстетическая модель вкуса в Корее, и исследую религиозные и социокультурные составляющие корейской концептосферы вкуса. Для этого будет проанализирован ряд исторических, культурно-антропологических и лингвокультурных факторов, позволяющих говорить о формировании особой эстетической модели вкуса в Корее и её выражении в гастрономической сфере.

Недостаточная изученность проблемы феноменологического выражения эстетического опыта у корейцев определяет актуальность исследования. В то время как «прекрасное в повседневной жизни» и «прекрасное в искусстве» в западном мире исторически существовало в двух параллельных плоскостях, с точки зрения самих корейцев, граница между этими двумя категориями никогда не была чётко определена [Kim, 1998a: 113], а подчас не проводилась вовсе. Это определяет призму данного исследования: соединить с «западной» точки зрения с трудом сочетаемые подходы — эстетико-философский дискурс и еду как феномен культуры повседневности.

Следует оговориться, что в данной работе я придерживаюсь классической позиции времен переворота Александра Баумгартена и трактую эстетику в самом широком смысле — как науку о чувственном познании, *cognitionis sensitivae.* Отсюда попытка комплексно зацепиться за аспекты, на которые до сих пор не обращали должного внимания. Эстетика *aisthēsis* (др.-гр. αἴσθησις), означая буквально «ощущение», имеет в широком смысле отношение к чувственности как таковой, т.е. относится непосредственно к области восприятия действительности.

Следуя из этого, наряду с искусством (архитектурой, литературой, живописью и пр.) как аспектом культуры, являющимся непосредственным предметом изучения эстетики, отдельной темой выступает искусство гастрономии [Kaplan, 2012]. В последние десятилетия еда перестаёт рассматриваться как область физиологического и производственного и начинает рассматриваться с позиции искусства, психологи и даже политики [Chapple-Sokol, 2013; Zhang, 2015], а также становится самостоятельным предметом философского дискурса [Perullo, 2016; Sweeney, 2017; Kaplan, 2012; Курбатова, 2013; The Essence of Japanese Cuisine, 2013; Михайлова, 2008]. Эту область философского познания предлагается называть *эстетикой вкуса* или *эстетикой еды*[2] [Sweeney, 2017: 1].

Сегодня еда изучается как предмет философской мысли, феномен эстетики повседневности [Brady: 2005, 2012; Saito, 2008] и как важный фактор национально-

[1] Восток и Запад в этой статье повторяют принятую в ненаучном языке обыденную терминологию, которая имеет под собой определённые исторические и культурные корни; деление на Восток и Запад также является условным.
[2] This Third Area of Philosophical Inquiry is Now Commonly Referred to as Gustatory Aesthetics or the Aesthetics of Food (англ.).

го самосознания [Павловская, 2015]. «Вкус [еды] — это ситуация, обстоятельства»[3] [Perullo, 2016], следовательно, он не может рассматриваться в отрыве от повседневного чувственного опыта, а в случае корейской культуры эта связь особенно актуальна.

История эстетического учения в Корее

В Корее эстетика долгое время не выделялась в отдельную научную отрасль и обозначала себя в основном в различных проявлениях повседневной жизни, нежели в научной мысли, пребывая таким образом в своём имплицитном качестве. Подтверждением тому служит и тот факт, что эстетика на Востоке всегда находилась в тесной связи с моралью и этикой, которые естественным образом являются более близкими к жизни категориями, нежели многие предметы философских размышлений. Профессор философии Юрико Сайто, занимающаяся вопросами экологической эстетики и эстетики повседневности, пишет, что в Японии и Китае эстетические практики отличаются тем, что пронизывают повседневную жизнь людей[4], в то время как дискурс западной эстетики был традиционно сфокусирован на области искусства. Ю. Сайто также подчёркивает, что многие традиции и феномены культурной и повседневной жизни народов за пределами западного ареала (в данном контексте я отношу к ним и корейскую культуру), тесно связанные с переживанием эстетическим опытом, не сформулированы в качестве эстетико-философских теорий и концепций.

В Корее начало научных эстетических поисков было положено только в второй четверти прошлого века и в основном было связано со знакомством с западной эстетической традицией, которая практиковала строгий аналитический подход с целью выработки методологических принципов для объективной оценки тех или иных предметов и явлений. Этапу изучения философских теорий и концепций предшествовало знакомство с западной культурой в широком смысле. В 1880-х гг. король Коджон отправил специальную делегацию в США и Японию для изучения «секретов современности». В 1883 г. Корея[5] стала участником Всемирной выставки в Чикаго. После её посещения корейский интеллектуал Юн Чхихо, получивший образование в Японии и США, написал в своём дневнике: «Я стоял там шесть часов и не мог оторвать взгляд от жалкой корейской экспозиции» [Hong, 2011: 5].

Корейская королевская власть постепенно начинает осознавать необходимость модернизации всех сфер корейского общества, которая означала бы выход государства в международную сферу политики. Ограниченный набор мер был действительно предпринят, но процесс масштабной модернизации был запущен уже японцами, в период их колониального правления на Корейском полуострове (1910-1945). Они строят первую сеть железных дорог — новая транспортная система способствует социальному и культурному развитию страны. Открывают новые школы и университеты, куда приглашают учёных и специалистов зачастую с западным образованием.

С 1910-х гг. можно говорить о зарождении современного искусства в Корее — японцы познакомили корейцев с новыми для них художественными материалами и техниками [Kim, 2005: 10]. Оценки корейского искусства и образа жизни со стороны японских учёных подтолкнуло корейских исследователей вплотную заняться собственными исследованиями в этой области, а также оказало серьёзное влияние на формирование корейских эстетических принципов. Особенно сильное влияние в этой связи принадлежит японскому учёному Янаги Мунэёси, чья деятельность в Корее была сосредоточена одновременно в плоскости политики и искусства [Kikuchi,

[3] Taste is Situation, Circumstance (англ.).
[4] Saito Y. 2019. Aesthetics of the Everyday. The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter Edition). Ed. Edward N. Zalta. Available at: https://plato.stanford.edu/archives/win2019/entries/aesthetics-of-everyday (accessed 7.10.2020).
[5] В то время — государство Чосон (1392-1897).

1994]. Ниже я приведу конкретные примеры его влияния на сферу корейской эстетики.

В 1927 г. впервые в Корее на факультете юриспруденции и литературы Императорского университета Кёнсон появляется специальность «эстетика и история искусства» — около 30 лет до этого она была учреждена в Императорском университете Токио. В 1930-е гг. в Корее идёт активное изучение нового направления. Главной фигурой того времени становится историк-искусствовед Ко Юсоп (1905-1944). Его учителями были находившиеся под влиянием европейской мысли японские философы Танака Тоёдзо и Уэно Наотэру. Последний сам обучался в Европе и, находясь в Германии, слушал лекции теоретика искусства Г. Вёльфлина. Вскоре после окончания университета Ко Юсоп становится директором Музея г. Кэсона, основанного японскими колониальными властями. Он посвящает своё внимание поиску корейских традиционных черт в искусстве, для чего обращается главным образом к архитектуре древних буддистских храмов и пагод, плотническому искусству эпохи Чосона и устройству традиционного корейского дома *ханок*.

Другим каналом знакомства корейской научной среды с европейской эстетической мыслью становится немец Андрэ Экхарта [Kwon, 2007: 13]. Он был одним из первых, кто попытался системно определить категории корейской эстетики, изучая корейское искусство с точки зрения его принадлежности к мировому художественному наследию. Свои соображения он оформил в «Историю изобразительного искусства Кореи» *Хангук мисульса* (1929).

В качестве характерной особенности корейского искусства Экхарт отмечает его *кочжонми* — классическую красоту, присущую корейской архитектуре, скульптуре, живописи и гончарному мастерству, проводя тем самым параллель с греческим искусством [Eckardt, 2003: 20]. Вероятно, здесь имеется в виду некая упорядоченность, гармония (баланс) в корейском художественном воплощении. Однако в остальном он указывает на аутентичность корейской эстетики и отдельно выделяет категории простоты *тансунсон* и наивность (naiveté) *собаксон*, приводя в качестве примера воплощение этих категорий в архитектуре королевского дворца Кёнбуккун в Сеуле.

Стремление к простоте связано и с буддистской идеей *пури*[6] [Kwon, Lee, 2015; Kim, 2008], которая представляет собой монистическую доктрину, отрицающую дуализм субъекта и объекта, истины и лжи, красоты и уродства, формы и содержания. Это концепция недвойственности визуализируется в восточном искусстве как некая незавершённость [Yang, Lee, 2013]. В отличие от западной традиции, которая при помощи принципов пропорции и баланса проводит разницу между красотой и уродством, восточная идея подлинной красоты включает в себя элемент дисбаланса и несовершенства. Некоторые исследователи [Kwon, Lee, 2015] полагают, что в этом она перекликается с идеями постмодернизма.

Такая простота и незавершённость оставляет свободное пространство, которое реализуется в том числе в области эстетики еды. По словам шеф-повара ресторана Gaon с тремя звездами Мишлен Ким Бёнджина, «красота пустого пространства — это концепция, которую часто упоминают, когда говорят о традиционной корейской кухне; “пустое пространство” означает простоту»[7].

Ко Юсоп также видел особенность традиционного корейского художественного искусства в некой присущей ему простоте, одновременно указывая на отсутствие таких качеств, как утончённость и уникальность. Корейское искусство представлялось ему инертным, во многом лишённым самобытности и ищущим новые пути выражения путём неуверенных и осторожных поисков. Не удивительно, что его учение не раз подвергалось критике за на-

[6] Пури (不二) дословно означает «не являться / отсутствовать» (不) и «два» (二).
[7] The Rise of New Korean Gastronomy. *The Michelin Guide* 2019. Available at: https://guide.michelin.com/sg/en/article/features/the_rise_of_new_korean_gastronomy (accessed: 6.10.2020).

личие такого «колониального» компонента, принижающего достоинство и исторический статус корейского искусства.

Ко Юсопо ввёл и ряд других понятий, некоторые из которых прочно закрепились в корейской эстетической мысли и по-прежнему служат подспорьем в понимании сущности корейского искусства. Два самых важных из них — «безыскусная искусность» *мукигё-ый кигё* и «замысел без замысла», или «план без плана», *мукехвегеый кехвек* [Ко, 2007[8]]. В их основе — мысль о беспричастности, которая, однако, не несёт в себе отрицательной коннотации. Ей руководит логика, заключающаяся в идее подчинении природе; продолжением природы выступает автор-творец, который её созерцает — беспричастно, одновременно являюсь её частью. Американский историк искусств Эвелин МакКьюн, которая родилась в Корее и посвятила жизнь изучению корейского искусства, приписывает ему два полярных, на первый взгляд, качества: изящность и грубость [McCune, 1962: 20]. Этот парадокс я предлагаю толковать как тонкое понимание природы вещей художником и его в определённой степени нерафинированное художественное выражение.

Такая идея перекликается с понятием «естественной (природная) красоты» *чаёнми*, где *чаён* — «природа» и *ми* — «красота», которое высказывал Ко Юсоп вслед за японским учёным и философом Янаги Мунэёси, также занимавшимся проблемой корейской эстетики. *Чаёнми* предполагает подход, при котором человек-творец подстраивается под природу, подчёркивает единство с окружающим миром через своё творение. Примером может служить архитектурный принцип, в соответствии с которым возводимая конструкция является как бы продолжением природного ландшафта, повторяя его естественные изгибы и линии. Природа в работах корейских художников не является объективным отражением устройства мира. Она скорее представляет собой продукт взгляда, при котором природа рассматривается как источник жизни и конструктор человеческого сознания [Kim, 2013: 362].

Теория *чаёнми* была центральной в понимании корейского историка искусства, художника и известного археолога Ким Вонрёна (1922-1993). В 1962 г. она была подробно описана им в эссе «Эстетика Кореи»[9]. Следует сказать, что сегодня в отношении сервировки и образа приготовления корейских блюд часто подчёркивается их особая связь с природой: преимущественно растительные ингредиенты, минимальная обработка и общий минимализм. Чувственный опыт вкушения пищи в таком случае даёт возможность актору ощутить единство с природой благодаря наделению блюда качеством *чаёнми*.

Согласно Ко Юсопу, основа корейского художественного искусства тождественна природе фольклорного искусства *минйе*, в рамках которого жизнь и искусство неделимы. Эстетическая сторона жизни и есть суть самой жизни — до того, как от неё [жизни] отделились *план* (*замысел*) и *искусность* [Во, Soo, 2001]. Идея о «бесплановости», которую можно транслировать и как бессистемность, во многом повторяет мысли о Небытии в «Диалоге» [Хайдеггер, 1993] Хайдеггера с японцем. В этом смысле, если допустить вольное сравнение, можно сказать, что античная эстетика ставила акцент на Бытии — на том, что есть; японская (в широком смысле, вся восточная) — на том, чего нет и что доступно лишь просветлённому уму, т.е. обращала главное внимание на Небытие.

Отличия в понимании эстетических мировоззренческих концепций между Западом и Востоком находят выражение в художественном подходе к передаче пространственной перспективы. Художники Ренессанса, к примеру, стремились к созданию максимально близкой имитации объекта, для чего прибегали к разработке математических правил организации пространства — для них был важен точный взгляд на визуальную среду. Акцент

[8] Сборник эссе, написанных Ко Юсопом в 1932-1966 гг.
[9] Дословно — «Красота Кореи» (*хангуг-е ми*).

ставился на том, что есть, т.е. на Бытии. В противоположность европейским, корейские и китайские художники не развивали понятие пространства как измеримого геометрического объекта. Для них было важно подчеркнуть динамическую структуру человеческих отношений с окружающей средой. Фокус смещался в сторону мировоззренческого восприятия, минуя идею и задачи перспективы, т.е. в сторону Небытия.

«Хан» и «хын»: дихотомия печали и радости

Следующее понятие является главным образом культурно образующим компонентом современной корейской ментальности, но имеет эстетическое выражение в корейском искусстве, прежде всего нарративном[10]. Это *хан* — в нём кроется смесь гнева, ярости и мучительного сожаления от невозможности выразить эту ярость и изменить несправедливое положение вещей. Принято считать, что хан как черта корейского менталитета возникла в результате наложения главным образом двух факторов: 1) историко-геополитического; 2) конфуцианского. Первый подразумевает совокупные страдания корейского народа, вызванные вторжениями соседних государств на Корейский полуостров, печальным апофеозом которых стало превращение Кореи в японскую колонию в 1910-1945 гг. Конфуцианская этика, оказывавшая огромное влияние на корейское общество на протяжении многих веков, предполагала строгое закрепление общественного положения каждого члена общества, что в свою очередь означало ограничение свободы деятельности, передвижения и т.д.

Хан осмысливается в первую очередь как сложная общенациональная эмоция, подогреваемая историческими травмами и чаяниями корейского народа. На личностном уровне *хан*, также означая пережитую душевную боль, которой не получается поделиться, выпустить её наружу, становится механизмом эстетического возвышения в искусстве [Квон, 2016: 112]. *Хан* — это не только тоска от неосуществлённого желания, печаль от несвободы и несправедливости, но и положительные, светлые эмоции — надежда, подъём. Последние манифестируют себя через понятие *хын* (興), буквально означающее «воодушевление», «удовольствие». По словам члена южнокорейской Национальной академии искусств Ким Хваёна, *хын* возникает, когда энергия мира сливается с внутренней энергией человека, порождая радость жизни[11].

Выходит, что *хын* представляет собой позитивную энергию, радостную динамичность, в то время как хын вызывает тяжёлые негативные эмоции. Вместе они образуют дихотомическую пару, благодаря которой становится возможным достижение катарсиса. Культура как бы основывается на воодушевлении *хын* и продвигается за счёт поисков сущности *хан*. В корейском театральном искусстве для его обозначения существует понятие *синмён* [Kim, 2006: 32], которое дословно переводится как «сильное чувство радости». Оно означает обнаружение радости внутри себя и приподнятое состояние духа, возникающее в результате преодоления трудности или страдания.

Корейский шаманский обряд *кут* имеет схожую логику: градус эмоционального выражения *хан* доводится до максимума, чтобы затем вызвать разрешение психического напряжения и взамен подарить чувство воодушевления и радости. Им руководит принцип целостности двух противоположностей [Kim, 2013: 362], который с точки зрения даосского учения можно трактовать как принцип космического дуализма светлого (*ян*) и тёмного (*ым*) начал — не антагонистических, а сосуществующих элементов.

---

[10] В первую очередь имеется в виду традиционный повествовательно-распевный жанр *пхансори* (*пхан* — место, где собираются люди; *сори* — звук). В представлении участвуют обычно двое: певец *сориккун* стоя исполняет традиционную песню, ему аккомпанирует сидящий рядом барабанщик *косу*.

[11] Навстречу весне. Журнал KOREANA. 2019. URL: https://koreana.or.kr/user/0013/nd8347.do?View&boardNo=00002260&zineInfoNo=0013&pubYear=2019&pubMonth=SPRING&pubLang=Russian (дата обращения: 30.08.2020).

Понятие *хан* имеет китайское происхождение и передаётся иероглифом 恨. Слова с этой морфемой встречаются в китайском, японском и вьетнамском языках и имеют схожее лексическое значение. Исследователи [Breen, 2004; Choi, 2011] указывают на отсутствие достоверных письменных источников, которые позволяли бы говорить о существовании понятия *хан* в корейской культуре до XX в. Существует точка зрения [Kim, 2017: 257], согласно которой понятие впервые прозвучало в период японской оккупации как колониальный стереотип в отношении корейцев, но со временем превратился из колониального конструкта в элемент корейского этнонационализма.

Известно, что в первой четверти прошлого века японский философ и теоретик искусства Янаги Мунэёси определил глубинную суть корейского искусства как «эстетику печали» *пиэми*, указывая на его связь со сложной национальной историей, болезненными переживаниями народа [Kwon, 2007: 16]. Понятие *пиэми* подвергается широкой критике как проявление «колониального взгляда» на историю: Янаги Мунэёси рассматривал корейское искусство через призму тяжёлой истории и несчастий корейского народа [Kim, 2013: 362]. Говоря о керамике эпохи Чосон, он указывал на характерные для неё, на его взгляд, «печальные и одинокие» линии. Вероятно, подобные трактовки, звучавшие на заре появления эстетики как отдельного научного направления в Корее, способствовали выявлению хан как уникального качества «кореистости» и его последующему культивированию в корейской культуре.

Однако каким бы ни было реальное происхождение концепции *хан*, сегодня она представляет собой мощную линзу, через которую происходит осмысление и переживание корейцами трагических событий XX в. — колониальной зависимости, Корейской войны, проблемы разделённых семей и многого другого. С уверенностью можно говорить о том, что *хан* стало психическим (или, в некотором смысле, психосоматическим — этот вопрос может стать темой отдельного исследования) воплощением страданий и чаяний корейцев, являясь при этом важным эмоциональным двигателем корейского искусства, и в этом проявляет себя как культурный и эстетический компонент современной корейской идентичности.

«Мот» — больше, чем красота

Тогда же, в 1930-е гг., было положено начало исследованию важного компонента корейской эстетической модели и лингвофилософской категории — понятия *мот*, дословно означающего «благородная красота», «изящность». Первый подробный анализ был представлен в статье «Исследование о *мот*» (1937)[12] корейским критиком Чхве Чжэсо. Известный композитор и мастер *каягыма*[13] Хван Бёнги, рассуждая в своей статье (1981) о концепции *мот* в контексте эстетических характеристик корейской музыки [Boulesteix, 2010: 98], проводит чёткую разницу между *мот* и понятием «красота» в западном смысле, на котором строится философско-эстетическое понимание вкуса. Он говорит, что понять истинную природу *мот*, распознать это качество и прочувствовать его можно благодаря движению жизни, которое присутствует в объекте или явлении и которое как бы оживляется через удовольствие, которое получает субъект-созерцатель от взаимодействия с объектом. То есть наша душа отзывается на такое движение, позволяя нам тем самым впустить в себя ритм и суть созерцаемой красоты — которую и являет собой *мот*. Другими словами, *мот* представляет собой всеобъемлющее эстетическое понимание [Kim, 2007: 7].

В статье И.В. Цой [Цой, 2016: 359], посвящённой выражению мот в творчестве южнокорейской писательницы Пак Кённи, приводятся слова специалиста по корей-

[12] Jeoson Ilbo. 1937. *'Meot'-ui yoengu* [A study of "meot"]. Available at: http://ko.kliterature.wikidok.net/wp-d/5bf50af1f24495da68f85862 (accessed 20.07.2020).
[13] Древний корейский струнный инструмент.

ской традиционной музыке А.Ч. Хеймана (1931-2014) [Heyman, 1990] о том, что *мот* можно рассматривать как сочетание *хын* и *хан*. Пак Кённи интерпретирует сочетания этих трёх понятий следующим образом: *мот* — это эстетика мысли, поведения и образа жизни; *хын* — это радость от творчества, а хан — вопрос о сути самой жизни [Цой, 2016: 363].

Что касается этимологической природы *мот*, существует общепринятое суждение [Lim, 2015: 50], в соответствии с которым, в силу морфологического сходства, слово *мот* происходит от лексемы *мат* со значением «вкус»[14] и в первую очередь подразумевает физическую способность различать вкус. *Мот* имеет отношение к чувственному опыту и подразумевает наличие утончённой способности понимать и наслаждаться искусством. *Мат* относится к области вкусовых ощущений на уровне физиологии: например, *кусухан мат* — аппетитный, *тан мат* — сладкий. Этимологическая схожесть понятий позволяет говорить о переносе значения, принадлежащего области физиологической перцепции, в разряд эстетического. Понятия *мат* и *мот* сосуществуют на когнитивном уровне, передавая закодированные в себе значения вкуса пищи (и значения области семантических переносов) и эстетического восприятия и мироощущения.

Корень «мот» служит для образования новых слов, которые широко используются в отношении обыденных вещей и повседневных явлений: прилагательные *мотсыропта* (привлекательный, очаровательный), *моситта* (стильный, привлекательный, выдающийся) и др., каждое из которых, обладая небольшими стилистическими нюансами, выражает качество, сопряжённое с понятием *мот*; *мотчэни* — «человек с хорошим вкусом», *моткори* — объект, обладающий качеством *мот*. Лицо или предмет, которому приписывается качество *мот*, является не просто красивым — он представляет собой набор определённых качеств и их гармоничное сочетание, которые вместе позволяют говорить о его привлекательности.

Ким Ёнги приводит следующий пример, позволяющий разграничить понимание физического качества объекта и его эстетическую интерпретацию. Предложение *сонаму-ый чульги-нын ппальгатха* «ствол сосны красный» является описательным по своей сути и указывает на признак, которым обладает объект, т.е. в данном случае — «красный»; однако если мы скажем, что «сосна является *моситта*», т.е. обладает качеством *мот*, это будет включать оценку эстетической ценности дерева под названием сосна, понимание которой возможно только при условии понимания семантической структуры понятия *мот* [Kim, 1998b: 28].

Равным образом посредством лингвокультурной категории *мот* может выражаться гастрономическое проявление эстетики в повседневной жизни. Блюдо, обладающее качеством *мот*, имеет визуальную привлекательность — оно изящно и со вкусом оформлено; подано в изысканной посуде; вокруг царит приятная, уютная атмосфера. Можно сказать, такая пища способна удовлетворить не только физиологический, но и духовный голод.

Примечательно, что характерное для эстетики всей Восточной Азии учение *пхунню* объясняется в толковом словаре корейского языка[15] именно как понятие, обладающее качеством *мот*. *Пхунню* состоит из двух иероглифов: *пхун* (風) — «ветер», и *рю*[16] (流) — «течение, поток». В то время как русло реки контролирует её течение, поток ветра не подвержен внешним ограничениям — можно сказать, его направляет некий дух, энергия жизни, которая возвышается над тривиальностью жизненной суеты, паря в небе.

---

[14] И.В. Цой в своей статье «Пак Кённи о понятии мŏт» (2016), ссылаясь на работу Чо Чихуна «Изучение мŏт» (1968), пишет, что если обратиться к корейско-английскому словарю «Gale J.S. Korean-English Dictionary» (1891), то в нем лексемы *мот* и *мат* переводятся одинаково, а именно как «вкус» (taste), интерес (interest).

[15] *Большой словарь стандартного корейского языка (БССКЯ)*. URL: https://stdict.korean.go.kr/main/main.do (дата обращения: 12.03.2020).

[16] Здесь в силу правила ассимиляции читается «ню».

Первая запись о *пхунню* была сделана в 9 в. в период государства Объединённого Силла (668-935) [Min, 1999: 138]. В ней говорится, что путь *пхунню* должен быть основополагающим принципом, в соответствии с которым юноши получают образование. Это нашло реальное воплощение в существовавшем в Силла особого образовательного и военного института *хваран*, дословно «цветочные юноши». Известно, что в *хвараны* набирали молодых людей, отличающихся природной силой и красотой, и давали им специальное образование, подразумевавшее физическое и духовное развитие. Официальной религией в государстве Силла был утверждён буддизм Махаяны, и идеология ордена во многом была вдохновлена учением о бодхисаттве Майтреи — будде будущего. В деятельности ордена активное участие принимали буддистские монахи, выступая в качестве менторов молодых *хваранов* [McBride, 2010: 54]. Вместе они устраивали экспедиции в горы, в частности, горы Кымгансан[17] в северной части полуострова, где искали встречи с духами и богами, чтобы заручиться протекцией богов и обеспечить процветание государства.

Надо полагать, такое внимательное отношение к духовному развитию наряду с принципами почтительного отношения к власти и преданного служения государству, способствовало не только процветанию государства Силла, но и общему формированию корейской эстетической мысли. Возникает вопрос, как связаны между собой *пхунню* и *мот* и в чём их отличия. Исследователь Им Сонвон в своей статье, посвященной проблематике корейской эстетики [Lim, 2015: 50], говорит, что, несмотря на схожесть понятий, *пхунню* и *мот* имеют разные значения, и именно последнее можно считать характерной и отличительной чертой и особенностью корейского искусства и культуры. Наверняка можно утверждать только, что оба этих понятия пересекаются в том, что касается высокой степени внутреннего развития, одухотворённости, глубинной связи с природой.

Реальное выражение *пхунню* имело в литературе и искусстве, особенно музыкальном, эпохи Чосон (1392-1910). *Пхунню ымак*, или музыка пхунню, исполнялась при дворе и для представителей высшего класса и служила инструментом духовного роста, способствовала осознанию истинной красоты. Это был не развлекательный жанр, а своеобразная духовная практика, проникнуться которой могли только учёные мужи, не простолюдины. Понимание того, какие качества составляет *пхунню* и умение почувствовать его присутствие, определяло наличие вкуса у индивидуума, который, конечно, в реалиях того времени мог принадлежать только элитному классу *янбанов*. Аналогичные представления о вкусе бытовали и в Европе. Их выразил Вольтер в середине XVIII в., заявив об избранности вкуса, который не доступен никому, кроме богатых и праздных, в силу отсутствия времени и реальных возможностей у всех остальных его воспитать.

Исходя из проведённого анализа, можно полагать, что *пхунню*, появившись в среде высшего образованного сословия и став его духовным стержнем, со временем перевоплотилось в идею общенародной значимости *мот*. Последняя приобрела более чёткие корейские, нежели широко очерченные восточноазиатские, черты. Она стала проявляться на бытовом, повседневном уровне и нашла выражение в языке, образовав широко употребимые лексемы в корейском языке. *Пхунню* же осталось принадлежать в большей степени сфере искусства, особенно песенно-музыкального.

Проследив мнение о характере корейской эстетики ряда учёных, можно сделать вывод, что корейская эстетика [Kim, 1998a; Lee, 2014; Kim, 2007], не носит отвлечённо-рационалистического характера. Наоборот, эмоциональное переживание эстетики в повседневной жизни является естественной частью корейской культурной традиции [Kim, 2013: 361]. В каком-то смысле такой подход к трактовке эстетического дискурса и проблематике вкуса в

[17] Сейчас на территории КНДР.

его рамках можно считать возвращением к оригинальным идеям эпохи Просвещения, трактующим вкус в самом широком смысле. Соответственно, говоря о корейской эстетике, имеет особый смысл затрагивать и её гастрономическое воплощение.

Система ценностных смыслов корейской кухни

Культурно-философские и лингвокультурные категории, рассмотренные выше, принадлежат сфере эстетики и одновременно находят выражение в повседневной жизни и её гастрономическом аспекте. Они влияют на восприятие обыденных вещей и объектов, в том числе еды. В контексте культуры пища рассматривается как нормативно-ценностная система, в рамках которой вырабатываются механизмы формирования ценностных смыслов пищи, составные элементы национальной идентичности и трансляции повседневных культурных норм.

Корейская еда заключает в себе набор культурных значений и символов, обусловленных социально-культурными и религиозными особенностями развития корейского общества. Среди них — фактор влияния внешних религиозных учений на общественную мысль в Корее и их синтез с местными верованиями и мифами, который в последующем обусловил перенос значений и смыслов на смежные области, включая кулинарную сферу.

Отличительной характеристикой философской мысли в Корее ещё в период трёх государств (I в. до н. э.–VII в. н. э.) была идея гармоничных отношений между человеком и космосом [Ким, 2001]. Она находила отражение в практике шаманизма и геомантии, а также традиционных мифах и верованиях. Важной идеологемой в них выступало Небо, представления о котором были сопряжены с идеей мирских поисков логики человеческого бытия.

Даосские практики, направленные на достижение гармонии мироздания и обретение счастья, перекликались с уже существующими в корейском обществе религиозно-культурными воззрениями и потому, начав проникать на Корейский полуостров на рубеже нашей эры, закрепились в повседневной жизни. Суть даосизма сводится к учению о пяти первоэлементах и восходит к религиозным верованиям древних китайцев. Из этих пяти первоэлементов *охэнъ*[18] (на кор.) был образован мир: земля, дерево, металл, огонь и вода. Сами элементы возникли из первоматерии *ки*[19], которая может существовать в активном, светлом состоянии — *ян*, и пассивном, темном — *ым*[20]. Каждому из пяти элементов соответствует свой вкус, которые вместе образуют пять главных вкусов *оми*, где *о* — «пять», *ми* — «вкус пищи». Вместе две концепции образуют доктрину *ым-ян охэнъ соль*, связывающую стороны света, времена года, этические категории, пять базовых цветов и пять базовых вкусов и т.д.

Вкусовые значения используются для поддержания баланса между пятью основными элементами [Pettid, 2014: 67]: с землёй ассоциируется сладкий вкус, деревом — кислый, металлом — острый, огнём — горький и водой — солёный. Считается, что разные продукты, имея символическую связь с той или иной стихией, способны оказывать точечное лечебное действие. Эти принципы находят выражение и в корейской традиционной культурно-гастрономической концепции *яксиктонвон*, согласно которой «еда и лекарство имеют одинаковое происхождение». В соответствии с ней некоторая пища обладает лечебными свойствами, и метод «лечения через еду» *сикчхи* широко применяется в корейской традиционной медицине *хани* и сегодня. Примерами таких блюд выступают *якпап* («целебный рис») — десерт из сваренного на пару клейкого риса с добавлением мёда, китайского финика, кунжутного масла, кедровых орешков; целебный чай *якчха* и др.

Наряду с вкусовым выражением, каждому из пяти элементов соответствует

[18] *У-син* (五行) по-кит.
[19] *Ци* (氣) по-кит.
[20] *Инь* (陰) по-кит.

свой цвет: жёлтый, сине-зеленый, белый, красный, чёрный. Эта традиционная корейская цветовая гамма известна как *обанъсэк*. Символическую интерпретацию этой цветовой идейной палитры можно увидеть на примере самого известного корейского блюда — *пибимпапа*. Согласно ей, гармония цвета дополняется гармонией вкуса, которая достигается путём его перемешивания (глагол *пибида* означает «перемешивать», *пап* — «рис»). После смешивания всех ингредиентов блюдо принимает несколько хаотичный вид, но в то же время только в этом виде раскрывается вкус *пибимпапа*. Можно сказать, что в гастрономическом смысле это повторяет космогонический комплекс Хаоса–Гармонии.

Задолго до 2011 г., когда *пибимпап* получил упоминание в The New York Times[21], он был исключительно едой простолюдинов, особенно популярной для обеда вне дома в период напряжённых сельскохозяйственных работ. Не существует достоверных свидетельств, которые бы доказывали его принадлежность к королевскому столу в какой-либо исторический период [Joo, 2011: 225]. Отсюда любопытна приписываемая ему сегодня высокая ценностно-смысловая коннотация и помещение его в один эстетический контекст с *кунчжун ымсик* — блюдами придворной королевской кухни. Именно для неё были характерны концепции, связывающие корейскую пищевую традицию с даосскими представлениями о пяти базовых первоэлементах, а также мысль о том, что сбалансированное сочетание разных ингредиентов соотносится с оппозицией Хаос-Гармония.

Я рассмотрю два блюда, являющихся репрезентативными для королевского стола. Первое из них — *синсолло*, блюдо с интересной рецептурой и не менее интересной легендой [Кузнецова, 2013], которая рассказывает историю его появления. Правитель изгнал из дворца одного из своих приближённых после крупной ссоры, и тот ушёл в горы и стал отшельником. Еду он варил в небольшом котелке, куда кидал всевозможные травы, овощи и, если повезёт, мясо. Обратно он так и не вернулся, и в народе стали говорить, что он превратился в бессмертного духа гор *синсон*. Котелок его нашли и стали готовить в нём блюдо, которое и получило название «жаровня бессмертного мудреца».

Синсолло содержит порядка тридцати ингредиентов. Это овощи, несколько видов мяса, грибов и орехов, различные коренья и приправы. в основном готовили для королевской церемонии поклонения предкам. Из-за огромного количества ингредиентов и длительного времени готовки *синсолло* было блюдом, которое готовили только при дворе и в богатых домах, и то только по особым случаям. Примечательно, что *синсолло* было включено в официальное меню программы визита президента США Барака Обама в РК в 2009 г.[22]

Возвращение к природе как естественной среде существования в легенде несёт в себе символический смысл освобождения себя, своей индивидуальности и внутренней природы. Можно допустить, что в идее воссоединения с природой через практики освобождения сознания есть отсылка к *пхунню*, а романтический даосский сюжет намекает на древнюю историю этого *кушанья*[23]. Однако эта легенда появилась значительно позже, чем само блюдо. *Синсолло* пришло из Китая в XVII-XVIII вв. и по крайней мере до конца XIX в. существовало под другим названием — *ёльгучжатхан*, дословно «суп, услаждающий уста» [Осетрова, 2019: 216].

Ещё одно блюдо королевской кухни, которому свойственна концепция пяти вкусов и цветов, — *кучжольпхан*. В нем

[21] "Bibimbap is a Yangdu-guyuk dish" - Sankei Branch Manager's Controversial Column. Chosun Media. 2009. URL: https://www.chosun.com/site/data/html_dir/2009/12/28/2009122800884.html (accessed 5.09.2020).

[22] Joong Ang Ilbo. *Bulgogi, Kimchi, Sinseollo... "Delicious" food series for Obama.* 2009. URL: https://news.joins.com/article/3883801 (accessed: 2.07.2020).

[23] В эпоху государства Чосон (1392 – 1910) официальной религиозно-общественной системой было конфуцианство, а другие культурно-религиозные практики были формально запрещены (что не отменяет того факта, что буддистские и даосские принципы, зародившиеся в первые века н.э., продолжали быть важной составной частью духовной и религиозной жизни корейцев), поэтому можно подумать, что в легенде речь идёт о значительно более раннем историческом периоде.

принцип космического дуализма *ым-ян* и учение о пяти элементах *охэнъ соль* находит особенно наглядное выражение. Его название состоит из трёх синокорейских слогов: *ку* — «девять», *чоль* — «отделение» и *пхан* — «блюдо». *Куджольпхан* подается на красиво украшенной деревянной посудине с девятью отделениями, одно из которых расположено по центру, а остальные — вокруг него, отчего блюдо напоминает цветок с лепестками. В центр кладутся лепешки из пшеничной муки, в которые заворачиваются начинки из остальных восьми отделений — овощи, мясо, грибы и др. Ингредиенты контрастируют между собой по цвету и вкусу. Считается, что благодаря своей оригинальной форме сервировки и набору ингредиентов *куджольпхан* выражает гармоничный дуализм между овощами (*ым*) и мясом (*ян*) и, подобно *пибимпапу*, заключает в себе сразу все пять цветов и вкусов, которые соответствуют пяти первоэлементам.

Лингвокультурные особенности передачи вкуса пищи в корейском языке

Феномен вкуса формирует, помимо прочего, устойчивую лингвистическую парадигму. Важной областью исследования ценностных смыслов гастрономической культуры является семиотика. Р. Барт, один из её основоположников, анализировал еду как культурную единицу исходя из идеи буквального уподобления «языка» пищи вербальному языку[24]. Семантическое поле «вкус» в корейском языке отличается значительной степенью лингвистической систематичности, которая позволяет носителям понимать и угадывать смыслы. Я проанализирую некоторые лингво-когнитивные аспекты концепта вкуса *мат*.

Говоря о перцептивных прилагательных вкуса в корейском, следует отметить факт превалирования в ежедневном лексиконе исконно корейских слов, по сравнению со словами китайского происхождения. С некоторыми исключениями[25] это утверждение справедливо как для обозначения непосредственно вкусовых характеристик продукта, так и для случаев метафорического переноса прилагательных вкуса. Представляется, что слова синокорейского происхождения представляют собой широкое поле для образования синестетических метафор, однако гораздо реже используются для передачи непосредственно вкусового значения.

Корейский язык отличается весьма любопытным набором словообразовательных инструментов. Среди них выделяются приёмы редупликации — удвоения слога или основы с целью интенсификации значения, аспирации согласного звука и замены глухого согласного смычным взрывным, например, для усиления значения фрикции между элементами. Эти приёмы образуют семантические формулы, которые позволяют кодировать значения семантического поля вкуса.

Отдельный интерес представляет использование т.н. тёмных и светлых гласных для передачи дополнительных нюансов значения — форма букв, обозначающих гласные звуки, объясняется с позиции философии *ым-ян*. В зависимости от того, состоит ли слог из тёмной гласной, которая ассоциируется с тёмным началом *ым* — соответствует звукам *ы* (ㅡ), *у* (ㅜ), *о* (ㅓ); или из светлой *а* (ㅏ) или *о* (ㅗ), — лексема приобретает отрицательное или положительное значение соответственно. Например, в корне слова *талькхомхада* со значением «приятно сладкий» в корне слова *талькхом* — две гласные, обе «светлые». При замене их на тёмную *ы* получается *тылькхымхада* — «неприятно сладковатый».

Здесь следует отметить, что корейские лексемы не были изначально образованы в соответствии с принципом дихотомии *ым* и *ян*. Особенность передачи оттенков значения у перцептивных прилагатель-

[24] Капкан М.В. 2018. *Культура повседневности: учебное пособие для академического бакалавриата.* Москва: Издательство Юрайт. 108 с. С. 82.

[25] Исключение составляет, например, синокорейское прилагательное каммиропта, семантически максимально близкое к корейскому слову тальда со значением «сладкий».

ных появилась в процессе лингвокультурного развития, и логика даосской философия была привлечена для описания уже сложившегося явления. Подобные пары прилагательных, подразумевающие положительные или отрицательные значения в зависимости от использования светлых и тёмных гласных, не являются эксклюзивными для передачи значений вкуса и могут использоваться для передачи цвета, запаха, образа действия и т.д.

Еда представляет собой систему коммуникации, совокупность образов, свод обычаев, ситуаций и поведений [Barthes, 2008]. К. Леви-Стросс, анализируя пищевые образы в мифологии, сравнил кулинарию с языком, непроизвольно отражающим устройство данного общества[26]. Национальная кухня служит одним из важнейших маркеров самоидентификации человека, который хочет подчеркнуть свою принадлежность к стране, региону или этносу. Таким образом, еда является в том числе категорией национальной самоидентификации, и в случае с Кореей этот аспект особенно актуален.

Если рассматривать феномен еды в Южной Корее с культурно-антропологической точки зрения, имеет смысл говорить об особом кулинарном центризме корейцев. В 1970-х гг. начинают обращать более пристальное внимание на образующие компоненты своей исторической и культурной самобытности, которые можно было бы противопоставить остальному миру, в первую очередь — соседским азиатским странам. Еда постепенно выходит за рамки гастрономического феномена, становится своеобразным конструктом национальной идентичности и приобретает трансграничный характер — речь идёт о кулинарной дипломатии, или гастродипломатии.

Еда и связанные с ней символы используются для передачи мыслей, распространения идей и ценностей, по этой причине кулинарный компонент был неотъемлемой частью дипломатии еще с древних времен. В 2002 г. в журнале *The Economist* выходит статья, посвященная репрезентации тайской кухни в мире[27], в ней впервые звучит термин *гастродипломатия*. После этого кулинарный аспект начинают активно встраивать в научный дискурс писатели и исследователи, занимающиеся изучением международных отношений, публичной дипломатии и проблем в междисциплинарной области *Food Studies* [Chapple-Sokol, 2013].

Республика Корея стала одной их первых стран, запустивших государственные инициативы в области кулинарной дипломатии, объявив в 2009 г. о программе *Korean Cuisine to the World* (Корейская кухня — миру) [Zhang, 2015]. Руководство программой взяла на себя первая леди Ким Юнок, супруга президента Ли Мёнбака. Она заявила о важности глобализации корейской еды (*хансик*), подчеркнув, что это благоприятно скажется на повышении авторитета Южной Кореи в мире [Lee, Nornes, 2015: 46]. Отчёт о проведённых мероприятиях и рекламных акциях был включён даже в Белую книгу, опубликованную Министерством иностранных дел РК[28].

Образ квашеной капусты *кимчхи* как предмета национальной гордости тиражируется за пределы страны. Как и *пибимпап*, она наделяется космогонической идеей , в соответствии с которой сочетание в себе пяти цветов (*обэксэк*) и пяти вкусов (*оми*) интерпретируется как кулинарное воплощение гармонии всех составных частей Вселенной. В честь кимчхи учреждают научно-исследовательский институт *World Institute of Kimchi* (2010), организовывают фестивали и мастер-классы внутри страны и за рубежом, в том числе и в Культурном центре при Посольстве РК в Москве. В 2013 г. техника приготовления кимчхи вместе с культурой её заготовки на зиму

[26] Капкан М.В. 2018. *Культура повседневности: учебное пособие для академического бакалавриата.* Москва: Издательство Юрайт. 108 с. С. 81.

[27] Food as ambassador: Thailand's gastro-diplomacy. *Economist*. 2002. Available at: https://www.economist.com/asia/2002/02/21/thailands-gastro-diplomacy (accessed: 1.07.2020).

[28] Diplomatic White Paper. *Ministry of Foreign Affairs (MOFA) of South Korea.* 2015. Available at: https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5684/list.do (accessed: 13.07.2020).

кимчжан вошли в Список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО.

Кимчхи как языковой знак символического культурного значения

Связь между едой и национальной самоидентификацией закладывает основу для использования кухни в качестве инструмента для создания межкультурного и межнационального взаимопонимания, но может служить и причиной конфликтов на международном уровне. В первую очередь речь идёт о культурном и идеологическом противостоянии Южной Кореи со своим ближайшим соседом — Японией, с которой она разделяет тяжёлое историческое прошлое (и настоящее).

Приведу в пример инцидент, который иллюстрируют болезненную реакцию Сеула на то, что представлялось ему как посягательство Токио на корейское национальное достояние. В середине 1990-х гг. корейско-японские отношения были натянуты на фоне недовольства РК японским экспортом *кимчхи*. По мнению корейской стороны, японский продукт производился по другой технологии и не обладал вкусом настоящей *кимчхи* и, соответственно, не мог продвигаться и экспортироваться под этим названием. Ситуация ухудшилась, когда в 1996 г. Япония предложила сделать *кимучи*[30] официальным блюдом Олимпиады в Атланте [King, 2019: 81].

Стремясь не допустить попадания японской «посыпанной специями капусты с добавлением искусственных ароматизаторов»[31] на международный рынок, Южная Корея обратилась в ФАО[32] с требованием установить международный стандарт *кимчхи*. Он был опубликован в 2001 г. (Standard for Kimchi CXS 223-200) и определял закуску как ферментированную с красным перцем, чесноком, имбирём и некоторыми другими добавками капусту и закреплял за ней именно это название — *kimchi*.

Сегодня эта проблема уже не стоит так остро, но факт готовности южнокорейской стороны активно защищать и культивировать (иногда искусственно) имидж своей кухни за рубежом свидетельствует о т.н. гастронационализме [Осетрова, 2014] корейцев. Знаки человеческого языка не только обладают свойством сохранения и трансляции значений, репрезентирующих культурные смыслы [Вишнякова, 2015: 62], но и выступают в роли символа данной культуры. Само слово, название блюда — *кимчхи*, в таком случае, рассматривается как явление, имеющее самостоятельную ценность с точки зрения хранения и передачи информации.

Именно поэтому попытки представителей другой нации изменить это слово «под себя», переформатировать его лингвокультурное и лингвосемиотическое содержание справедливо воспринимаются корейской стороной как потенциальная угроза самостоятельности этого языкового знака в качестве символа-референта корейской культуры и её гастрономического явления. По этой же причине в обществе звучат призывы перестать использовать англоязычные аналоги для обозначения корейских блюд[33]: вместо «кимчхи-панкейков» — *кимчхичжон*, вместо «корейских роллов» — *кимпап*. Механизмы языка представляют собой самый естественный доступ к когнитивным процессам, и в этом отношении очевидна важность языка как знаковой системы в формировании ког-

---

[29] Kimchi sok gamchwojin eumyangohaeng algo meogeumyeon geongange deo johdaneunde... [If you know and eat the hidden yin and yang five elements in kimchi, it's better for your health...]. *Chosun.com.* 2013. Available at: http://news.chosun.com/site/data/html_dir/2013/11/08/2013110801079.html (accessed: 5.07.2020).

[30] Под *кимучи* может пониматься как корейская *кимчхи*, произнесённая на японский лад, так и видоизменённая, адаптированная под японский вкус корейская закуска. Для кимучи характерен короткий процесс ферментации, значительно менее кислый и, наоборот, более выраженный сладкий вкус.

[31] Cabbage Is Cabbage? Not to Kimchi Lovers; Koreans Take Issue With a Rendition Of Their National Dish Made in Japan. *The New York Times*. 2000. Available at: https://www.nytimes.com/2000/02/05/business/cabbage-cabbage-not-kimchi-lovers-koreans-take-issue-with-rendition-their.html (accessed: 13.07.2020).

[32] Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН.

[33] "Kimchijeon" over "kimchi pancake". *Korea Herald.* 2018. Available at: www.koreaherald.com/view.php?ud=20180704000624 (accessed: 9.07.2020).

нитивного образа объекта или явления на основе воспринятых через органы чувств его характеристик и эстетической ценности.

Заключение

В данной статье на основании анализа религиозных и социокультурных компонентов корейской эстетической модели была предпринята попытка исследовать составляющие концептосферы вкуса в современной Корее. Исследование показало, что начало изучению эстетики и истории искусства в Корее было положено в период форсированной модернизации страны в условиях колониального правления первой половины XX в. и происходило во многом под влиянием или прямым руководством японских учёных, в первую очередь Янаги Мунэёси. Сформированные в то время представления о сути корейского искусства (*мукехвег-ый кехвек, мукигё-ыйкигё, чаёнми, пиэми* и др.) повлияли на общее понимание корейской модели эстетического вкуса и даже спровоцировали выделение понятия *хан* в качестве важного компонента корейской ментальности.

Определяющей категорией корейской эстетики в её повседневном выражении предлагается считать категорию *мот*, начало анализа которой было положено южнокорейскими учёными в 1960-е гг. Она в некоторой степени перекликается с пришедшей вместе с даосизмом в Корею эстетически-экзистенциальной концепцией «ветра и потока» *пхунню*, но в силу своей «приземлённости» и широкого лексического выражения является более значимой частью корейской концептосферы. *Мот* подразумевает красоту человеческой личности, отношений, поведения и образа жизни и может содержаться в предметах или явлениях. О присутствии этого качества мы догадываемся, когда наша душа воспринимает движение жизни внутри объекта и резонирует с ним. В широком смысле *мот* и есть ощущение прекрасного — то, что приводит в движение само эстетическое понимание.

Синкретический комплекс пришедших извне верований и учений (*пхунню, ым-ян охэнъ соль* и др.) органично наложился на традиционные корейские верования и шаманские практики. Вместе они образовали культурно-философскую систему смыслов, суть которых можно свести к принципу поддержания баланса и гармонии во Вселенной и жизни. В нарративном и музыкальном искусстве этот принцип выражается главным образом через понятия *хан* и *хын*, в обыденной жизни он манифестирует себя в шаманском обряде *кут*.

Натурфилософская доктрина, перекликающаяся с буддистской идеей недвойственности *пури*, вместе с предложенными в первой половине XX в. корейскими эстетическими концепциями (*чаёнми, тансунсон* и др.) активно распространяются на кулинарную сферу жизни корейцев. Идея о том, что корейские блюда наделены богатыми эстетическими и экзистенциальными значениями, на протяжении по меньшей мере последних двух десятилетий выступает в качестве значимого социокультурного феномена оценки вкуса у корейцев. Корейская еда *хансик* в этом контексте предстаёт как важная доминанта корейской идентичности и предмет эстетического опыта в повседневной жизни и культуре корейцев.

THE CONCEPT OF TASTE IN SOUTH KOREA: HISTORICAL, CULTURAL, AESTHETICAL AND PHILOSOPHICAL ASPECTS

T.V. Zimenko

Tatyana V. Zimenko — Master of Mass Communication, Lecturer, Department of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian Languages, MGIMO University. 119454, Moscow, prospect Vernadskogo, 76.
E-mail: tatianazimenko@gmail.com

Zimenko T.V. 2020. The Concept of Taste in South Korea: Historical, Cultural, Aesthetical and Philosophical Aspects. *Concept: Philosophy, Religion, Culture.* Vol. 4. No 4. P. 83–101. https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-83-101

Received: 04.08.2020. Accepted: 29.11.2020.

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Abstract. The focus of this paper is on the Korean aesthetic model of taste. In order to investigate the origins of aesthetics in Korea and its current place in Koreans' lives, it analyzes the key concepts of the Korean aesthetics and spiritual aspects of life for Koreans. In a way to exemplify this cultural system, traditional Korean food is presented as a conceptual representation of the aesthetic experience. Its role in integrating different aspects of meanings and values in everyday lives of Koreans is also discussed.
The research subject is studied through the complex lenses: its association with both the gastronomic taste, which comprises organoleptic perception and aesthetic judgements, and the semiotic aspect of culture, represented by basic units thereof – words. The optics of the interdisciplinary outlook of this method suggests a new approach to viewing Korean aesthetic of taste.
The research shows that scientific approach to aesthetics was first adopted in Korea in the 1930s under the cospicuous cultural influence of the Japanese colonial rule; the ideas formed at that time still remain important aesthetic concepts. The study proposes that meot should be viewed as the most important and representative concept in Koreans' everyday aesthetic experience. The cultural and historical analysis of Korean gastronomic culture suggests there is a number of specific cultural and cosmogonic meanings that were typical of the royal cuisine during the Joseon era and demonstrates how certain Korean dishes are endowed with aesthetic and existential values today.

Keywords: taste in aesthetics, concept of taste, Korea, food, organoleptics, everyday aesthetics.

References:

Barthes R. 2008. Toward a Psychosociology of Contemporary Food Consumption. F*ood and Culture: A Reader.* 2nd edition. New York: Routledge. Pp. 28-35. https://doi.org/10.1080/03670240802577408

Bo Y., Soo J. 2001. A Study on the Traditional Aesthetic Consciousness Reflected on the Contemporary Fashion – Focused on Comparative Research for Korea and Japan. *Journal of Fashion Business.* 5 (4). Pp. 56-72.

Boulesteix F. 2010. The Aesthetics of the Plural Korean Essence. *Asian Aesthetics.* Singapore: NUS Press in Association with Kyoto University Press. Pp. 85-102.

Brady E. 2005. Sniffing and Savoring: The Aesthetics of Smells and Tastes. *The Aesthetics of Everyday Life.* New York: Columbia University Press. Pp. 177-194.

Brady E. 2012. Smells, Tastes, and Everyday Aesthetics. *The Philosophy of Food.* Berkeley: University of California Press. Pp. 69-86.

Breen M. 2004. *The Koreans: Who They Are, What They Want, Where Their Future Lies.* New York: Thomas Dunne Books. 304 p.

Chapple-Sokol S. 2013. Culinary Diplomacy: Breaking Bread to Win Hearts and Minds. *The Hague Journal of Diplomacy.* 8(2). Pp. 161-183. https://doi.org/10.1163/1871191X-12341244

Choi J. 2011. Haehak. *Korean Beauty.* Seoul: Korean Culture and Information Service Ministry of Culture, Sports and Tourism. Pp. 161-192.

Heyman A.C. 1990. The Psyche and Unique Character of Korean Dance. *Korea Journal.* 30 (11). P. 61-68.

Hong K. 2011. *Aesthetic Constructions of Korean Nationalism: Spectacle, Politics and History.* New York: Routledge. 164 p. https://doi.org/10.4324/9780203816042

Kaplan D. 2012. *The Philosophy of Food.* Berkeley: University of California Press. 320 p.

Kikuchi Y. 1994. Yanagi Sōetsu and Korean Crafts within the Mingei Movement. *The British Association for Korean Studies* (BAKS) *Papers Series* (now *European Journal of Korean Studies*). 5. Pp. 23-38.

Kim K.M. 1998a. Korean Aesthetic Consciousness and the Problem of Aesthetic Rationality. *Canadian Aesthetics Journal.* Vol. 2. http://web.archive.org/web/20070826195722/http://www.uqtr.ca/AE/vol_2/kim.html

Kim K.M. 2013. The Aesthetic Turn in Everyday Life in Korea. *Open Journal of Philosophy.* 3 (3). P. 359-365. http://dx.doi.org/10.4236/ojpp.2013.33054

Kim S. 2017. Korean Han and the Postcolonial Afterlives of "The Beauty of Sorrow". *Korean Studies University of Hawai'i Press.* Vol. 41. P. 253-279. https://doi.org/10.1353/ks.2017.0026

Kim Y. 2005. *20th Century Korean Art.* London: Laurence King Publishing. 283 p.

Kim Y.-J. 2008. Korea's Traditional Beauty. Philosophy. Thought. Culture. Vol. 7. P. 1-27.

King M.T. (ed.). 2019. *Culinary Nationalism in Asia.* London: Bloomsbury Publishing. 304 p.

Kwon Y. 2007. "The Aesthetic" in Traditional Korean Art and Its Influence on Modern Life. *Korea Journal.* 47 (3). Pp. 9-34. http://dx.doi.org/10.25024/kj.2007.47.3.9

Kwon Y., Lee H. 2015. Traditional Aesthetic Characteristics Traced in South Korean Contemporary Fashion Practice. *The Journal of Design, Creative Process & the Fashion Industry.* Vol. 7. Issue 2. Pp. 153-174. https://doi.org/10.1080/17569370.2015.1045348

Lee S., Nornes A.M. 2015. *Hallyu 2.0: The Korean Wave in the Age of Social Media.* Ann Arbor: University of Michigan Press. 268 p. https://doi.org/10.3998/mpub.7651262

McBride R.D. II. 2010. Silla Buddhism and the Hwarang. *Korean Studies.* Vol. 34. P. 54-89.

McCune E. 1962. *The Arts of Korea.* Clarendon: Tuttle Co. 452 p.

Min J. 1999. The Aesthetic Way of Life in East Asian Culture. *Filozofski Vestnik Proceedings of the XIVth International Congress of Aethetics.* Vol. 20 No. 2. *Aesthetics as Philosophy,* Part II. Liubljana. P. 131-140.

Perullo N. 2016. *Taste as Experience: The Philosophy and Aesthetics of Food (Arts and Traditions of the Table: Perspectives on Culinary History).* New York: Columbia University Press. 176 p.

Pettid M.J. 2014. Science, Food and Health in Chosŏn Korea. *The Routledge History of Food.* London: Routledge. P. 61-68. https://www.routledgehandbooks.com/doi/10.4324/9781315753454.ch4

Saito Y. 2008. *Everyday Aesthetics.* Oxford: OUP Oxford. 292 p. https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199278350.001.0001

Sweeney K.W. 2017. *The Aesthetics of Food: The Philosophical Debate about What We Eat and Drink.* Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield Publishers. 212 p.

The Essence of Japanese Cuisine: An Essay on Food and Culture. 2013. Eds. Ashkenazi M., Jacob J. et al. London: Routledge. 282 p. https://doi.org/10.4324/9781315027487

Yang J.W., Lee M.S. 2013. Aesthetic Characteristics of the Stage Makeup of Korea, China and Japan's Traditional Plays: From a Basic Conceptual Perspective of Buddhist Aesthetics. *Journal of the Korean Society of Design Culture.* 19 (2). P. 223-237.

Zhang J. 2015. The Foods of the Worlds: Mapping and Comparing Contemporary Gastrodiplomacy Campaigns. *International Journal of Communication.* No. 9. P. 568-591.

Eckardt A. 2003. Eckardt-ui joseon misulsa [*History of the Joseon Dynasty Art*]. Seoul: Yeolhwadang. 392 p. (In Korean).

Joo Y. 2011. *Humanistic Study of Food: Korean History and Culture View Through its Food* [Eumsik inmunhak: eumsig-euro bon hangug-ui yeoksa-wa munhwa]. Seoul: Hyumoniseuteu. 559 p. (In Korean).

Kim O. 2006. *Hangug yeongeuk-ron bunyeol-gwa saengseong-ui moksori* [The Split and the Birth of Korean Theater Theory]. Seoul: Yeongeuk-gwa Ingan. 278 p. (In Korean).

Kim S. 2007. Hangukmi-ui beomju-roseoui "meot". ["Mut" as a Category of Korean Aesthetics]. Minjok Mihak [*National Anesthetics*]. Vol. 6. P. 7-31 (In Korean).

Kim Y. 1998b. Hangugin-ui gijil-gwa seonghyang-eul tonghae bon hangugmi-ui ihae [*Understanding Korean Beauty through the Character and Inclinations of Korean people*]. Seoul: Ewha Women's University Press [Ihwa yeoja daehakgyo chulpanbu]. 341 p. (In Korean).

Ko Y. 2007. *Joseon Misulsa-sang* [History of Korean Art during the Joseon dynasty. Volume 1]. Seoul: Yeolhwadang. 440 p. (In Korean).

Lee J. 2014. Hangungmi-ui goyuseong gyumyeong-eul wihan bigyomihakjeok gochal [A study in comparative aesthetics for an investigation into the peculiarities of Korean beauty]. *Journal of Korean Aesthetics and Science of Art* [Hangungmihagyesulhakoeji]. Vol. 41. P. 103-151 (In Korean).

Lim S. 2015. Hangukmihagui eojenda (agenda)-e gwanhan gochal [Study on the Agenda of Korean Aesthetics]. *Korean Aesthetics.* 14 (1). P. 45-74 (In Korean).

Tsoi I.V. 2016. Pak Kionni. O poniatii mot [Park Kyungni. About the Concept of Mot.]. *Koreiskii poluostrov v epokhu peremen.* Moscow: Federal'noe gosudarstvennoe biudzhetnoe uchrezhdenie nauki Institut Dal'nego Vostoka Rossiiskoi akademii nauk. P. 357-368 (In Russian).

Heidegger M. 1977. *Sein und Zeit.* Tübingen: Max Niemeyer Verlag. 437 s. (In German). (Russ. ed.: Heidegger M. 1993. *Vremia i bytie: stat'i i vystupleniia.* Per. s nem. Moscow: Respublika. 447 p.).

Kim G.N. 2001. *Istoriia religii Korei* [History of Religion in Korea]. Almaty: Kazak Universiteti. 230 p. (In Russian).

Kurbatova L.V. 2013. Metafizika edy [Metaphysics of Food]. *Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politehničeskogo universiteta. Kul'tura, istoriâ, filosofiâ, pravo.* 7. P. 91-98 (In Russian).

Kuznecova A.G. 2013. Institut korolevskoi kukhni v epokhu Choson (1392-1897) [Institute of Royal Cuisine in the Times of Joseon (1392-1897)]. *Proceedings of the Center for Korean Language and Culture.* 15. Pp. 326-350 (In Russian).

Kwon J. 2016. Mir koreiskoi emotsional'nosti kak psikhologicheskii istochnik natsional'noi teatral'noi kul'tury [The Universe of the Korean Emotionality as a Psychological Source of the National Theatrical Culture]. *Kul'turnaâ žizn' Ûga Rossii.* 2. Pp. 109-114 (In Russian).

Mihailova M.V. 2008. Puteshestvie po kukhne [Kitchen Journey]. *Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Seriâ: Filosofiâ, filologiâ.* 1. Pp. 105-108 (In Russian).

Osetrova M.E. 2014. Natsional'naia kukhnia i koreiskii natsionalizm [National Cuisine and Korean Nationalism]. *Rossiia i Koreia v meniaiushchemsia mire: sbornik statei.* Moscow: IDV RAN. P. 252-264 (In Russian).

Osetrova M.E. 2019. Sinsollo — pishcha vanov i sviatykh otshel'nikov. [Sinsollo — Food of the Kings and Hermit Saints]. *Tam, gde tsvetet mugunkhva i raspuskaetsia sakura. Slovo ob uchionom.* Kazan: Buk. P. 216-219 (In Russian).

Panova O.B. 2014. Vostok — Zapad: glubokie korni obshhnosti kul'turnykh mirov i integratsionnye tendentsii sovremennosti (opyt interpretatsii raboty M. Haideggera "Iz dialoga o iazyke mezhdu iapontsem i sprashivaiushchim") [The Deep Roots of Community of the Cultural Worlds and the Integration Trends of Modernity (the Experience of the Interpretation of Heidegger's "From the Dialogue about Language between a Japanese and an Asking Person")]. *Epistemology and Philosophy of Science.* 40(2). Pp. 184-201 (In Russian).

Pavlovskaya A.V. 2015. Gastrosofiia: nauka o ede. K postanovke problemy. Chast' 1 [Gastrosophia: The Science of Food. Formulation of the Problem. PART 1. Part 1.]. *The Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Cross-Cultural Communication.* 4. Pp. 23-38 (In Russian).

Vishnyakova O.D. 2015. Iazykovoi znak v referentsial'nom pole kul'turnoi pamiati sotsiuma. [The Language Sign in the Referential Field of the Cultural Memory of Society]. *The Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Cross-Cultural Communication.* 4. Pp. 50-65 (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Вишнякова О.Д. 2015. Языковой знак в референциальном поле культурной памяти социума. *Вестник Московского университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* Серия 19. № 4. С. 50-65.

Квон Дж. 2016. Мир корейской эмоциональности как психологический источник национальной театральной культуры. *Культурная жизнь Юга России.* № 2. С. 109-114.

Ким Г.Н. 2001. *История религий Кореи.* Алматы: Казак университеті. 230 с.

Кузнецова А.Г. 2013. Институт королевской кухни в эпоху Чосон (1392-1897). *Вестник Центра корейского языка и культуры С.-Петерб. университета.* Выпуск. № 15. С. 326-350.

Курбатова Л.В. 2013. Метафизика еды. *Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право.* № 7. С. 91-98.

Михайлова М.В. 2008. Путешествие по кухне. *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология.* №1. С. 105-108.

Осетрова М.Е. 2014. Национальная кухня и корейский национализм. *Россия и Корея в меняющемся мире: сборник статей.* Москва: ИДВ РАН. С. 252-264.

Осетрова М.Е. 2019. Синсолло — пища ванов и святых отшельников. *Там, где цветет мугунхва и распускается сакура. Слово об учёном.* Казань: Бук. С. 216-219.

Павловская А.В. 2015. Гастрософия: наука о еде. К постановке проблемы. Часть 1. *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* № 4. С. 23-38.

Панова О.Б. 2014. Восток — Запад: глубокие корни общности культурных миров и интеграционные тенденции современности (опыт интерпретации работы М. Хайдеггера «Из диалога о языке между японцем и спрашивающим»). *Эпистемология и философия науки.* 40 (2). С. 184-201.

Хайдеггер М. 1993. *Время и бытие: статьи и выступления.* Пер. с нем. Москва: Республика. 447 с.

Цой И.В. 2016. Пак Кённи. О понятии мот. *Корейский полуостров в эпоху перемен.* Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук. С. 357-368.

Список литературы на корейском языке:

안드레 에카르트. 2003. 에카르트의 조선미술사 [Андрэ Экхарт. История корейского искусства эпохи Чосон А. Экхарта]. Сеул: Ёльхвадан. 392 с.

주영하. 2011. 음식 인문학. 음식으로 본 한국의 역사와 문화 [Чу Ёнха. Гуманитарное исследование пищи. Корейская история и культура через призму еды]. Сеул: Хюмонистхы. 559 с.

김옥란. 2006. 한국 연극론 분열과 생성의 목소리 [Ким Оннан. Теория корейского театрального искусства: голос зарождения и разделения]. Сеул: Ёнгыкква инган. 278 с.

김수현. 2007. 한국미의 범주로서의 '멋' [«Мот» как категория корейской эстетики]. *Минджок михак*. № 6. С. 7-31.

김영기. 1998b. 한국인의 기질과 성향을 통해 본 한국미의 이해 [Ким Ёнги. Понимание корейской красоты через нравы и характер корейцев]. Сеул: Ихва ёджа тэхаккё чхульпханбу. 341 с.

고유섭. 2007. 조선 미술사 上 [Ко Юсоп. История корейского искусства эпохи Чосон. Том 1]. Сеул: Ёльхвадан. 440 с.

이주영. 2014. 한국미의 고유성 규명을 위한 비교미학적 고찰 [Определение оригинальных характеристик корейской красоты: сравнительно-эстетический анализ]. *Хангунмихак Йесуль Хакхве.* № 41. С. 103-151.

임성원. 2015. 한국미학의 어젠다 (agenda) 에 관한 고찰 [Им Сонвон. Исследование проблемы корейской эстетики]. *Минджок михак*. 14 (1). С. 45-74.

УДК 008 https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-102-121

«ЗОЛОТО ЧИСЕЛ» В АРАБСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Е.В. Кухарева

Кухарева Елена Владимировна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока, МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.
E-mail: elena_koukhareva@mail.ru

Кухарева Е.В. 2020. «Золото чисел» в арабском фольклоре. *Концепт: философия, религия, культура.* Том 4. № 4. С. 102–121. https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-102-121

Статья поступила в редакцию: 07.07.2020. Принята к публикации: 06.11.2020.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья посвящена отношению арабов к различным числам и их отражению в арабском фольклоре. Почитание или боязнь определённых чисел, уважение или неодобрение других безусловно связаны с религиозными или бытовыми воззрениями, традициями и многовековым опытом народов, проживающих в тех или иных регионах, природных условиях, в соседстве с представителями других этносов. Арабы не являются исключением. У них также сформировались представления о различных числах и их значении для жизни человека. Некоторые из них, считающиеся сакральными, мы находим в Коране и Хадисах. Другие, не менее значимые, были закреплены в пословицах и поговорках как одном из наиболее устойчивых источников формирования национального менталитета. При этом некоторые числа имеют приоритетное значение и употребляются в пословицах и поговорках различных арабских народов многократно. Другие — в отдельных пословицах некоторых арабских народов. А также есть такие числительные, которые вообще трудно встретить в пословично-фразеологическом фонде арабских народов. Данная тема практически не рассматривалась в научных работах, а если и рассматривалась, то в рамках Священного Корана или историческом контексте, также связанном с религиозными представлениями некоторых народов, проживавших на территории нынешних арабских государств. Попытка комплексно посмотреть на использование числительных в пословицах и поговорках арабских народов предпринимается впервые.

Ключевые слова: арабский фольклор, национальный менталитет, национальные традиции, пословицы, сакральные числа, число, числительные, символы, символика чисел.

Числа испокон веков играли важную роль в жизни людей. В торговле и сельском хозяйстве, в строительстве и путешествиях, в отправлении религиозных обрядов и в лечении больных необходимо было производить расчёты, делать различные замеры, высчитывать расстояния и вес, рассчитывать время начала и конца сельскохозяйственных работ, проведения праздников, фиксировать время исторических событий и так далее. Везде люди использовали числа. Некоторые из них приобретали магическое или сакральное значение. Некоторые считались счастливыми, а другие приносящими несчастья. Такое тесное и необходимое общение с этой стороной жизни общества не могло не найти своего языкового или речевого выражения. Прежде всего, речь идёт о различных фразеологизмах, пословицах и поговорках, в которых закрепляются и передаются по наследству из поколения в поколение представления того или иного народа об окружающем мире, нравственных ценностях. Таким образом, числа, которые фиксируются в таких языковых конструкциях, вплетаются в культурный код народа и становятся его частью.

Феномен *числа* в разных культурах привлекал внимание исследователей различных областей, часто не связанных с той сферой, которая и отражает жизнь чисел, то есть с математикой. Филологи и лингвисты, философы и культурологи, исследователи религий, все они отдают дань той роли, которую играют числа в жизни людей. Так, общим вопросам понимания чисел как кода различных культур посвящены работы Мордвиновой Л.В. и Ухарской А.Н. «Числа как коды культур» [Мордвинова, Ухарская, 2010] и Титова Л.А. «Homo mathematicus. Число как культурологический феномен»[1]. Конкретные числа, например, число семь, которое во многих культурах имеет мистическое или сакральное значение, исследуется в работе Абабайкэжи Гулимижэ и Шантуровой Г.А. «Символика числа «семь» в русской и китайской культурах»[2] и в статье Иоселевой М.Я. «Происхождение магических чисел» [Иоселева, 1965], в работе иракского учёного-филолога Декмета Башира аль-Асвада «Сакральность числа семь в культуре Междуречья» [аль-Асвад, 1985]. Что касается арабского языка, то, конечно, самую богатую пищу в области числовых значений, в первую очередь их сакральности, даёт Коран. Исследованию в этой области посвящена работа Разили Кукушкиной «Числа — Величайшее Знамение Всевышнего»[3]. Безусловно, не обошли стороной числа и исследователи пословиц и поговорок. Сравнению арабских и аварских фразеологизмов и паремий посвящена работа Гасановой С.Н. и Дидуевой М.М. «Этнокультурная символика чисел в арабском и аварском языках» [Гасанова, Дидуева, 2018]. Значение чисел в русских пословицах и поговорках исследуется в работе Никифоровой Н.В. «Национально-культурная семантика числительных в русских фразеологизмах»[4]. В арабских исследованиях числам уделяется внимание в первую очередь при изучении Корана, его тайных и явных смыслов, предсказаний, интересных, даже удивительных, совпадений и других тайн этой великой книги. Если говорить о фразеологизмах, пословицах и поговорках, то в большинстве случаев их изучение выражается в собирании этих образцов народного творчества, их тематическом или алфавитном распределении и комментировании общего смысла того или иного высказывания [Любани, 1999]. Конкретно числа в этих случаях не

[1] Титов Л.А. 2015. *Homo mathematicus. Число как культурологический феномен. Курсовая работа.* Москва: Военный институт (военных дирижёров) Военного университета. URL: https://www.math-solution.ru/referat/290140 (дата обращения: 04.10.2020).

[2] Абабайкэжи Гулимижэ, Шантурова Г.А. 2017. Символика числа «семь» в русской и китайской культурах. Молодой учёный. № 24. С. 406-407.

[3] Кукушкина Р. 2015. *Числа — Величайшее Знамение Всевышнего.* URL: https://www.business-gazeta.ru/blog/205870 (дата обращения: 04.10.2020).

[4] Никифорова Н.В. 2014. *Национально-культурная семантика числительных в русских фразеологизмах:* магистерская диссертация. Екатеринбург. 114 с.

выделяются в отдельную тему и не рассматриваются. На этом фоне заметным явлением становится работа египетского собирателя арабского фольклора Сейида Сиддыка Абдельфаттаха «Мудрые изречения, пословицы и поговорки из глубин культурного наследия» [Абдельфаттах]. В ней числам посвящена целая глава под названием «Золото чисел». Однако и в этой книге числа не рассматриваются в рамках поговорок и пословиц. Автор книги группирует в приведённых им высказываниях предметы, явления, нравственные нормы количественно: по два, по три, по четыре и т.д. Причём речь идёт именно о качествах характера, относящихся к этической стороне жизни, морали, нравственным устоям общества.

В нашей работе мы постараемся рассмотреть вопрос о числах в арабских пословицах и поговорках и некоторых других выражениях, содержащих числовые значения. Работая над этой темой, автор не ставил своей задачей проводить сравнительный анализ арабских пословиц и пословиц других народов, но некоторые очевидные совпадения смыслов в арабских и русских пословицах и поговорках неизбежно требовали приводить примеры из обеих культур.

Приступая к освещению самой темы статьи, автор хотел бы начать с образцов, приведённых в книге Сиддыка Абдельфаттаха, поскольку он продемонстрировал оригинальный подход в этой области.

Своё исследование Абдельфаттах начинает не с числа *один*, а с *половины* (*нысф*). Например, он выделяет черты, характерные особенности, которые являются половиной других черт или особенностей. Причём это не обязательно нравственные качества. Это могут быть действия, чувства, ощущения:

Обоняние — это *наполовину* вкус.

Закладка фундамента — *половина* (построенного) дом.

(Хороший) попутчик — как *половина* пройденного пути.

Последнее выражение соответствует смыслу арабской пословицы: *Ищи попутчика до начала путешествия, а соседа до строительства дома.*

Добрые слова (комплимент) — *половина* дружбы.

Смелость — *половина* победы…

Трусость — *наполовину* поражение… и т.д. [Абдельфаттах: 49-50]

Терпение — это *полпути* к радости [Абдельфаттах: 49]. В исламской традиции терпение — это одно из достоинств верующего. Например, пророк Мухаммад относил к этой категории человеческого характера совершение хаджа в Мекку, который требовал от паломника немалых физических и духовных усилий в выполнении всех обрядов хаджа, и говорил, что за совершение «безупречного хаджа не будет иного воздаяния, кроме Рая» [Сахих аль-Бухари, 2008: 319]. Но не только арабы и мусульмане ценят терпение. В православной вере и русских традициях — это тоже достойное качество: *За терпение даёт Бог спасение* [Даль, 2000: 67].

Однако в пословицах и поговорках мы чаще встречаем целые числа. Рассмотрим некоторые из них.

1. ***Один*** (вахид), ***первый*** (авваль)

Как и во многих культурах число *один, первый* обозначает *единичность, единство, первичность, начало.* В арабских пословицах мы можем найти большое количество примеров на употребление этого числительного. Безусловно, всего привести невозможно, учитывая количество арабских стран, но есть некоторые примеры, которые, хотя и отличаются по употреблённым лексемам, отражают общее представление о том или ином явлении.

Один — единичность

В арабских пословицах и поговорках число ***один*** в значении *единичности* употребляется в диаметрально противоположных смыслах. Например, ***Одной*** *рукой не хлопают в ладоши* (ОАЭ) [Сандал, 2004: 150], ***Одной*** *рукой* (*много*) *не ухватишь* (пал.) [Любани, 1999: 186]; ***Одним*** *пальцем не умоешься* (сомал.) [Сомалийские пословицы и поговорки, 1983: 31]. Следует отметить, что и русский народ в пословицах закрепил такое же понимание: *Одной рукой и узла не завяжешь, Одна пчела немного мёду натаскает* [Даль, 2000: 489]. Эти пословицы призывают к сотрудничеству, к объединению усилий, поскольку

одному противостоять действительности очень непросто. С другой стороны, арабские пословицы положительно оценивают фактор *единичности*, если речь идёт об организации какого-то процесса, дела: *Дом, где* ***одна*** *хозяйка — хоромы, а где две — в разоре* (сир.) [Таха, 2002: 431]; *Дом, где четыре хозяйки — «гадюшник» (в арабском варианте — место обитания гиен), а где* ***одна*** *— кипит жизнь* (иор.) [Амед, 1999: 155]. То есть, *единоначалие* рассматривается как основа порядка и стабильности, процветания и успеха. Это прямой призыв ограничить количество руководителей одним и тем же делом, которое в результате различия мнений не двигается с места, или здесь воцаряется хаос (Ср. с рус.: *Две медведицы в одной берлоге не уживаются*).

Число *один* в арабских пословицах и поговорках не самое распространённое. В большей степени в них присутствует порядковое числительное первый в разных ипостасях.

Первый – порядковый номер

Первый, как и число *один*, используется в пословицах в разных значениях. Как порядковое числительное, оно может иметь при себе другие порядковые числа. Например: *Гость в* ***первую*** *ночь — сияющий факел, на вторую — повод для рыданий, а на третью — просто негодяй* (пал.) [Любани, 1999: 483]. Эта пословица является отражением правил арабского гостеприимства. В соответствии с ними гость (речь идёт чаще о незваных гостях) пользуется вниманием хозяина три дня. В это время ему оказывают почёт и уважение, угощают, слушают его рассказы. Но если гость затягивает визит, хозяин в праве деликатно указать ему на дверь, начав спрашивать о том, кто он, какова цель его приезда и т.д. Считается, что через три дня гость становится обузой для хозяина, который должен возвращаться к повседневным делам.

Порядковые числительные, в том числе и *первый*, используются в пословицах для освещения других важных сторон жизни арабов. Например, вопросов брака. Известно, что мусульманин может иметь четыре жены одновременно, но не всегда это приветствуется. На этот счёт есть такие высказывания: ***Первая*** *жена — словно сахар. Вторая — ради щегольства. Третья — жизнь портит, а четвёртая до могилы доведёт* (пал.) [Любани, 1999: 182] или ***Первая*** *жена — «первый блин комом» (горький опыт), вторая — как сахар, третья – как доказательство мужественности, а четвёртая до могилы доведёт* (сир.) [Таха, 2002: 430]. Так высмеивают человека, который всеми силами пытается доказать, что он и физически, и морально, и финансово способен реализовать своё право на подобный брак.

Первый в своём прямом значении чаще несёт положительный смысл. Например: ***Первые*** *плоды продлевают жизнь* (пал.) [Любани, 1999: 131]. Палестинские крестьяне предпочитают употреблять в пищу свежие плоды, справедливо полагая, что они полезнее для здоровья, чем лежалые. Таким образом, смысл высказывания заключается в том, что чем раньше начать что-то делать, тем успешнее и лучше будет результат. Русский фольклор также зафиксировал эту истину: *Кто рано встаёт, тому Бог подаёт.*

Первый — начало

Числительное *первый* в арабских пословицах и поговорках, как и во многих других языках, обозначает также *начало*.

Арабы говорят: ***Первый*** *танец — что лошадиная скачка* (сир., пал.) [Таха, 2002: 515; Любани, 1999: 182]; *Начинающий танцор скачет* (*как лошадь*) (иор.) [Амед, 1999: 123]. Действительно, в начале не всё получается и идёт гладко. Но по мере того, как человек набирается опыта, дело начинает налаживаться. В русском языке существует близкое по смыслу выражение *Лиха беда начало.*

Понятие *начало* с применением слова *первый* связывается арабами с идеей, что малое может стать *началом* чего-то большого, какого-то прогрессирующего в сторону постоянного увеличения процесса. *Дерево вырастает из косточки* (***Сначала*** *дерево бывает косточкой*) (ливан.)[5]. Ара-

[5] معجم الامثال. الايمان *Аль-иман: Сборник пословиц.* № 267. URL: http://www.al-eman.com/ (дата обращения: 04.10.2020).

бы также говорят: ***Начало** дождя — капля, а потом он льёт как из ведра* (араб., сир.)[6] [Таха, 2002: 515]. Другими словами, любое большое дело или значительное явление начинается с малого, иногда робкого, шага. *Из искры разгорится пламя* — вторит арабским пословицам русская.

Начало в арабских пословицах также неразрывно связано с понятием *конец*. Однако *начало* чего-либо не всегда ведёт к желаемым результатам. Часто за этот результат приходится расплачиваться. Особенно это касается негативных эмоций или действий. ***Начало** гнева — безумие, ибо в конце* (***конец** гнева*) *наступает раскаяние* (пал., сир.) [Любани, 1999: 182; Таха, 2002: 606]. Пословица является отражением высказывания пророка Мухаммеда о необходимости владеть собой и своими чувствами. Он говорил: «*Не тот силён, кто побеждает многих, силён лишь тот, кто* (*способен*) *владеть собой в гневе*» [Сахих аль-Бухари, 2008: 772]. Толкователи Хадисов считают, что Пророк рассматривал гнев как проявление слабости человека, которая наносит ущерб прежде всего самому человеку, потому что в гневе человек часто не отдаёт себе отчёта в своих поступках. (Ср. рус.: *Кто гнев свой одолевает, тот крепок бывает* [Даль, 2000: 74]). Другой пример оценки неразумного поведения: *Насмешка **начинается** с оскорбления, а заканчивается побоями* (сир.)[7]. В Сирии также бытует и другой вариант этой пословицы: *Насмешка **в начале** веселит, а потом* (*в конце*) *оборачивается огорчением* (сир.)[8]. У арабов, которые очень щепетильны в вопросах чести, будь то личной или чести семьи и её членов, такие неосторожные действия или слова могут реально привести к рукоприкладству.

*Не бывает **начала** без конца,* говорят ливанцы (ливан.)[9]. В данной пословице отражена мысль о том, что у всего есть начало и конец, будь то доброе или не доброе дело, добрый или злой замысел. Поэтому, начиная что-либо, надо думать о том, чем это может закончиться: *Начиная дело, о конце помышляй!* [Даль, 2000: 307].

Иногда эти думы о *конце* приводят к тому, что человек кардинально меняет свою позицию, подстраиваясь под обстоятельства, выбирая более приемлемое для себя решение. Про таких арабы говорят: *Изменил **первоначальный** вид* (*Аль-авваль атхавваль*) (ОАЭ) [Сандал, 2004: 20], то есть *Переобулся в воздухе, на ходу,* говоря современным языком.

Наблюдая за природой и жизнью живых существ, арабы заметили, что некоторые явления имеют сходство в начале своего жизненного цикла и в его конце. Так поведение и уровень разумности, например, человека в детском возрасте и старости бывают похожи. Дети ещё ничего не знают, заняты играми и окружены заботой. И в старости люди часто впадают в детство, многое забывают, ведут себя подобно малым детям и требуют заботы и ухода. Из этого наблюдения, вероятно, и родилось высказывание: *В **начале*** (*жизни*) *мы младенцы, и в конце — мы младенцы* (лив.) [Ливийские народные пословицы, 1988: 22]. К такому же выводу пришёл и русский народ: *Старый, что малый, а малый, что глупый* [Даль, 2000: 223].

Другие жизненные наблюдения приводят к мысли о том, что *начало* может быть трудным, но в *конце* человека ждёт достойное вознаграждение: ***Сначала** терпение горько, а потом сладко* (пал.) [Любани, 1999:182]. Это чаще относится к верующим, которым воздастся Аллахом за все тяготы их жизни пребыванием в Раю. Это — призыв терпеть, не роптать на жизнь, достойно преодолевать трудности, ведь Аллах с теми, кто терпит (пал.) [Любани, 1999: 182].

***Вначале** девочек презирают, не любят, а потом им завидуют* (пал.) — (имеется в

---

6 Баранов Х.К. 1984. *Арабско-русский словарь: Ок. 42000 слов.* 6-е изд., стереотип. Москва: Изд. «Русский язык». 944 с. С. 576.

7 Гаддар Салем. *Наследие человечества.* URL: http://alrai.com/article/625574.html (дата обращения: 04.10.2020). · غدار سالم.. تراث البشرية.

8 *Сирийские пословицы.* URL: https://ar.wikiquote.org/wiki/ (дата обращения: 04.10.2020). الامثال السورية.

9 *Аль-иман: Сборник пословиц.* № 267. URL: http://www.al-eman.com/ (дата обращения: 04.10.2020). معجم الامثال. الايمان

виду, когда они хорошо выходят замуж, за достойных людей) (пал.) [Любани, 1999: 224]. Любой мусульманин, араб, хочет, чтобы у него были мальчики-наследники, потому что дочери — это отрезанный ломоть. Девушка, выходя замуж, покидает дом. Её дети — это наследники рода мужа. Поэтому не всегда дочери желанны. До ислама был обычай — закапывать девочку-первенца живьём. Мухаммед отменил этот обычай, но историческая память народа сохраняет отзвуки этого явления. Вместе с тем, дочь — это «хороший товар», поэтому девочек холят, лелеют, чтобы хорошо выдать замуж (Ср. рус.: *Холь да корми, учи да стереги, да в люди отдай* [Даль, 2000: 240]).

Первый (последний) — прошлое (настоящее или будущее)

Числительное *первый* часто сопровождается в арабских пословицах прилагательным *последний*, а иногда числительным *второй* в значении *прошлое — будущее либо настоящее. У кого нет* ***первого****, у того нет и второго* (ОАЭ, пал.) [Сандал, 2004: 15, Любани, 1999: 132] — считают жители Палестины и Эмиратов. Другими словами, у кого нет ***прошлого***, у того нет и ***настоящего*** (по версии арабских комментаторов) или будущего. В этой пословице отражена та почтительность, с которой арабы относятся к своей истории. Они не только хорошо её знают, но и заслуженно гордятся достижениями своих предков.

Первый, последний в значении«лучше», «хуже»

Кроме того, в пословицах арабских народов *первый — последний* также обозначает *лучше — хуже.* Палестинцы говорят: *Мы не* ***последние*** *из людей и не* ***первые*** *их них* (пал.) [Любани, 1999: 31], то есть *Мы не хуже и не лучше других.* Каждый человек должен знать и осознавать свои возможности и способности и не стремиться доказывать, что он лучше других, но в то же время не нужно принижать себя и свои достижения.

У упомянутого выше Сиддыка Абдельфаттаха есть подборка на числительное под названием «Один из двух». В этом разделе говорится, что некие явления, действия, предметы являются одной из двух сторон других явлений. Например:

Калам (*зд. письмо*) — *один* из видов языка.

Любовь (страсть) — *один* из двух видов рабства.

Язык — *один* из двух видов оружия (мечей).

Судьба (рок) — *один* из двух воспитателей.

Мнение — *один* из двух видов борьбы [Абдельфаттах: 51-52].

2. Два

Число *два* в исламе, как утверждают, означает дух. В народных пословицах и фразеологических оборотах, на наш взгляд, это не находит своего отражения. В них *два* и *второй* выступают в своём реальном обличии, то есть как числительные.

Фразеологизмы с использованием грамматической формы двойственного числа

В арабском языке существует грамматическая форма *двойственного* числа, обозначающая *одним* словом *два* предмета, которая чаще используется с прилагательным, обозначающими цвет, но не только.

Говоря *асвадани «два чёрных»,* арабы имеют в виду либо *змею и скорпиона,* либо *финики и воду.* Возможно, это связано с тем, что обе эти пары объединены рядом общих признаков. Шкура змеи и хитин скорпиона могут иметь чёрный цвет, или их яд может быть чёрного цвета. А чёрный цвет — это, как правило, угроза, смертельная опасность, которая исходит от этих двух существ. Что касается второй пары — фиников и воды, которые всегда имели огромное значение для бедуинов, — то упоминание о них связывают с женой пророка Мухаммеда, Аишей, как-то сказавшей, что у них не осталось ничего, кроме *двух чёрных,* то есть фиников и воды. Существует несколько толкований её слов и, соответственно, этого выражения. Некоторые полагают, что Аиша говорила о достаточном количестве воды и фиников в доме пророка, так как арабы слово *чёрный* ассоциируют с *большим количеством.* Другие исходят из того, что цвет созревших фиников тёмный, почти чёрный, как и цвет воды в колодцах.

Ещё ряд примеров с использованием двойственного числа. *Асфарани* (*два жёлтых*) обозначает *золото и шафран.* Древние арабы золото называли просто *жёлтое*. Его ценность понятна. Шафран же — пряность, которая придаёт блюдам золотисто-жёлтый цвет, — ценится на Востоке не меньше. *Ахмарани* (два красных) — это *мясо и хлеб, мясо и вино, золото и шафран*. Если с первыми двумя парами всё более или менее понятно: мясо и вино обычно красного цвета, корочка свежеиспечённого хлеба имеет красноватый оттенок, то третья пара требует некоторых пояснений. В арабских странах для изготовления украшений часто используется золото с высоким содержанием *меди*, которая придаёт ему *красноватый* оттенок, а шафран имеет широкую цветовую гамму — от ярко жёлтого до ярко красного. Эти выражения вошли в арабскую пословицу *Мужчин погубят два красных — вино и мясо, а женщин два жёлтых — золото и шафран.*

Приведём ещё несколько примеров с двойственным числом, не связанных с цветовой палитрой. *Абрадани* (*два самых холодных*) так арабы характеризуют *раннее утро и вечер*[10]. Несмотря на то, что арабские страны отличаются жарким климатом, в некоторые периоды и некоторых регионах температура ночью и ранним утром может опускаться до довольно низких значений. *Асгарани* (*два самых малых*) — *сердце и язык.* Возможно, эти два довольно маленьких органа могут играть в жизни человека очень значимую роль. Недаром арабская пословица гласит: *Человека судят по его сердцу и языку*[11]. Для арабов *язык* — орган говорения — имеет большое значение, так как он ассоциируется со *словом*. А к слову они относятся очень щепетильно. Слово может вдохновить и воскресить, а может ранить и даже убить. Причём не в фигуральном смысле, а в прямом. Арабы говорят: *Смерть человека спрятана между его зубами.* А во рту между зубами находится язык. И тот, кто не умеет его держать за зубами, может поплатиться жизнью.

Двойственное число используется в пословицах для обозначения двух предметов, выраженных также и существительными. Например, *Сбил **двух** птиц одним камнем* (пал., иор.) [Любани, 1999: 480; Амед, 1999: 316]: так говорят про человека, который смог за один раз решить сразу две проблемы. В подобных случаях русские говорят: *Убить сразу **двух** зайцев.* В Иордании бытует пословица ***Два** удара по голове бываю весьма болезненными* (иор.) [Амед, 1999: 316]. Смысл её заключается в том, что повторение невзгод могут усугублять ситуацию и приносить ещё больше страданий. Возможно, это арабское выражение в какой-то степени можно сравнить с русским *Наступить на те же грабли,* то есть снова попасть в неприятную историю, повторить ошибки, которые уже однажды приводили к негативному результату.

Два (***число***) — иснани (иснейни), ***второй*** (ас-саани)

Кроме двойственного числа, в арабских пословицах используется также слово, которое обозначает числительное *два*. Причём в этом случае существительное или прилагательное, которое подразумевается, не используется. Например, ***Двое** одолеют одного сильного* (пал.) [Любани, 1999: 21]. Речь идёт о том, что сообща и *двое* слабых могут победить одного превосходящего их в силе противника. Но само слово *слабые* не прописано в пословице. Оно возникает как образ при сопоставлении со словом *сильный*. Кроме того, палестинцы считают, что ***Два** мнения лучше одного* (пал.) [Любани, 1999: 371], так как обмен мнениями позволяет найти наиболее благоприятный путь к решению того или иного вопроса. Данные пословицы служат призывом к сотрудничеству и совместной работе, когда сообща можно преодолеть самые большие сложности и решить самые трудные задачи. Такую же смысловую нагрузку несёт и русская пословица *Одна голова — хорошо, а две — лучше.*

[10] Баранов Х.К. 1984. *Арабско-русский словарь: Ок. 42000 слов.* 6-е изд., стереотип. Москва: Изд. «Русский язык». 944 с. С. 64.

[11] Баранов Х.К. 1984. *Арабско-русский словарь: Ок. 42000 слов.* 6-е изд., стереотип. Москва: Изд. «Русский язык». 944 с. С. 438.

За ***две*** *вещи можно умереть — за свою землю и честь* (пал.) [Любани, 1999: 22]. Для арабов, особенно палестинцев, защита родной земли — это вопрос принципа, более того, вопрос сохранения себя как этноса. Для всех арабов издревле защита чести — личной, семьи, рода — долг. Вопрос защиты родины и чести также не чужд и русскому народу: *С родной (родительской) земли — и умри, не сходи* [Даль, 2000: 207].

Вместе с тем, число *два* в пословицах может означать *избыточность*, ведущую к хаосу, неразберихе и провалу дела. Например, *Если на корабле* ***два*** *капитана, он утонет* (пал.) [Любани, 1999: 770]; *У* ***двух*** *рулевых лодка разбивается* (сомал.) [Сомалийские пословицы и поговорки, 1983: 29]. Эта пословица говорит о том, что делом должен руководить один человек, иначе *У семи нянек дитя без глазу.*

В книге Сыддыка Абдельфатаха числительное *два* представлено *двумя* объектами любви, которые не согласуются друг с другом. Например:

Любовь к Богу и прегрешения.

Самопожертвование и корыстолюбие (любовь к деньгам).

Стремление к справедливости и властолюбие… и др. [Абдельфатах: 53].

Второй (ас-саани)

Порядковое числительное *второй* также часто встречается в арабских пословицах. Однако оно, как правило, либо окрашено негативно и противопоставляется действиям *первого*, либо становится «жертвой» первого участника пословицы.

В Сирии говорят: *Один носит бороду, а* ***второй*** *устал спрашивать: «Зачем?»* (сир., пал.) [Таха, 2002: 255, Любани, 1999: 851]. Эта пословица характеризует человека, который постоянно вмешивается в чужие дела. Но есть люди, поведение которых не просто дань их любопытству, а создаёт ещё больше трудностей и проблем тем, на кого обращён их взор. И про таких людей существуют пословицы с весьма натуралистичным и жестоким содержанием. Например, *У одного борода горит, а другой* (***второй***) *зажигает от неё сигарету* (сир.) [Таха, 2002: 137]. У палестинцев есть свой вариант такого чёрного юмора: *Одному отрубили руку, а* ***второй*** *просит её, чтобы обтянуть барабан* (пал.) [Любани, 1999: 871]. Однако, как уже было сказано выше, есть ситуации, отражённые в пословицах, где *первый* участник создаёт проблемы *второму*. В Палестине про человека, у которого беспрестанно появляется потомство, а заботится о нём и несёт все расходы другой, говорят: *Один семена даёт* (*детей плодит*), *а* ***второй*** *берёт заботу о них на себя* (пал.) [Любани, 1999: 871]; *Один сделал дело, а другого за это избили до синяков* (марок.) [Саурийа, 2017: 7]. Эти пословицы ряд арабских исследователей трактуют как *Валить с больной головы на здоровую.*

3. ***Три*** (саляяс), ***третий*** (саалис)

Идея триединства составляет основу многих древних философских и религиозных учений. С тройкой связаны три измерения пространства: длина-ширина-высота; состояние вещества: твёрдое — жидкое — газообразное (пар); время: прошлое — настоящее — будущее; жизненный цикл человека: рождение — жизнь — смерть; цикл всего сущего: начало — середина — конец.

Возможно, поэтому число *три* широко используется в арабских пословицах. Так, например, арабы говорят: *Гостю почет —* ***три*** *дня* (араб., пал.) [Любани, 1999: 623]; *Гостеприимство —* ***три*** *дня и ещё* ***треть*** [Амед, 1999: 320]. Выше, в разделе ***Первый***, мы уже упоминали традиции гостеприимства у арабов. Эти же правила были закреплены Мухаммедом, который говорил: *«День и ночь,* (*всего же*) *гостеприимство* (*следует оказывать*) *в течение* ***трёх*** *дней, а всё, что сверх этого, будет уже садакой для него»* [ан-Нababи, 2007: 301]. Садака — это добровольная милостыня, которую мусульманин может подать человеку сверх обязательной выплаты религиозного взноса (*закята*).

В Палестине бытует и такое высказывание: ***Три*** *вещи ненадёжны: море, правитель и время* (пал., сир.) [Любани, 1999: 268; Таха, 2002: 178]. Будучи хорошими мореходами и знатоками морей и океанов, арабы сделали вывод, что море — коварно. Правители бывают самодурами, нельзя доверять ни их словам, ни их обещаниям. Ну, и наконец, время. Времена меняются. То, что было плохо либо хорошо в один пе-

риод, могут поменяться местами в другой. Если сегодня кому-то улыбается судьба, завтра она может повернуться к человеку спиной. Нельзя считать, что всё навсегда остаётся неизменным. В Сирии есть ещё один вариант, для выражения мысли *всё течёт, всё изменяется.* ***Трём*** *вещам нельзя доверять: коню, мечу и женщинам* (сир.) [Таха, 2002: 327], — говорят сирийцы. Что касается женщин, то, наверное, посыл понятен всем. Непостоянство чувств, желаний, настроения женщины не являются ни для кого секретом. А вот ненадёжность меча и коня, которые для арабов всегда были символами мужественности, неотъемлемой частью образа настоящего мужчины, может вначале вызвать недоумение. Но оно проходит, если вспомнить другие арабские пословицы, такие как *Заботься о своём коне, и он тебя сбережёт. Предашь своего коня, и он тебя предаст.* В этой пословице заключён главный принцип взаимности. Все друг от друга зависят. Если относиться к коню с уважением и вниманием, то он будет не просто средством передвижения, а другом, и часто даже спасителем. А если кто-то пренебрегает своими друзьями, соратниками, то в трудную минуту может не дождаться от них помощи. Поэтому нужно всегда искренне уделять внимание тому, от кого может зависеть не только благополучие, но и сама жизнь. А что касается меча, то эту мысль, возможно, дополняет и расшифровывает ещё одна пословица: ***Три*** *вещи не одалживаются* (*не даются взаймы*): *оружие* (*ружьё, порох*), *жена и лошадь* (пал.) [Любани, 1999: 269]. Оружие, как уже говорилось, символ мужественности и силы. За ним надо ухаживать, его нельзя никому передавать, ибо в нужный момент оно окажется либо бесполезным, либо его вообще не будет рядом. Понятно, что порох — неотъемлемая часть огнестрельного оружия. Поэтому нельзя его одалживать, чтобы в минуту опасности не оказаться безоружным. А жена для арабов — это запретное для чужих. Если её не уберечь, позор ляжет на весь род.

Ещё три вещи доставляют арабам неприятности. Они говорят: *Есть* ***три*** *непереносимых вещи: клопы, нытьё* (*или пустая болтовня*) *и крики, шум* (пал., сир.) [Любани, 1999: 268; Таха, 2002: 606]. Невозможно терпеть укусы клопов (или вшей), потому что потом всё тело чешется и зудит; когда кто-то постоянно ноет и жалуется на жизнь, а также крики и шум разного происхождения, не дающие ни жить, ни работать, ни отдыхать и т.д. Эта пословица характеризует чьи-либо действия, раздражающие, как укусы насекомых, или когда кто-то, не предлагая ничего полезного, лишь сотрясает воздух, или когда шум не связан ни с работой, ни с праздниками, ни с другими событиями, естественным образом сопровождаемыми громкими звуками (например, плач младенца), хотя в характере многих арабских народов экспрессия и бурное выражение чувств — это вполне обычное явление. Кроме того, в данной пословице можно предположить наличие призыва к терпеливому преодолению всех других трудностей и проблем, которые не попадают в поле действия перечисленных в ней негативных явлений.

В другой пословице также выделяются три вещи, которые бросаются в глаза с первого раза: ***Три*** *вещи нельзя скрыть: любовь, женское сумасбродство* (*или замешательство*) *и езду на верблюде* (*на его спине*) (пал., сир.) [Любани, 1999: 268; Таха, 2002: 368]. Когда человек влюблён, это видно по его поведению, поступкам, как бы он не пытался скрыть свои чувства. Женские капризы, неадекватность её поведения видны всем. Укрыться от взглядов даже в паланкине с занавесками, сидя на спине верблюда, просто нереально. Как и в предыдущей пословице, в данной есть подтекст. Не обязательно все свои проблемы выставлять на показ. Многое можно решить или сделать самостоятельно, тихо, не привлекая лишних людей, которые часто не только не помогают, а, наоборот, лишь оповещают всех и каждого о существующих у кого-то трудностях.

Но есть *три* позитивные вещи, о которых говорят в Иордании и Палестине: ***Три*** *вещи продляют жизнь: просторный дом, послушная жена и быстрый конь* (иорд., пал.) [Амед, 1999: 172; Любани, 1999: 268]. Хороший, просторный дом — это место, где можно принять многочисленных гостей и в то же время найти уединение. Жена, ко-

торая слушается мужа, не скандалит и не капризничает, делает дом уютным и продлевает благополучие семьи. А быстрое средство передвижения экономит силы. И не важно, конь ли это, автомобиль или мотоцикл.

Число *три* также может символизировать понятие *много* и иметь негативное значение. Например, палестинцы, высмеивая тех, кто хочет иметь несколько жён, говорят: *Дом, где одна хозяйка, процветает, где две — пребывает в беспорядке, а где* ***три*** *— лежит в развалинах* (пал.) [Любани, 1999: 233]. Такое отношение к многожёнству понятно, потому что каждая жена хочет занять главенствующее положение и добиться выполнения от других своих желаний и поручений. Но чаще всего это не находит понимания, и в результате всё идёт хуже некуда, а порядка как не было, так и нет. Такое представление о многожёнстве мы можем встретить и в других пословицах, в которых встречаем также и число *четыре*.

(Первый, второй) ***третий***

Порядковое числительное *третий*, как правило, связано с числительными *первый* и *второй*.

Выше мы говорили о правилах гостеприимства, которые предполагают трёхдневное пребывание гостя в доме хозяина. Эта обязанность принимающей стороны была отражена и в арабских пословицах. При этом не всегда такие правила соответствовали настроению хозяев: *Гость в первую ночь — сияющий факел, на вторую — повод для рыданий, а на* ***третью*** *— просто негодяй* (пал.) [Любани, 1999: 483]. Существует и более грубый вариант этой пословицы: Первый день — свет в окошке, второй день — аллергия, на третий — свинья свиньёй (ирак.) [Рзаев, 1993: 31]. Более сильная негативная характеристика непонятливого или бессовестного гостя заключена в последних словах, в которых такой визитёр сравнивается со свиньёй. Ведь у мусульман свинья — нечистое животное, есть её мясо запрещено. И если человек так характеризует гостя, то это значит, что последний мог нарушить все правила приличия. У русского народа тоже есть поговорки, в которых непонятливость гостей находит своё отражение: *Не радуйся гостину приезду: радуйся отъезду* [Даль, 2000: 495].

Вместе с тем, присутствие гостя, особенно в отдалённые времена, давало возможность узнать новости и предстать в хорошем свете в глазах чужака, чтобы вести о гостеприимстве такого-то человека разошлись как можно дальше. Поэтому говорят: *Гостя встречают как принца, держат как пленника, а провожают как поэта* (иор., пал.) [Амед, 1999: 320; Любани, 1999: 483]. Это восходит к древним традициям, когда поэты-сказители были своего рода источниками информации. В своих балладах, поэмах они описывали события, происходящие вокруг них и с ними, передавали истории других. И хозяину необходимо было хорошо принять чужака, иначе о нём может распространиться дурная слава. Недаром эта же по сути мысль заложена и в русской пословице: *Чужой человек в доме — колокол* [Даль, 2000:496].

В арабских странах одним из символов гостеприимства является кофе. Предлагая кофе, хозяин дома подчёркивает свое добросердечное отношение к людям. Для встречи друзей не обязательно готовить богатый стол, достаточно позвать на чашечку кофе. И в пословицах, посвящённых правилам его подачи мы также находим тройственный подход: *Первая чашка кофе для гостя, вторая для удовольствия, а* ***третья*** *для меча* (араб.)[12]. Кофе гостю подаётся *не менее трёх* раз. От первой чашки нельзя отказываться, чтобы не оскорбить хозяина. Если отказаться от второй чашки, хозяин не обидится. Третья чашка кофе в прошлом имела особый смысл. Того, кто её выпивал, с хозяином дома связывали неразрывные узы и в радости, и в горе, как в русской традиции людей связывают узы побратимства. С этого момента гость должен был вместе с хозяином участвовать в

[12] *Чёрный кофе в арабских традициях.* 28. 05.2008. URL: http://www.20at.com/newArticle.php?sid=3155 (дата обращения: 04.10.2020).

войнах или устанавливать мирные отношения; враждовать с его врагами и дружить с его союзниками, даже если среди врагов находятся его (гостя) родственники, а среди друзей — враги. Чашка кофе *«для меча»* была своего рода военным и гражданским союзническим договором. При этом существует некоторое противостояние между городским населением и бедуинами, которые живут часто не в простых условиях, и для которых приготовление кофе, который они очень любят, может оказаться непростым процессом. Поэтому при подаче кофе они рассчитывают на совестливость гостя. Про таких бедуинов, которые оценивают гостя по количеству чашек выпитого кофе, говорят: *Первая чашка кофе для удовольствия, вторая может быть уже лишней, а* ***третья*** *— говорит о бесстыдстве гостя* (пал.) [Любани, 1999: 182].

Числительное *третий* присутствует и в других пословицах. Например, в Иордании и Сирии говорят: ***Третья*** *попытка — верная* (иор., пал.) [Амед, 1999: 171; Любани, 1999: 268]. Арабы считают, что после двух неудач человеку должно повезти на третий раз. В русском языке мы тоже встречаем выражение, которое также говорит о том, что какие-то действия, события повторяются три раза: *Бог троицу любит.* Хотя, по нашему мнению, русский вариант является более широким по смыслу.

В книге Сиддыка Абдельфаттаха числительному *три* также уделяется большое внимание. Но автор следует своему правилу и объединяет в «тройки» различные человеческие качества, которые характеризуются тем или иным отношением к ним. Например:

Три вещи вызывают неприятие — жестокость, пессимизм и неблагодарность;

Три вещи вызывают одобрение — сила разума, покровительство, сочувствие;

Три вещи вызывают радость — красота, свобода и искренность;

Три вещи необходимы — здоровье, великодушие и верный друг;

Три вещи вызывают одобрение — преданность, добронравие и справедливость;

Три вещи, которые надо избегать — лень, шутка (насмешки) и домыслы [Абдельфаттах: 58].

Египетский филолог стремится классифицировать человеческие достоинства и пороки, качества и предметы или явления, которые помогают или мешают человеку. В традициях арабского воспитательного чтения — *адаба* — он показывает, как нужно или непозволительно себя вести. Например, он говорит: «Есть *три* категории людей — *предшественник, преемник и сокрушитель.* Предшественник — это тот, от кого предки человека унаследовали честь и достоинство. Преемник — это тот, кто унаследовал от предков честь и достоинство. Разрушитель — это тот, кто уничтожил честь и достоинство своих предков» [Абдельфаттах: 58].

Другими словами, в его книге назидания обличены в числовую форму, что служит лучшему усвоению содержащихся в ней идей.

4. Четыре, четвёртый

В исламе часто используют не только триаду каких-то предметов или явлений, но и *четвёрку*. В исламскую четвёрку входит принцип — творец, мировой дух, мировая душа, изначальная материя.

В пословицах и поговорках с числом *четыре* связаны более приземлённые понятия, которые часто имеют значение *много*. Например, *Прядут* ***четверо****, а вся слава одной хозяйке дома* (иор.) [Амед, 1999: 45]. В этой пословице осуждается тот, кто сам ничего не делает, а плоды труда многих присваивает себе или выдаёт чужой труд за свой, чтобы прославиться. Среди русских пословиц мы находим близкие по общему содержанию выражения: *Белые ручки чужой труд любят* [Даль, 2000: 313]. Однако в русских пословицах чаще отображена картина, когда работников мало, а охотников до их трудов много: *Двое пашут, а семеро руками машут; Один с сошкой, а семеро с ложкой* [Даль, 2000: 311-312].

С числом *четыре* связана такая реалия жизни арабских стран, как возможность иметь одновременно четыре жены. Мы уже упоминали об этом. Эта возможность для большинства людей нереализуема, так как имеются определённые условия, которые выполнить может только весьма обеспеченный человек. Поэтому стремление во что бы то ни стало взять в жёны

четырех женщин подвергается насмешкам, принявшим форму пословиц: *Первая жена — словно сахар. Вторая — ради щегольства. Третья — жизнь портит, а* ***четвёртая*** *до могилы доведёт* (пал.) [Любани, 1999: 182].

В Сирии порядок оценки жён, с точки зрения их влияния на мужа, немного другой, но финал тот же: *Первая жена, как мраморная статуя, вторая — как сахар, сладкая; третья — для престижа, а* ***четвёртая*** *до могилы доведёт* (сир.) [Таха, 2002: 430].

В значении *много* в числе *четыре* также содержится негативная оценка ситуации: *В доме, где* ***четыре*** *хозяйки, царит хаос, где три —* (*сам*) *засучивай рукава* (*и наводи порядок*), *где две — разорение, а где одна — кипит жизнь* (пал.) [Любани, 1999: 233].

В этой пословице содержится мысль о том, что делом должен руководить один человек. Различие мнений часто не только не помогает в реализации задуманного, а может вообще привести к краху.

Сиддык Абдельфаттах в своих «золотых числах» следующим образом подаёт число *четыре*, которое объединяет те или иные человеческие черты:

Четыре черты, за сдерживание которых человек заслуживает Райских садов: это умение владеть собой в *желании, угрозе, гневе и вожделении.*

Четыре вещи, которые не должен позволять себе умный (здравомыслящий) человек: *спешку, назойливость, самолюбование, слабость* (*нерадение*).

Четыре недолговечных вещи: *симпатия* (*дружба*) *злодеев; дом, который не пользуется уважением; прибыль, которая никуда не тратится; нечестные деньги.*

Четыре вещи, которые могут погубить человека (мужчину): *любовь к женщинам, азартные игры, охота, вино.*

Четыре качества, возвышающие человека, даже если он этого и не знает: *доброта* (*кротость*), *скромность, щедрость, добронравие.*

Отдых человека заключается в *четырёх* вещах:

отдых для души в *малом количестве грехов;*

отдых для сердца в *малом количестве иллюзий;*

отдых для языка в *немногословии*;

отдых для тела в *малом количестве еды* и др. [Абдельфаттах: 61].

Следует обратить внимание на то, что это — общечеловеческие качества или правила поведения. Обладать ими или выполнять их необходимо в любом обществе, не зависимо от того, восточное оно или западное, христианское или мусульманское. Это общий нравственный человеческий код, выраженный в числах.

5. Пять, шесть; пятая, шестая часть

Числа *пять* и *шесть* не самые употребляемые в арабских пословицах и поговорках. Наиболее известно выражение, в котором эти числа представлены долями — *пятой* и *шестой*, вернее, однокоренными словами, означающими *пятидневный* (химс) и *шестидневный* (сидс) период времени. Арабы говорят: *Выдавал химсы за сидсы* или *Примерял пятую часть к шестой* (араб.)[13]. Эти выражения имеют значение *строить догадки* или *хитрить*. На чём основано такое понимание? В первом случае арабы говорят об очень придирчивом человеке, который проверяет свои догадки и предположения, подходя к вопросу с разных сторон. Во втором — речь идёт о хитрости и смекалке. Эти представления восходят к кочевому образу жизни бедуинов. Любой кочевник — араб, бербер или туарег знает, что верблюд может обходиться без воды ***пять*** дней — химс. Однако хозяин верблюда стремится «растянуть» этот срок, прибегая к хитрости, чтобы приучить животное обходиться без воды всё более и более длительное время. Это выражение известно во всех арабских странах и является характеристикой хитрого и смекалистого человека.

[13] Баранов Х.К. 1984. *Арабско-русский словарь: Ок. 42000 слов.* 6-е изд., стереотип. Москва: Изд. «Русский язык». 944 с. С. 238.

В русском менталитете подобные «упражнения» также нашли своё отражение в виде пословиц и поговорок: *На что умному нужно шесть дней, то хитрый сделает в пять*[14].

Корень, обозначающий *пять*, присутствует в арабском слове *четверг*. Поскольку *воскресенье* в арабском языке обозначено как *первый* день недели, то *четверг* оказывается *пятым* днём недели. В таком виде пять используется в пословицах в арабских странах. Например, в Иордании говорят: *Четверг, как ослик, везёт пятницу* (иорд.) [Амед, 1999: 220]. Имеется в виду, что за одним днём следует другой день недели, и нет особых, значимых различий между ними. Данная пословица говорится, когда хотят подчеркнуть, что между обыденными событиями или явлениями нет существенной разницы. Также слово четверг используется в другой арабской пословице, которая распространена в Палестине. Там говорят: (*Настал*) ***четверг***, *помноженный на* ***пять*** (пал.) [Любани, 1999: 337]. Это означает, что четверг совпал с 25 декабря, когда палестинцы-христиане не работают и остаются дома, чтобы встретить Рождество.

Числа *пять* и *шесть* встречаются в сирийской пословице, которая осуждает лень: ***Пять шестёрок*** *в её услужении, и она сама даже носа не вытрет* (дословно: ..., *и она так и будет сверкать сопливым носом, но сама его не вытрет*) (сир.) [Таха, 2002: 586].

Среди сомалийских народных изречений мы встречаем числа *шесть* и *шестьдесят* в такой пословице: *Укус змеи, полученный тобой в* ***шесть*** *лет, в* ***шестьдесят*** *тебя с ног валит* (сом.) [Сомалийские пословицы и поговорки, 1983: 17-18]. Речь идёт о том, что зло и обида долго дают о себе знать. Как говорят русские: *Зажила рана, а всё рубец есть*[15].

В подборке Сиддыка Абдельфаттаха мы можем найти такие, например, *пятёрки*:

Пять видов опьянения: можно опьянеть от вина; упиваться молодостью; пьянеть от богатства; упиваться страстями; упиваться властью.

Пять качеств, которые делают человека счастливым: глубокое искреннее убеждение (вера); соблюдение религиозных правил; скромность (аскетизм) в быту; набожность и добрые дела [Абдельфаттах: 64].

6. Семь, восемь

Число семь во многих древних культурах имело сакральное значение. Так, арабский исследователь цивилизации Двуречья Хикмет Башир аль-Асвад посвятил этому числу работу, в которой он рассматривает предпосылки и причины становления культа *семёрки* в древнем Вавилоне и Ассирии. Народы этих государств стояли у истоков астрономии. Они открыли пять планет нашей солнечной системы — Меркурий, Венеру, Марс, Сатурн и Юпитер. Каждая из планет была посвящена какому-либо божеству или олицетворяла его. Потом к ним были добавлены Солнце и Луна. Так сложилась *сакральная семёрка,* которая на протяжении многих веков определяла жизнь древнего общества.

Подобное отношение к числу семь в том или ином виде сохранилось и в более поздних верованиях.

Для арабского менталитета *семёрка* — число довольно странное. С одной стороны, Коран сообщает, что число небес — *семь*. Таким образом, число *семь* — священное число. Но с другой стороны, адское пламя имеет *семь* названий, которые соответствуют *семи* уровням Ада: аль-Джаханнам — бездна, Лаза — пылающий огонь, аль-Хутама — ломающая, ан-Нар или ас-Саир — огонь, ас-Сакар — пламя, аль-Джахим — жаркое место, Аль-Хавийа — бушующий огонь [Коран, 1990: 4:145, 70:15, 104:4-6, 4:10; 4:55, 54:48, 2:119, 101:9]. У Ада *семь* ворот [Коран, 1990: 15:43-44]. Другими словами, это число связано также со страшными, мрачными явлениями.

Возможно, именно поэтому некоторые люди число *семь* избегают, что, может

[14] *Сборник народной мудрости.* URL:https://sbornik-mudrosti.ru/poslovicy-i-pogovorki-pro-xitrost/ (дата обращения: 04.10.2020).

[15] *Пословицы и поговорки про рану.* URL: https://dettext.com/poslovicy-i-pogovorki/pro-ranu/ (дата обращения: 04.10.2020).

быть, привело к появлению поговорки: *Семёрка — зверям отдана на растерзание* (пал.) [Любани, 1999: 416]. Придерживаясь этого мнения, даже при счёте некоторые люди могут вместо числа *семь* произнести слово, которое означает *щедрость, великодушие; терпимость.* Если причиной такой замены является описание в Коране Ада и связанных с ним ужасов, то использование такого языкового явления, как эвфемизм, вполне объяснимо. Ведь издавна известны языковые табу, запрещавшие произносить прямые наименования таких опасных предметов и явлений, как, например, *боги* или *болезни*, поскольку акт их упоминания, как считалось, может вызвать само явление. В русской традиции хозяин леса тоже обозначался другим словом, а не своим истинным именем, например, *медведем, косолапым.* Как говорится: *Не буди лихо, пока оно тихо.*

В некоторых арабских пословицах число семь обозначает упущенные возможности. В Палестине бытует такое выражение: *Знал семь ремёсел, а удача ускользнула* (пал.) [Любани, 1999: 417]. Данная пословица характеризует неудачника, который имел все шансы на успех, но упустил их из-за недостаточности то ли знаний, то ли опыта и мастерства, то ли из-за личных качеств. В этой пословице содержится, как нам кажется, скрытый призыв хорошо владеть какой-то одной профессией, одним ремеслом, вообще хорошо выполнять конкретное дело, а не хвататься за всё подряд и распылять свои силы, а в результате ни в одном их них не достичь совершенства.

Интересен ещё один момент, связанный с корнем, обозначающим *семь*. Существительное от этого корня, которое соответствует по форме женскому роду числительного семь, означает *зверь, лев,* то есть могучий, смелый, бесстрашный, решительный, даже иногда безрассудный человек, *обладатель силы,* как толкуют это слово арабские источники. Арабы даже говорят: *Лучше быть смелым до безрассудства, чем трусливым и подлым* (дословно: *Лучше быть львом, чем гиеной*) (сир.) [Таха, 2002: 128]. Похожее по смыслу выражение мы находим среди палестинских пословиц: *Лев остаётся львом, даже если ослабли его когтистые лапы, а пёс останется псом, даже если надеть на него золотой ошейник* (пал.) [Любани, 1999:417]. Однако в этой пословице есть и второй смысловой слой, указывающий на то, что правда всегда останется правдой и проявит себя, даже если пытаться её исказить, закамуфлировать или манипулировать ею.

Число *восемь* в арабских пословицах практически не используется. Однако в работе Сиддыка Абдельфаттаха «Золото чисел» мы находим списки тех качеств, которые автор считает важными подчеркнуть, выделяя по *восемь* из них. Так, например, он видит положительные качества и красоту в следующих частях тела, которые он описывает следующим образом: *правильная* (*красивая*) *форма носа; прелесть глаз; привлекательность формы губ; остроумная речь* (*язык*); *свежесть лица; чистая кожа; изящная талия и хорошие волосы.* А умного человека он характеризует как того, кто *берётся за своё дело; не распускает язык; является центром притяжения современников; не взваливает на себя непосильную работу; не гонится за непонятным; не занимается делами, которые его не касаются; не сотрясает воздух попусту* (*не говорит бесполезных вещей*) *и требует от своих детей только то, что им по силам* [Абдельфаттах: 72-73].

7. Десять

Число *десять* содержит все простые числа, дающие в сумме при последовательном сложении крайних чисел число *десять*: 1+9; 2+8; 3+7; 4+6; 5+5 и т.д. Следовательно, оно представляет собой нечто всеобъемлющее, закон, порядок, власть.

Арабский корень *а-ш-р* помимо значения *быть десятым, брать, собирать десятую часть* в разных глагольных формах включает значение *родового, племенного сообщества; общения; родства.*

Число десять в пословицах и поговорках часто означает *много*, при этом оно во многих случаях имеет отрицательный смысл. Арабы говорят: *Одна птичка в руке лучше, чем* ***десять*** *на дереве* (сир., пал.) [Таха, 2002: 150; Любани, 1999: 521]. В Иордании эта пословица звучит немного по-другому: *Птичка в руке лучше, чем* ***десять*** *летающих* (*в небе*) (иор.) [Амед, 1999: 352].

Арабы объясняют это тем, что схватить одну птицу гораздо легче, чем пытаться поймать стаю птиц, сидящих на дереве. Ведь те сразу снимутся с веток и разлетятся в разные стороны, и человек останется ни с чем. Говорится эта пословица, когда хотят подчеркнуть, что лучше иметь мало, но осязаемо, чем гоняться за несбыточным. Палестинцы вносят ещё свой нюанс в понимание данного выражения: они считают, что лучше иметь немного, но быстро, чем много, но в отдалённой перспективе. Русский народ также отметил эту жизненную реалию: *Лучше синица в руках, чем журавль в небе.* В Эмиратах идея, что один лучше десяти передаётся пословицей *Ударить один раз кувалдой лучше, чем* ***десять*** *раз молоточком* [Сандал, 2004: 87]. Считается, что сделать что-то разом или получить что-то сразу лучше, чем понемногу и время от времени. Эта пословица вполне соответствует русскому выражению *Лучше редко, да метко.*

С числом *десять* связаны палестинские пословицы, отражающие некоторый фаталистический подход к жизни. Они говорят *Десятимесячный* (*десятилетний*) *не умрёт девятимесячным* (*девятилетним*) (пал.) [Любани, 1999: 13]. В этой пословице отражено убеждение арабов, что всё в руках Божьих. Кому хочет, Он продляет жизнь, а кому хочет — укорачивает. Этой мысли соответствует другая палестинская пословица *Кому суждено умереть через два дня, не проживет трёх* (пал.) [Любани, 1999: 17]. Мы находим подобные представления о жизни и в русских пословицах: *Прежде веку не помрёшь* [Даль, 2000: 32].

8. Двадцать, тридцать, сорок, шестьдесят

В арабских пословицах и других мудростях используются также числительные *двадцать, тридцать, сорок, шестьдесят.* Как правило, они связаны с возрастом и отражают представление о качествах, которые характерны для того или иного периода жизни человека.

Например, как смотрят арабы на юношу двадцати лет? Они говорят: *Двадцатилетний — друг безумцев* (пал.) [Любани, 1999: 13]. В этой пословице мы находим указание на то, что в этом возрасте человеку свойственны безрассудные поступки, бравада, желание утвердить себя любым способом и любыми средствами. Что ж, это привилегия не только арабской молодёжи. Русский народ тоже примечал такое поведение у молодых людей: *Молодо — зелено, погулять велено* [Даль, 2000: 226].

С другой стороны, молодость — это период расцвета, когда проблемы, горе, заботы ещё не оставили на юных лицах своих следов. В арабских пословицах это выражено фразой *Двадцатилетний как цветок в саду* (пал.) [Любани, 1999: 13]. Этому выражению вторят русские пословицы *Расцветает, как маков цвет* [Даль, 2000:226]. Такое различие в оценке двадцатилетних молодых людей связано с тем, что в молодости происходит социализация. Молодой человек ищет своё место в обществе. Он общается с теми, кто больше отвечает его молодому темпераменту и эмоциональному состоянию. С другой стороны, молодость — пора расцвета, весна в жизни человека, когда всё распускается, наливаясь свежими силами. Ведь недаром говорят: *Дети — цветы жизни.*

Молодость проходит. Человек созревает и физически, и морально. Наступает зрелость. Палестинцы говорят: *Тридцатилетний — уравновешенный. Он хозяин своему разуму* (пал.) [Любани, 1999: 12]. Некоторые считают, что обитатели райских садов – тридцатилетние люди, имеющие определённые знания и опыт, но ещё молодые духом и телом.

Однако в Коране зрелым возрастом считается *сорок* лет. Об этом свидетельствует пятнадцатый аят Суры «аль-*Ахкяф*» [Коран, 1990: 46: 15]. В Коране подчёркивается, что человек достигает пика умственной и интеллектуальной зрелости к *сорока* годам. «Даже если самый сильный достигнет *сорока* лет, он скажет: «Господи, клянусь, что буду благодарить тебя за милость, которую Ты ниспослал мне и моим родителям». Такие люди будут в Садах райских. Мусульмане считают, что не случайно Аллах возложил пророческую миссию на Мухаммеда, когда тот достиг именно этого возраста. Поэтому арабские пословицы гласят: *Сорокалетний — зрелый человек* (*мин каамилин*) (в расцвете физических и

умственных сил) (пал.) [Любани, 1999: 10]. Даже сорокалетняя женщина, век которой, с точки зрения активной репродуктивности, на Востоке не очень долгий, считается ещё вполне способной иметь детей: *Сорок лет, а ещё может нарожать сыновей и дочерей* (Плодовита, как кошка) (пал.) [Любани, 1999: 225]. Кстати сказать, ведь и на Руси этот возраст для женщин определяли как критический: *Сорок лет — бабий век.*

Число *сорок* встречается в пословицах, связанных с наблюдениями за природой: *Сороковница — либо солнце жжёт, либо дождь зальёт* (пал.) [Любани, 1999: 51]. *Сорок* самых жарких летних дней наступают после 21 июня (самый длинный день), а самые дождливые и холодные после 21 декабря (самый короткий день). Близко к русскому языку: *Июль — хоть разденься, декабрь — потеплей оденься* [Даль, 2000: 554].

Что касается числа *шестьдесят*, то автор встретил высказывание, которое выбивается из общего ряда выражений, связанных с уважением к старшим, и носит довольно кровожадный характер:. *Шестидесятилетних под нож* (пал.) [Любани, 1999: 12]. Смысл её очевиден: вы, старики, немощны и бесполезны. Пожили и хватит. Уступите дорогу молодым. Относится эта пословица как к мужчинам (сын шестидесяти лет), так и к женщинам (дочь шестидесяти лет).

У сомалийцев число *шестьдесят* используется в пословицах довольно часто. Выше мы приводили пословицу с числом *шестьдесят* в разделе о числе *шесть*. Вот ещё один пример: *На поле, возделанном тобой в двадцать лет, отдохнёшь в шестьдесят* (сомал.) [Сомалийские пословицы и поговорки, 1983: 21]. Данная пословица — ответ тем, кто жалуется, что к старости у него ничего нет и что всё плохо. Сомалийцы считают, что заложенные в молодости крепкие основы жизни принесут свои плоды, и человек сможет воспользоваться ими, когда сил будет уже не так много.

У Даля конкретно русских пословиц, связанных с этим возрастом, мы не находим. Но среди пословиц, которые приводит Даль, есть пословица, относимая им к татарским высказываниям: *Шестьдесят лет прошёл, ума назад пошёл* [Даль, 2000: 224].

9. Тысяча

Тысяча — число достаточно «ходовое» в арабском фольклоре. Взять, например, сборник сказок и притч «Тысяча и одна ночь».

В пословицах различных арабских народов мы также встречаем это число. Например, в Палестине говорят:

Дом тесен, да вместит ***тысячу*** *друзей* (пал.) [Любани, 1999: 235]. В Иордании есть своя версия: *Дом тесен, да* ***сто*** *друзей вместе* (иор.) [Амед, 1999: 59]. В этих пословицах поощряется гостеприимство, даже если возможности хозяев ограничены. В русском языке тоже есть выражение, которое говорит о том, что ограниченность пространства не должна служить поводом для того, чтобы лишать себя удовольствия общаться с людьми: *В тесноте, да не в обиде.*

О, прибывший в Египет, (*здесь*) *есть* ***тысячи****, кроме тебя* (ОАЭ) [Сандал, 2004: 117]. В пословице речь идёт о том, что человек не должен считать себя очень важным, зазнаваться и требовать к себе какого-то особого отношения там, где много людей, подобных ему. Есть ты здесь, нет тебя здесь, работаешь ты или нет, — это дела не меняет, так как здесь (в Египте) и без тебя людей изначально *видимо-невидимо; тьма тьмущая.* Поэтому ты среди них *капля в море.*

Есть другая арабская пословица, в которой используется числительное *тысяча: Бойся врага один раз, а друга —* ***тысячу*** (пал)[16]. Смысл её достаточно прозрачен. Человек должен быть всегда начеку, чтобы не попасть в беду или трудное положение. И если с врагом всё ясно: ему нельзя доверять, его всегда надо держать в поле зрения, надо всегда быть готовым к его враждебным действиям, то с друзьями ситуация другая. Человек считает кого-то другом, полностью ему доверяет,

[16] الحكم والامثال الشعبية *Арабские народные пословицы и поговорки.* URL: https://mawdoo3.com/ (дата обращения: 04.10.2020).

а потом оказывается, что друг его предал. Такое понимание врага и друга важно для арабского языка, ведь слово *друг* восходит к глаголу, обозначающему *быть правдивым, быть искренним.* Поэтому ты считаешь, что друг с тобой откровенен, искренен, а получается иногда, что эта искренность может обернуться большими проблемами.

В Йемене, в Тихаме, бытует такая пословица, в которой мы находим слова ***тысяча***: *Лучше один кырш* (*мелкая монета*), *который можно потратить, чем* ***тысяча****, которая спрятана в сундуке* (йем.)[17]. Другая арабская пословица гласит: *Иногда удача* (*шанс*) *лучше, чем* ***Тысяча*** *и одна ночь* (араб.)[18].

Эти пословицы не нуждаются в какой-то особой расшифровке, так как их смысл очевиден: лучше иметь немного денег и купить на них необходимое, чем хранить под спудом свои сбережения, не пользуясь ими. Или лучше воспользоваться представившейся возможностью, пусть и не сулящей золотые горы, чем сидеть и ждать, когда реализуются сказочные мечты или обещания. Эти пословицы попадают в список других выражений, которые сродни русской пословице *Лучше синица в руках, чем журавль в небе.*

Подведём некоторые итоги. В статье не затрагивается вопрос о значении чисел вообще в культуре арабов, а упор делается на использование чисел в арабских фразеологизмах, пословицах, поговорках, других мудрых выражениях. Более общим вопросам посвящено достаточно много работ, а отражение значения чисел в арабском народном понимании, закреплённом в паремиях, не являлось предметом широкого исследования. Автор постарался по мере возможности осветить эту тему.

Из проведённого анализа можно сделать несколько выводов:

- Не все числа от *одного* до *десяти* одинаково широко представлены в арабских пословицах и поговорках.
- Наиболее широко используются числа *один, два, три.* Причём эти числа могут иметь как форму количественных, так и порядковых числительных.
- Самое большое количество смысловых оттенков имеют числительные *один* и *первый*. *Один* может осмысливаться как усилия, сотрудничество многих в каком-то деле. С другой стороны, *один* понимается как символ единоначалия и стабильности, отсутствие хаоса.
- Наибольшее разнообразие смыслов несёт в себе числительное *первый*. Оно может обозначать *порядковый номер,* может выступать в значении *начало*, в сочетании с прилагательным *последний* выражает понятия *прошедшее — будущее* (*настоящее*) и *лучше — хуже.*
- Другие числительные выражают либо *количество*, либо *порядковый номер* предметов или явлений и не имеют каких-то особых значений.
- Числа *двадцать, тридцать, сорок, шестьдесят* в основном связаны с этапами становления человеческой личности, с определением тех качеств, которыми обладает человек в том или ином возрасте. Пословицы и поговорки с этими числительными отражают отношение народа к людям, входящим к эти возрастные группы.
- Числительные *десять, сто, тысяча* являются выражением понятия *много* и, как правило, используются в пословицах, содержащих призыв не гнаться за несбыточным, а довольствоваться тем, что уже есть в наличии. Кроме того, число *тысяча* может служить для демонстрации *ничтожества* объекта пословицы на фоне *множества* ему подобных.
- Числительные в арабском фольклоре также могут объединять определённые качества человека в разных количествах, сравнивать их, противопоставлять и в таком виде служить пособием по воспитанию молодого поколения.

---

[17] امثال تهامية *Пословицы Тихамы. Тихамы* URL: https://www.facebook.com/thehama.alkhair.alardottaiba/posts/526068070927720/ (дата обращения: 04.10.2020).

[18] امثال شعبية *Народные пословицы.* URL: http://elgam3a.ahlamontada.net/t1951-topichttp://elgam3a.ahlamontada.net/t1951-topic (дата обращения: 04.10.2020).

THE GOLD OF NUMBERS IN ARABIC FOLKLORE

E.V. Kukhareva

Elena V. Kukhareva — PhD in Philology, Associate Professor, Department of Middle East Languages, MGIMO University. 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76. E-mail: elena_koukhareva@mail.ru

Kukhareva E.V. 2020. *The Gold of Numbers* in Arabic Folklore. *Concept: Philosophy, Religion, Culture.* Vol. 4. No 4. P. 102–121. https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-102-121

Received: 07.07.2020. Accepted: 06.11.2020.

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Abstract. The article is devoted to the attitude to various numbers among Arabs and their reflection on the issue in national and Arabic folklore. The cross-cultural oral lore dedicated to numerals is manifested in a pecular way in Arab world, mixing both pre-Islam expressions and those inherited after the Prophet. Veneration or fear of certain numbers, respect or disapproval of others is certainly associated with religious or everyday views, centuries-old traditions, mundane usages and experience of peoples, who, in turn, live in certain regions with various natural conditions, cultural and ethnic environment. This paper outlines major narratives existing in various regions of the Arab world that are connected to numbers – and provides inductive evidence of their common roots on examples of certain numerical expressions.
The ideas Arabs shaped in connection with various numbers reflected the mental and cultural foundations, filling everyday human life with additional aspiration. Some pieces of such folklore are considered sacred and can be found in the Qur'an and in the Hadith of the Prophet. Others, no less significant, were fixed in proverbs and sayings – in some of the most stable and unchangeable sources that can help trace back national and supranational ethics, mentality and aesthtics.
However, such a research faces challenges concerning the nature and the usage of numerics. While some numbers enjoy a priority value shared interregionally, there are also numeral expressions that are generally difficult to find in the culture of all Arab ethnic groups. Moreover, the proverbial phraseological fund of the Arab peoples tends to focus on some numbers mostly (i.e. one, two, three) and at the same time tends to overlook other numbers.
The study draws closer attention to the functions of a range of numbers in the moral and educational sphere, such as promoting popular unity, consolidation, sharing experience of older generations, teching basic communicative principles. As the topic of the research was hardly explored outside the Qur'an studies framework or the historical context, the attempt of a comprehensive outlook on numerics in Arabic folklore the paper takes is innovative.

Keywords: Arabic folklore, national mentality, national traditions, proverbs, sacred numbers, numbers, numerals, symbols, symbols of numeral symbolism.

References:

Gasanova S.N., Didueva M.M. 2018. Etnokul'turnaia simvolika chisel v arabskom i avarskom iazykakh [Ethnocultural Symbolism of Numbers in the Arabic and Avarian Languages]. *Mir Nauki, Kultury, Obrazovaniya (World of Science, Culture and Education).* 3. Pp. 554-556 (In Russian).

Dal V.I. 2000. *Poslovitsy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian People]. Moscow: ZAO Izd-vo EKSMO-Press, Izd-vo NNN. 616 p. (In Russian).

Ioseleva M.Ia. 1965. Proiskhozhdenie magicheskikh chisel [The Origin of Magic Numbers]. *Strany i narody Vostoka. Vypusk IV.* Moscow: "Nauka" Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury. P. 239-241(In Russian).

Koran [Qur'an]. 1990. Tr. by I.Iu. Krachkovskii. Moscow: Vneshtorgizdat. 447 p. (In Russian).

Liviiskie narodnye poslovitsy i pogovorki (na liviiskom dialekte arabskogo iazyka) [Libyan Folk Proverbs and Sayings (in the Libyan Dialect of the Arabic Language)]. 1988. Ed. Iu.N. Kudriavtsev. Moscow: MGIMO. 37 p. (In Russian).

Mordvinova L.V., Ukharskaia A.N. 2010. Chisla kak kody kul'tur [Numbers as Codes of Cultures.]. *Analitika kul'turologi.* 1. Pp. 307-311. (In Russian).

an-Navavi, imam Abu Zakariia bin Sharaf. 2007. *Sady pravednykh. Iz slov proroka Mukhammeda, da blagoslovit ego Allakh i da privet-stvuet. Naibolee populiarnyi sbornik khadiso* [Gardens of the Righteous. From the Words of the Prophet Muhammad, May Allah Bless and Greet him. The Most Popular Collection of Hadiths]. Tr. from Arab. Abdulla Nirsha. Moscow: UMMA. 766 p. (In Russian).

Rzaev Kh. 1993. *Poslovitsy* [Proverbs]. Baku: Nisal. 172 p. (In Russian).

Sakhikh al'-Bukhari. 2008. *Dostovernye predaniia iz zhizni Proro-ka Mukhammada, da blagoslovit ego Allakh i privetstvuet: Iasnoe izlo-zhenie khadisov "Dostovernogo sbornika"* [Authentic Stories from the Life of the Prophet Muhammad, May Allah Bless and Greet him: A Clear Exposition of the Hadiths of the "Authentic Collection"]. Tr. from Arab. Abdulla Nirsha. 5th. ed., rev. Moscow: Umma. 960 p. (In Russian).

Somaliiskie poslovitsy i pogovorki: na somaliiskom i russkom iazykakh s russkimi sootvetstviiami [Somali Proverbs and Sayings: Russian and Somali Languages with Russian Correspondences]. Ed. by G.L. Permiakov. Moscow: Nauka. 284 p. (In Russian).

Abdel'fattah Sejid Siddyk. b.g. *Hikam va amsal' va navadir min butuni t-turas* [Wise Sayings, Proverbs and Sayings from the Depths of the Cultural Heritage]. Cairo: Maktaba madbuli. 244 p. (In Arabic).

Al'-Amed Hani. 1999. *Al'-amsal' ash-shaabija al'-urdunija. Zha-maa uva tasnif – At-tabaa as-salisa* [Jordanian Folk Proverbs. A Collection of Reviews]. Amman: Uvizaratu s-sakafa uva sh-shabab. 638 p. (In Arabic).

al'-Asvad, Dekmet Bashir. 1985. Kudsija al'-adad sabaa fi hadara vadi r-rafidejn [The Sacredness of the Number Seven in the Culture of Mesopotamia]. *Afak arabija.* №9. P. 94-103 (In Arabic).

Ljubani Husejn Ali. 1999. *Muadzham al'-amsal' al'-filastynija* [Collection of Palestinian Proverbs]. Beyrut: Maktaba ljubnan nashirun. 938 p. (In Arabic).

Sandal Abid Rashid ben. 2004. *Al'-amsal' va l'-algaz ash-shaabija fi davljati l'-imarat* [Folk Proverbs and Riddles of the UAE]. Al'-Ajn, UAE: Markaz Zaid li t-turas va t-tarih. 196 p. (In Arabic).

Saurija Uhmejza. 2017. *Muhtarat min al'-amsal' va l'-ibarat as-saira. Arabi-rusij-magribi* [Selected Proverbs and Expressions]. Rabat: manshurat Rabat net. 214 p. (In Arabic).

Taha Dzhamana. 2002. *Muvassaa r-ravaja fi l'-hikam va l'-amsal'* [Encyclopedia of the Best Proverbs and Sayings]. Riyadh: ad-Dar al'-vatanija al'-dzhadida. 720 p. (In Arabic).

Список литературы на русском языке

Гасанова С.Н., Дидуева М.М. 2018. Этнокультурная символика чисел в арабском и аварском языках. *Мир науки, культуры, образования.* № 3. С. 554-556.

Даль В.И. 2000. *Пословицы русского народа.* Москва: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, Изд-во ННН. 616 с.

Иоселева М.Я. 1965. Происхождение магических чисел. *Страны и народы Востока. Выпуск IV.* Москва: «Наука» Главная редакция восточной литературы. С. 239-241.

Коран. 1990. Перевод И.Ю. Крачковского. Москва: Внешторгиздат. 447 с.

Ливийские народные пословицы и поговорки (на ливийском диалекте арабского языка). 1988. Сост. Ю.Н. Кудрявцев. М.: МГИМО. 37 с.

Мордвинова Л.В., Ухарская А.Н. 2010. Числа как коды культур. *Аналитика культурологии.* №1. С. 307-311.

ан-Навави, имам Абу Закарийа бин Шараф. 2007. *Сады праведных. Из слов пророка Мухаммеда, да благословит его Аллах и да приветствует. Наиболее популярный сборник хадисов* / Пер. с араб. Абдулла Нирша. Москва: УММА. 766 с.

Рзаев Х. 1993. *Пословицы*. Баку: Нисал. 172 с.

Сахих аль-Бухари. 2008. *Достоверные предания из жизни Пророка Мухаммада, да благословит его Аллах и приветствует: Ясное изложение хадисов «Достоверного сборника»* / Пер. с араб. Абдулла Нирша. 5-е изд., испр. Москва: Умма. 960 с.

Сомалийские пословицы и поговорки: на сомалийском и русском языках с русскими соответствиями. 1983 / Отв. ред. Г.Л. Пермяков. Москва: Наука. 284 с.

Список литературы на арабском языке:

Абдельфаттах Сейид Сиддык. б.г. *Хикам ва амсаль ва навадир мин бутуни т-турас* [Мудрые изречения, пословицы и поговорки из глубин культурного наследия]. Каир: Мактаба мадбули. 244 с. (араб.)

Аль-Амед Хани. 1999. *Аль-амсаль аш-шаабия аль-урдунийа. Жамаа ува тасниф – Ат-табаа ас-салиса* [Иорданские народные пословицы. Сборник с комментариями]. Амман: Увизарату с-сакафа ува ш-шабаб. 638 с. (араб.)

аль-Асвад Декмет Башир. 1985. Кудсия аль-адад сабаа фи хадара вади р-рафидейн [Сакральность числа «семь» в культуре Междуречья]. *Афак арабийа.* № 9. С. 94-103 (араб.)

Любани Хусейн Али. 1999. *Муаджам аль-амсаль аль-филастыния* [Сборник палестинских пословиц]. Бейрут: Мактаба любнан наширун. 938 с. (араб.)

Сандал Абид Рашид бен. 2004. *Аль-амсаль ва ль-алгаз аш-шаабия фи давляти ль-имарат* [Народные пословицы и загадки ОАЭ]. Аль-Айн, ОАЭ: Марказ Заид ли т-турас ва т-тарих. 196 с. (араб.)

Саурийа Ухмейза. 2017. *Мухтарат мин аль-амсаль ва ль-ибарат ас-саира. Араби-русий-магриби* [Избранные пословицы и крылатые выражения]. Рабат: маншурат Рабат нет. 214 с. (араб.)

Таха Джамана. 2002. *Мувассаа р-равайа фи ль-хикам ва ль-амсаль* [Энциклопедия лучших пословиц и поговорок]. Эр-Рияд: ад-Дар аль-ватанийа аль-джадида. 720 с. (араб.)

УДК 008 https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-122-134

АНАЛИЗ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПОКОЛЕНИЯ МИЛЛЕНИАЛОВ В РОССИИ

Е.В. Забурдаева

Забурдаева Елена Владимировна — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры медийной политики и связей с общественностью МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: e.zaburdaeva@inno.mgimo.ru

Забурдаева Е.В. 2020. Анализ социокультурных особенностей поколения миллениалов в России. *Концепт: философия, религия, культура.* Том 4. № 4. С. 122–134. https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-122-134

Статья поступила в редакцию: 08.07.2020. Принята к публикации: 28.10.2020.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Актуальность анализа социокультурного профиля нового поколения — миллениалов, — связана прежде всего с тем, чтое в ближайшие 10 лет именно миллениалы станут основной рабочей силой на рынке труда в России. Большое количество конфликтов между миллениалами и старшими поколениями не позволяет молодым сотрудникам встроиться в современную корпоративную культуру и повысить собственную производительность труда. Понимание набора основных ценностей миллениалов, их стратегий и тактик поведения на рабочем месте и в информационном пространстве становится для преподавателей условием успешного обучения студентов этого поколения в вузах и ключевым фактором успеха для компаний, в которых они работают. Наиболее дальновидные компании сегодня трансформируют свои корпоративные структуры под новые запросы, изменяют стратегии и прислушиваются к своим молодым сотрудникам. В статье рассмотрены результаты исследования, проведённого автором в ходе работы преподавателем в вузе и консультантом по коммуникациям для бизнеса. Методы включали в себя опросы общественного мнения, фокус-группы, анализ существующих научных источников, апробирование результатов и итоговую систематизацию результатов в ходе научной дискуссии в рамках секции кафедры педагогики МГИМО на конвенте РАМИ. В заключении предложен рад рекомендаций (основанных на собственном педагогическом опыте взаимодействия с миллениалами) по решению конфликтных ситуаций, а также по развитию у студентов, стажёров и молодых сотрудников компетенций, необходимых в современных условиях динамично меняющегося рынка.

Ключевые слова: поколения, теория поколений, миллениалы, кадры, высшее образование, адаптация, менторинг, коммуникации, ценности, информационное поле, рынок труда.

Вузы начали набирать миллениалов на программы бакалавриата с 2002 г. и наберут последних представителей этого поколения на первый курс в 2022 г. Сейчас на рынок труда выходят родившиеся в 1997 г., то есть рынок будет насыщаться сотрудниками этого поколения ещё достаточно долго. В настоящее время стратегия компаний по интеграции выпускников вузов в корпоративную среду сводится к тому, чтобы изменить отношение молодых сотрудников к работе в принципе и вынудить их принять установленные ранее правила корпоративной культуры и трудовой дисциплины. Пока эта стратегия работает, но уже через семь лет миллениалов на рынке будет большинство, а, следовательно, они начнут диктовать свои правила и с точки зрения условий работы. Выиграют компании, которые уже сейчас трансформируют корпоративные культуры и формы обучения персонала под новое поколение. Миллениалы — поколение, настолько отличающееся от тех, которые были до него, что их мировоззрение, способы потребления и распространения информации, представления о балансе между работой и частной жизнью, особенности характера коммуникаций повлияют самым серьёзным образом не только на механизм поиска талантов, но и в конечном итоге на формулировку бизнес-стратегии компании, а также её миссии, видения, целей и задач.

В России традиционно приоритетом является бизнес-стратегия. С появлением запроса на корпоративную культуру и философию пришла тенденция прописывать её концептуальный ценностный блок. Но, к сожалению, во многих случаях прописывался он формально и потом не использовался в бизнес-процессах в качестве руководства к действию [Капелюшников, Лукьянова, 2010: 7]. Миллениалы в силу того, что ценности для них — не пустая формальность, принесут в компании понимание механизма их функционирования и продемонстрируют своим старшим коллегам, как взаимосвязаны ценности компании с её миссией, видением, бизнес-стратегией и как заставить эти ценности работать на увеличение прибыли [Смольская, 2017: 4]. Для руководства компаний важно в ближайшее время придумать механизмы задействования молодых сотрудников в распространении корпоративной философии среди персонала и внешних стейкхолдеров компании.

Автор за 15 лет работы преподавателем в МГИМО на факультете Международной журналистики и бизнес-тренером в Школе бизнеса МГИМО получил уникальную возможность видеть и анализировать целое поколение — «миллениалов». Нужно отдельно отметить несколько моментов, касающихся профиля поступающей в МГИМО молодёжи. В частности, в 2020 г. «высокий балл по-прежнему сохраняется: 96,2 на бюджет и 85,2 балла на договор. Причём на отдельные факультеты — Международно-правовой факультет, Факультет международных отношений — средний балл достиг 97–98 баллов на бюджет и 92–93 балла на договор.

Более половины поступивших в МГИМО (52%) — золотые медалисты, причём среди поступивших на бюджет их доля составляет 75%. Более четверти нового набора в МГИМО (26%) имеют 100-балльные результаты как минимум по одному из предметов вступительных испытаний по итогам ЕГЭ или олимпиад школьников (суммарно 365 чел.). Среди зачисленных на бюджет стобалльники составляют 63%; из 205 стобалльников ЕГЭ 179 имеют высший балл по одному предмету, 24 — по двум предметам, двое — по трём предметам»[1].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в МГИМО поступают амбициозные, умеющие работать, разносторонне развитые молодые люди. Далее, опираясь на собственный опыт и на исследования, которые проводили в последнее время различные организации, автор проанализирует проблемы, которые возникают у преподавателей и работодателей миллениалов.

[1] *А.В. Торкунов подвёл итоги приемной кампании МГИМО в ТАСС.* URL: https://mgimo.ru/about/news/main/admissions-campaign-2020-tass/ (дата обращения: 3.11.2020).

Теоретические обоснования исследования.

Для общего понимания важно отметить, что единой периодизации поколений не существует. Есть разные подходы к определению границ поколений, в том числе разделение на поколенческие кластеры зависит от страны. Из зарубежных исследователей первым заявил эту тему в своей статье «Проблема поколений» К. Мангейм ещё в 1928 г. [Мангейм, 1998]. В упомянутой статье Мангейм выделял поколения на основании нескольких факторов: социального местоположения, единства культурного периода для отдельных представителей поколения, участия их в одних и тех же исторических событиях [Ибрагимова, 2014].

Другим исследователем темы поколений был Н. Райдер. Он применял в своих работах понятие «когорты», как фактора в изучении общественных трансформаций. В его понимании поколенческая когорта — это «скопление индивидов... переживших одно и то же событие в одном и том же временном интервале», обладающее «отличительной структурой и характером, отражающим условия её уникальной организации и истории» [Ryder, 1965: 845]. Стоит отметить ещё одного специалиста — Моррис Мейси, который в своё время изучал особенности поведения рождённых после Второй мировой войны и вывел обусловленность поведения поколения общей системой ценностей [Massey, 2005].

Системный подход к изучению поколений предложили в своей работе «Поколения» 1991 г. Вильям Штраусс и Неил Хоув. Любой исследователь в области поколенческого анализа знает эту работу и так или иначе использует предложенную авторами схему в собственных научных изысканиях. Штраусс и Хоув изучали цикличность смены поколений на примере Соединённых Штатов Америки. Помимо обозначенной выше книги эти авторы написали работы «Четвёртый поворот» (1997) и «Миллениалы: следующее великое поколение» (2000). Именно их заслугой является введение в оборот понятия «миллениалы» или «миллениумы» [Howe, Strauss, 2007].

Периодизация поколений у западных исследователей не совпадает, миллениалами называют разные поколения: в Великобритании, к примеру, это родившиеся с начала 1980-х до начала 1990-х гг., в США — между 1982 и 2000 гг., а в Китае — с 1981 до 1996 гг.

Так как речь в данной статье пойдёт о российском опыте, автор предлагает опираться на периодизацию, выдвинутую Е. Шамис, которая изучала именно российский сегмент. Поэтому поколением миллениалов мы будем считать поколение, родившееся в период с 1985 до 2005 гг. [Шамис, Никонов, 2017: 13]. Для понимания общей картины нужно отметить, что на рынке труда сегодня находится три поколения: беби-бумеров (1945-1965), иксов (1965-1985) и миллениалов (1985-2005). Следом за миллениалами приходит поколение зетов или зумеров (2005-2025).

В чём заключаются основные особенности поколения миллениалов вообще и в России в частности. Поколение икс, родители миллениалов, росли предоставленные сами себе, их родители старались выжить в 1990-е гг. прошлого века в условиях полной неопределённости, на рубеже слома одной системы и замены её другой. Иксы были самостоятельны (предоставлены самим себе), жестоко бунтовали в подростковом возрасте против родителей (существовало большое количество маргинальных молодёжных субкультур), они завели много вредных привычек и комплексов недолюбленных в детстве людей. Когда у иксов стали рождаться собственные дети, они поставили перед собой задачу дать им всё, чего не было у них самих в детстве. В связи с таким запросом от молодых родителей в моду вошло «вертолётное родительство» (helicopter parenting) или, другими словами, гиперопека [Литкотт-Хеймс, 2017]. И мир постепенно начал трансформироваться из мира взрослых в мир детоцентричный. Эти изменения коснулись не только педагогики, но и общественных отношений, и политики, и экономики. Иксы подходили к планированию семьи ответственнее, чем их родители. В поколении миллениалов большое количество именно запланированных детей. Надо также отме-

тить, что именно на время рождения поколения миллениалов приходится самое серьёзное падение рождаемости. Поэтому об этих детях заботились больше, баловали больше, прислушивались к их желаниям и мнению. Их будущее тщательно планировали, им выбирали лучшую школу, кружки, спортивные секции, университет, и в конце концов место работы. Делалось всё, чтобы на пути ребёнок не встречал ни одного препятствия, ему ничего не запрещали, его защищали от любого конфликта, ругались с учителями за оценки, требовали от педагогов наград и признания талантов чада. Сейчас, когда поколение миллениалов уже пришло на работу, их родители продолжают решать все проблемы, связанные с трудоустройством, за своих детей: ходят вместе с ними на собеседования, звонят начальству и «пробивают» повышение [Тулган, 2017: 18].

Попытка родителей выстроить систему воспитания, при которой они общались с ребёнком на равных дома и принимали решения и решали конфликтные ситуации за ребёнка вне семьи, привела к парадоксу. Миллениалы считают естественным правом общаться со всеми взрослыми на равных, не признавать авторитета по возрасту или опыту и требовать уважения к себе просто по факту своего существования. Но при этом они остаются инфантильными до зрелого возраста и не стремятся принимать самостоятельные решения, а что ещё важнее — самостоятельно нести ответственность за эти решения. Их, в отличие от поколения их родителей, не тревожит то, что они продолжают жить в доме своих родителей даже после окончания университета и не стесняются брать у родителей деньги.

Особенность периода, в который рождались и взрослели миллениалы, заключается в стремительном росте фактора неопределённости и появления новых угроз, которые сложно прогнозировать в силу их природы. В частности, речь идёт об экономических кризисах нового времени и терроризме. Фактор гиперопеки связан со страхом родителей за безопасность и экономическое благополучие своих детей. Миллениалы с детства привыкли к проверкам безопасности на общественном транспорте, в общественных местах, они не считают введение систем наблюдения нарушением своих прав и одобряют развитие подобных технологий [Иванова, 2016: 10]. В отличие от иксов, которые до сих пор считают, что они могут контролировать количество личной информации, попадающей в информационное поле, миллениалы такой иллюзией не страдают. Они вполне спокойно воспринимают концепцию «прозрачного мира», в котором любой человек круглосуточно находится под наблюдением различных автоматизированных систем.

В связи с тем, что у миллениалов нет ярко выраженного подросткового бунта у них и менее выражено стремление выражать протест с помощью алкоголя, курения или другого рискованного поведения. В США это поколение, по сравнению с предыдущими, гораздо меньше злоупотребляет алкоголем, их не так сильно интересуют курение или наркотики, они меньше занимаются сексом, что значительно повлияло на количество подростковых беременностей[2].

Если судить по исследованию Вадима Радаева, российские миллениалы тоже ориентированы на ведение здорового образа жизни: они «пробуют алкоголь раньше, однако пьют реже и в меньших объемах. К 18–20 годам доля употребляющих алкоголь достигает 50–52%, а после падает до 40%. Показатель предыдущего поколения (иксов) в том же среднем возрасте более чем в 1,5 раза выше (64%). В кругу миллениалов меньше курящих при аналогичной интенсивности курения. В среднем возрасте доля курильщиков почти в 1,5 раза меньше по сравнению с долей в предыдущем поколении. В таких же пропорциях увеличивается число занимающихся спортом и физкультурой. В возрасте 27 лет у миллениалов таких 43%, а у иксов в том же возрасте — лишь 25%» [Радаев, 2020: 65].

[1] Today's Teens are Better than you, and we can Prove it. *VOX*. Available at: https://www.vox.com/a/teens (accessed 2.11.2020).

Кроме того, они прагматичнее, практичнее и более оптимистически настроены, по сравнению со старшими поколениями. В отличие от предшествующего миллениалам поколения у них не возникает проблем с командной работой, напротив, им сложнее работать по одному. Привычка получать поощрение за каждой действие и неумение ждать и терпеть, к сожалению, играет с ними злую шутку, когда они вырастают. Они мешают им наслаждаться процессом, заставляя постоянно требовать немедленного результата. К примеру, им очень тяжело встроить в свою картину мира концепцию счастья или успеха, как процесса, растянутого во времени. Моменты — не счастья, но краткого удовлетворения им приносит также моментная реакция их онлайн-друзей на сообщения, размещаемые в социальных сетях. Целью становится получение лайков, шеров и ретвитов. По той же причине они не могут получить положительные эмоции от постепенного роста профессионального мастерства и неспешного построения карьеры. Поэтому, когда они просят повышения после месяца работы, это происходит не от завышенной самооценки, как обычно думают старшие товарищи, а из-за описанного выше восприятия процессов и результатов[3].

Более того, сам феномен миллениальской заносчивости и самоуверенности и потребности в постоянном поощрении зачастую трактуется старшими коллегами неправильно. Всё это — следствие не завышенной, а заниженной самооценки. Если старшие поколения с детства получали, в том числе и от родителей, не всегда конструктивную и часто негативную обратную связь относительно их возможностей и способностей, то миллениалов с детства старались только хвалить, подчёркивать их уникальность и безграничные возможности в самореализации. Поэтому если старшие при столкновении с суровой реальностью и внешней оценкой только укреплялись в своей решимости идти вперёд и доказать, что внешний мир ошибается, то миллениалы с трудом выдерживают любую критику и самооценка их катастрофически падает. Естественной защитной реакцией становится демонстративное поведение и отказ принимать услышанное. Следствием этой же особенности является то, 1) что им сложнее учиться, потому что обучение всегда предполагает ошибки и работу над ними; 2) что у них слабо развита потребность самостоятельно анализировать собственное поведение и его последствия. Заменой самоанализа для миллениалов является оценка их действий и мыслей подписчиками в социальных сетях, поэтому и решения ими обычно принимаются с позиции возможной реакции виртуальных «frend'ов».

Исследования общественного мнения показывают, что миллениалы мало интересуются публичной политикой, только 34% опрошенных высказывают активную политическую позицию. Обычно наиболее радикальная и активная группа — студенты (18–22 лет). Из них не интересуется политикой 64%. [Пырма, 2017: 44]. Вместе с тем, это самое толерантное поколение из всех, они проще и неагрессивно относятся к другим культурам, образу жизни и мировоззрениям. Одновременно с этим нужно заметить, что они гораздо менее активны в религиозных практиках. В частности, «доля верующих в 2011–2016 годах снижалась с 56% в мобилизационном поколении до 32% — у миллениалов. Доля посещающих службы не реже одного раза в месяц уменьшалась, начиная с поколения оттепели (15%) до миллениалов (6%)» [Радаев, 2020: 66].

Серьёзное социальное расслоение в России также оказало влияние на формирование ценностей поколения миллениалов. Деньги являются практически единственным социальным лифтом для молодёжи без связей, особенно в регионах, именно деньги дают возможность обеспечить высокий уровень жизни, который активно транслируется через все каналы коммуникации. Вся деятельность, которая не способствует получению денег, признаётся

[3] *Информационно-коммуникационные технологии третьего тысячелетия: учебное пособие.* 2020. П.В. Меньшиков, Е.Е. Юсупова, В.С. Новикова В.С. и др. Москва: МГИМО-Университет. 460 с. С. 241.

молодым прагматичным поколением не стоящей внимания. Можно возразить, что сейчас особую популярность у молодёжи приобретает волонтёрская деятельность, но и в этом случае нужно понимать, что данная деятельность, хотя и не приносит денег, позволяет получить дополнительные дивиденды: известность, публичное одобрение и возможность включить эту практику в портфолио, которое необходимо подать при поступлении в высшее учебное заведение. Показательным является результат оценки интереса разных поколений к экологическим вопросам. Миллениалы активно декларируют заботу о природе, но при этом реальные усилия предпринимают реже (в три раза), чем, к примеру, беби-бумеры в их возрасте [Twenge, Campbell, Freeman, 2012].

Образование рассматривается тоже не как возможность самореализоваться в будущем, а как инструмент получения в будущем крупных сумм и, следовательно, возможности жить, ни в чём себе не отказывая. При этом у миллениалов нет ориентации на постепенное построение карьеры на одном месте в течение многих лет. Их искренне пугает перспектива получить повышение только через пять лет упорной работы в одной компании.

Концепция благосостояния у миллениалов значительно отличается от понятия благосостояния у старших поколений. Если старшие делают ставку на приобретение недвижимости, машин, золота и других предметов роскоши, то миллениалы в первую очередь готовы вкладывать в путешествия, походы в кафе и необычные (не обязательно дорогие) новые рестораны и новые впечатления. Статусное потребление в традиционном смысле им не свойственно. Они не покупают вещи только из-за солидного имени компании. Поэтому многие знаменитые бренды люкс-класса стали банкротами или вынуждены были переориентировать свой бизнес под новые запросы молодёжи, чтобы выжить на рынке. Тем не менее, статусное потребление у миллениалов тоже присутствует, но связно оно с тем, что большая часть их жизни проходит в публичном пространстве сети Интернет. Они не покупают бренды, чтобы увеличить собственную значимость. Они создают бренд из себя, и процесс этот зачастую обходится дороже, чем просто покупка статусных вещей.

Необходимость создавать имидж успешного и богатого человека в Интернете при ограниченных финансовых возможностях и желание достичь успеха с приложением минимальных усилий заставляет миллениалов лгать, как в сети, так и в реальной жизни. Интернет создаёт ложное ощущение безнаказанности, и это ощущение они переносят в оффлайн-общение. Они обманывают насчёт собственного благосостояния и успешности, они врут, чтобы избежать наказания за проступок, чтобы не делать то, что им не по душе, чтобы продвинуться по службе. Около 27% миллениалов (по сравнению с 15% иксов и 5% беби-бумеров) готовы присвоить себе результаты чужой работы, чтобы продвинуться по карьерной лестнице [Schawbel, 2013: 137]. А чувство собственной уникальности, а также необходимость выстраивать собственный (личный и профессиональный) бренд для окружающих легко нивелируют моральные страдания. Они чаще говорят неправду своим начальникам[4].

Неприятная для всех тема увольнения заставляет лгать и другие поколения (56% постараются скрыть то, что их уволили), но миллениалы прибегают ко лжи всё-таки чаще (70% из них будут прилагать усилия, чтобы информация об увольнении не распространилась). Обычно миллениалы переформулируют для себя и других произошедшее таким образом, чтобы виноват был кто-то другой, но никак не они[5]. В тактической перспективе они могут выиграть с помощью лжи, но в стратегической —

[4] Millennials are most Likely to Admit that they Lie to their Bosses. *Comparably.* Available at: https://www.comparably.com/blog/lie-to-the-boss/ (accessed 2.11.2020).

[5] Millennials are Twice as Likely as anyone else to Lie about Being Fired — and it Says a lot about this Generation. *Business Insider.* Available at: http://www.businessinsider.com/millennials-more-likely-to-lie-about-being-fired-2015-6 (accessed 2.11.2020).

они сталкиваются с тем, что выстроить потом доверительные отношения с ранее обманутыми сотрудниками и знакомыми практически невозможно. При том, что в современной бизнес-культуре доверие становится краеугольным камнем при построении корпоративной идентичности компаний, продажах, отношениях с персоналом и стейкхолдерами.

Разительно отличаются миллениалы от старших поколений и в отношении к дружбе. Молодые люди и сами признают, что дружеские связи у них слабые, они готовы вместе проводить досуг, общаться на близкие им темы, играть в компьютерные игры [Вербах, Хантер, 2015: 20], ходить в торговые центры за покупками, но при возникновении проблем они не могут обратиться к друзьям за моральной или иной помощью. Девальвация понятия «друг», благодаря социальным сетям, отражается даже в том, что теперь необходимо отдельно уточнять, имеется в виду друг, friend или подписчик. В российской ментальности у старших поколений укоренилась традиция обращаться к друзьям в случае проблем за психологической помощью и всякого рода поддержкой, это помогает им получить психологическую разрядку и преодолеть стресс. У миллениалов, к сожалению, такой возможности практически нет, потому что в социальных сетях каждый из них создаёт желаемый имидж успешного и позитивно настроенного человека, а, следовательно, чтобы не разрушать этот образ, они не могут просить подписчиков и friend'ов о помощи. И в их случае это обстоятельство усугубляет депрессию. Именно поэтому необходимо организовывать для них как можно больше форматов, в рамках которых они смогут проводить время со сверстниками без использования информационных технологий, повышать уровень EQ (уровень эмоционального интеллекта) и активно развивать коммуникационные компетенции [Королева, 2014: 648-658].

С другой стороны, полезно использовать и те форматы, к которым они привыкли. У миллениалов богатый опыт участия в многопользовательских компьютерных играх. За свою жизнь они провели за этим занятием более года или около 9000 часов или 375 дней[6]. Это не могло не повлиять на формирование их взаимоотношений с оффлайн-миром. Более того, для поколения, которое родилось и живёт в обстоятельствах неопределённости, нестабильности и терроризма, компьютерные игры выполняют ещё и терапевтическую роль по снижению и профилактике стресса. В игровой ситуации миллениалы учатся работать в команде, решать конфликты с другими игроками, зарабатывать и тратить ресурсы. И, что особенно важно знать преподавателям, в игровом пространстве можно достаточно успешно обучать студентов достигать поставленной цели и преодолевать трудности. Им проще в привычной игровой среде понять важность принятия правил и не бояться ошибиться.

Миллениалы — первое поколение, которое уже можно без натяжек назвать диджитал-аборигенами. Поэтому возможность оставаться онлайн 24 часа в сутки и семь дней в неделю при высокой скорости передачи данных для них не блажь, а жизненная необходимость. Они — первое по-настоящему мультизадачное поколение, которое в состоянии одновременно полноценно существовать на нескольких платформах, но при этом умение ждать, терпеть или тратить много ресурсов на получение результата развито у них существенно меньше, чем у предыдущих поколений. При выборе форм отдыха они также проявляют нежелание тратить много ресурсов, их вполне устраивает пассивный вариант, который не требует от них дополнительных усилий или действий: 63% слушают на своих мобильных гаджетах музыку и смотрят сериалы (не фильмы в кино), сидя дома [Данилова, 2007: 23].

При этом технологии и пресловутая свайп-культура серьёзно влияют на их умение сохранять концентрацию. В исследовании Сбербанка «30 фактов о современной

[6] *Classic Millennial Video Games that Still Live Strong Today.* Available at: https://millennialmagazine.com/2018/04/23/classic-millennial-video-games-that-still-live-strong-today/ (accessed 2.11.2020).

молодёжи», к примеру, говорится о том, что «средний период концентрации на одном объекте — 8 секунд. Информация потребляется маленькими «перекусочными» порциями, а иконки, смайлики и картинки часто заменяют текст»[7]. В Сети молодые люди знакомятся, ищут работу, снимают или покупают квартиру, выбирают и покупают одежду, еду, учатся, узнают новости и так далее. Они полностью полагаются на существующие технологии и, как результат, зависят от их наличия гораздо больше.

Для миллениалов смартфон — это в первую очередь мультимедийный центр развлечений и текстового общения. В этом их основное отличие от других поколений, которые используют смартфоны преимущественно для звонков. Миллениалы активно пользуются мессенджерами, приложениями социальных сетей, их способ взаимодействия постепенно начинает влиять на трансформацию и делового этикета: в частности, на сегодняшний день перед звонком рекомендуется договориться о звонке предварительно через смс или мессенджер. Мессенджеры также дают возможность моментально организовать дискуссию с участием группы людей, оповестить эту группу о чём-либо и при этом отследить факт получения сообщения. В этом плане мессенджеры имеют значительное преимущество перед традиционной уже электронной почтой. Вполне возможно, что в ближайшее время благодаря миллениалам электронная почта уйдёт в прошлое, хотя сегодня это всё-таки пока очень популярный инструмент коммуникации (особенно в сфере бизнеса). В частности, в мире каждый день отсылается и получается более 205 млрд. писем.[8] Зависимость от смартфона у миллениалов влияет на потребление всех видов цифрового контента. Они реже, чем другие поколения пользуются настольными компьютерами, смотрят традиционное телевидение по телевизору, слушают музыку на традиционных настольных проигрывателях или музыкальных центрах. Мобильность технологий выходит на первый план при выборе миллениалами каналов получения информации [Стиллман, 2018: 120-121].

Миллениалы предъявляют высокие требования к скорости и круглосуточной доступности передачи данных в Сети, качеству изображения, дизайна, удобству использования и понятности интерфейса [Королева, 2016: 7]. При этом они ожидают от любой активности, что их будут удивлять и развлекать. Эдутейнмент как концепция нескучного образования — очень близкая миллениалам тема. Молодые люди находятся в постоянной погоне за новыми положительными впечатлениями. Им претит рутина. Хотя, если воплотить в жизнь их мечту, они, наверное, долго выдержать постоянную смену одного яркого опыта другим не смогут. Вау-эффект всё-таки, и в образовании, и в потребительском опыте должен быть сродни специи, без которой блюдо будет слишком пресным, но при избытке которой блюдо станет просто несъедобным.

Рекомендации по работе с миллениалами

Компетенция по самостоятельному планированию (особенно стратегическому) и умение структурировать информацию у миллениалов развита слабо. Современных молодых людей страшит ситуация выбора. Им легче сдаться, чем ошибиться. Решение проблем и ответственность за эти решения — это то, что вызывает у молодых людей самый сильный стресс. Особенно если дело касается проблем стратегического плана. Им проще и психологически комфортнее вообще отказаться что-либо решать, чем испытывать дискомфорт от возможной ошибки. Плюс, это поколение росло в условиях возрастающей неопределённости и нестабильности, а это в свою очередь повлияло на их умение строить долгосрочные планы, поэтому решения в основном носят тактический характер.

[7] 30 фактов о современной молодёжи. *Сбербанк*. URL: http://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/youth_presentation.pdf (дата обращения: 2.11.2020).

[8] Phone Calls, Texts or Email? Here's how Millennials Prefer to Communicate. *Forbes*. Available at: https://www.forbes.com/sites/larryalton/2017/05/11/how-do-millennials-prefer-to-communicate/2/#bbc1262a9686 (accessed 2.11.2020).

Они решают то, что их беспокоит здесь и сейчас, не заботясь об отсроченных последствиях своего поступка.

Любая ошибка для них равносильна провалу. А провала они стремятся избежать всеми доступными им способами. Поэтому лучше чаще спрашивать их, всё ли идёт по плану и не нужна ли дополнительная помощь или объяснение. Сами они, скорее всего, не подойдут, опасаясь того, что это сочтут провалом.

Поэтому преподавателю и работодателю стоит предложить своему студенту/молодому сотруднику уже готовую структуру и план, но при этом оставить внутри системы место для манёвра, чтобы обеспечить необходимую для молодёжи степень свободы. Очень важно отдельно прописать задания и факторы, от которых зависит успех и найти, за что похвалить после завершения каждого этапа.

Нужно также понимать, что современным молодым людям очень сложно психологически находиться в поливариативном поле. Правильный ответ должен быть обязательно один. Если правильного ответа нет, это вводит их в состояние фрустрации, потому что, как было подчёркнуто ранее, ошибка в выборе для них равнозначна полному провалу. И попробовать сделать ещё одну попытку они не захотят. Правильнее всего на первом этапе адаптации к учёбе и работе отдельно подчеркнуть, что ошибаться — это нормально, что ошибка — это неотъемлемая часть любой деятельности.

Миллениалам необходимо обеспечить лидерство и наставничество. Они нуждаются в постоянной (лучше ежедневной) обратной связи. На обучение и коучинг в их случае будет уходить достаточно много времени, что нужно запланировать заранее.

При этом важно отдавать себе отчёт в том, что более высокое положение в корпоративной иерархии или старшинство по возрасту не становится для миллениалов аргументом в пользу того, чтобы принимать слова старшего на веру. Более того, они требуют, чтобы с ними общались на равных, вне зависимости от наличия у них опыта и компетенции в том или ином вопросе и тем более вне зависимости от их социального статуса или возраста.

Здесь требуется уточнить, что значит для нынешних молодых людей общаться «на равных». Это не общение двух взрослых людей, это общение ребёнка с «не ребёнком». Если раньше общение со взрослым на равных было привилегией, доступной немногим, которую нужно ещё заслужить, то теперь это само собой разумеется, но при этом молодой человек не может отказаться от отсутствия ответственности за слова и поступки и разрешения на незрелость (синдром Питера Пэна). Для того, чтобы сгладить данный контраст и постепенно перевести общение в плоскость «взрослый-взрослый», необходимо изначально установить правила общения и неукоснительно им следовать. С миллениалами с этой точки зрения очень хорошо помогает технология обратного наставничества. Если за качество коммуникации и обучения взрослого отвечает миллениал, он быстрее приходит к пониманию того, что для успеха необходим опыт и терпение.

Необходимо помнить, что миллениалы уверены в собственной исключительности. Из-за этого критика воспринимается очень остро. К сожалению, в школах не учат критиковать конструктивно (идею, а не человека), поэтому любое критическое замечание равнозначно провалу и репутационному ущербу конкретного человека в группе. Когда всё-таки удаётся убедить попробовать покритиковать, разговор очень быстро скатывается к личным оскорблениям и упрёкам. Задача наставника в данном случае сводится к тому, чтобы создать безопасную среду для высказывания критики в адрес друг друга и решать возникающие конфликты в режиме реального времени.

Они готовы предлагать новые идеи, и если преподаватель или работодатель будет готов их выслушать, это поможет усилить мотивацию для них. Даже если преподаватель или работодатель не готов принимать идеи молодых людей, игнорировать их нельзя. Идеальным решением станет разрешение студентам и сотрудникам участвовать в создании формата занятий или формата работы.

Они больше командные игроки, поэтому стоит выстроить их карьерную траекторию с учётом этой их сильной черты.

Они с лёгкостью общаются и обмениваются информацией через мессенджеры, почту и другие технические средства связи, но слабы в очной коммуникации. Из-за по большей части письменной коммуникации (с графическими элементами — смайлы, эмодзи) теряется навык прямого взаимодействия. Страдает эмпатия, потому что в реальной жизни считывать эмоции живых людей — это не то же самое, что толковать эмодзи. Ещё одна особенность, которую необходимо учитывать, заключается в том, что внимание миллениалов сосредоточено на себе и своих интересах в первую очередь. Они не поступятся своими интересами, если это требуется для успеха команды. Здесь важно часто подчёркивать, что личный успех зависит от общего успеха.

Для миллениалов большое значение имеет соблюдение баланса между работой и внерабочим временем. Среди них не так много трудоголиков, как в предыдущих поколениях; и это тоже обязательно нужно учитывать. Миллениалы «не понимают» концепцию постепенного обучения и развития карьеры: их информационное поле наполнено историями моментального успеха и молниеносных карьер. В данном случае можно скорректировать ожидания и мотивацию установкой прозрачной системы поощрения за старания с небольшим горизонтом планирования. Чувство справедливости у молодёжи до сих пор развито достаточно сильно, поэтому с помощью него можно сориентировать их на постепенное движение к успеху.

Совсем скоро в университеты начнут поступать дети миллениалов, новое поколение — зеты, зумеры, «поколение Родины» и т.д. При этом их дедушки и бабушки — иксы — скорее всего будут работать до глубокой старости, благодаря современным технологиям и увеличению продолжительности и качества жизни. Уже сейчас очевиден тренд на обучение и переобучение в течение всей профессиональной жизни. Следовательно, на рынке долгое время будут сосуществовать несколько поколений, взгляды которых на многие вещи иногда диаметрально противоположны. И если сейчас старшее поколение ещё может позволить себе игнорировать это несовпадение, то уже через несколько лет делать это будет невозможно. Наиболее дальновидные компании сегодня трансформируют свои корпоративные структуры под новые запросы, изменяют стратегии и прислушиваются к своим молодым сотрудникам.

SOCIOCULTURAL ANALYSIS OF MILLENNIALS IN RUSSIA

E.V. Zaburdaeva

Elena V. Zaburdaeva — PhD in Sociology, Senior Lecturer, Department of Media Policy and Public Relations, MGIMO University. 119454, Moscow, prospect Vernadskogo, 76. E-mail: e.zaburdaeva@inno.mgimo.ru

Zaburdaeva E.V. 2020. Sociocultural Analysis of Millennials in Russia. *Concept: Philosophy, Religion, Culture.* Vol. 4. No 4. P. 122–134. https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-122-134

Received: 08.07.2020. Accepted: 28.10.2020.

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Abstract. *The article provides a sociocultural analysis of parameters of the millennials, the generation which will become the basic workforce in Russia in the next 10 years. It being topical, the major attention*

of the paper is dedicated to market and micro-interactionist influence of basic traits of millennials. The issue of treating millennials is faced both sociologically and managerially. It is said that the large number of conflicts between millennials and older generations leads to systematic inconvenience and turbulence, as it does not allow young employees to integrate in corporate cultures and increase own labor efficiency, at the same time affecting older employees, the management and corporative performance.
Another aspect of the core issue raised by the author is educating the youth. Understanding the set of core values of millennials, their strategies and tactics of behavior in the workplace also becomes a prerequisite for teachers to successfully train students of this generation in universities.
This research, in addition to many recent ones, examines that millennials can be characterized with such distinctive features. They, being digital natives, shift to more rapid, discrete and depersonalized forms of communication. Focused on managing their personal image and identity, millennials prefer playing socially desirable roles and tend to reframe own failures into external misfortunes. This brings about the issue of meeting the set goals, and nowadays the youth tends to plan less and rather get more usual feedback which is expected to be positive. These features are most likely to breed intergeneration misunderstanding. However, what is surely discovered to be helpful in settling controversies is that millennials tend to be more flexible and tolerant than other generations, which tells on general success of interaction and effort. The author, addressing the challenges of communication with modern youth, offers recommendations based on his own pedagogical experience of interaction with millennials. These are: provide basic guidelines and time plans as well as assessment benchmarks. Managerial staff should also dedicate more effort to mentorship and peer-level communication.

Keywords: generations, generation theory, millennials, human resources, higher education, adaptation, mentoring, communications, values, information field, labour market.

References:

Howe N., Strauss W. 2007. The Next 20 Years: How Customer and Workforce Attitudes Will Evolve. *Harvard Business Review.* 85 (7-8). P. 41-52.

Massey M. 2005. *What you are is where you were when — again!* Cambridge: Enterprise Media. 78 p.

Ryder N. 1965. The Cohort as a Concept in the Study of Social Change. *American Sociological Review.* 30 (6). P. 843-861. Available at: http://www.jstor.org/stable/2090964 (accessed 2.11.2020).

Schawbel D. 2013. *Promote Yourself: The New Rules for Career Success*. New York: St. Martin's Press. 250 p.

Twenge J.M., Campbell W.K., Freeman E.C. 2012. Generational Differences in Young Adults' Life Goals, Concern for others, and Civic Orientation, 1966-2009. *Journal of Personality and Social Psychology.* 102 (5). P. 1045-1062. https://doi.org/10.1037/a0027408

Danilova E.A. 2007. Tsennostnye orientatsii i idealy molodezhi sovremennoi rossiiskoi provintsii [Value Orientations and Ideals of the Youth in Modern Russian Province]. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki.* No. 4. P. 17-23 (In Russian).

Ibragimova D. 2014. Kogortnyi analiz potrebitel'skikh ozhidanii naseleniia Rossii (1996–2010): teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovani [Cohort Analysis of Consumer Expectations of Russian Population (1996–2010): Theoretical and Methodological Backgrounds]. *Ekonomicheskaia sotsiologiia.* 15 (2). P. 99-118 (In Russian).

Ivanova E.I. 2016. *Pokolenie v zerkale sotsial'no-demograficheskogo analiza* [Generation in the Mirror of Socio-Demographic Analysis]. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. 281 p. (In Russian).

Kapeliushnikov R.I., Lukyanova A.L. 2010. *Transformatsiia chelovecheskogo kapitala v rossiiskom obshchestve* [Transformation of Human Capital in the Russian Society]. Moscow: Fond "Liberal'naia missiia". 196 p. (In Russian).

Koroleva A.A. 2016. Obrazovatel'naia funktsiia estestvennonauchnykh muzeev v usloviiakh stanovleniia setevogo obshchestva [The Educational Function of Natural Science Museums under the Transition to the Network Society]. *The Moscow Journal of International Communications.* 1. http://intcom-mgimo.ru/2016/2016-01/museums (In Russian).

Koroleva A.A. 2014. Sovremennye transformacii sociokul'turnoj identichnosti v Rossii [Modern Transformations of Sociocultural Identity in Russia]. *Gosudarstvennaia ideologiia i sovremennaia Rossiia; Materialy Vserossiiskoi nauchno-obshchestvennoi konferentsii.* Tsentr nauchnoi politicheskoi mysli i ideologii; redaktsionno-izdatel'skaia gruppa: S.S. Sulakshin (rukovoditel'), V.E. Bagdasarian, V.N. Leksin. Moscow: Nauka i politika. P. 648-658 (In Russian).

Lythcott-Haims J. 2015. *How to Raise an Adult: Break Free of the Overparenting Trap and Prepare Your Kid for Success.* New York: Henry Holt and Co. 368 p. (Russ. ed.: Lythcott-Haims J. 2017. *Otpustite ikh. Kak podgotovit' detei k vzrosloi zhizni.* Moscow: Mann, Ivanov i Ferber. 352 p.).

Mannheim K. 1998. Problema pokolenii [Generation Problem]. *Novoe literaturnoe obozrenie.* No. 2. P. 7-47 (In Russian).

Pyrma R.V. 2017. Vosstanie pokoleniia Z: Novye Politicheskie Radikaly [Rebellion of the Generation Z: New Political Radicals]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta.* 7 (2). P. 43-50 (In Russian).

Radaev V.V. 2020. *Millenialy: Kak meniaetsia rossiiskoe obshchestvo* [Millennials: How the Russian Society Changes]. 2 edition. Moscow: Izdatel'skii dom NIU VShE. 224 p. https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2160-1 (In Russian).

Shamis E., Nikonov E. 2017. *Teoriia pokolenii: neobyknovennyi Iks.* [The Theory of Generations. Extraordinary X]. Moscow: Universitet "Sinergiia". 138 p. (In Russian).

Smolskaya E.P. 2017. Soderzhanie kommunikatsii [Communication Content]. *The Moscow Journal of International Communications.* 2. http://intcom-mgimo.ru/2017-02/communication-content (In Russian).

Stillman D. 2017. *Gen Z @ Work: How the Next Generation Is Transforming the Workplace.* New York: Harper Business. 320 p. (Russ. ed.: Stillman D. 2018. *Pokolenie Z na rabote. Kak ego poniat' i naiti s nim obshchii iazyk.* Moscow: Mann, Ivanov i Ferber. 272 p.).

Tulgan B. 2009. *Not Everyone Gets A Trophy: How to Manage Generation Y.* San Francisco: CA Jossey-Bass. 182 p. (Russ. ed.: Tulgan B. 2017. *Ne vsem dostanetsia priz. Kak upravliat' pokoleniem Y.* Moscow: Mann, Ivanov i Ferber. 256 p.).

Werbach K., Hunter D. 2012. *For the Win: How Game Thinking Can Revolutionize Your Business.* Philadelphia: Wharton Digital Press. 148 p. (Russ. ed.: Werbach K., Hunter D. 2015. *Vovlekai i vlastvui. Igrovoe myshlenie na sluzhbe biznesa.* Moscow: Mann, Ivanov i Ferber. 224 p.).

Список литературы на русском языке:

Вербах К., Хантер Д. 2015. *Вовлекай и властвуй. Игровое мышление на службе бизнеса.* Москва: Манн, Иванов и Фербер. 224 с.

Данилова. Е.А. 2007. Ценностные ориентации и идеалы молодёжи современной российской провинции. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки.* № 4. С. 17-23.

Ибрагимова Д.Х. 2014. Когортный анализ потребительских ожиданий населения России (1996–2010): теоретико-методологические основы исследования. *Экономическая социология.* 15 (2). С. 99-118.

Иванова Е.И. 2016. *Поколение в зеркале социально-демографического анализа.* Москва: Российский государственный гуманитарный университет. 281 с.

Капелюшников Р.И., Лукьянова А.Л. 2010. *Трансформация человеческого капитала в российском обществе.* Москва: Фонд «Либеральная миссия». 196 с.

Королева А.А. 2016. Образовательная функция естественнонаучных музеев в условиях становления сетевого общества. *Международные коммуникации*. № 1. С. 7. URL: http://intcom-mgimo.ru/2016/2016-01/museums (дата обращения: 2.11.2020).

Королева А.А. 2014. Современные трансформации социокультурной идентичности в России. *Государственная идеология и современная Россия; Материалы Всероссийской научно-общественной конференции.* Центр научной политической мысли и идеологии; редакционно-издательская группа: С.С. Сулакшин (руководитель), В.Э. Багдасарян, В.Н. Лексин. Москва: Наука и политика. С. 648-658.

Литкотт-Хеймс Дж. 2017. *Отпустите их. Как подготовить детей к взрослой жизни.* Москва: Манн, Иванов и Фербер. 352 с.

Мангейм К. 1998. Проблема поколений. *Новое литературное обозрение.* № 2. С. 7-47.

Пырма Р.В. 2017. Восстание поколения Z: новые политические радикалы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета.* 7 (2). С. 43-50.

Радаев В.В. 2020. *Миллениалы: Как меняется российское общество.* 2-е изд. Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ. 224 с. https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2160-1

Смольская Е.П. 2017. Содержание коммуникации. *Международные коммуникации.* № 2. URL: http://intcom-mgimo.ru/2017-02/communication-content (дата обращения: 2.11.2020).

Стиллман Д. 2018. *Поколение Z на работе. Как его понять и найти с ним общий язык*. Москва: Манн, Иванов и Фербер. 272 с.

Тулган Б. 2017. *Не всем достанется приз. Как управлять поколением Y.* Москва: Манн, Иванов и Фербер. 256 с.

Шамис Е., Никонов Е. 2017. *Теория поколений: необыкновенный Икс.* Москва: Университет «Синергия». 138 с.

УДК 008 https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-135-146

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИЙ ПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА РОССИИ: ИСТОРИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ (КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ)

Е.В. Колокольцева

Колокольцева Екатерина Владимировна — аспирант кафедры Дипломатии МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: ekaterinakltsv09@gmail.com

Колокольцева Е.В. 2020. Концептуализация стратегий презентации России: история и эволюция (коммуникативные аспекты). *Концепт: философия, религия, культура.* Том 4. № 4(16). С. 135–146. https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-135-146

Статья поступила в редакцию: 20.09.2020. Принята к публикации: 24.11.2020.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Предметом данного исследования является эволюция концептуального оформления официальных установок, определяющих принципы презентации образа России на международной арене, и их научное сопровождение. Культурное значение смены приоритетов коммуникативной стратегии прослеживается путём сравнительного анализа концепций (1) «внешнеполитического имиджа» и (2)«объективного восприятия». Актуальность подобного сопоставления диктуется необходимостью установления связи текущих изменений официальной риторики с теми культурными трансформациями, которые находят выражение в конструировании внешнеполитического образа. Материалом исследования послужили ключевые внешнеполитические документы Российской Федерации, созданные за период 2000 – 2019 гг., а также ряд кейсов, отражающих взаимодействие различных институтов в процессе формирования образа России за рубежом. Отдельное внимание уделено институту публичной дипломатии в контексте нового понимания цели и задач применения такого инструмента, как «мягкая сила». С точки зрения перехода от «имиджа» к «объективному образу» проанализирована деятельность средств массовой коммуникации, нацеленных на международную аудиторию. С этой целью рассмотрено проведение таких мегамероприятий, как Зимние Олимпийские игры в Сочи в 2014 году и Чемпионат мира по футболу FIFA 2018, а также их освещение в национальных и международных медиа. В результате проведённого исследования обоснован вывод о том, что в условиях информационного противостояния Россия вынужденно изменила стратегию презентации, отказавшись от стремления к созданию позитивного имиджа в пользу установки на формирование основ объективного восприятия своего образа со стороны иностранных контрагентов. Тем самым доказано, что коммуникативный потенциал страны, проанализированный сквозь призму риторики официальных внешнеполитических документов, демонстрирует существенный сдвиг в пользу более традиционных для России культурных ценностей. Например таких, как установка «быть, а не казаться».

Ключевые слова: имидж, образ, объективное восприятие, концепция внешней политики, публичная дипломатия, мягкая сила.

Одной из наиболее актуальных внешнеполитических задач, над которыми в настоящее время работают многие государства, является формирование позитивного образа, способного повысить привлекательность и конкурентоспособность страны на международной арене. При этом всё чаще отмечается, что так называемый «страновой брендинг» тесно связан с решением не только политических, но и значительно более широких культурных задач. Для России названная проблематика стала особенно актуальной в последние десятилетия XX в., когда отчётливо обозначились существенные отличия образа «новой России» по сравнению с привычными стереотипами, многие годы определявшими её восприятие зарубежными партнёрами. Отметим: для культурного самосознания россиян характерен упор на противопоставлении «имиджа» как лукавого образа, — и собственно образа, основанного на объективных особенностях того или иного явления или процесса. Правда, за прошедшие годы негативные коннотации, заложенные в языковой реальности, претерпели некоторую эволюцию в сторону сглаживания резко отрицательных суждений. Вместе с тем, нельзя не заметить встречный терминологический дрейф, который проделали понятия «имидж» и «образ» за период существования независимой России. Понятие «имидж» постепенно теряло прямые негативные коннотации, приближаясь к семантически нейтральной окраске понятия «образ».

При этом на разных этапах развития страны подходы к формированию её внешнеполитического образа/имиджа существенно различались. В этой связи представляет интерес изучение особенностей эволюции понятия «имидж/образ страны».

Кратко рассмотрим каждый из этапов формирования стратегии презентации образа России на международной арене. Как было отмечено выше, имиджформирующая политика явилась относительным новшеством для России ввиду её сравнительной молодости (в качестве правопреемницы СССР Российская Федерация существует с 1991 г.). Соответственно, на ранних этапах своего существования современная Россия не выстраивала какой-либо целостной политики по формированию собственного имиджа, более того — на какое-то время она утратила контроль за деятельностью по формированию внешнеполитического имиджа, поскольку советские механизмы пропаганды были уже остановлены, а альтернатива этим механизмам ещё не была изобретена. Таким образом, ранние 1990-е гг. были отмечены формированием «стихийного» позитивного имиджа, презентирующего образ России благодаря (в основном) демократическим преобразованиям и сознательному дистанцированию от ряда имиджевых характеристик, присущих СССР. Эти позитивные тенденции имели краткосрочный характер, и усугубившиеся во второй половине 1990-х гг. социально-экономические проблемы способствовали формированию образа России как слабой, экономически и политически несостоятельной страны[1].

К началу 2000-х гг. ситуация стабилизировалась, и на повестке дня российских властей появился вопрос о необходимости отчётливо артикулировать государственные приоритеты с целью формирования позитивного имиджа страны на международной арене. Таким образом, точкой отсчёта имиджформирующей политики России следует считать начало 2000-х гг., когда проблема построения позитивного имиджа Российской Федерации была выведена на государственный уровень посредством включения её в число ключевых задач, обозначенных Концепцией внешней политики Российской Федерации 2000 г.[2]. Конкретные шаги в этом направлении стали предметом дискуссий, в том числе научных. Так, многие авторы отмечали, что качественное формирова-

[1] Лябухов И.В. 2011. *Государственная политика по формированию имиджа Российской Федерации на международной арене:* автореферат дисс... к. полит. н. Пермь. С. 18.

[2] *Концепция внешней политики Российской Федерации № 133 от 11.07.2000 г.* URL: https://www.ng.ru/world/2000-07-11/1_concept.html (дата обращения: 11.11.2020).

ние благоприятного государственного имиджа Российской Федерации, предполагающее «исправление ошибок прошлого», займёт достаточно продолжительное время — вероятно, не одно десятилетие. Что касается финансовых вложений, то, по мнению экспертов, данная кампания требует не меньше 1,5 млрд. долларов в год [Лебеденко, 2004: 195].

На начальных порах современного, третьего этапа презентации образа России вовне, чётко прослеживалась преемственность приоритетных задач по формированию и продвижению позитивного имиджа России на международной арене, сформулированных Концепцией внешней политики Российской Федерации 2000 г. Однако с течением времени имиджевая составляющая российской внешней политики была уточнена, что нашло отражение в содержании ключевых официальных документов, затрагивавших эти вопросы. Приведём ряд примеров.

Так, если в принятой в 2009 г. Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. в п. 84 отмечалась необходимость укрепления международного имиджа России как страны, обладающей богатой традиционной, но в то же время современной и развивающейся культурой[3], то уже в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 2015 г. в соответствующем по содержанию пункте понятие «имидж» отсутствовало; акценты были смещены на необходимость обеспечения российского культурного суверенитета. Кроме того, в положениях п. 82 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 2015 г. и в Концепции внешней политики 2016 г.* содержится указание на возможность зарубежной идейно-ценностной экспансии, оказывающей влияние на российских граждан, в связи с чем подчёркивается важность контроля в информационной сфере[4].

Можно предположить, что эти изменения напрямую связаны с таким вызовом, как информационные войны, участником которых оказалась и Россия. Цель таких войн — оказание информационно-психологического воздействия на общество для формирования определённого общественного мнения о той или иной стране и последующего управления им. Известно: крупные страны, такие как США, Китай, страны ЕС и другие, выделяют огромные средства для создания своего позитивного имиджа в глазах международного сообщества. Присутствуют в этих стратегиях и специфически агрессивные элементы, направленные на разрушение благоприятных образов других стран, — как на международной арене, так и в пространстве их, этих стран, собственной культуры.

Создание мощной идеологической машины, формирующей необходимое для эффективных манипуляций мировоззрение и политическую позицию жителей других стран, изобретено, конечно, не сегодня. Однако только сегодня подобные стратегии получили столь проработанную экипировку. Прежде всего, речь идёт о политизации медиа (телевизионное и радиовещание, печатные издания); массовое искусство и т.д. Широко применимы инструменты воздействия на массовое сознание с использованием новейших технологий, включая социальные сети [Кашлев, Галумов, 2003: 63]. Политический стереотип — установка на определённое восприятие, которое, в конечном счёте, сводится к сознательно формируемому мнению граждан о стране [Пажвак, 2018: 16-17], становится предметом имиджевых манипуляций. Именно такое, сформированное с помощью идеологической обработки, общественное мнение, состоящее из набора политических стереотипов, стало отождествляться с имиджем.

Можно предположить, что толчок к существенным изменениям в подходе

---

[3] *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента Российской Федерации от 12.05.2009 г. № 537.* URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/29277 (дата обращения: 20.08.2019).

* Концепция внешней политики Российской Федерации от 30 ноября 2016 годаN Пр-640 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kremlin.ru/acts/bank/41451/page/1 (дата обращения: 20.08.2019).

[4] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации № 683 от 31.12.2015 г. *Собрание законодательства Российской Федерации.* 2016. № 1 (часть II). Ст. 212.

Российской Федерации к определению внешнеполитических приоритетов был результатом не только изменения внешнеполитической ситуации после 2008 г., но и явился следствием эскалации информационных войн. Это факторы в конечном счете и привели к отказу от употребления слова «имидж» в ключевых документах, определяющих эти приоритеты, — таких, как Стратегия национальной безопасности. Тем самым официальная риторика вернулась к более традиционной для России ценности презентации своего образа, основанной на объективных характеристиках, а не на отобранных для продвижения позитивных чертах. Как уже отмечалось, именно так, как традиционную ценность, можно интерпретировать понятие «образ» по сравнению с заимствованием «имидж» (несмотря на то, что оба эти слова в буквальном смысле означают одно и то же).

Наиболее значимые терминологические изменения наблюдаются в тексте Концепции внешней политики Российской Федерации, которая была утверждена в 2008 г. В отличие от предшествовавшей ей Концепции внешней политики Российской Федерации от 2000 г., данная внешнеполитическая концепция не была ориентирована на формирование позитивного имиджа России за рубежом (то есть на создание привлекательного для мирового сообщества образа и на его дальнейшее продвижение). Новая концепция обозначила в качестве приоритетной необходимость содействия **объективному восприятию России в мире** (ч. I). Примечательно, что объективное восприятие мировым сообществом как одна из приоритетных целей российской внешнеполитической деятельности заявлено также в пункте 6 ч. III Концепции, посвящённом вопросам информационного сопровождения внешнеполитической деятельности[5] (под достижением объективного восприятия здесь понимается донесение до мировой общественности максимально точной и полной информации о том, каковы позиции России по тем или иным проблемам, стоящим на международной повестке).

Отказ от формирования привлекательного образа в пользу стратегии объективного восприятия нашёл отражение и в высказывания первых лиц российской внешней политики. В частности, министр иностранных дел С.В. Лавров в одном из опубликованных выступлений отмечает: перед МИД России сегодня поставлена задача оказывать содействие продвижению российских интересов за рубежом, в том числе и посредством совершенствования информационного сопровождения внешнеполитической деятельности в целях формирования объективного восприятия России мировым сообществом[6]. Итак, на современном этапе, в условиях ускоряющихся информационных потоков и появления новых инструментов ведения информационных войн, внешнеполитические приоритеты России в части формирования образа страны на международной арене заметно изменились. На повестке дня встал вопрос о необходимости обеспечения мирового сообщества достоверной информацией о нашей стране в целях противостояния разного рода фальсификациям и искажениям.

Проведём небольшой сравнительный анализ подходов, сложившихся в отечественной научной литературе в связи с проблемой демаркации понятий «имидж» и «образ» (в контексте темы презентации образа России на международной арене).

Начнём с понятия «**имидж**». Несмотря на то, что это понятие в официальных документах более не употребляется, оно по-прежнему широко используется и является предметом продолжающихся научных дискуссий. В российском научном сообществе и сегодня отсутствует единство мнений относительно данного понятия, что создает дополнительные трудности для его применения на практике. К примеру, Р.М. Кумышева рассматривает имидж стра-

[5] *Концепция внешней политики Российской Федерации от 12 июля 2008 г. № Пр-1440.* URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/785 (дата обращения: 20.08.2019).

[6] См.: Лавров С.В. *Внешняя политика России: преемственность и новые задачи в эпоху перемен.* URL: http://federalbook.ru/files/FS/Soderjanie/FS-26/V/Lavrov.pdf (дата обращения: 20.08.2019).

ны как её репутацию или определенный образ, формирующийся в восприятии жителей других стран [Кумышева, 2018: 100]. Отождествляя такие понятия, как «репутация» и «образ», она в конечном счёте сводит оба к понятию «имидж». На наш взгляд, такой подход нельзя признать корректным, поскольку взаимосвязь имиджа и репутации не очевидна. А.С. Качур также склонен отождествлять понятия «имидж» и «образ», определяя их как синонимы и трактуя имидж как основанный на различных характеристиках развития страны (социоэкономических, культурных, демографических, политических и др.) образ, подкрепляемый сформированной идентичностью граждан [Качур, 2017: 161]. М.И. Ведерникова, в свою очередь не разграничивая понятия «имидж» и «образ», отмечает, что образ не только служит для отображения реального объекта, но и содержит определенную мифотворческую составляющую [Ведерникова, 2017: 103]. Коллектив авторов в составе М.А. Булгарова, М.Н. Тонян и А.А. Кутовой предлагает, пожалуй, самое оригинальное определение имиджа, характеризуя его как совокупность представлений (рациональных и эмоциональных), вытекающих из сопоставления всех влияющих на создание образа страны признаков, включая слухи [Булгаров, Тонян, Кутовая, 2017: 112]. По мнению Д.В. Гаджиева, имидж страны является динамичным феноменом, который оценивается как на уровне политических институтов, так и на уровне массовых аудиторий, осмысляющих характер взаимоотношений между странами. В то же время, в своём исследовании он прибегает к использованию понятий «образ государства» и «образ страны» в качестве синонимов понятия «имидж страны», приписывая им те же характерные черты, которые относит к понятию «имидж» [Гаджиев, 2017: 57-58]. Такой подход представляется ошибочным хотя бы потому, что понятия «государство» и «страна», хотя и могут являться синонимами, в ряде случаев подразумевают под собой совершенно разные концепты.

Как видим, в приведённых выше определениях понятие «имидж» заменяется понятием «образ». Тем не менее, встречаются авторские точки зрения, в которых понятия «имидж» и «образ» разграничиваются. Так, О.Г. Щеглова рассматривает имидж не как образ, являющийся отображением действительности в сознании людей, а как «профессионально», «целенаправленно», «искусственно» созданный образ страны [Щеглова, 2017: 38].

На наш взгляд, именно эта точка зрения является наиболее обоснованной. Полагаем, что, несмотря на этимологическую связь слов «образ» и «имидж», два этих понятия не являются тождественными. «Образ» как отражение действительности представляется более пассивной категорией; «имидж» имеет более активный характер, проявляющийся в оказании целенаправленного действия. Кроме того, имиджа конкретен и практичен — он аккумулирует в себе только то, что необходимо транслировать в сознание окружающих, и отбрасывает всё лишнее; в то время как образ отражает все, что попадает в поле внимания. В.Н. Козулин отмечает, что образ страны характеризуется чертами, придающими ей естественную привлекательность, а не «деланную, навязываемую посредством СМИ» [Козулин, 2017: 138]. Исходя из этой позиции можно заключить, что «образ» как способ презентации страны в пространстве международной коммуникации является более «естественной» категорией, тогда как имидж конструируется целенаправленно, а потому «естественным» не является.

Таким образом, *имидж* страны на современном этапе самосознания российской культуры вновь интерпретируется в качестве целенаправленно создаваемого информационного продукта, тогда как образ является естественным отражением каких-либо качеств, присущих рассматриваемому объекту. При этом и то, и другое понятие подтвердили своё право на существование в научном дискурсе. Однако если речь идёт о заявленном во внешнеполитической концепции объективном восприятии России в мире, представляется, что для уместным обеспечения такого восприятия является использование термина, имеющего есте-

ственные, а не специально сконструированные черты.

Что же такое «***образ*** страны»? Прежде всего необходимо отметить, что на формирование образа страны оказывает влияние целый ряд факторов, которые в научной литературе подразделяют на:

а) группу статичных факторов, которые практически не поддаются корректировке (природные условия, культурное наследие и история, особенности государственного устройства и управления);

б) группу условно-динамичных социологических факторов (морально-ценностные установки общества, социологические факторы);

в) группу условно-динамичных институциональных факторов (макроэкономические показатели и их динамика, инвестиционная привлекательность, верховенство закона, эффективность власти и др.) [Качур, 2017: 161-162].

Структурно образ состоит из трёх частей: воспринимаемого образа объекта, сформировавшегося представления воспринимаемого образа, а также желаемого образа объекта восприятия. Применительно к стране образ может быть внутренним (отражающим представления о стране собственных граждан) и внешним (отражающим представления о стране иностранных граждан). Как отмечает Р. М. Кумышева, в случае, когда внутренний и внешний образы страны совпадают в представлении граждан за рубежом, образ страны становится устойчивым в их восприятии; в случае же их расхождения образ страны будет отрицательным, а представления иностранных граждан о стране — неустойчивыми и ложными [Кумышева, 2018: 100].

Сегодня образ России, получивший распространение за рубежом, определяется прежде всего вкладом нашей страны в мировую историю и культуру. В то же время необходимо отметить, что образ России долгое время определялся перешедшим к ней в порядке правопреемства советским наследием: Россия по-прежнему является ядерной державой, страной с крупнейшей территорией, одним из мировых лидеров на рынке энергоресурсов. Последовавший за распадом СССР кризис, вызванный разрывом экономических связей и снижением уровня жизни населения, негативно сказался на образе России в глазах остального мира. Однако за годы существования в качестве независимого государства современная Россия успела частично восстановить утраченные позиции. В том числе, за счёт улучшения макроэкономических показателей.

Важно подчеркнуть: внешнеполитический образ страны не может определяться исключительно экономическими показателями, политическими действиями её руководства или фактом наличия богатого культурно-исторического наследия. В ходе информационных войн образ страны может быть представлен в негативном ключе, несмотря на экономические успехи, укрепление государственности и т.д. По этой причине особое значение в условиях глобализирующегося мира обретают вопросы защиты национальных интересов и содействия объективному восприятию России в мире, что требует привлечения широкого спектра методов, выходящих за рамки традиционной дипломатии. Неслучайно в Концепции внешней политики Российской Федерации 2008 г. обозначается стремление Российской Федерации добиваться объективного восприятия в рамках *публичной дипломатии*, а также посредством разработки собственных эффективных средств оказания информационного воздействия на мировое сообщество, его представление о России[7]. В данном контексте необходимо упомянуть о том, что публичная дипломатия представляет собой важную часть так называемой «мягкой силы». Как известно, концепцию «мягкой силы» («soft power») предложил в 1980-х гг. американский политолог Дж. Най; её суть состоит в том, что в «холодной войне» США смогли добиться

[7] *Концепция внешней политики Российской Федерации от 12 июля 2008 г. № Пр-1440.* URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/785 (дата обращения: 20.08.2019).

успеха не за счёт жесткой силы (армии или экономической мощи), а благодаря силе «мягкой», то есть свободам и культурным ценностям [Nye, 2020]. Таким образом, под инструментами «мягкой силы» необходимо понимать несиловые средства достижения успеха во внешнеполитической деятельности.

В свою очередь, публичную дипломатию в научной литературе трактуют как финансируемую правительством программу по оказанию воздействия на мнение общественности за рубежом, а также по дальнейшему информированию граждан зарубежных стран. К числу акторов публичной дипломатии могут относиться как собственно дипломаты, так и неправительственные организации [Lee, Ayhan, 2015]. С учётом того, что публичная дипломатия как неотъемлемая часть «мягкой силы» предусматривает несиловое решение вопроса о формировании представления об образе России за рубежом, а также информирование зарубежных граждан, представляется, что именно использование публичной дипломатии и иных инструментов «мягкой силы» должно способствовать наиболее эффективному содействию объективному восприятию России мировым сообществом, как сегодня того требуют положения Концепции внешней политики.

Стоит отметить, что специалисты в области международных отношений в целом оценивают текущие достижения российской публичной дипломатии весьма скромно. Так, например, М.И. Ведерникова отмечает, что России следует уделять публичной дипломатии больше внимания, поскольку в данной сфере сегодня наша страна явно уступает ведущим мировым державам, успешно выстроившим и реализующим свои программы в рамках осуществления политики «мягкой силы» [Ведерникова, 2017: 103]. С точки зрения В. Н. Козулина, без подлинной свободы и предоставления возможностей для творческой самореализации Россия всегда будет уступать странам, где уровень свободы выше [Козулин, 2017: 139]: несмотря на проделанные шаги, отсутствие долгосрочной стратегии не позволяет предпринятым мерам привести к ожидаемым положительным результатам. А.А. Королева отмечает, что определяющими факторами по поддержанию объективного образа страны должны быть исторические цели, а не актуальные потребности, что наглядно демонстрируют события на Украине [Королева, 2015].

Невысокая оценка эффективности внешнеполитических усилий России в сфере публичной дипломатии, однако, не означает, что Россия не применяет инструменты «мягкой силы». В частности, примером успешного выстраивания Россией многолетних дружественных отношений при применении публичной дипломатии являются её отношения с Сербией. В этой стране с 2000-х гг. образ России формируется благодаря таким неправительственным организациям, как Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова. С его помощью, например, ежегодно проводится «Балканский диалог», представляющий собой площадку для дискуссий специалистов в сфере международных отношений и журналистики из России и стран Балканского полуострова. На этой площадке представители России и балканских стран обсуждают перспективы политики в регионе, анализируют направления её дальнейшего развития и т.д.[8]

Ещё одна неправительственная организация, являющаяся субъектом публичной дипломатии по статусу и инструментом формирования образа России в Сербии по факту, — Российско-сербский гуманитарный центр (далее — РСГЦ). Центр создавался в 2009 г. в целях оказания сербскому народу гуманитарной помощи в случае чрезвычайных ситуаций, и с этого момента неоднократно демонстрировал свои возможности входе ликвидации последствий наводнений как в Сербии, так и в

[8] *Балканский диалог-2019*. URL: https://mgimo.ru/about/news/departments/balkanskiy-dialog-2019 (дата обращения: 20.08.2019).

других странах полуострова[9]. При помощи такого инструмента, как РСГЦ, Россия выстраивает надёжные отношения с Сербией в сфере гуманитарного сотрудничества. Как актор публичной дипломатии, РСГЦ имеет значительный потенциал: сфера его деятельности не ограничивается Сербией, распространяясь на другие страны полуострова. Кроме того, в самой Сербии РСГЦ активно сотрудничает с общественными, религиозными и ветеранскими организациями, организует встречи со школами и СМИ. Сфера практического применения данного инструмента, таким образом, явно выходит за пределы ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций.

В среде российских исследователей современных проблем презентации образа России за рубежом выделяется мнение, согласно которому одним из наиболее эффективных направлений применения «мягкой силы» является проведение так называемых «мегасобытий» (например, Олимпийских игр 2014 г. или Чемпионата мира по футболу-2018) [Ведерникова, 2017: 104]. Такая стратегия имеет выраженный имиджевый эффект, поскольку результат их проведения можно оценить скорее как политический пиар, нежели вклад в формирование образа России в том смысле, о котором говорилось выше (то есть такого представления о стране, которое содействовало бы её объективному восприятию за рубежом). Об этом, в частности, свидетельствует вспыхнувший по завершении игр в Сочи допинговый скандал; а также предварявшие Чемпионат мира-2018 расследования, связанные с коррупцией при выборе страны-хозяйки мундиаля. Несмотря споры вокруг достоверности конкретных событий, тема «коррупционных схем» настолько активно муссировлась в СМИ, что постепенно вытеснила информацию о самих мероприятиях. В итоге существенному улучшению восприятия образа России за рубежом проведение указанных «мегасобытий» не способствовало — несмотря на то, что организованы они были совсем не плохо и прошли весьма успешно.

Альтернативной стратегией проведения подобных «мегасобытий» мог бы стать принципиально другой подход к их коммуникативным задачам, предполагающий упор не на обеспечение позитивного имиджа, продвигаемого любой ценой, а на активное продвижение культурно-гуманитарного образа страны в ее «нормальном» (а не идеализированном до предела) состоянии.

В данной связи нельзя не отметить роль медиа, созданных с целью доведения до целевой аудитории достоверной информации, на основании которой складывается представление о той или иной стране [Качур, 2017: 161-162]. Среди таких медиа выделяется российский новостной канал Russia Today (далее — RT), чей контент адресован иностранным гражданам. Специфика данного канала состоит в том, что его программная политика ориентирована именно на формирование в сознании зарубежной аудитории образа России. В этой связи вещательная концепция RT опирается на принцип продвижения в мир российских национальных ценностей, что позволяет приблизить страну к зарубежному зрителю [Lebedeva, Morozov, Shebalina, 2019]. RT — по существу идеологический инструмент, позволяющий России влиять на выстраивание своего образа. При этом качественным отличием RT является акцент на просветительскую деятельность, сконцентрированную в программах, раскрывающих культурные или этнографические аспекты российской жизни. За счёт этого, как отмечают эксперты, создается ситуация, когда западный зритель может узнать больше фактов из истории и современности страны, нежели отечественный [Калинина, 2012]. Разумеется, нельзя отрицать, что помимо просветительской функции, канал выполняет также и функцию оборонительного инструмента в условиях информационных войн. В частности, в 2008 г. именно корреспонденты RT

[9] *Соглашение о сотрудничестве в области чрезвычайного гуманитарного реагирования, предупреждения стихийных бедствий и техногенных аварий и ликвидации их последствий.* URL: http:// ihc.rs (дата обращения: 20.08.2019).

обратили внимание мирового сообщества на использование каналом CNN снимков разрушенного южноосетинского Цхинвали для демонстрации якобы пострадавшего от российского удара грузинского Гори [Пажвак, 2018: 16-17]. Однако следует отметить: появление в мировом медиапространстве российского канала, с помощью которого наша страна получила возможность доносить правдивую информацию о конкретных событиях, связанных с ролью России на международной арене, является необходимой и разумной реакцией на поступающие внешнеполитические вызовы. Акцент, сделанный в деятельности RT на «образ», а не на «имидж» позволяет утверждать, что в его работе по принципу «мягкой силы» де-факто реализуются положения Концепции внешней политики 2008 г.

В данной связи возникает ещё один концептуальный вопрос. Исходя из того, что в основу концепции «soft power» положен принцип формирования привлекательного образа страны (а именно с повышением привлекательности связано создание позитивного имиджа страны), логично было бы предположить, что в контексте теории и практики применения «мягкой силы» должен использоваться термин «имидж». Тем не менее, как было показано выше на примере критики концептуальных моделей коммуникативных задач «мегасобытий», продвижение идей и ценностей, не подкрепленных *действительной* привлекательностью, имеет сомнительную либо даже отрицательную результативность. Прямолинейная пропаганда с этой точки зрения — дань прошлому, которая не определённо выдерживает испытания настоящим.

Наиболее адекватным сегодняшнему этапу концептуализации стратегий презентации образа России представляется принцип «быть, а не казаться» [Чернышов, 2017: 5-6]. Даже выраженный в терминах «имидж» и «технология создания позитивного образа», этот принцип указывает на смысл, более точно передаваемый понятием «образ». Со своей стороны, применение инструментов «мягкой силы» ни в теоретическом, ни в практическом ключе не противоречит концептуальной идее содействия объективному восприятию образа России в мире, поскольку, как было показано выше, сама концепция «soft power» в нынешнем её понимании больше ориентирована именно на образ, а не на имидж.

Вывод. Столкнувшись с одним из наиболее актуальных вызовов современности — информационным противостоянием, — Российская Федерация изменила приоритеты в области коммуникативных стратегий, связанных с презентацией образа страны за рубежом. Если прежде в ключевых внешнеполитических документах страны была заявлена задача формировать позитивный имидж России, то сегодня на передний план вышла необходимость защиты репутации страны в мировом медиапространстве и продвижение её образа, основанного на объективном восприятии. Замена понятия «имидж» на понятие «образ страны» (синонимичное понятию «объективное восприятие») в государственных программных документах привело к существенному изменению контекста употребления понятия «имидж» не только в общественно-политическом дискурсе, но и в научных работах, посвященных анализу текущих изменений. В отличие от «имиджевой» стратегии, ориентированной на стремление управлять восприятием контрагентов общения в выгодном для себя направлении (то есть пытаться заставлять увидеть страну такой, какой она захочет), концепция «объективного восприятия» ориентирует акторов внешнеполитической деятельности с российской стороны на стремление донести до мирового сообщества объективную информацию о том, какой Россия является на самом деле.

CONCEPTUALIZING THE STRATEGIES OF REPRESENTING THE IMAGE OF RUSSIA: HISTORY AND EVOLUTION (COMMUNICATIVE ASPECTS)

E.V. Kolokoltseva

Ekaterina V. Kolokoltseva — PhD Student, Department of Diplomacy, MGIMO University. 119454, Moscow, prospect Vernadskogo, 76. E-mail: ekaterinakltsv09@gmail.com

Kolokoltseva E.V. 2020. Conceptualizing the strategies of representing the image of Russia: History and Evolution (communicative aspects). *Concept: Philosophy, Religion, Culture.* Vol. 4. No 4(16). P. 135–146. https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-135-146

Received: 20.09.2020. Accepted: 24.11.2020

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Abstract. The paper addresses the issue of the genesis and the evolution of the conceptual formation of the official attitudes toward the principles governing the representation of the Russian Federation and their scientific covering. It appearance in key foreign policy documents and its significance is analyzed with the view to two major conceptual schemes: the *international image* and the *objective perception*. Both concepts were examined with comparative research methods. The problems of tracing the current transformations in the official rhetoric to the transformations that are now taking shape in promoting Russia are the factors why this issue is relevant. The particular aspects of the research included the key documents of official bodies endowed with powers to shape foreign policy that were published in the period between 2000 and 2019. The activities of the key institutions and content providers in what concerns international positioning were outlines. Holding and covering *mega-events*, such as the 2014 Sochi Winter Olympics and the 2018 FIFA World Cup, also served the image needs and, in this respect, was examined in the paper. The concept and method of soft power is introduced for analysis, as it is increasingly efficient and useful in both these respects. The paper concludes with stating that the practice of positive positioning of Russia abroad was substituted in favour of the one of engendering *objective perception*. The main concern for that consisted in foreign pressure and negative information campaigns, so the decision was a counter measure. In this context, the shift between the two concepts of international promotion is revealed in official documents, having a considerable effect on the communicative potential in terms of acting in accordance with the fundamental values and real attitudes inherent in the Russian culture. *Esse quam videri* is now not only the national principle, but also the foreign image.

Keywords: image, objective perception, the concept of foreign policy, public diplomacy, soft power.

References:

Lebedeva O., Morozov V., Shebalina E. 2019. Network Diplomacy: Theory. *ISTORIYA*. 10(11). https://doi.org/10.18254/S207987840008084-1

Lee G., Ayhan K. 2015. Why Do We Need Non-state Actors in Public Diplomacy?: Theoretical Discussion of Relational, Networked and Collaborative Public Diplomacy. *Journal of International and Area Studies.* 22(1). Pp. 57-77. http://www.jstor.org/stable/43490280

Nye J. 2020. Countering the Authoritarian Challenge: Public Diplomacy, Soft Power, and Sharp Power. *Horizons: Journal of International Relations and Sustainable Development.* No 15. Pp. 94–109. https://doi.org/10.2307/48573639

Bulgarov M.A., Tonyan M.H., Kutovaya A.A. 2017. K voprosu o sushchnosti ponyatiya imidzh strany [To the question about the nature of "the image of the country"]. *World Science Problems and Innovations: a collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference.* Pp. 110–113. (In Russian).

Chernyshov Yu.G. 2017. Mnogoznachnost' ponyatij myagkaya sila i imidzh strany: k itogam diskussii [The ambiguity of the concepts of soft power and the country's image: to the results of the discussion]. *Dnevnik Altajskoj shkoly politicheskih issledovanij.* No 33. Pp. 4–9. (In Russian).

Gadzhiev D.V.O. 2017. Harakteristika osnovnyh komponentov, formiruyushchih imidzh strany [Characteristics of the main components forming the image of the country]. *Aktual'nye voprosy prava, ekonomiki i upravleniya: a collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference.* Pp. 56–58. (In Russian).

Kachur A.S. 2017. SMI kak instrument formirovaniya imidzha strany i social'nyh nastroenij naseleniya [Mass media as a tool for shaping the country's image and social moods of the population]. *Sociologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo.* No 9-1. Pp. 161–164. (In Russian).

Kalinina O.A. 2012. Telekanal Russia Today kak instrument formirovaniya obraza dlya drugih [Russia Today TV channel as a tool for forming an image for others]. *Art & Culture Studies.* 3(4). http://artculturestudies.sias.ru/2012-3/sotsialnaya-filosofiya-i-sotsiologiya/680.html (In Russian).

Kashlev Yu.B., Galumov E.A. 2003. *Informatsiia i PR v mezhdunarodnykh otnosheniiakh* [Information and PR in international relations]. Moscow: Izvestia. 432 p. (In Russian).

Koroleva A.A. 2015. Strategiya "myagkoy sily" v formirovanii vneshnego imidzha Rossii i Ispanii [The Strategy of "Soft Power" in the Formation of the External Image of Russia and Spain]. *Journal of Law and Administration.* No 1. Pp. 97-103. (In Russian).

Kozulin V.N. 2017. Problema privlekatel'nosti obraza strany: rassuzhdeniya o vozmozhnostyah ispol'zovaniya myagkoj sily dlya optimizacii imidzha Rossii. Dnevnik Altajskoj shkoly politicheskih issledovanij. No 33. Pp. 137–142. (In Russian).

Kumysheva P.M. 2018. Teoreticheskie i metodologicheskie osnovy konstruirovaniya imidzha strany [Theoretical and methodological foundations for constructing the country's image]. *Science and scientific potential - the basis for sustainable development of society: a collection of articles on the results of the International Scientific and Practical Conference.* Pp. 99–102. (In Russian).

Lebedeva M.M. 2017. Mjagkaja sila: ponjatie i podhody [Soft power: the Concept and Approaches]. *MGIMO Review of International Relations.* No 3. Pp. 212-223. https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223 (In Russian)

Lebedenko V.Yu. 2004. O natsional'noi identichnosti i sozdaniia imidzha Rossii [National identity and creation of the image of Russia]. *International Affairs.* No 4-5. Pp. 192-195. (In Russian).

Pazhvak S.B. 2018 Gruzino-osetinskii konflikt (2008 g.) i formirovanie politicheskikh stereotipov v SMI Gruzii [Georgian-Ossetian conflict (2008) and the formation of political stereotypes in the Georgian media]. *A new paradigm of social and humanitarian knowledge: a collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference.* Pp. 16-17. (In Russian).

Rusyaeva M.M. 2017. Obraz Rossii v Germanii v nemetskikh SMI vne politicheskogo diskursa [Image of Russia in the German Media out of political discourse]. *XIII Derzhavin readings in the Republic of Mordovia: materials of the All-Russian scientific-practical. conf. (Saransk, April 21, 2017); in 2 parts. Part 2.* Saransk: Yur-ExPraktik. Pp. 204-208.

Shcheglova O.G. 2017. Politicheskij imidzh gosudarstva i ego vliyanie na ekonomicheskij rost strany [Political Image of the State and its Impact on the Economic Growth of the Country]. *Aktual'nye voprosy razvitiya mirovoj i modernizacii rossijskoj ekonomiki: sbornik nauchnyh trudov.* Pp. 35–39. (In Russian).

Silantieva M.V. 2012. Problemy sovremennogo rossiiskogo obrazovaniia kak odnogo iz komponentov strategii "miagkoi sily". [Problems of modern Russian education as one of the components of the "soft power" strategy]. *National and transnational in the development of higher education. a collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference.* Pp. 18-22 (In Russian).

Vedernikova M.I. 2017. Polittekhnologicheskie i metodologicheskie vozmozhnosti myagkoj sily dlya korrektirovki imidzha Rossii v evropejskih stranah [Political technological and methodological possibilities of soft power to adjust the image of Russia in European countries]. *Dnevnik Altajskoj shkoly politicheskih issledovanij.* No 33. Pp. 101–106. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Булгаров М.А., Тонян М.Н., Кутовая А.А. 2017. К вопросу о сущности понятия имидж страны. *World Science Problems and Innovations: сборник статей победителей IX Международной научно-практической конференции: в 2 частях.* С. 110-113.

Ведерникова М.И. 2017. Политтехнологические и методологические возможности мягкой силы для корректировки имиджа России в европейских странах. *Дневник Алтайской школы политических исследований.* № 33. С. 101-106.

Гаджиев Д.В.О. 2017. Характеристика основных компонентов, формирующих имидж страны. *Актуальные вопросы права, экономики и управления: сборник статей VII Международной научно-практической конференции.* С. 56-58.

Калинина О.А. 2012. Телеканал Russia Today как инструмент формирования образа для других. *Художественная культура.* 3 (4). С. 5. URL: http://artculturestudies.sias.ru/2012-3/sotsialnaya-filosofiya-i-sotsiologiya/680.html (дата обращения: 11.11.2020).

Качур А.С. 2017. СМИ как инструмент формирования имиджа страны и социальных настроений населения. *Социология в современном мире: наука, образование, творчество.* 9-1. С. 161-164.

Кашлев Ю.Б., Галумов Э.А. 2003. *Информация и PR в международных отношениях.* Москва: Известия. 432 с.

Козулин В.Н. 2017. Проблема привлекательности образа страны: рассуждения о возможностях использования мягкой силы для оптимизации имиджа России. *Дневник Алтайской школы политических исследований.* № 33. С. 137-142.

Королева А.А. 2015. Стратегия «мягкой силы» в формировании внешнего имиджа России и Испании. *Право и управление. XXI век*. 1 (34). С. 97-103.

Кумышева Р.М. 2018. Теоретические и методологические основы конструирования имиджа страны. *Наука и научный потенциал – основа устойчивого развития общества: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции.* С. 99-102.

Лебеденко В.Ю. 2004. О национальной идентичности и создания имиджа России. *Международная жизнь.* 4-5. С. 192-195.

Пажвак С.Б. 2018. Грузино-осетинский конфликт (2008 г.) и формирование политических стереотипов в СМИ Грузии. *Новая парадигма социально-гуманитарного знания: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции.* С. 16–17.

Русяева М.М. 2017. Образ России в Германии в немецких СМИ вне политического дискурса. *XIII Державинские чтения в республике Мордовия: мат-лы Всерос.науч.-практич. конф. (Саранск, 21 апр. 2017); в 2-х частях. Ч. 2.* Саранск: ЮрЭксПрактик. С. 204-208.

Щеглова О.Г. 2017. Политический имидж государства и его влияние на экономический рост страны. *Актуальные вопросы развития мировой и модернизации российской экономики: сборник научных трудов.* С. 35-39.

Чернышов Ю.Г. 2017. Многозначность понятий мягкая сила и имидж страны: к итогам дискуссии. *Дневник Алтайской школы политических исследований.* № 33. С. 4-9.

УДК 008 https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-147-157

«УЖАСЫ ВОЙНЫ» В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА XX в.

Е.О. Гранцева

Гранцева Екатерина Олеговна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук. 119334, Москва, Ленинский проспект, 32а.
E-mail: kgrantseva@yandex.ru

Гранцева Е.О. 2020. «Ужасы войны» в контексте трансформаций изобразительного искусства XX в. *Концепт: философия, религия, культура.* Том 4. № 4. С. 147–157. https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-147-157

Статья поступила в редакцию: 08.10.2020. Принята к публикации: 24.11.2020

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

В статье представлен обзор социально-культурных преобразований XX в., вызванных глобальными конфликтами. Основное внимание уделяться проблемам преодоления травм средствами искусства и влиянию травматического опыта на трансформации художественного языка. Тема «ужасов войны», их переживания и отображения приобретает особое значение в художественной культуре XX в., когда бедствия и травмы, которые принесли с собой мировые войны, становится не только эмоциональным ответом на происходящие катастрофы, но и катализатором глобальных трансформаций искусства, выразившихся в визуальной революции. В этой связи необходимо обратиться к сущностным культурным характеристикам искусства данного периода, рассмотреть схожесть и различие отдельных тенденций, его наполнявших. Раскрытие специфики художественного процесса, рассматриваемой в рамках историко-культурного подхода, позволяет проанализировать причины, обусловившие глобальные трансформации искусства. В данной работе в рамках междисциплинарного исследования, сделана попытка рассмотреть визуальную революцию XX в. через призму травматического опыта мировых войн, связать трансформации визуального выражения с внутренним состоянием человека, его восприятием происходящих событий. Данные вопросы располагаются на стыке проблематики, исследуемой в рамках истории эмоций и истории искусства. Это определяет и специфику историографии, представленную как исследованиями по истории искусства, так и работами, относящимися к такому направлению исторической науки, как история эмоций. Произведения искусства, связанные с переживанием и отображением «ужасов войны», с одной стороны, помогают осознать и пережить травмирующий опыт, рассказывая о нём в метафорической форме, а с другой, воплощая эти цели, кардинально меняют художественный язык в контексте визуальной революции XX в.

Ключевые слова: искусство XX в., война, визуальная революция, травма, культурные исследования, история эмоций, модернизм, авангард, послевоенный период.

Проблематика «искусство и война» неизменно присутствует в художественной культуре, её кульминацией в Новое время становится творчество Франсиско Гойи. «Пуэрта дель Соль 2 мая 1808 года», «Расстрел повстанцев в ночь на 3 мая 1808 года», офорты «Какое мужество!», «Нет спасения», «Невозможно смотреть» из графический цикла «Бедствия войны» являются документами эпохи, языком искусства, откровенного и свободного от канонов, представившими ужас и трагедию войны.

Особую значимость тема «ужасов войны», их переживания и отображения приобретает в художественной культуре XX в., когда бедствия и травмы, которые принесли с собой мировые войны, становятся не только эмоциональным ответом на происходящие катастрофы, но и катализатором глобальных трансформаций искусства, выразившихся в визуальной революции [Дудинец, 2019].

Период с 1890 по 1920-е гг. можно определить, как время инновационного взрыва в мировой культуре. Годы Первой мировой войны здесь представляются фазой анализа, переосмысления и кульминацией трансформации, выразившейся, прежде всего, в формах абстрактного искусства [Гнесь, 2010]. Созданные тогда произведения и концепции составляют фундаментальную основу дальнейших путей развития художественной культуры.

В этой связи необходимо обратиться к сущностным культурным характеристикам искусства данного периода, рассмотреть схожесть и различие отдельных тенденций, его наполнявших. Раскрытие специфики художественного процесса, рассматриваемого в рамках историко-культурного подхода, позволяет проанализировать причины, обусловившие глобальные трансформации искусства, выразившиеся в визуальной революции XX в.

Трансляция искусством опыта переживания «ужасов войны» отличается использованными художественными приёмами, интерпретациями и подходами, но конечный результат здесь чаще всего связан с ощущение дискомфорта реципиента и работой с коллективным бессознательным [Jung, 1976]. Среди используемых методов трансляции можно назвать демонстрацию различных отклонений и акцент на аффектах. Однако вне зависимости от того, какие приёмы использует художник, он стремится вызвать у реципиента беспокойство, чувство тревоги, ужас и отвращение. «То, что нельзя передать логикой, передается, по крайней мере частично, художественными средствами, и сознательно удерживается в памяти. Это прежде всего не полностью решаемая вербальными средствами совокупность художественно изображаемого, которая в отличие от научно смоделированного позволяет не только ощущать чудовищное, но и открывает тем самым возможность для дальнейших интерпретаций» [Аймермахер, 2008: 39].

Тема «искусство и война» в контексте XX в. включает проблематику эпистемологического и социального фона смены парадигм в художественных практиках, рассмотрение специфики языка искусства авангарда, исторических и концептуальных отношений между авангардом и современным искусством, анализ практик психоанализа, теории пост-травматического творчества и художественной обработки болезненного опыта, исследования символики войны в образах искусства.

В данной работе, в рамках междисциплинарного исследования, сделана попытка рассмотреть визуальную революцию XX в. через призму травматического опыта мировых войн, связать трансформации визуального выражения с внутренним состоянием человека, его восприятием происходящих событий. Данные вопросы располагаются на стыке проблематики, исследуемой в рамках истории эмоций и истории искусства.

Это определяет и специфику историографии, представленную исследованиями по истории искусства и работами, относящимися к такому направлению исторической науки, как история эмоций. Среди работ по истории искусства XX в. надо особенно выделить исследования, связанные с трансформациями в искусстве XX в. и тематикой «искусство и война». Среди работ по истории эмоций надо назвать

исследования Яна Пламмера «Страх: солдаты и эмоции в истории военной психологии» [Plamper, 2009], «История эмоций» [Plamper, 2015] и статьи И.И. Кобылина и Ф.В. Николаи «Культурная история эмоций и поворот к аффекту: по ту сторону эссенциализма и социального конструктивизма» [Кобылин, Николаи, 2017] и Ф.В. Николаи и А.В. Хазины «История эмоций и „аффективный поворот“: проблемы диалога» [Николаи, Хазина, 2015] и др. Тема «ужасов войны» определяет необходимость обращения к работам К.Г. Юнга «Архетипы коллективного бессознательного» [Jung, 1976] и З. Фрейда «Жуткое» [Freud, 1919], которые позволяют рассмотреть психологический аспект взаимосвязи рефлексии травматического опыта и ужасного как части творческого процесса.

Первая мировая война обозначила становление нового мира в политическом и социальном отношении, то же самое можно сказать и о сфере культуры. Н. Бердяев ещё в 1914 г. отмечал: «Война имеет более глубокий смысл и более глубокие движущие причины»[1]. Взгляд на войну через призму культурных откликов, специфику новаторских течений в искусстве, восприятие войны как культурной травмы позволяет глубже понять особенности исторических и художественных процессов. Произведения искусства позволяют дополнить образ минувшей эпохи, провести параллели, реконструировать историческую память.

Искусство первой четверти XX в. определяется господством модернизма в различных его модификациях. Оно не представимо без опоры на философию и призвано решать проблемы, не стоявшие перед художниками прошлого. В центре внимания деятелей культуры — анализ строения мира, поиск его духовных основ, отстаивание свободы личности и художника.

Модернизм формулирует новую духовность, вне религии и церкви, пытается проникнуть в самую суть вещей, ставя под сомнение позитивизм XIX в. Целью художника становится предельное самовыражение, акцентирование индивидуального начала. Инновации, новаторство, эксперимент, поиски новых смыслов — превращаются в основополагающие культурные доминанты XX в. Одновременно с этим можно наблюдать процесс тотальной дегуманизация культуры, перед человечеством встаёт вопрос о первичности всеобщего над индивидуальным. Новые условия способствуют распространению культа научности и рациональности, внедряющегося в пространство эстетического и сосуществующего там с внерациональными формами. Одновременно низвергается традиционное понимание красоты, на смену которому приходит новая трактовка прекрасного, сопряжённая с романтизацией антикрасоты. Смерть, в ходе катастрофы войны, теряет былое величие, обретая налет обыденности. Отсюда всё большее желание «не знать», попытка убежать от реальности, распространённая в идеологии некоторых модернистических течений 1910-х гг.

Довоенный период новой культурной эпохи связан с отвержением установок реализма и академизма, осознанным эстетизмом, доминированием мотивов ухода от реального мира и бегства в иные духовные сферы, влечением к утонченной красоте, богоискательством, низвержением идеалов и тоской о них. Ключевым образом меняется отношение к божественному, в культуре доминируют эсхатологические мотивы, предчувствия грядущей катастрофы. Бытовая, социальная сторона жизни принципиально не интересна творцам нового искусства, они обращаются к глобальным проблемам бытия, смысла жизни, предвещают приход *эпохи Духа*. Художников в это время связывает общий взгляд на проблему художественного индивидуализма, уверенность в необходимости автономии мира искусства, освобождённого от социальных и политических проблем.

Первая мировая война принципиально изменила ситуацию. Если в начале XX в. искусство транслировало ощущения приближающейся катастрофы, тревожное волнение перед грядущими переменами, то во время войны и в послевоенные годы

[1] Бердяев Н.А. 1914. Война и возрождение. *Утро России.* 17 августа. С.2.

главными темами художественной культуры становится гибель, потеря прошлого и открытие мира грядущего.

Анализ художественной жизни 1910-х гг. со всей очевидностью показывает влияние событий Первой мировой войны на смену идейной и тематической наполненности художественных произведений, пересмотр системы культурных ценностей.

Война заставляла переоценить окружающую действительность. Трудность, но необходимость пути к миру без войны — одна из главных идей, фигурирующих в культурном поле военных лет. На смену «искусству для искусства», искусству чистому, отвлечённому, приходит актуализация социальной функции искусства. Рождается ощущение ответственности деятелей культуры за сегодняшний и завтрашний день страны. Меняется язык культуры и при этой смене неожиданно оказывается, что «настоящий художник всегда в «партии авангарда»[2].

Модернизм привносит в искусство обостренное внимание к личности. Первая мировая война интенсифицирует эту проблематику, одновременно высвечивая конфликт ценностей [Griffin, 2007]. Это время стало этапом противостояния внутри культуры, сменой вектора ее развития. Чрезвычайно важной для этих лет была идея *созидания*. Отображение *трагического* мыслилось как возможность сострадания и очищения. Художественное восприятие понималось как «постижение непознаваемого»[3]. Для передачи ощущения войны необходим был новый художественный язык, говорящий о ней как о катастрофе вселенского порядка.

Первая мировая война выступила катализатором процесса смены культурной модели, перехода модернистических тенденций на новый качественный уровень [Cohen, 2008: 116-117]. Искусство авангарда, включающее в себя комплекс программ, идей и художественных подходов, прошло в своём становлении ряд этапов. Довоенный период, соотнесённый со временем между 1907-1914 гг. можно назвать подготовкой, мобилизацией творческих сил. В это же время процесс формирования русского авангарда, обусловленный как внешними, так и внутренними причинами, перешёл в новую фазу. В её начале он занял равноправные позиции в русской культуре, а затем, вместе с революцией 1917 г., начал безусловно доминировать [Bowlt, 2017].

В преддверии Первой мировой войны представители русского авангарда, и, в частности, К. Малевич, выходят на новый уровень трансформации художественного языка. Прорыв свершился в 1913 г. в ходе работы К. Малевича над декорациями и эскизами костюмов к опере А. Крученых и М. Матюшина «Победа над солнцем». 1914 г., год начала войны, становится переломным для художника, именно тогда появляется один из вариантов «Черного квадрата на белом фоне», ставший одним из главных феноменов абстрактного (или, в трактовке К. Малевича, супрематического, искусства). Перед публикой свои первые супрематические работы К. Малевич выставляет на «Последней футуристической выставке картин «0, 10», состоявшейся зимой 1915-1916 гг. в Петрограде. Эта выставка «заранее задумывалась и готовилась как программная акция, демонстрирующая новый этап в истории русского живописного авангарда» [Стригалев, 2001: 71].

Одним из самых сильных в эмоциональном плане художественных феноменов русского авангарда, в его обращении к военной тематике, стал цикл Н. Гончаровой «Мистические образы войны»[4], выполненный в технике литографии. По глубине, экспрессии и новаторству языка сравнить его можно, разве что, с работами Пабло Пикассо, созданными в период гражданской войны в Испании 1936-1939 гг.

Первая мировая война обозначила переломный момент в истории и культуре. Её масштаб несопоставим с предыдущими

[2] Петров-Водкин К. 1917. На рубеже искусства. *Дело народа.* 28 мая. С. 4.
[3] Андреев Л. 1914. Война. *Отечество.* № 1. С. 1
[4] Гончарова Н.С. 1914. *Мистические образы войны. 14 литографий.* Москва: Издательство В.Н. Кашина. 16 л.

военными конфликтами как по масштабам, так и по степени кровопролитности и количеству задействованных в конфликте государств.

Война трансформировала картину мира и восприятие окружающей действительности. Новый язык, на котором заговорило искусство, стал главной смыслообразующей составляющей культурного перелома и обозначил начало визуальной революции в искусстве. Старыми художественными средствами невозможно было отобразить весь масштаб катастрофы меняющегося мира. В связи с этим авангард быстро захватил доминирующие позиции и в России, и в мире.

Искусство пыталось решить проблему выражения невыразимого, художники «использовали такие методы, как фрагментарность, отказ от реалистического общего, гиперболизация, использование символов и концентрация на самом существенном» [Аймермахер, 2007: 41].

В столкновении с трагедией Первой мировой войны на европейскую художественную авансцену вышли такие модернистические течения как экспрессионизм, дадаизм и сюрреализм.

Художники-экспрессионисты с отчаянием, болью и страхом кричали о мировой катастрофе, дадаисты с насмешкой отворачивались от реальности, переводя её в плоскость абсурда, сюрреалисты, скрываясь от действительности, предпочитали погрузится в мир бессознательного.

Русский авангард в этой ситуации занял активную позицию в деле обустройства нового мира и, взамен иррациональности и асоциальности искусства рубежа веков, предложил свою модель грядущего. Модель, которая должна была воплотиться в жизнь на основе рационального проектирования и при непосредственном участии творцов нового искусства.

Процессы визуальной революции, запущенные Первой мировой войной, нашли яркое выражение в межвоенном периоде, обозначенном 1918-1939 гг. В это время опыт войны проецировался на искусство, которое выступало в качестве средства рефлексии эмоций, их фиксации и воплощения в художественной культуре.

Влияние переживаемого исторического опыта на искусство, которое выступает в качестве средства рефлексии эмоций, их фиксации и воплощения, нашло яркое проявление в искусстве немецкого экспрессионизма, а также в произведениях представителей пост-экспрессионизма и Новой вещественности [Гранцева, 2020]. Значимая часть проблематики здесь сконцентрирована на выражении драматичных, пугающих и тревожных переживаний, связанных с прошедшей войной [Семенюк, 2015: 87]. Тесная взаимосвязь с эмоциональным опытом эпохи выражена в экспрессионизме за счет направленности на демонстрацию душевных переживаний автора, тяжелыми переживаниями исторических событий и их последствий. В середине 1920-х гг. в немецком искусстве сформировалось объединение «Новая вещественность», в определенной степени, противостоявшее эмоциональному заряду экспрессионизма [Barron, 1997]. Первая мировая война и ее последствия, как экономические, так и демографические, а также связанные с национальным самосознанием привели к тотальному ощущению подавленности, сформировавшему тенденции отвлеченного четкого изображения с яркими акцентами [Schmied, 1978] и восприятие реальности такой, какая она есть, без идеализирующих или романтических фильтров. К художникам, представлявшим это объединение (многие из них на предыдущем этапе были связаны с экспрессионизмом) относят, например, Макса Бекманна, Георга Гросса, Рудольфа Шлихтера, Отто Дикса и др. С темой «искусство и война» так или иначе связано творчество каждого из них, но особенно показательно проявляется в таких работах Отто Дикса как «Триумф смерти» и триптих «Война», демонстрирующие ужас войны в самом неприглядном виде [Житнев, 2016]. Натуралистичность изображения, его цветовое и композиционное решение внутри каждой части, формирует гармоничную и шокирующую картину, которую можно считать не только яркой фиксацией ощущений Отто Дикса от Первой мировой войны, но и мощным аргументом против военных действий как таковых.

Изобразительное искусство межвоенного периода зачастую прибегает к шокирующим образам, которые художники используют для фиксации социальной реальности. При этом выразительность графического образа работает на привлечение внимания, а в самом произведении учитывается роль реципиента, как участника взаимодействия. Художники ставят перед собой задачу рассказать о собственном опыте, передать в аллегорической форме проблематику ужасов войны. При этом визуальные образы направлены не только на то, чтобы позволить автору выразить собственные чувства, но и дать форму переживаниям реципиента, помочь ему пережить свой эмоциональный опыт, осознать и принять новый порядок вещей.

Межвоенный период укрепив позиции авангарда, обозначил и возвращение к традиционным формам существования искусства. «Одно из наиболее значимых противоречий, формирующих культурную динамику 1920-1930-х гг. в мировом масштабе, отразилось в сложном взаимодействии инновационных и традиционных культурных установок, авангардных устремлений и консервативных ценностей, отображения хаоса бытия и стремления к порядку. При этом тенденция рецепции элементов традиционных художественных систем была характерна для всего модернистского периода, но проявлялась спорадически — периоды революционных преобразований и экспериментов сменялись периодами «неоклассики», «возврата к порядку» и традиционной художественной стилистики» [Гранцева, 2020]. Именно в этой атмосфере родилось полотно Пабло Пикассо «Герника», воплотившее в себе кульминацию выразительных возможностей нового художественного языка. «“Герника” Пикассо — трагическое и невероятное прозрение — и предостережение человечеству. Опередившее время, тот метафизический ужас, который явит Вторая мировая, Хиросима, все те грядущие бойни и теракты, что неминуемо оказываются в поле притяжения «Герники». Это не кубизм и не сюрреализм: это хаос, это гибель самой материи»[5]. В преддверии нового глобального конфликта, Пикассо, на материале событий гражданской войны в Испании, сочетая традиционные образы мировой культуры и революционный художественный язык, удалось передать всю глубину трагедии войны во вселенском и вневременном масштабе [Cabañas Bravo, López-Yarto Elizalde, Rincón García, 2009].

1945 год открывает новый этап в истории мировой культуры, который связан со сложностью восприятия, художественного плюрализма и постоянной отсылкой к предыдущему культурному опыту. Культура вступила в новую фазу существования, сопровождавшуюся противоречивыми толкованиями и оценкам. Вторая половина двадцатого столетия, по сути, открывается окончанием Второй мировой войны, усилившей трагическое звучание культуры. Травматический опыт мало что изменил — в послевоенный период мир снова разделился - политически, культурно и идеологически. Но травма войны с новой силой пробудила потребность в продолжении процессов культурного обновления, в подключении возможностей искусства к переживанию трагедии войны. Искусство открыло новую фазу визуальной революции, развивая художественный язык, способный выражать невыразимое.

Послевоенный период балансировал на стыке драматизма и гуманизма. Трагедия Второй мировой войны, отражённая во множестве произведений, говоривших на языке фигуративности или абстракции, сочеталась с внутренним оптимистическим посылом, выражавшим чувство преодоления, завершения трагического финала и веры в возможность мира — и вновь Пабло Пикассо визуализирует эти чувства в своей «Голубке мира», литографии голубя на плакате Конгресса сторонников мира в Париже в 1949 г.[6]

Искусство после Второй мировой войны вновь переживало этап пересмотра и

[5] Пигарева Т.И. 2017. «Герника» Пикассо. Опыт прочтения. *Colta.ru.* URL: https://www.colta.ru/articles/art/14725-gernika-pikasso-opyt-prochteniya (дата обращения: 21.11.2020).

[6] Подосик А. Пабло Пикассо. Альбом. СПб.: Аврора, 1996. 184 с.

обновления, но вместо резких разрывов и крайностей первого авангарда, теперь среди его характеристик можно назвать стремление к компромиссу и принятию, попытку найти точки пересечения между новым и старым, традицией и поиском новых форм.

Вместо мотивов отчаяния, побега, игры с реальностью искусство обращается к глобальным проблемам человеческого существования и бытия искусства, вопросам «возможна ли культура в мире гуманитарного пост-апокалипсиса?», «возможно ли искусство после Освенцима?».

Мощный гуманистический посыл, рожденный этим временем, подхвачен и реализован во многих произведениях искусства и, отчасти, возрождает преобразовательную энергию авангарда, её подвижнический оптимизм, устремленность в будущее нового мира.

При этом всю неоднозначность новых условий существования искусства в 1950 г. выразил Теодор Адорно, говоря о том, что его задача «непосредственно выражать и выдерживать раздробленное, даже непримиримое», а «любая попытка внести в современное искусство гармонию, идею упорядоченности подтверждает что мы стыдимся своей уязвимости и стремимся навести те мосты к прошлому, которые следует разобрать»[7].

Послевоенное искусство не боялось заглянуть в лицо трагедии, преодолевая боль и страх, художникам важно было раскрыть причины произошедшей гуманитарной катастрофы, найти новый язык для ее выражения, для описания страданий и их преодоления.

Тематика войны, боли, памяти, травмы становится неизменным содержанием искусства второй половины XX века, но не исчерпывает его. Художественная культура второй половины века музеефицирует авангард и воспроизводит его художественные практики, используя приставку «нео». Новые технические возможности дают простор для эксперимента и синтеза, а визуальные образы становятся основой пространства коммуникации.

Абстрактный экспрессионизм, заявивший о себе в 1940-е гг., наследовал художественным течениям авангарда, скрещивая энергетику экспрессионизма с внерациональностью сюрреализма и абстрактного искусства. В середине XX в., благодаря техникам Д. Поллока, это направление перешло в зрелую фазу, позиционируя себя в работах М. Родко как «простое выражение сложной мысли» [Гранцева, 2017: 196].

Дадаизм, рожденный безумием Первой мировой войны [Фостер, Краусс, Буа, Бухло, Джослит, 2015: 135-141], предоставил творцам второй половины XX века обширный материал для вдохновения и воспроизведения. В 1947 г. коллажи Э. Паолоцци открывают эру поп-арта, ставшего «новым импрессионизмом» - художники вновь запечатлевали окружающую среду, но теперь порожденную обществом потребления (Р. Раушенберг, Э. Уорхол). Своеобразным вариантом поп-арта в странах восточного блока стал соц-арт (В. Комар и А. Меламид). Источником вдохновения здесь являлся соцреализм, воспроизводимый в абсурдистском протестном ключе.

Кинетические опыты дадаистов и развитие идей геометрической абстракции были продолжены экспериментами в сфере визуального восприятия, спровоцировавшими рождение оптического искусства (оп-арт, кинетическое искусство) в работах В. Вазарели [Фостер, Краусс, Буа, Бухло, Джослит, 2015: 419-422].

Как реакцию на доминанту абстракции можно понимать гиперреализм (суперреализм, фотореализм), стремившийся воспроизвести реальность во всех деталях (Ч. Клоуз, Р. Гоингз).

Дюссельдорфская группа ZERO, существовавшая с 1957 по 1966 гг. и ее единомышленники формулировали стремление «стать новым началом, радикально обновить арсенал художественных средств… обнулить все существующие культурные парадигмы» [Булатов, 2016: 333].

Финальную точку в истории искусства модернизма на рубеже 1960-1970-х гг. ставит минимализм, апеллирующий к со-

[7] Цит. по Вайбель П., Гиллен Э. 2017. Европа после дождя. *Лицом к будущему. Искусство Европы 1945-1968.* Москва: ГМИИ им. А.С. Пушкина. С. 13.

ветскому конструктивизму и ищущий порядка и ясности (С. Левитт, Д. Флавин). Его представители стремились к созданию чистых форм, далеких от реальности, отличавшихся от темных, бесформенных, приземленных образов художников, принадлежавших к течениям информель и новый реализм. Искусство вновь возвращалось к идеям и концепциям довоенного авангарда. Своими работами «новые идеалисты» утверждали, что мир вновь подошел к новой точке отсчета»[8].

Современному искусству важна идея, а не создание физического объекта. Наследуя реди-мейдам дадаиста М. Дюшана, концептуализм сосредотачивается не на том *что*, а на том *как* и отстаивает свободу художника в выборе средств выражения (М. Абрамович, Й. Оно, Б. Науман, И. Кабаков). Перформанс, как субжанр концептуального искусство, преображает художественную среду и музейное пространство посредством интерактива, став своеобразным «аттракционом», соединяющим категории элитарного и массового. В хэппенинге (А. Капроу), работающем во взаимосвязи изобразительного искусства и театра, происходит переход к созданию «произведения-процесса» или акции, «произведению-событию» (А. Капроу), часто становясь формой акционизма [Гранцева, 2017: 196]. Нарастающая визуализация культуры происходит посредством повсеместного использования зрительного канала восприятия. Искусство и повседневность сращиваются, стирая границы между реальностью и иллюзией.

Итогом визуальной революции, преобразивших искусство в XX в., стало вытеснение изображений абстракцией и реальностью. В ходе первого авангарда и утверждения абстракции был провозглашен отказ от изображения реальных предметов, в пользу демонстрации возможностей изобразительных средств. Вместе с этим в искусство приходит реальность как таковая, трансформируя живопись в трехмерные объекты. «Ассамбляжи (композиции из соединенных предметов) и энвайронменты (ситуации, сконструированные с помощью реальных объектов) становятся кульминацией «искусства реальности». В искусство вслед за реальным объектом, поднятым на небывалую высоту, вводится реальное тело, что означает возникновение искусства действия и перформанса»[9].

Вторая мировая война вновь поставила вопрос о фундаментальном изменении функции искусства и его художественных средств. Петер Вайбель выделяет пять реакций на травматический опыт войны и гуманитарной катастрофы, реализованных в послевоенном искусстве второй половины XX в. и, во многом, характеризующих визуальную революцию второй половины XX в.

Первая — эта реакция травмы и вины, выразившая общее настроение недоверия к репрезентативной культуре и сформулированная Т. Адорно в вопросе «почему наша культура не смогла предотвратить холокост?» и обозначившая отказ от изобразительного начала. Вторая реакция выразилась в реализации форм «антиискусства» и саморазрушении изобразительных средств (работы А. Бурри, Л. Фонтана, Г. Мецгера, Ж. Тэнгли). Третий вид реакции — тяготение к «новому реализму» и «сверхреализму», готовому пережить столкновение с травмой «лицом к лицу», отобразить ее в духе реди-мейда. Четвёртый тип предполагал трансляцию реальности через перформативный подход, вторжение зрителя в изображение, появление «материальной живописи», акционизма. Пятым типом реакции стало появление технического изображения, позволившего преодолеть границы классической репрезентативной функции искусства и открывшего возможности для развития медиаискусства[10].

---

[8] Вайбель П., Гиллен Э. 2017. Европа после дождя. *Лицом к будущему. Искусство Европы 1945-1968.* Москва: ГМИИ им. А.С. Пушкина. С. 14.

[9] Вайбель П. 2017. Искусство в Европе после 1945 года. *Лицом к будущему. Искусство Европы 1945-1968.* Москва: ГМИИ им. А.С. Пушкина. С. 19.

[10] Вайбель П. 2017. Искусство в Европе после 1945 года. *Лицом к будущему. Искусство Европы 1945-1968.* Москва: ГМИИ им. А.С. Пушкина. С. 22-24.

Таким образом, произведения искусства, связанные с переживанием и отображением «ужасов войны», с одной стороны, провоцировали неприятные ощущения и ставили под сомнение защищенность аудитории, а с другой стороны, помогали пережить травмирующий опыт, рассказывая о нем в метафорической форме, создавая дистанцию между событием и его участниками (свидетелями). Переживаемое чувство страха, транслируемое искусством, с меньшей вероятностью могло привести к повторной психологической травме у тех, кто пережил этот тяжелый опыт, одновременно, позволяя тем, у кого такого опыта не было, пройти через него опосредованным, «мнимым» образом, получая представление о событии, но избегая реальной травмы.

Искусство, создаваемое под давлением травматического опыта, демонстрировало болезненные аспекты социальной реальности, смещая акценты и изменяя методы отображения. С одной стороны, оно отражало боль и скорбь, демонстрировало последствия войны для каждой отдельной личности, транслировало предостережение о недопустимости повторения травмирующего опыта, передавало память о бедствиях войны, а с другой, воплощая эти цели, кардинально меняло художественный язык в контексте визуальной революции XX в.

HORRORS OF WAR IN THE CONTEXT OF THE FINE ARTS TRANSFORMATION OF THE 20th CENTURY

E.O. Grantseva

Ekaterina O. Grantseva — PhD in History, Senior Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences. 191991, Moscow, Leninskiy prospekt, 32a. E-mail: kgrantseva@yandex.ru

Grantseva E.O. 2020. *Horrors of War* in the Context of the Fine Arts Transformation of the 20th Century. *Concept: Philosophy, Religion, Culture.* Vol. 4. No 4. P. 147–157. https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-147-157

Received: 08.10.2020. Accepted: 24.11.2020.

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Abstract. The article is dedicated to the outlook on the socio-cultural transformations of the 20th century brought by global conflicts. The main attention is paid to the problems arisen from overcoming traumas by the means of art and to the influence the traumatic experience has had on the transformation of the artistic language. The themes of the horrors of war, war and post-war experience and reflections acquire special significance in the artistic culture of the 20th century, with traumas brought by both world wars and other conflicts giving rise not only to emotional responses to ongoing disasters, but also being a catalyst for global reshaping of artistic content, form and industry, expressed in the visual revolution. In this regard, the paper turns to the essential cultural characteristics of the art of this period, to consider the similarities and differences in the individual trends that followed the general trend. Then, revealing the specifics of the artistic process, considered within the framework of the historical and cultural approach, the reasons that determined the global transformations of art were discovered. In this work, the issues mentioned above are perceived at the junction of the problems studied in the history of emotions and the history of art. So is the conceptual focus of this interdisciplinary text. Such an approach not only attempts to consider the visual revolution through the prism of personal experience,

to link the transformation of visual expression with the inner state of a person and one's perceptions of current events. It also underlines the specificities of historiography, represented both by research on the history of art and by works related to such a direction of historical science as the history of emotions. The main results of the research are as follows. Works of art related to the experience and display of the horrors of war, on the one hand, help to understand and survive the traumatic experience, telling about it in a metaphorical form, and on the other hand, embodying these goals, they radically change the artistic language in the context of the visual revolution of the 20th century.

Keywords: 20th century art, war, visual revolution, trauma, cultural studies, history of emotions, modernism, avant-garde, post-war period.

References:

Plamper J. 2009. Soldiers and Emotion in early Twentieth-Century Russian Military Psychology. S*lavic Review.* 68 (2). Pp. 259-283. https://doi.org/10.2307/27697958

Plamper J. 2015. *The History of Emotions: An Introduction.* Oxford: Oxford University Press. 352 p.

Griffin R. 2007. *Modernism and Fascism: The Sense of a Beginning under Mussolini and Hitler.* London: Palgrave Macmillan. 470 p.

Cohen A.J. 2008. *Imaging the Unimaginable: world war, modern art, and the politics of culture in Russia, 1914-1917.* Lincoln: Univ. of Nebraska press. 247 p.

Bowlt J. 2017. *Russian Art of the Avant-Gard.* London: Thames and Hudson Limited. 416 p.

Barron S. 1997. *German Expressionism.* New York: Rizzoli. 400 p.

Schmied W. 1978. *Neue Sachlichkeit and German Realism of the Twenties.* London: Arts Council of Great Britain. 159 p.

Freud Z. 1919. Das Unheimliche. *Imago*. 5/6. S. 297-324 (In German).

Jung C.G. 1976. *Die Archetypen und das kollektive Unbewusste.* Freiburg i.Br. Olten: Walter. 472 s. (In German).

Cabañas Bravo M., López-Yarto Elizalde A., Rincón García W. (coord.). 2009. *Arte en tiempos de guerra.* Madrid: CSIC. 638 p. (In Spanish).

Aymermaher K. 2008. Uzhasy vojny v zerkale iskusstva [The Horrors of War in the Mirror of Art]. *Istorik i hudozhnik.* No. 8. Pp. 38-46 (In Russian).

Bulatov D.A. 2016. *Vozrozhdenie modernizma* [Revival of Modernism]. Moscow: RIP-holding. 440 p. (In Russian).

Dudinets V.V. 2019. Reprezentaciia kul'turnoi travmy Germanii v nemetskom izobrazitel'nom iskusstve [The Representation of German Cultural Trauma in the German Fine Art]. T*erra Aestheticae.* No. 2 (4). Pp. 244-256 (In Russian).

Foster H., Krauss R., Bois Y.-A., Buchloh B.H.D., Joselit D. 2004. *Art Since 1900: Modernism, Antimodernism, Postmodernism.* London: Thames & Hudson. 704 p. (Russ. ed.: Foster H., Krauss R. 2015. *Iskusstvo s 1900 goda. Modernizm. Antimodernizm. Postmodernizm.* Moscow: Ad Marginem Press. 816 p.)

Gnes A.A. 2010. Pervaia mirovaia voina kak kul'turnaia katastrofa [First World War as a Cultural Catastrophe]. *Ideas and Ideals.* 1 (1). Pp. 42-51 (In Russian).

Grantseva E. 2020. Konservativnyi povorot v kul'ture mezhvoennogo perioda [Conservative Turn in the Culture of the Interwar Years]. *ISTORIYA*. 11 (5). https://doi.org/10.18254/S207987840010262-7 (In Russian).

Grantseva E.O. 2017. Novaia vizual'naia sreda [New Visual Environment]. *Vsemirnaia istoriia. T. 6. Mir v XX veke: epoha global'nykh transformatsii. Kniga 1.* Moscow: Nauka. Pp. 196-197 (In Russian).

Kobylin I.I., Nikolai F.V. 2017. Kul'turnaia istoriia emotsii i povorot k affektu: po tu storonu essentsializma i sotsial'nogo konstruktivizma [The Cultural History of Emotions and the Turn to Affect: Beyond Essentialism and Social Constructivism]. *Professiia-istorik. K iubileiu L.P. Repinoj,* ed. O. V. Vorob'eva. Moscow: Akvilon. Pp. 69-98. (In Russian).

Nikolai F.V., Khazina A.V. 2015. Istoriia emotsii i "affektivnyj povorot": problemy dialoga [The History of Emotions and the Affective Turn: Problems of Dialogue]. *Dialogue with time.* No. 50. Pp. 97-115. (In Russian).

Semenyuk X.A. 2015. Ekspressionizm VS Dadaizm: Dva obraza ekzistentsial'noi tragedii nachala XX veka [Expressionism vs Dadaism: Two Images of the Existential Tragedy of the Early 20th Century]. *Praxema. Journal of visual semiotics.* 1 (3). Pp. 84-90 (In Russian).

Strigalev A. 2001. Proidemsia po vystavke "nol'-desjat'" ("0, 10") [Let's Walk through the Exhibition "Zero-Ten" ("0, 10")]. *Russkii avangard: problemy reprezentatsii i interpretatsii.* Saint-Petersburg: Palace Editions. Pp. 71-110 (In Russian).

Zhitinev D. 2016. Voina i smert' glazami Otto Diksa [War and Death through the Eyes of Otto Dix]. *Arheologiia russkoi smerti.* No. 1. Pp. 210-224 (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Аймермахер К. 2008. Ужасы войны в зеркале искусства. *Историк и художник*. № 8. С. 38-46.

Булатов Д.А. 2016. *Возрождение модернизма.* Москва: РИП-холдинг. 440 с.

Гнесь А.А. 2010. Первая мировая война как культурная катастрофа. *Идеи и идеалы.* 1 (1). С. 42-51.

Гранцева Е.О. 2020. Консервативный поворот в культуре межвоенного периода. *Электронный научно-образовательный журнал «История».* 11 (5). URL: https://doi.org/10.18254/S207987840010262-7 (дата обращения 21.11.2020).

Гранцева Е.О. 2017. Новая визуальная среда. *Всемирная история. Т. 6. Мир в XX веке: эпоха глобальных трансформаций. Книга 1.* Москва: Наука. С. 196-197.

Дудинец В.В. 2019. Репрезентация культурной травмы Германии в немецком изобразительном искусстве. *Terra Aestheticae.* № 2 (4). С. 244-256.

Житинев Д. 2016. Война и смерть глазами Отто Дикса. *Археология русской смерти.* № 1. С. 210-224.

Кобылин И.И., Николаи Ф.В. 2017. Культурная история эмоций и поворот к аффекту: по ту сторону эссенциализма и социального конструктивизма. *Профессия-историк. К юбилею Л.П. Репиной* / Отв. ред. О.В. Воробьева. Москва: Аквилон. С. 69-98.

Николаи Ф.В., Хазина А.В. 2015. История эмоций и «аффективный поворот»: проблемы диалога. *Диалог со временем.* № 50. С. 97-115.

Семенюк К.А. 2015. Экспрессионизм VS Дадаизм: Два образа экзистенциальной трагедии начала XX века. *Праксема. Проблемы визуальной семиотики.* 1 (3). С. 84-90.

Стригалев А. 2001. Пройдемся по выставке «ноль-десять» («0, 10»). *Русский авангард: проблемы репрезентации и интерпретации.* Санкт-Петербург: Palace Editions. С. 71-110.

Фостер Х. Краусс Р., Буа И.-А., Бухло Б.Х.Д., Джослит Д. 2015. *Искусство с 1900 года. Модернизм. Антимодернизм. Постмодернизм.* Москва: Ад Маргинем Пресс. 816 с.

УДК 008. 75.03. 930.85 https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-158-169

ШКОЛА В СОВЕТСКОЙ ЖИВОПИСИ 1950-х гг.: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ

О.В. Беззубова, П.А. Двойникова, А.В. Смирнов

Беззубова Ольга Владимировна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Санкт-Петербургского горного университета. 199106, Санкт-Петербург, Васильевский остров, 21 линия, 2. E-mail: bezzubova_olga@mail.ru

Двойникова Полина Алексеевна — студент института философии СПбГУ. 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7-9. E-mail: apolioinikova@gmail.com

Смирнов Алексей Викторович — доктор философских наук, доцент кафедры культурологии, философии культуры и эстетики института философии СПбГУ. 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7-9. E-mail: darapti@mail.ru

Беззубова О.В., Двойникова П.А., Смирнов А.В. 2020. Школа в советской живописи 1950-х гг.: репрезентация идеологических стратегий. *Концепт: философия, религия, культура*. Том 4. № 4. С. 158–169. https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-158-169

Статья поступила в редакцию: 21.07.2020. Принята к публикации: 05.11.2020.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья посвящена теоретико-культурной интерпретации советской живописи конца 40-х–50-х гг., изображающей советскую школу. Основная задача данного исследования состоит в том, чтобы на основании анализа ряда картин, написанных в СССР в указанный период, выявить основные функции, выполняемые данной тематической группой произведений. С этой целью в статье была проанализирована большая группа произведений советской живописи, посвящённых школе. Выбор временного периода обусловлен тем, что в конце 1940-х гг. происходила значительная трансформация живописи социалистического реализма, сопровождавшаяся рядом изменений в советской культуре, в том числе и в образовательной модели, применявшейся в советской школе.

В ходе анализа был использован методологический инструментарий визуальных исследований, позволивший выделить не только идеологические мотивы советской «школьной живописи», но и имплицитно присутствующие в ней педагогические стратегии, сформировавшиеся в середине XX в. и направленные на реализацию социальной политики советского государства.

Также был выделен ряд функций советской «школьной живописи»; к числу наиболее значимых из них относятся трансляция ключевых идеологем советской культуры 1950-х гг., манифестация идеологической значимости школы, репрезентация новой социальности школьного пространства, а также изображение тех качеств, которые советская школа должна была формировать в учениках. В статье приведены примеры картин, изображающих наиболее значимые для советской «школьной живописи» сюжеты.

Теоретико-культурная интерпретация «школьной живописи» осуществлялась на основании выделенных функций и состояла в том, чтобы установить культурную и идеологическую значимость того или иного сюжета, соотнося его с социокультурным контекстом, сформированным в советской идеологии, педагогической теории и образовательной модели. С этой целью была проанализирована деятельность советского государства как в области организации школьного образования, так и в области развития искусства, ориентированного на изображение школы и школьников.

Ключевые слова: советское искусство, социалистический реализм, советская культура, советская живопись, советская школа, дети в искусстве, советская повседневность.

Введение

Советская живопись неоднократно становилась предметом интереса как зарубежных, так и отечественных исследователей. Однако в современном искусствоведении основное внимание уделяется в основном русскому и советскому авангарду, а также иным направлениям художественного андеграунда. Поворот советской живописи к реализму, наметившийся на рубеже 1920-х–1930-х гг., долгое время не находил отражения в зарубежной научной литературе, в то время как в советском искусствознании сложился научный дискурс, столь же своеобразный, сколь своеобразным было и направление в искусстве, известное ныне как «социалистический реализм». Интерес к советскому искусству на Западе возрастает в конце 1980-х гг., однако в этот период оно привлекает внимание в первую очередь в контексте изучения тоталитарной культуры [Паперный, 1985; Гройс, 1993; Голомшток, 1994].

К настоящему моменту большая часть публикаций, посвящённых живописи соцреализма, относится к области искусствоведения или носит популярный публицистический характер. Данное исследование проводилось с применением методов культуральных исследований, междисциплинарного научного направления, ставящего в центр внимания вопрос о том, каким образом произведения искусства могут выступать в качестве носителей идеологических и социокультурных смыслов, и каким образом эти смыслы репрезентируются и транслируются в обществе [Rose, 2016]. В российской науке культуральные исследования (также иногда называемые «культурными исследованиями») получили широкое распространение в конце 1990-х–начале 2000-х гг. Однако, культуральные исследования, посвящённые советскому изобразительному искусству и, в частности, живописи социалистического реализма, представлены лишь относительно немногочисленными публикациями (например, [Андреева, 2019; Хасянов, Кабытов, Галимова, 2019; Oushakine, 2019; Струков, 2013; Янковская, 2008; Holtz, 1993; Bassin, 2009; Боннелл, 2009]), что свидетельствует о необходимости дальнейших исследований всего разнообразия тематических направлений советской живописи конца 1940-х–начала 1950-х гг. Актуальность этой задачи обусловлена тем, что живопись соцреализма отражает ряд аспектов, важных для понимания советской культуры и процессов, происходивших в советском обществе. Изучение советской живописи в рамках культуральных исследований позволяет выявить взаимосвязь художественных феноменов и идеологических стратегий, свойственных эпохе социалистического строительства. В данном исследовании эта взаимосвязь проанализирована на примере изображения школы в живописи социалистического реализма.

«Школьная тематика» в советской живописи также до сих пор не становилась объектом изучения в гуманитарном знании. Современные исследования, посвящённые репрезентации школы в искусстве, связаны, в основном, с изучением литературы [Clark, 1981; Кукулин, 2015; Фатеев, 2007] и кинематографа соответствующей тематики [Беляева, Михайлин,

2015]. Среди исследований, посвящённых развитию советского искусства и его связи с социально-политическими и идеологическими трансформациями середины XX в., особого внимания заслуживает монография А.В. Фатеева [Фатеев, 2007], в которой проанализированы тенденции создания художественных образов в детской литературе СССР в 1930-е–1950-е гг. Автор подробно рассматривает воспитательные и идеологические задачи, стоявшие перед литературой, и типовые методы их решения, использованные советскими писателями. Как отмечает А.В. Фатеев [Фатеев, 2007], значительная часть детской литературы, начиная с 1930-х гг., была посвящена именно школьникам и тем отношениям, которые разворачивались в пространстве школы. Однако по причине тяжёлых материальных условий жизни значительной части населения СССР советское искусство, изображавшее школу, сформировало не только идеологизированный, но и идеализированный её образ.

«Школьная тема» в советской живописи как исследовательская задача

В живописи социалистического реализма мы можем выделить так называемый «большой стиль» (1935–1955 гг.), к которому относятся полотна, изображающие ключевые, прежде всего, политические, события социалистического строительства. Сюжеты картин «большого стиля», первоначально изображавших деятелей советского государства, вскоре были дополнены демонстрацией успехов построения социализма в СССР (изображение созидательного труда, колхозных праздников и т.д.). Значительные изменения живопись соцреализма претерпела после окончания Великой Отечественной войны, когда больше внимания стало уделяться изображению мирной жизни и социалистического быта. Данное направление, ранее абсолютно политизированное и героизированное, обратилось к темам и образам жанровой живописи, сохранив стилистические особенности, свойственные «большому стилю».

Изменение тематики картин сопровождалось трансформацией идеологических установок, регулировавших развитие социалистического реализма в целом. В послевоенные годы в советском искусстве, в частности, в живописи, сложилось представление о том, что художественное изображение построения социализма не следует сводить лишь к темам революции, войны и партийного строительства. Реальная жизнь большинства простых советских людей выходила за границы этих сфер. Таким образом, перед художниками встала задача показать, каким образом борьба за социализм проявляется в повседневной жизни или, наоборот, в каких моментах повседневной жизни проявляются социалистические идеалы и каким образом она (или её изменения) свидетельствует о торжестве социализма и успехах социалистического строительства.

Данные тенденции в советской живописи 1950-х гг. предопределили появление в ней как «школьной тематики», так и тематики, связанной с изображением советского быта (например, семьи и труда). Подобные темы, условно говоря, «уменьшили» «большой стиль» за счёт сокращения масштаба изображаемых событий, изменив тем самым «оптику» творческого взгляда советских художников. Картины этого периода изображали уже не судьбоносные для страны события, но эпизоды жизни отдельного человека или коллектива.

Живопись социалистического реализма обойдена вниманием специалистов в области культуральных и визуальных исследований незаслуженно, поскольку она репрезентирует множество явлений, важных для понимания советской культуры и процессов, происходивших в советском обществе. Соцреализм представляет собой в первую очередь визуальную репрезентацию политического проекта, каковым и являлся Советский Союз [Добренко, 2007]. Изучение советской живописи (как и соцреализма в целом) с точки зрения культуральной теории позволяет выявить взаимосвязь художественных и культурно-политических феноменов и стратегий. Одной из форм, воплощающих эту связь,

являются образы социалистического строительства. Наиболее распространённой в советском послевоенном искусстве темой стала тема труда, нас же будет интересовать другой вариант художественной репрезентации данных образов. Среди многочисленных тем и сюжетов, посвящённых построению нового общества, мы в данном исследовании выделяем те, что изображают детей в школе, отражая специфику советской школы как пространства образования и социализации. Подобная живопись, как и многие другие произведения социалистического реализма, также показывает советского человека в процессе построения социализма, используя при этом ряд специфических стратегий, установить которые и призвана данная работа.

Мы предполагаем, что ни один из сюжетов в художественной традиции социалистического реализма не является случайным, и каждый из них, таким образом, выполнял определённую роль в советской идеологической системе, транслируя социально значимые культурные смыслы. Это предположение позволяет нам сформулировать цель исследования, которая состоит в выявлении функций, которые в конце 1940-х–начале 1950-х гг. выполняла советская живопись, посвящённая школе. Новизна данного исследования состоит в том, что в нём впервые в методологических границах культуральных исследований проанализирована группа тематически близких произведений, позволяющих говорить о проблематике, ставшей канонической для советского искусства 1950-х гг.

Результаты анализа эмпирического материала

Из доступных произведений советской живописи интересующего нас периода были выделены те, в пространстве которых «школа» присутствует явно или неявно. Соответствующий контекст может быть задан набором знаков или названием картины, которое определяет способ её интерпретации и позволяет выявить присутствие «школьной тематики». Конечно же, семиотический метод позволяет практически каждую из рассмотренных нами картин проанализировать более подробно. Нами, однако, были проинтерпретированы лишь сюжеты картин, то есть набор персонажей и ситуация, в которой они находятся. В результате проведённого анализа нам удалось выделить несколько важных функций, реализация которых определила появление ряда сюжетов, распространённых в «школьной живописи».

1. Репрезентация коммунистической идеологии в духе «большого стиля».

В конце 40-х–начале 50-х гг. (конец «сталинской» эпохи) в «школьной живописи» получила широкое распространение тема, связанная с политико-идеологической деятельностью в школе или, точнее, с вовлечением школьников в политическую жизнь страны. К этой тематической группе относятся картины, где изображены характерные для СССР идеологические мероприятия и ритуалы, в частности, приём в пионеры (И.А. Тихий «Приём в пионеры» (1953)) или в комсомол (С.А. Григорьев «Приём в комсомол» (1949)), а также иные формы групповой пионерской деятельности (Н.Я. Беляев «Счастливые» (1949), В.К. Жолток «Китайские пионеры в гостях у минских пионеров» (нач.1950-х)). К этой же группе относятся и живописные изображения героико-патриотических мероприятий, например, встречи с героями недавней войны (О.К. Терентьев «Герои в школе» (ок.1950)) или деятелями советского государства (неизв. художник «Буденный в Артеке» (ок. 1948)), а также иные формы политической активности школьников (неизв. художник «Пионеры в музее» (1950-е)). Данные картины лишь с некоторой долей условности можно отнести к живописи «большого стиля», как правило, в них отсутствуют реальные исторические события или персонажи, благодаря чему живопись приобретает абстрактный, обобщающий характер, «намекая» на абсолютную типичность изображаемых ситуаций.

2. Сакрализация или идеологизация школьного пространства.

Актуализация данной группы культурных смыслов осуществляется в ходе взаимодействия сфер «школьного» и «нешкольного» в пространстве картины.

Школа в СССР рассматривалась в качестве основного способа социализации [Беляева, Михайлин, 2015], что во многом было оправдано суровыми условиями послевоенного быта, приводившим к трудностям обеспечения адекватного воспитания в пространстве семьи [Фатеев, 2007, Маслинский, 2016]. Однако социалистический реализм изображает школу не просто как основной, но как идеальный механизм социализации, представляя её как лучшее, что есть у ребенка в его жизни, как перспективу, залог и надежду на светлое будущее (Н.Ф. Новиков «Новички» (1951)). Именно в школе каждый ребенок мог получить от советского социалистического государства то, что он, возможно, не получал в семье. Школа готовит ребенка к существованию не просто в новых социальных структурах, но в идеальных социальных структурах, являющихся основой для построения идеального будущего — коммунизма. Именно этим и объясняется то, что в соцреализме изображение школьной жизни становится фактором идеологического воздействия.

К наиболее важным сюжетам, несущим данную группу смыслов, мы можем отнести изображение игр и общения вне школьного пространства (Г.С. Малыгин «Первый урок» (1957), С.А. Григорьев «Пионерский галстук» (1957), В.М. Карпушевский «Рассказ первоклассника» (1957)), а также утренних сборов в школу (А.В. Волков «Первое сентября» (1951), А.И. Китаев «Первоклассница» (1950)). В этих картинах школа рассматривается как фактор, способствующий развитию лучших человеческих качеств. Школа, а затем и пионерская организация реализуют начальные этапы формирования качеств строителя коммунизма. Важным признаком этой группы сюжетов является то, что персонажами картин являются, в основном, школьники младших классов, для которых школа сохраняет определённую сакральность в силу отличия школьного жизненного уклада от семейного или дворового. Это присутствие двух укладов, миров, манифестируется также в сюжете картин, изображающих путь ученика или группы учеников от школы к дому (С.Я. Дунчев «В школу» (1954), Н.М. Позднеев «Из школы» (1958)).

3. Репрезентация «новой социальности» школьного пространства.

Важным является тот факт, что школа представляет собой социальное пространство, неотъемлемыми чертами которого были социальное давление и коллективная ответственность за поведение и результаты учёбы. Данные черты советской школы были актуализированы и в живописи, в сюжетах, изображающих, в частности, ситуации социального осуждения нарушителей школьной дисциплины (Г.С. Минский «Опоздали» (1950-е), А.Я. Леликов «Попались» (1955)).

Одним из новых для советской школы подходов в 1950-е становится так называемый индивидуальный подход к ученику, имевший своей задачей улучшение качества образования [Майофис, 2015: 67]. Реализация такого подхода к обучению стала возможной только благодаря активной деятельности учителей и пионервожатых, а присутствие их образов в «школьной живописи» во многом обусловлено внедрением данной образовательной методики. Образ педагога как нового социального актанта занимает важное место в «школьной живописи» и присутствует в ней не в форме портрета, но в виде ключевого персонажа картин, изображающих общение учеников с учителем (И.А. Владимиров «В женской школе» (конец 1940-х), Г.А. Малянтович «Новичок» (1951), Д.И. Пускин «Дополнительные занятия в школе» (сер. 1950-х)).

4. Демонстрация качеств, формируемых в советских школьниках.

Социализация школьников в условиях послевоенного социалистического строительства должна была выработать в них ряд новых качеств. Соответственно, целый ряд сюжетов рассматриваемых нами картин был посвящён тому, как и в каких ситуациях эти качества проявляются в ходе образовательного процесса и внешкольного общения. Среди наиболее значимых качеств выделим, прежде всего, чувство ответственности за себя и своих одноклассников, а также нетерпимость к тем, кто должной ответственности не

проявляет. Это качество раскрывается в сюжетах, изображающих непосредственно учебные занятия, уроки и экзамены (К.Г. Дорохов «Трудная задача» (1953), Л.Л. Луконина-Овчинникова «У доски» (1952)) и выполнение домашних заданий (Н.Н. Чесноков «Внуки» (1951), А.С. Ступин «Пионерка» (нач. 1950-х)). Вторым значимым качеством является уважение к старшим, что раскрывается в сюжетах, изображающих общение с членами семьи по поводу школы (А.П. Солодовников «Юный шахматист» (1951), Н.Н. Заболоцкий «Опять пятерка» (1954)) или с учителями (Н.И. Терещенко «Заслуженная учительница» (1953), Н.Л. Веселова «Награждённый учитель» (1950)). Следует отметить, что признаком социального авторитета представителя старшего поколения является не столько возраст или авторитет в семье школьника, сколько опыт участия в социалистическом строительстве или защите отечества. Соответственно, носителями социального авторитета могут выступать не только представители старших поколений семьи, но и персоны, предлагаемые советской идеологией в качестве образцов для подражания (герои войны, заслуженные труженики и т.п.) Третьим качеством, удостоившимся изображения в «школьной живописи», стало товарищество или взаимопомощь, представленные в виде сохранения общения одноклассников вне пространства школы (Л.Л. Скубко-Карпас «Интересная передача» (1952), А.Н. Кирчанов «У больной подруги» (1955)). И, наконец, выделим ещё одно качество, а именно готовность к производительному труду на благо страны, проявлявшуюся у школьников на уроках труда (Н.М. Виноградов «Урок труда» (конец 1940-х), П.С. Мухин «Урок труда» (1950), Г.С. Верейский «Урок труда в школе для девочек» (1955)).

Как показал проведённый анализ, выделенные функции «школьной живописи» соцреализма обусловлены социокультурным статусом школы в СССР, где и образование, и художественное творчество служили единому проекту построения социалистического будущего. Лишь подробное рассмотрение школы как социокультурного проекта позволяет нам воссоздать контекст интерпретации рассмотренных произведений.

Советская школа как образовательный, социальный и политический проект

Чтобы понять принципы создания и интерпретации советской «школьной живописи», следует охарактеризовать систему отношений, при помощи которых советская школа (как и детство в целом) была встроена в социально-политическую систему социализма. В современной социальной антропологии и культуральных исследованиях данной проблеме посвящено значительное количество работ [Антропология, 2010; Димке, 2012; Келли, 2004; Кукулин, 2015]. Детство как особое социальное явление и особенности его понимания в советской культуре рассмотрено, в частности, в книге Д. Димке [Димке, 2012]. Для адекватного понимания статуса советской школы как особого социального института важно выделить, как минимум, две черты, характеризующие отношение к детству в советскую эпоху:

– среди задач советского общества (как и прочих утопических и героических сообществ) можно выделить антропологическую задачу, связанную с формированием «нового человека», настоящего строителя социализма;

– ребенок рассматривался как партнёр, помощник взрослых в деле построения социализма, его главное жизненное предназначение сводилось к тому, чтобы превратиться в «нового человека», а его ежедневные задачи состояли в оказании посильной помощи взрослым в деле создания нового общества.

Это во многом объясняет, почему советское государство возложило задачу формирования новых поколений лояльных граждан [Келли, 2004: 117] на школу как специфическое образовательное и социализирующее пространство. Советские педагогические технологии должны были способствовать скорейшему формированию «нового человека», что вызвало к жизни целый ряд практик и ритуалов, использовавшихся в социальном пространстве

советской школы. Именно школа стала институтом, ответственным за формирование у ребёнка качеств, необходимых для полноценного участия в строительстве нового общества, прежде всего, в труде, защите Отечества и т.д. Семья же была ориентирована на формирование антропологических характеристик, определённых, прежде всего, гендерными ролями и в гораздо меньшей степени обусловленных социалистическими идеалами.

В результате выполнения поставленных перед советской школой задач новое поколение школьников должно было приобрести ряд качеств, необходимых для успешного формирования «нового человека» на последующих стадиях социализации. И.В. Кукулин отмечает [Кукулин, 2015: 165], что в 1949 г. журнал «Семья и школа» опубликовал ряд редакционных статей, имевших схожие названия: «Воспитание выносливости», «Воспитание мужества», «Воспитание целеустремленности», «Воспитание чувства долга», «Воспитание коммунистического отношения к труду и к общественной собственности». В контексте данных ожиданий следует рассматривать и требования, связанные с самодисциплиной советских школьников [Кукулин, 2015: 172], к которой относилось не только примерное поведение, но и отличная учёба. Именно отсутствие самодисциплины, а не какие-либо иные причины, внешние или внутренние, считалось истоком плохой успеваемости. Таким образом, в конце 1940-х гг. в отечественной образовательной модели сложилось представление, что необходимые свойства личности школьника формируются не в борьбе с врагами, тяготами жизни или враждебным социумом, а в преодолении собственных недостатков. Качества, выработанные в детстве, должны помочь индивиду в дальнейшей, более сложной, борьбе с более серьёзными противниками. И, как было показано выше, школьная живопись, в ряде своих сюжетов рассматривает пути формирования этих качеств, а также результаты, к которым приводит их успешное (в той или иной степени) развитие.

Официальная история первых десятилетий советской страны говорила о том, что советские дети имели возможность участвовать в строительстве нового общества наравне со взрослыми. Советская «агиография» сообщает нам, что школьник может выступать и как борец с контрреволюцией (например, Павлик Морозов [Кукулин, 2015: 154-157]), и как защитник отечества (пионеры-герои Великой Отечественной войны). Однако в советской живописи 1940-х–1950-х гг. эти образы использовались достаточно редко. Победа в Великой Отечественной войне стала завершением революционно-героического периода советской истории, что и сделало возможным появление новых персонажей живописи, узнаваемых советскими детьми и близких им. На картинах послевоенного периода советские школьники борются уже не с врагами революции или с фашистскими захватчиками, они способствуют скорейшему построению коммунизма своей отличной учёбой и совершенствованием личных качеств, что, однако, также требует ежедневных усилий и борьбы.

Ряд авторов полагает, что советская система образования успешно выполняла поставленные задачи. Так, К. Келли отмечает: советская школа была более эффективна по сравнению с иными социальными институтами именно как «советское» учреждение, как пространство реализации новых социальных идей [Келли, 2004: 149]. Она в большей мере сумела реализовать идеологические постулаты, декларируемые советским государством, а система нелегитимных социальных отношений, основанных на знакомствах и родственных связях, имела в школьном образовании относительно несущественное влияние. По этой причине сюжеты, созданные по канонам «большого стиля» и посвящённые идеологизированным ритуалам и практикам пионерской жизни, вполне адекватно отражали реалии школьной жизни и получили столь большое распространение. Ещё один интересный, хотя и не столь распространённый, сюжет «школьной живописи» был посвящён борьбе школьников, пионеров и комсомольцев, с миром взрослых, поведение и принципы

УДК 008. 75.03. 930.85

которых были несовместимы с коммунистическими идеалами (А.А. Горская «Пионерский контроль» (1952)).

Для адекватного понимания закономерностей репрезентации советской школы в искусстве необходимо также учитывать технологии коллективного воспитания. Школьный класс рассматривается не только как учебная, но и как социальная единица со своей структурой, основанной на пионерской иерархии и направленной на обеспечение коллективного воздействия на индивидов и формирование их коллективной ответственности. К началу 1950-х гг. разнообразные формы социального давления со стороны детей на своих же одноклассников становятся сложившейся системой [Маслинский, 2015: 83]. Подобное давление было направлено, прежде всего, на поддержание учебной дисциплины, что и нашло отражение в произведениях, репрезентировавших «новую социальность» школьного пространства. Кроме уже упомянутых работ Г.С. Минского и А.Я. Леликова данной теме посвящена, например, картина А.А. Хмельницкого «Опоздал» (1951). Высокий символический статус будущего строителя нового общества стал одним из условий, обеспечивших легитимность детского коллектива как агента поддержания школьной дисциплины [Маслинский, 2015: 80] и важнейшую роль в этом сыграла пионерская организация. Как отмечает К. Келли [Келли, 2004: 140], сами ученики, по крайней мере, опосредованным способом, копировали авторитарные структуры, которые были широко распространены в СССР (С.А. Григорьев «Обсуждение двойки» (1951)).

Выводы

После окончания Великой Отечественной войны социалистический реализм претерпел существенные изменения. Большее распространение получили образы мирной жизни и социалистического быта, что привнесло в данное направление, ранее абсолютно политизированное и героизированное, темы и образы жанровой живописи.

Появление и развитие «школьной» живописи в конце 1940-х–начале 1950-х гг. было обусловлено тотальным характером советской культуры, когда педагогические новации сопровождались изменениями в художественно-творческих стратегиях. В 1950 г. перед советским искусством была поставлена задача изображать школу как решающий фактор воспитания детей в духе коммунизма [Фатеев, 2007: 150]. Необходимость новых форм внедрения идеологического содержания в образовательный процесс выразилась в дидактико-воспитательном характере ряда живописных произведений, ориентированных в первую очередь на школьную аудиторию. Кроме того, педагогические новации и новые задачи, поставленные перед школой, также способствовали появлению новых сюжетов в советской живописи. Однако, несмотря на изменение тематики, стилистические особенности советской живописи, характерные для её «большого стиля», остались прежними.

В научной литературе поднимается вопрос о правомерности выделения искусства, посвящённого школе, в самостоятельный жанр. Можно предположить, что так называемое «школьное искусство» является лишь вариантом того тематического направления, которое связано с художественной репрезентацией детства в целом. Однако тот факт, что советское детство было невозможным без школьного опыта его проживания, делает такое предположение неверным. Анализируя советское «школьное кино» 1950-х гг., Г.А. Беляева и В.Ю. Михайлин обосновывают следующий тезис: поскольку в отечественной педагогической модели ребёнок получает опыт социализации одновременно в семье и школе, последняя становится «второй семьёй», но при этом более авторитетной [Беляева, Михайлин, 2015]. Согласно этой точке зрения, в семье ребёнок может получить отрицательный социальный опыт; в школе подобная ситуация невозможна. Такой подход позволяет рассматривать школу как доминирующую (над семьёй) «матрицу» детства. Соответственно, в рассматриваемый период в подавляющем большинстве живописных

произведений, посвящённых детству, изображалась именно школа и связанные с нею отношения.

Г.А. Беляева и В.Ю. Михайлин отличают [Беляева, Михайлин, 2015] жанр «школьного кино», сформировавшийся в СССР в начале 1960-х гг., от обычных фильмов, посвящённых школе и школьникам и выходивших на советские киноэкраны с 1930-х по конец 1950-х гг. В нашей статье мы не ставили вопрос о формировании самостоятельного жанра «школьной» живописи, говоря лишь о специфической тематической группе сюжетов внутри живописи социалистического реализма.

В советском искусстве и, в частности, в живописи школа изображается как позитивный опыт и важное достижение социалистического строительства: она показана и как прямой результат заботы советской власти о детях, и как «школа социализма» для подрастающего поколения, и как механизм воспитания человека с новыми, «правильными», качествами. Она представляет собою пространство, где ребёнок, преодолевая трагические последствия недавней войны, получает возможность стать настоящим строителем нового общества. Такое представление о школе существовало в советском искусстве относительно недолго. Едва ли не все сформировавшиеся в 1950-е гг. сюжеты «школьной» живописи (кроме, пожалуй, портрета школьника) практически исчезли в годы оттепели, когда школа перестала быть основным социализирующим фактором, вернув семье значительную часть воспитательных функций. Соответственно, расцвет «семейной» тематики в советской живописи пришёлся именно на 1960-е гг. В рассмотренное же нами десятилетие от живописи требовалось изображение публичного социального пространства, а не пространства приватности, каковым семья и представлялась. В 1960-е гг. школа стала рассматриваться в педагогике и изображаться в искусстве как пространство формирования уже не строителя социализма, но личности, то есть более традиционной (устоявшейся) антропологической категории, что и привело к появлению новых художественных стратегий, требующих отдельного исследования.

SCHOOL IN THE SOVIET PAINTING OF THE 1950s: PICTORIAL REPRESENTATION OF IDEOLOGICAL STRATEGIES

O.V. Bezzubova, P.A. Dvoinikova, A.V. Smirnov

Olga V. Bezzubova — PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy, Saint-Petersburg Mining University. 199106, Saint-Petersburg, Vasilievsky Island, 21st Line, 2. E-mail: bezzubova_olga@mail.ru

Polina A. Dvoinikova — Student of the Institute of Philosophy, St. Petersburg University. 199034, Saint-Petersburg, University Emb., 7-9. E-mail: apolioinikova@gmail.com

Aleksey V. Smirnov — Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor of the Department of Cultural Science, Philosophy of Culture and Esthetics, Institute of Philosophy, St. Petersburg University. 199034, Saint-Petersburg, University Emb., 7-9. E-mail: darapti@mail.ru

Bezzubova O.V., Dvoinikova P.A., Smirnov A.V. 2020. School in the Soviet Painting of the 1950s: Pictorial Representation of Ideological Strategies. *Concept: Philosophy, Religion, Culture.* Vol. 4. No 4. P. 158–169. https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-158-169

Received: 21.07.2020. Accepted: 05.11.2020.

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Abstract. The main issue the paper concerns is the theoretical and cultural interpretation of the 1940-1950s social realist art depicting the Soviet school. The study advocates for a closer attention of cultural studies to the intertwining phenomena of Soviet mundanity and politically-charged painting. Hypothetically, the interconnection could be attributed to the transformation of the Soviet culture as a whole, with the pedagogical model of Soviet school as one key institutional elements. As Soviet art represented the state political project, each topic and body served some ideological needs. Thus, the paper aims at clarifying the cultural functions school art played. The analysis is dedicated to the post-WW2 canvases, to the period of the late 1940s–1950s in particular due to the basic shifts in socialist realist painting both in terms of form and essence, which paralleled social and political transformations.

The visual studies' approach to artistic objects adopted by the authors serves as methodological contribution to cultural studies closely connected to political history, as it highlights the ideological sources of Soviet school painting and implicit pedagogical strategies designed to implement the Soviet social policy. The article provides the examples of the most significant paintings concerning the issue.

The study has revealed that the era of school art combined a significant feature of early Soviet art – monumental pathos (however, deprived of motifs connected with the Great patriotic war and the 1917 revolution) – with micro-level mundane topics, mostly labour episodes. What is particular about school as such a topic is the role this institution played in the Soviet anthropologic project. As early stages of education are proved to be the most efficient in accelerating a new type of a socialist person, a future Soviet worker, the school realm was the base of value and practices indoctrination.

The state policy translated the societal needs and purposes into the art. Having examined the key ideological concepts of the Soviet culture being inherent in Soviet school painting, certain functions were discovered. School is firstly depicted just as a background of state apotheosis. Secondly, it is perceived as a sacral locus where one becomes a Soviet person is both rituals and practices. Thirdly, school art is used to explain the novel principles of constructing a new person – personal approaches combined with growing group responsibility. And, finally, all that contributes to depicting the character traits which pupils was supposed to develop at school.

Keywords: Soviet art, socialist realism, Soviet culture, Soviet painting, Soviet school, children in art, Soviet everyday life.

References:

Bassin M. 2008. The Morning of Our Motherland: Fyodor Shurpin's Portrait of Stalin. *Picturing Russia: Exploration in Visual Culture.* New Haven, Connecticut: Yale University Press. Pp. 214-217. https://doi.org/10.2307/j.ctt5vm1n6.46

Clark K. 1981. *The Soviet Novel. History as Ritual.* Chicago: University of Chicago Press. 293 p.

Holtz W. 1993. Allegory and Iconography in Socialist Realism Painting. *Art of the Soviets: Painting, Sculpture, and Architecture in One-Party State, 1917 – 1992.* Manchester: Manchester University Press. Pp. 73-85.

Oushakine S.A. 2019. Machines, Nations, and Faciality: Cultivating Mental Eyes in Soviet Books for Children. *The Oxford Handbook of Communist Visual Cultures.* Oxford: Oxford University Press. Pp. 157-196. https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190885533.013.16

Rose G. 2016. *Visual Methodologies: An introduction to Researching with Visual Materials.* London: Sage. 456 p.

Andreeva E.Iu. 2019. Trud i perekur v iskusstve SSSR 1940-kh–nachala 1960-kh godov [Work and a Smoke Break in the Art of the USSR from the 1940s through the Early 1960s]. *The Logos Journal.* 1. Pp. 233-242. https://doi.org/10.22394/0869-5377-2019-1-233-241 (In Russian).

Antropologiia sovetskoi shkoly: Kul'turnye universalii i provintsial'nye praktiki [Anthropology of the Soviet School: Cultural Universals and Provincial Practices]. 2010. Perm: Izd-vo Permskogo gos. un-ta. 301 p. (In Russian).

Beliaeva G.A., Mikhailin V.Iu. 2015. Sovetskoe shkol'noe kino: rozhdenie zhanra [Soviet School Films: the Birth of the Genre]. *Ostrova Utopii. Pedagogicheskoe i sotsial'noe proektirovanie poslevoennoi shkoly (1940-1980-e).* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. Pp. 549-596 (In Russian).

Bonnell V. 2009. Reprezentatsiia zhenshchiny v rannikh sovetskikh plakatakh [Female Representation in Early Soviet Posters]. *Vizual'naia antropologiia: rezhimy vidimosti pri sotsializme*. Moscow: OOO "Variant", TsSPGI. Pp. 245-271 (In Russian).

Dimke D.V. 2012. Detstvo vnutri utopicheskikh proektov: kontseptsiia i tekhnologii [Childhood within utopic societies: concepts and technologies]. Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 1. Pp. 11-23 (In Russian).

Dobrenko E.A. 2007. *Politicheskaia ekonomiia sotsrealizma* [Political Economy of Socialist Realism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 592 p. (In Russian).

Fateev A.V. 2007. *Stalinizm i detskaia literatura v politike nomenklatury SSSR* [Stalinism and Children's Literature in the Politics of the USSR Nomenclature]. Moscow: MAKS-PRESS. 347 p. (In Russian).

Golomshtok I.N. 1994. *Totalitarnoe iskusstvo* [Totalitarian Art]. Moscow: Galart. 296 p. (In Russian).

Groys B. 1993. Stil' Stalin [Stalin Style]. *Utopiia i obmen*. Moscow: Znak. Pp. 11-112 (In Russian).

Iankovskaia G.A. 2008. "Obaianie" banal'nosti. Sovetskaia povsednevnost' v izobrazitel'nom iskusstve 1940–1950-kh gg. [The "Charm" of Banality. Soviet Everyday Life in the Visual Arts of the 1940s–1950s]. *Ochevidnaia istoriia. Problemy vizual'noi istorii Rossii XX stoletiia*. Chelyabinsk: Kamennyi poias. Pp. 427-436 (In Russian).

Kelly C. 2004. Shkol'nyi val's: povsednevnaia zhizn' sovetskoi shkoly v poststalinskoe vremia ['The School Waltz': The Everyday Life of the Post-Stalinist Soviet Classroom]. *Forum for Anthropology and Culture*. 1. Pp. 104-155 (In Russian).

Khasyanov O.R., Kabytov P.S., Galimova L.N. 2019. Khudozhestvennoe nasledie A. A. Plastova kak vizual'nyi istochnik po istorii kolkhoznoi derevni perioda stalinizma [The Artistic Heritage of A.A. Plastov as a Visual Source on the History of the Collective Farm Village of the Period of Stalinism]. *Nauchnyi dialog*. 11. Pp. 457–470. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-11-457-470 (In Russian).

Kukulin I.V. 2015. "Vospitanie voli" v sovetskoi psikhologii i detskaia literatura kontsa 1940-kh–nachala 1950-kh godov ["Training of Will" in Soviet Psychology and Children's Literature of the Late 1940s–Early 1950s]. *Ostrova Utopii. Pedagogicheskoe i sotsial'noe proektirovanie poslevoennoi shkoly (1940-1980-e)*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. P. 152-190 (In Russian).

Mayofis M. 2015. Predvestiia "ottepeli" v sovetskoi shkol'noi politike pozdnestalinskogo vremeni [Premiss of the "Thaw" in the Soviet School Policy of the Late Stalin Era]. Ostrova utopii. Pedagogicheskoe i sotsial'noe proektirovanie poslevoennoi shkoly (1940-1980-e). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. P. 35-106 (In Russian).

Maslinsky K. 2016. Istoki pionerskoi distsipliny: otmena i vozvrashchenie nakazanii v sovetskoi shkole [The Beginings of Pioneer discipline: the Absolition and Restoration of Punishments in Soviet School]. History of Education Journal. 4. Pp. 76-85. https://doi.org/10.17853/2304-1242-2016-4 (In Russian).

Papernyi V.Z. 1985. *Kul'tura "Dva"* [Culture Two]. Ann Arbor (Mich): Ardis. 338 p. (In Russian).

Strukov V. 2013. Lokot' — rychag sotsializma: vizual'nye strategii sovetskoi industrializatsii [Elbow — the Lever of Socialism: Visual Strategies of Soviet Industrialization]. *Fashion Theory: The Journal of Dress, Body & Culture*. No. 1. P. 173-196 (In Russian).

Список литературы на русском языке

Андреева Е.Ю. 2019. Труд и перекур в искусстве СССР 1940-х–начала 1960-х годов. *Логос*. 29 (1). С. 233-242. https://doi.org/10.22394/0869-5377-2019-1-233-241

Антропология советской школы: Культурные универсалии и провинциальные практики. 2010. Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та. 301 с.

Беляева Г.А., Михайлин В.Ю. 2015. Советское школьное кино: рождение жанра. *Острова Утопии. Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940—1980-е)*. Москва: Новое литературное обозрение. С. 549-596.

Боннелл В. 2009. Репрезентация женщины в ранних советских плакатах. *Визуальная антропология: режимы видимости при социализме*. Москва: ООО «Вариант», ЦСПГИ. С. 245-271.

Голомшток И.Н. 1994. *Тоталитарное искусство*. Москва: Галарт. 296 с.

Гройс Б. 1993. Стиль Сталин. *Утопия и обмен.* Москва: Знак. С. 11-112.

Димке Д.В. 2012. Детство внутри утопических проектов: концепция и технологии. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология.* № 1 (17). С. 11-23.

Добренко Е.А. 2007. *Политическая экономия соцреализма.* Москва: Новое литературное обозрение. 592 с.

Келли К. 2004. Школьный вальс: повседневная жизнь советской школы в постсталинское время. *Антропологический форум.* № 1. С. 104-155.

Кукулин И.В. 2015. «Воспитание воли» в советской психологии и детская литература конца 1940-х–начала 1950-х годов. *Острова Утопии. Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940—1980-е).* Москва: Новое литературное обозрение. С. 152-190.

Майофис М.Л. 2015. Предвестия «оттепели» в советской школьной политике позднесталинского времени. *Острова Утопии. Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940—1980-е).* Москва: Новое литературное обозрение. С. 35-106.

Маслинский К.А. 2016. Истоки пионерской дисциплины: отмена и возвращение наказаний в советской школе. *Историко-педагогический журнал.* № 4. С. 76-85. https://doi.org/10.17853/2304-1242-2016-4

Паперный В.З. 1985. *Культура «Два».* Ann Arbor (Mich): Ardis. 338 с.

Струков В. 2013. Локоть – рычаг социализма: визуальные стратегии советской индустриализации. *Теория моды: одежда, тело, культура.* № 1. С. 173-196.

Фатеев А.В. 2007. *Сталинизм и детская литература в политике номенклатуры СССР.* Москва: МАКС-ПРЕСС. 347 с.

Хасянов О.Р., Кабытов П.С., Галимова Л.Н. 2019. Художественное наследие А.А. Пластова как визуальный источник по истории колхозной деревни периода сталинизма. *Научный диалог.* № 11. С. 457-470. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-11-457-470

Янковская Г.А. 2008. «Обаяние» банальности. Советская повседневность в изобразительном искусстве 1940–1950-х гг. *Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия.* Челябинск: Каменный пояс. С. 427-436.

https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-170-171

ПО КАКОМУ ПУТИ ПОЙДЁТ КАТАЛОНИЯ?

Н.Е. Аникеева

Аникеева Наталья Евгеньевна — доктор исторических наук, профессор кафедры Истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.
E-mail: anikeevan@yandex.ru

Рецензия на книгу: Tamames R.G. 2018. *¿Adónde vas Cataluña? Cómo salir del laberinto independentista.* Barcelona: Ediciones Peninsula. 434 p.

Книга Рамона Тамамеса под названием «Куда ты идёшь, Каталония? Как выйти из лабиринта сепаратизма» была издана в Барселоне в 2018 г. Тамамес — известный испанский исследователь. Он родился в 1933 г. в Мадриде. Учился в Мадридском Университете Комплутенсе и Лондонской экономической школе. Является доктором юридических и экономических наук, профессором Автономного университета Мадрида, автором многочисленных научных трудов, посвящённых проблемам испанской экономики, политики, философии, а также художественного романа «История Элио». С 1977 по 1981 гг. Тамамес — депутат Конгресса депутатов Испании от КПИ. Он участвовал в разработке и принятии текста действующей Конституции 1978 г. В 1989 г. Тамамес вступает в партию Демократический и Социальный Центр, но вскоре полностью уходит из политики. Затем он становится заместителем мэра Мадрида Тьерно Гальвана, консультантом Программы развития ООН и Института интеграции Латинской Америки. Тамамес всегда поддерживал идею европейской интеграции. С 1992 г. является членом престижного Римского клуба. В 1993 г. он был признан Комиссией ЕС профессором кафедры Жан Монне.

Монография «Куда ты идешь Каталония? Как выйти из лабиринта сепаратизма» была написана Тамамесом в 1976 г. Книга переиздавалась семь раз. Спустя 45 лет вышла в свет в обновлённом виде в 2018 г. Издание состоит из десяти частей, включая введение и заключение. Первая глава посвящена истории Каталонии с момента создания испанского Королевства в 1479 г. после объединения Кастилии и Арагона. Во второй части рассматривается период правления династии Бурбонов в Испании в 1700 г., начиная с короля Филиппа V . Третья глава называется «История Каталонии в XIX–XX вв.». Четвёртый раздел посвящён «каталонскому вопросу» в Испании после принятия Конституции 1978 г. и выстраиванию отношений между Мадридом и Барселоной по линии «центр-регион». В следующей главе был изучен опыт сепаратизма в Канаде на примере провинции Квебек. В шестой части рассмотрены основные тенденции, которые стали доминировать в каталонском движении за независимость после прихода к власти националистических партий в 2012 г. Дальнейшая хронология событий

в Каталонии освещается в седьмой и восьмой главах представленного издания и доведена до конца 2017 г.

В девятом заключительном разделе книги Рамон Тамамес подводит итоги своего исследования, а также рассматривает основные этапы каталонского кризиса в период с 2004 по 2017 гг. Занимаясь изучением истории данного вопроса много лет, Тамамес приходит к выводу о том, что «отделение Каталонии от Испании и выход из Европейского Союза невозможны». Поэтому «попытки экс-главы Женералитета Каталонии Карлеса Пучдемона отсоединить эту автономию от всей страны в результате проведения нелегитимного референдума о независимости в 2017 г. абсурдны».

При написании данной работы Тамамесом были использованы материалы Министерства иностранных дел и международного сотрудничества Испании, Конгресса депутатов, посвящённые каталонской проблематике, а также труды известных испанских учёных и философов, таких как Х. Альварес Хунко, Х. Висенс Вивес, Х. Ортега-и-Гассет, В. Прего и др.

В заключении рецензии необходимо отметить, что о взаимной зависимости Барселоны и Мадрида свидетельствует и недавнее развитие событий в Испании, в связи с пандемией коронавируса, которая привела к экономическому кризису и обострению многих внутриполитических проблем, включая сепаратизм.

Рецензируемое издание представляет собой научную ценность и имеет большое практическое значение. Оно будет полезным всем тем, кто интересуется проблемой каталонского сепаратизма в Испании, которая имеет глубокие исторические корни в стране.

WHICH WAY WILL CATALONIA GO?

N.E. Anikeeva

Natalya E. Anikeeva — Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of History and Politics of European and American Countries, MGIMO University. 119454, Moscow, prospect Vernadskogo, 76.
E-mail: anikeevan@yandex.ru

Book Review: Tamames R.G. 2018. *¿Adónde vas Cataluña? Cómo salir del laberinto independentista* [Where are you Going, Catalonia? How to Get out of the Labyrinth of Separatism]. Barcelona: Ediciones Peninsula. 434 p.

Abstract. Catalonia's historical fate, the peculiarities of regional history drawn against the background of relations with the Spanish capital and, thus, the Catalan separatism are the issues examined in Ramón Tamames' book that has appeared in its seventh edition in 2018. Showing both diachronic and comparative perspectives, the work of Prof. Tamames provides fruitful insights into modern traces of centuries-lasting complex, complicated, if not to say tense attitudes of the Spanish government to Barcelona and local visions of the central authority.

The new edition of the book embraces the nuances of this phenomenon in the period from the rise of the unified Spanish monarchy in 1479 up to the 2017 controversial independence referendum. According to the findings of Prof. Tamames, Catalonia's independence project lacks legitimacy in many ways and, consequently, is absurd. This issue is growing in importance now, in the wake of the coronavirus crisis shaking the precarious balance of Spain's center-region relations.

https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-172-173

«ИНТЕГРАЛЬНАЯ ДУХОВНОСТЬ» КЕНА УИЛБЕРА

А.Е. Уланова

Уланова Александра Евгеньевна — аспирант кафедры философии МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: aleksa.ulanova@yandex.ru

Рецензия на книгу: Уилбер К. 2020. Интегральная духовность. Новая роль религии в современном и постсовременном мире. Москва: ООО «Манн, Иванов и Фербер». 384 с.

В 2020 г. в издательстве «Манн, Иванов и Фербер» вышел перевод книги «Интегральная духовность» Кена Уилбера — американского философа и психолога, основоположника достаточно широко известного интегрального подхода. Работа посвящена переосмыслению роли духовности, веры и религии в мире настоящего и будущего.

Во введении автор приводит краткий обзор интегральной теории, которая подробно описана в более ранних произведениях «Око духа», «Интегральная психология» и др. В основе интегрального подхода лежит попытка выделить главное из опыта большинства человеческих культур и сформировать «интегральную карту» знания, применимую практически к любой сфере деятельности. Согласно К. Уилберу, данная карта состоит из пяти элементов: состояний, уровней, линий, типов и квадрантов. Под состояниями сознания понимаются бодрствование, сновидение и глубокий сон, под уровнями развития — стадии организации или сложности сознания, например, этапы становления личности при переходе от ребёнка ко взрослому. Линии развития — это когнитивная, межличностная, моральная, эмоциональная и эстетическая способности, формирование которых протекает у людей неравномерно и индивидуально, типы — горизонтальные признаки, выделяемые, к примеру, по типологии Майерс-Бриггс или через дихотомию «мужское»-«женское». Наконец, квадранты «я», «мы», «оно», «они» являются основой «интегральной карты» (или AQAL — *all quadrants, all levels*) и предполагают возможность рассмотрения любого события от первого, второго или третьего лица.

В десяти главах К. Уилбер системно применяет описанный выше интегральный подход ко многим сторонам духовности, рассматривая существующие в настоящее время методологии, философские и религиозные традиции, анализируя различные практические подходы к состояниям и стадиям сознания и пытаясь объединить западные и восточные, научные и медитативные стороны многообразных духовных систем, дополнить их друг другом для построения единой структуры, способной выдержать критику постмодерна, — интегральной постметафизики.

Несмотря на некоторую категоричность в подаче материала, нельзя не отметить эрудицию автора и его широкий взгляд на мировые религии, феноменологию, бихевиоризм, структурализм, йогу, медитацию, философию сознания, психофизиологию и многие другие сферы, которые К. Уилбер сопоставляет и, что самое важное, выстраивает в единое в различных «интегральных

картах». Подобная практикоориентированность даёт возможность не просто изучать, но и применять предложенный подход как в бизнесе, медицине или психологии, так и для поиска ответов на философские вопросы. К примеру, рассмотрение автором Великой цепи бытия А. Лавджоя, её раскрытие на AQAL-схеме различных религиозных традиций и предложенное переосмысление может быть использовано для решения особо актуальной проблемы «сознание-тело».

Безусловно, интегральный подход не полностью однозначен и не универсален, о чём, впрочем, говорит и сам К. Уилбер: «Интегральная карта — просто карта. Это не территория. Было бы очевидной ошибкой путать их» [Уилбер, 2020: 19]. Тем не менее, представляется, что данная книга может быть полезна тем, кто интересуется развитием холистического направления и современными подходами к духовности.

KEN WILBER'S *INTEGRAL SPIRITUALITY*

A.E. Ulanova

Aleksandra E. Ulanova — PhD-student of the Department of philosophy, MGIMO University. 119454, Moscow, prospect Vernadskogo, 76. E-mail: aleksa.ulanova@yandex.ru

Book Review: Wilber K. 2006. *Integral Spirituality:* A Startling New Role for Religion in the Modern and Postmodern World. Ramnagar, Kanhangad, Kerala: Integral Books. 313 p. (Russ. ed.: Wilber K. 2020. Integral'naia dukhovnost'. Novaia rol' religii v sovremennom i postsovremennom mire. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber. 384 p.).

Abstract. The book of Ken Wilber, a philosopher, psychologist and the founder of integral theory, is devoted to the role of spirituality, faith and religion nowadays and in the future. The author systematically applies the holist integral theory to many aspects of spirituality, considering modern methodologies and philosophical and religious traditions. He analyzes various practical approaches to the states and the stages of consciousness, views parallels and finds common ground between the Western and the Eastern, scientific and meditative branches of various spiritual systems, and complements them to build his own project – integral postmetaphysics – an area that, according to K. Wilber, can withstand the criticism of postmodernism.

Although the author sometimes presents the ideas in a rather partial manner, one should note his erudition and his broad outlook on world religions, phenomenology, behaviorism, structuralism, yoga, meditation, philosophy of mind, psychophysiology and many other spheres. Certainly, the integral theory is a sphere of philosophic analysis that tends to be ambiguous and not universal in application. As it is noted by K. Wilber: "An integral map is just a map. This is not a territory. It would be an obvious mistake to confuse them" [Wilber, 2006: 2]. Nevertheless, it seems that this book can be useful for those interested in the development of holism and modern approaches to spirituality.

References:

Wilber K. 2006. *Integral Spirituality: A Startling New Role for Religion in the Modern and Postmodern World.* Ramnagar, Kanhangad, Kerala: Integral Books. 313 p. (Russ. ed.: Wilber K. 2020. *Integral'naia dukhovnost'. Novaia rol' religii v sovremennom i postsovremennom mire.* Moscow: Mann, Ivanov i Ferber. 384 p.).

Список литературы на русском языке:

Уилбер К. 2020. Интегральная духовность. *Новая роль религии в современном и постсовременном мире.* М.: Манн, Иванов и Фербер. 384 с.

https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-174-177

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «VII КАМОЭНСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

М.С. Хван

Хван Мария Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент, заведующая секцией португальского языка и заместитель заведующего кафедрой романских языков (итальянского, португальского, латинского) им. Т.З. Черданцевой МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.
E-mail: maria_love_portugal@hotmail.com

1 ноября 2020 г. кафедра романского языкознания при Филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова провела Международную конференцию «VII Камоэнсовские чтения», посвящённую языку, литературе, культуре, истории стран португальского языка. Данная конференция, традиционно организуемая Филологическим факультетом, начиная с 1994 г., в этом году впервые прошла в дистанционном режиме. Тем не менее, данный факт ни в коей мере не отразился на масштабе конференции. Она продолжалась 11 часов, в течение которых было заслушано 30 докладов, подготовленных представителями ведущих научных и учебных центров Москвы и Санкт-Петербурга, а также лекторами из Португалии и Бразилии.

На открытии конференции с приветственной речью выступили заместитель декана по научной работе Филологического факультета МГУ, профессор Александрова Ольга Викторовна, а также первый секретарь посольства Бразилии в Москве, ответственный по культуре Алвару Галвани. Они подчеркнули важность проводимого мероприятия, его значимость для развития отношений России со странами португальского языка. А. Галвани от имени посольства Бразилии обещал оказывать поддержку любым российско-бразильским совместным проектам.

Работа конференции была поделена на три секции, которые шли одна за другой, с тем, чтобы все имели возможность послушать друг друга и обсудить представленные сообщения.

Тематика докладов была самая обширная: они были посвящены истории Португалии, Бразилии и стран португальской Африки, политическим и социальным процессам, происходящим в этих государствах, отдельным культурным феноменам, творческому наследию авторов, писавших на португальском языке. Немало сообщений касалось лингвистических аспектов: начиная от истории португальской лингвистики и особенностей португальского языка в его национальных вариантах и заканчивая грамматикой и лексикой.

К историческим докладам можно отнести выступление заведующего Центром исследований Юга Африки Института Африки РАН Токарева А.А. Поскольку в этом году отмечается 45 лет независимости таких бывших португальских колоний, как Ангола, Мозамбик, Кабо-Верде и Сан-Томе и Принсипи, его рассказ про борьбу за независимость в этих странах и их современное положение имел особую актуальность. Заведующая кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД Рос-

сии, профессор Окунева Л.С. представила доклад, посвящённый российско-бразильскому сотрудничеству на современном этапе, дала ему всестороннюю оценку. Исторические темы также были отображены в докладах: «Бразилия глазами первооткрывателей» (Коконова В., Университет Экс-Марсель, Франция); «(Не)состоявшееся плавание капитана Гоннвиля в Бразилию (1503–1505): взгляд из архива» (Окунева О.В., ИВИ РАН) и «Анонимный рассказ о плавании из Лиссабона к о. Сан Томе в итальянском переводе Дж. Б. Рамузио» (Жолудева Л.И., МГУ).

Про португальско-бразильские связи, стереотипы, которые существуют у португальцев и бразильцев в отношении друг друга, наличие или отсутствие у них ксенофобии, рассказала руководитель Центра культурологических исследований ИЛА РАН Константинова Н.С.

Культурологической проблематики касались сообщения «Португальская коррида и локальные тавромахические практики в Португалии» (Кабицкий М.Е., РГГУ, МГУ) и «A valorização da africanidade na cultura contemporânea portuguesa» — «Оценка африканского присутствия в современной португальской культуре» (Жуау К. Мендонса Жуау, лектор Института Камоэнса).

Большое количество сообщений было посвящено португалоязычной литературе. Это: «Творчество падре Антониу Виейры» (Овчаренко О.А., ИМЛИ РАН); «Античность в поэзии Софии де Мелло Брейнер Андресен» (Махортова В.А., МГЛУ); «Роль экзистенциализма в развитии португальской прозы XX в.» (Огнева Е.В., МГУ); «Семантика «изобретения» в художественном мире Ж. Собрала де Алмада Негрейруша» (Надъярных М.Ф., ИМЛИ РАН); «Португалия в текстах Луиша Кардозу (Восточный Тимор)» (Мазняк М.М., СПбГУ).

Истории португальского языка и португальской лингвистики касался доклад «Первые трактаты по истории языка (1606 г.) — цели и стратегии исторического описания: Д. Nunes de Leão ↔ B. de Aldrete», сделанный главным организатором конференции, заведующей кафедрой романского языкознания МГУ, профессором Косарик М.А. К этому же разделу относится выступление на тему: «У истоков португальской афористики», сделанное профессором кафедры иберо-романского языкознания МГУ Сапрыкиной О.А. И сюда же можно включить доклад «Особенности применения арабских букв tā’ (ت) и ẓā’ (ظ) для передачи звуков, обозначаемых латинской буквой t, в португальских рукописях на алжамии XVI в.» (Тихонова О.В., СПбГУ).

Социолингвистический и функционально-стилистический статус трёх морфосинтаксических моделей в бразильском варианте португальского языка был рассмотрен доцентом кафедры иберо-романского языкознания МГУ Гуревичем Д.Л.

Живой интерес слушателей вызвали сообщения, посвящённые многоязычию: «Есть ли будущее у галисийской языка?» (Гринина Е.А., МГИМО МИД России, Евдокимова А.А., МГЛУ); «Дикий portunhol в поэтическом дискурсе Латинской Америки» (Азарова Н.М., Бочавер С.Ю., ИЯ РАН); «Колониальная проблематика и феномен гибридной идентичности в португалоязычных текстах Гоа» (Кузнецова В.А., ИЛА РАН); «К вопросу о диглоссии в Макао» (Григорьева О.И., МГУ). Любопытно, что, по мнению докладчиков, в то время как в Латинской Америке в настоящее время происходит уход от бинарных моделей в сторону мультилингвизма (развиваются портуньол — смесь португальского и испанского языков — и гуараньол — смесь гуарани и испанского языка), то в других частях света, напротив, можно наблюдать исчезновение полиглоссии и переходных говоров. Так, например, в Галисии всё меньше людей говорит на галисийском языке, они делают выбор в пользу испанского языка.

Отдельные грамматические аспекты португальского языка были рассмотрены в докладах: «Специфика выражения малого количества в португальском языке» (Шершукова О.А., Дипломатическая академия МИД России) и «Производные португальского существительного terra в словарях и в корпусе» (Силкина И.А., МГУ).

Большое внимание также было уделено правилам перевода оригинальных профессионально ориентированных текстов общественно-политического содержания,

терминологии, используемой в процессе устного и письменного перевода. Так, заведующий кафедрой романских языков МГИМО МИД России, профессор Иванов Н.В. выступил с докладом «Референция и смысл в португальско-русском и русско-португальском переводе», в котором говорил о взаимосвязи смысла и предметных обозначений, о видах трансформации и интерпретации, о ситуативности в переводе. Доцент кафедры романской филологии СПбГУ Николаева Е.С. провела «Сравнительно-сопоставительный анализ текстов португальских и российских медиа (тема — Экономика в период постпандемии)».

А доценты кафедры испанского языка МГИМО МИД России Астахова Е.В. и кафедры романских языков МГИМО МИД России Петрова Г.В. и Хван М.С. представили внимаю присутствующих новый учебник по политпереводу «Португальский язык. Перевод и общественно-политическая лексика. Учебник. Уровни B2-C1», который они писали на протяжении шести лет. Целью учебника является как раз выработка основных компетенций специалиста-международника в области перевода, освоения общественно-политической лексики, активизации соответствующей терминологии и сведений политического характера на португальском языке.

Кроме того, был сделан доклад, посвящённый: «Проблеме перевода морской лексики с латинского на португальский язык на примере «Ars nautica», «Arte da guerra do mar», «Liuro da fabrica das naos» Ф. де Оливейры» (Архипов С.В., МГУПП).

Наконец, в отдельный блок хотелось бы выделить доклады, посвящённые португальским фразеологизмам: «Полисемия португальских фразеологизмов с компонентом-зоонимом: контекстуально обусловленные значения» (Кутьева М.В., МГЛУ); «Гастрономический код культуры в португальской фразеологии» (Мёд Н.Г., СПбГУ). Как известно, использование фразеологических оборотов характерно для языка прессы, публицистических текстов, выступлений политических деятелей. Их изучение является обязательным компонентом в процессе освоения навыков перевода. Именно поэтому последние сообщения не могли не привлечь внимание слушателей. Не менее занятным оказалось и выступление заведующего кафедрой романских языков Военного университета Министерства обороны Силина А.А. на тему «К вопросу о роли и месте зооморфов в португальском языке». Силин А.А. рассказал о том, каким образом зоонимы и зооморфы применяются в португальском языке не только при описании людей, но и для обозначения военной техники, в частности боевых летательных аппаратов.

Подводя итог, следует отметить, что конференция «VII Камоэнсовские чтения» оказалась очень увлекательным событием, на котором ведущие португалисты нашей страны имели возможность поделиться друг с другом своими знаниями и опытом, обменяться идеями, обсудить проблемы, существующие в странах португальского языка, и способы их решения. Главный организатор мероприятия Косарик М.А. с удовлетворением отметила, что в последнее время в «Камоэнсовких чтениях» принимает участие всё большее число молодых исследователей, а также предложила проводить конференцию не раз в два года, как это было ранее, а ежегодно. «Мы все члены одной большой семьи, и отрадно то, что наше дело живо», — заявила она.

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE *VII CAMÕES READINGS*

M.S. Khvan

Maria S. Khvan — PhD in History, Associate Professor, Head of the section of Portuguese and Deputy head of the Roman Languages Department (Italian, Portuguese and Latin), MGIMO University. 119454, Moscow, prospect Vernadskogo, 76. E-mail: maria_love_portugal@hotmail.com

Abstract. On November 1, 2020 Lomonosov Moscow State University welcomed the participants of *Camões Readings* for the seventh time – now via video conference. The biennial event was devoted to the history of Portugal, Brazil and the countries of the Portuguese-speaking Africa, political, cultural and social processes taking place in these regions, literature heritage of the authors who wrote in Portuguese and the aspects of the Portuguese linguistics. The event, organized by the MSU Faculty of Philology, saw participants, scholars and researches from such institutions as the Russian Foreign Ministry, the Embassy of Brazil in Moscow, five institutes of the Russian Academy of Sciences (Institute of Latin American Studies, Institute of World History, Institute of Linguistics, Gorki Institute of World Literature and Institute for African Studies), MGIMO University, Moscow State Linguistic University, Russian State University for the Humanities, Saint Petersburg State University and the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation. Foreign speakers from Instituto Camões, Portugal, Université de Provence Aix-Marseille I, France, and other organisations also took part. The contemporary situation in the bilateral Russia–Brazil dialogue, national and linguistic identity of the Portuguese-speaking regions, linguistic usages, the polyglottism–multilinguism dynamics and other topics of high interest were discussed. Among the thirty presentations several were dedicated to the historic landmark of the 45th anniversary of the independence of Angola, Mozambique, Cabo Verde and São Tomé and Príncipe. The conference concluded with common decision to hold such meetings once a year.

https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-178-180

ПОЛОЖЕНИЕ ЮЖНОКОРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ КАК МАРКЕР СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

М.Е. Осетрова

Осетрова Мария Евгеньевна — PhD in Korean Studies, доцент кафедры восточных языков Московского государственного лингвистического университета, старший научный сотрудник Центра корейских исследований ИДВ РАН. 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32, каб. 520. email: m.e.osetrova@gmail.com

Осетрова М.Е. 2020. Положение южнокорейской литературы в России как маркер современного состояния межкультурной коммуникации. *Концепт: философия, религия, культура*. Том 4. № 4. С. 178–180. https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-178-180

Статья поступила в редакцию: 02.11.2020. Принята к публикации: 19.11.2020.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

23 ноября 2020 г. в Бетховенском зале Большого театра были объявлены победители крупной российской литературной премии «Ясная Поляна». В номинации «Иностранная литература» выиграл роман британского автора Патрисии Данкер «Джеймс Миранда Барри», обойдя довольно много соперников: в длинном списке номинации числилось целых 36 произведений зарубежных авторов из 17 стран. Одним из них была книга южнокорейской писательницы Хан Ган «Вегетарианка», которая, однако, не смогла войти даже в короткий список, несмотря на то что номинировалась на премию уже во второй раз (первый раз книгу выдвинуло издательство АСТ в 2018 г.). В целом же на «Ясную Поляну» претендовало уже два южнокорейских автора: в 2019 г. ещё был роман известного корейского прозаика Ли Сыну «Тайная жизнь растений». И хотя премию спонсирует южнокорейская компания Самсунг, корейской литературе пока ещё только предстоит завоевать сердца как жюри «Ясной Поляны», так и российских читателей.

Действительно, до сих пор ещё ни одна корейская вещь не стала событием на русском книжном рынке. Количество произведений, доступных на русском языке, ежегодно растёт, составляя в настоящее время более сотни наименований. Постепенно улучшается и качество переводов. Тем не менее, на сегодняшний день известно о них в основном специалистам, а широкая публика больше интересуется корейским кино или телесериалами. Почему же корейские литераторы остаются в тени и явно уступают своим японским коллегам, которых в России знают и читают значительно больше? Такое положение можно объяснить несколькими причинами.

Во-первых, сама корейская литература имеет свой особый национальный колорит, свою специфику, которая не всегда понятна привыкшим к другим стандартам читателям. Это и мрачность тем, и вяз-

кость повествования, и неизменная тоска, и порой чрезмерная физиологичность, свойственные многим корейским произведениям. Объясняется это и национальными традициями, когда лишь преодоление трудностей считалось достойной темой для творчества. Да и исторический опыт XX в. давал мало поводов для легких, весёлых сюжетов, ведь нация насильно была разделена на два враждующих государства, пережила братоубийственную войну, восстанавливалась из руин через авторитарные режимы. Жизнь в сегодняшней Республике Корея тоже полна проблем: это и жесткая конкуренция в обществе, и конфликты старой морали и новых либеральных ценностей, и экономические сложности, и женский вопрос, и многое другое. Всё это не могло не наложить отпечаток и на корейскую словесность, превращая многие её произведения в хронику тягот и страданий, для которых у корейцев даже есть специальный термин «хан», означающий неизбывную тоску и гнев на судьбу и проявляющийся в самых разных сторонах корейской культуры.

Во-вторых, история появления южнокорейской литературы в России относительно коротка. Дипломатические отношения между нашими странами были заключены только в 1990 г., поэтому первые переводы произведений, написанных к югу от 38 параллели, стали доступны лишь в середине 1990-х гг. и в те годы их можно было пересчитать по пальцам. А до этого русские читатели знакомились в основном с книгами северокорейских авторов и классическими средневековыми вещами. Сегодня ситуация намного лучше: по-русски можно прочитать и стихи, и прозу, и детскую литературу (например, «Тайна Флоры» О Чжинвон, «Курочка, которая мечтала летать» Хван Сонми, «Леа и слон» Ким Сены), и женскую (Пак Вансо, О Чжонхи, Ким Эран). Переведены многие живые классики, такие как Ли Мунёль, Хван Согён, а также громкие новинки вроде «Пожалуйста, позаботься о маме» Син Гёнсук, «Семилетней ночи» Чон Ючжон или постмодернистских романов Ким Ёнха. И тем не менее, всё это пока лишь малые островки на карте наших культурных контактов, которые ещё не обросли плотными человеческими и институциональными связями, не породили общего поля смыслов и ассоциаций. Литературно Корея остаётся белым пятном для русского читателя, так же, как и наши современные писатели пока востребованы лишь среди корейских славистов. Возможно, пока прошло слишком мало времени для качественного прорыва. А, возможно, просто ещё не произошла встреча тех людей, которые попадут в ту единственно верную точку, где пересекутся российские и корейские литературные вкусы и темы.

Сегодня проходит немало мероприятий и проектов, где такая встреча может состоятся. Так, в сентябре 2020 г. Республика Корея была почётным гостем на Московской международной книжной ярмарке в Манеже, где был представлен совместная издательская серия «5+5». Для русских читателей были переведены и изданы пять корейских книг: сборник поэзии 20 века «Изумлённое сердце», «Империя света» Ким Ёнха, сборник рассказов Ли Мунёля «Вспышки воспоминаний», романы Чхве Мансика «В эпоху великого спокойствия» и Пан Хёнсока «Дом нашего будущего». Для корейских читателей стали доступны на родном языке сатирические вещи Ф.М. Достоевского, «Русский вопрос на рубеже веков» А.И. Солженицына, рассказы Юрия Казакова, романы «iPhuck 10» Виктора Пелевина и «Зулейха открывает глаза» Гузели Яхиной. Выбор произведений хорошо демонстрирует, с одной стороны, широкий спектр интересов переводчиков и издателей, а с другой, некоторую размытость в понимании тенденций читательских запросов и предпочтений. Всё это говорит о том, что мы пока мало знаем друг о друге и потому часто ориентируемся на стереотипические представления и стандартные схемы, что не способствует прогрессу нашей межкультурной коммуникации.

THE SITUATION WITH SOUTH KOREAN LITERATURE IN RUSSIA AS A MARKER OF THE CURRENT STATE OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

M.E. Osetrova

Maria E. Osetrova — PhD in Korean Studies, Associate Professor of the Department of Oriental Languages at Moscow State Linguistic University, Senior Research Fellow at the Center for Korean Studies, IFES RAS. 117997, Moscow, Nakhimovsky avenue, 32, office 520& E-mail: m.e.osetrova@gmail.com

Osetrova M.E. 2020. The Situation with South Korean Literature in Russia as a Marker of the Current State of Intercultural Communication. *Concept: Philosophy, Religion, Culture.* Vol. 4. No 4. P. 178–180. https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-178-180

Received: 02.11.2020. Accepted: 19.11.2020.

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Abstract. Modern literature – both as book industry and as an art – is a sphere that reflects general cultural and intercultural trends. Mutual interest and understanding between Moscow and Seoul, the Russians and the Koreans manifests itself in such cultural derivatives – in works of art, in translated books in particular. The *Yasnaya Polyana* literary prize awarded November 23, 2020, in Moscow once again brought into light the novel of a South Korean writer Han Kang, *The Vegetarian,* that, at the same time, received less attention than other foreign works. What is therefore observed is that, in the wider milieu of foreign literatures, the South Korean achieves modest success in Russia and vice versa. With many prominent authors and their works translated, market success and wide publicity of Korean authors and books is what is lacking at the current stage of cultural interactions. This could be caused by the genre specificities of contemporary South Korean literature, as dramatism and realism of everyday problems feature prominently in novels and other works. Historical tragedies and the difficult life of Korean society are unlikely to be the details inciting wide public interest in Russia. What also imperils the cultural dialogue in this field is the unsystematic choice of texts to be published abroad and translated, which can be attributed to Russian editorial houses. This concern is the major obstacle to promoting both Russian and Korean cultures. Consequently, the development of intercultural bonds between Russia and South Korea is to a certain degree hindered by mutual stereotypes and standard patterns.

КНИГИ МГИМО

История и культура Польши

История и культура Польши : учебник / Г.М. Лесная, С.П. Антоновский, В.В. Воротников ; под общей редакцией Г.М. Лесной ; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. — Москва : МГИМО-Университет, 2021. — 328, [1] с., [16] л. ил.

ISBN 978-5-9228-2327-2

В учебнике кратко, но максимально полно и доступно изложены основные сведения об истории и культуре Польши, дается представление о польской культуре, традициях и обычаях польского народа. Учебник состоит из двух частей, в которых история и культура Польши рассмотрены отдельно и в то же время в последовательных и взаимообусловленных связях. В первой части учебника описаны более чем десять веков польской истории, начиная с периода образования Польского государства и заканчивая современностью. Вторая часть посвящена проблемам истории польского языка и литературы, роли религии в польском обществе, а также влиянию культуры на формирование национального самосознания поляков.
Для студентов и аспирантов гуманитарных факультетов вузов, а также широкого круга читателей, интересующихся историей и культурой Польши.

Внешняя политика Петра I. Т.1

Внешняя политика Петра I : монография. В 3 т. Т. 1 : Русское Великое посольство (1697–1698 гг.) / Владимир Дегоев ; под ред. А.В. Серегина ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации. — Москва : МГИМО-Университет, 2019. — 616, [1] с.

ISBN 978-5-9228-2030-1 (т. 1)
ISBN 978-5-9228-2040-0

В первом томе монографии рассматривается одно из самых судьбоносных для России предприятий Петра I — русское Великое посольство (1697–1698 гг.). Автор, основываясь на методологии В.О. Ключевского, использовавшего такие познавательные инструменты, как «критика текстов» и «критика фактов», предвосхитившего то, что через много лет вернется в отечественную историческую науку в виде «новейшего» зарубежного изобретения — контент-анализа, обращается к внушительному массиву документов, порой содержащих уникальный материал. Такой подход подвел автора к мысли о необходимости более взыскательного исследования внешней политики и дипломатии Петра I: дело не только в корректировке некоторых оценок, считающихся общепринятыми, но и в нынешней международной ситуации, вольно или невольно актуализирующей тему «Россия и Запад» с ее глубоко противоречивым содержанием и поучительными уроками. Книга ориентирует на вдумчивый подход к хрестоматийным сюжетам и устоявшимся оценкам, профессиональное, неангажированное отношение к переломно-драматическим эпохам истории Отечества.
Для специалистов, занимающихся внешнеполитической проблематикой, магистрантов и аспирантов МГИМО МИД России.